

П О Э З И Я

Борис ОРЛОВ	«ГДЕ ТЫ, РУСЬ МОЯ РЖАНАЯ?..» (12+)	3
Михаил ШЕЛЕХОВ	«У БЕРЕЗОВОГО ВСТАНУ АЛТАРЯ...» (12+)	63
Зинаида ЯКОВЛЕВА	«ПОЕЗД, МЧАЩИЙСЯ В НИКУДА...» (12+)	89
Елена РОДЧЕНКОВА	«ЗЕМЛЯ, СОШЕДШАЯ С НЕБЕС...» (12+)	201

П Р О З А

Галина ТАЛАНОВА	БЕГ ПО КРАЮ, повесть (журнальный вариант) (16+)	5
Александр КОСТЮНИН	ПЕРЕЯРКИ, рассказ (16+)	54
Александр ВОРОНИН	НЕ ПЛАЧЬ, ДОЧКА!, рассказ (12+)	82
Антон ЛУКИН	АНТОШКА, повесть (12+)	91
Владимир РУДАК	ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ИДЕАЛЬНЫМ; ДУША «ХОНДЫ»; ИНТРО, рассказы (12+)	154

П Р О З А

Владимир ПРОНСКИЙ	СМЕРТНЫЙ БОЙ; ПЛАЧ ПО ЗОЛОТОЙ ЕЖЕВИКЕ, рассказы (12+)	190
--------------------------	---	-----

Ирина ЛЬВОВА	МОЯ ИСТОРИЯ (12+)	203
---------------------	-------------------	-----

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Евгений ЯНОЧКИН	КАК Я ПУТЕШЕСТВОВАЛ В ИНДИЮ, путевые заметки (12+)	65
------------------------	--	----

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Андрей РУДАЛЁВ	ЦИВИЛИЗАЦИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (12+)	79
-----------------------	---------------------------------------	----

М О Н П А Н С Ё

Андрей СУНГУРОВ	ПЕРВОПРОХОДЦЫ; «ПОКОЛБАСИЛСЯ!»; ПОДАРОК ДЛЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА; НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ; РОБИНЗОНУ ТРЕБУЕТСЯ ПЯТНИЦА, рассказы для детей (6+)	128
------------------------	--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей КАЗАКОВ	КЛЮЕВ – ЛЕНИНУ: «словесный гостинец из русского рая» (12+)	141
------------------------	--	-----

Литературный конкурс журнала «Север»

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ	«ЭТИ ЧУДНЫЕ УЗОРЫ ЗИМНИХ УЛИЦ...», стихи (12+)	147
--------------------------	--	-----

СЕВЕР

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Анатолий ПАРПАРА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГИ «МИНИПАРЫ» (миниатюры Парпары) (12+) **149**

Роберт ВИНОНЕН «НАС НЕ ЗАБУДУТ...» (12+) **175**

Елена КУБЛИ «ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА...» (12+) **226**

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Елена ДУБРОВИНА РЫЦАРЬ ЧЕРНОГО КРЕСТА (Иван Савин 1899 – 1927) (12+) **162**

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Вера ПАУДАНЕН «КУТАЮСЬ В ПЛАТОК НАДЕЖДЫ...», СТИХИ (12+) **173**

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Константин БЕЛОУСОВ ЛИНГВИСТ ≠ ФАШИСТ (дело о несостоявшемся процессе) (12+) **178**

ИСКУССТВО ЖИТЬ

Вениамин СЛЕПКОВ НЕ ЧИТАЮТ ДЕТИ? ЧИТАЙТЕ САМИ! (12+) **186**

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Вячеслав УМНЯГИН ВОСПОМИНАНИЯ ЭРАСТУСА – АПОЛОГИЯ В ЗАЩИТУ ГОНИМЫХ ХРИСТИАН (12+) **210**

Алексей ПЕТРОВ «СОЛОВКИ: ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ» (12+) **213**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Борис ЛУКИН ПРИВЕТЬ ИЗЪ ТОРЖКА (12+) **233**

Вениамин ЯШИН ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (12+) **237**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения редакции на затронутые темы.

За точность фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности платить авторский гонорар. Авторам высылаются журналы с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами, произведения которых не будут опубликованы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При использовании материалов, опубликованных в журнале, просим непременно ссылаться на «СЕВЕР».

☎ (8142)

гл. редактор 78 47 36

отв. секретарь. 78 47 36

отделы: 78 48 05

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Борис Александрович ОРЛОВ

родился в 1955 году в деревне Живетьево Ярославской обл.
Окончил Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского (1977) и Литературный институт имени А.М. Горького (1985).

Капитан 1-го ранга.

Автор 17 книг стихов.

Лауреат Большой литературной премии России, Всероссийской премии имени Николая Гумилева, Международной премии имени Сергея Михалкова и др.

* * *

Я люблю этот край, где родился и рос.
После гроз воздух — звонкий и пряный.
Льется русская речь белолицых берез
Молодую листвой на поляны.

Из-под радуги вымытых синих небес
Улыбается людям природа.
Расплескал птичьи песни полуденный лес,
И не надо душе перевода.

Предков речь замутить никому я не дам.
Речь светла, словно в избах — иконы,
Где над каждым селом возвышается храм
И плывут колокольные звоны.

Русский я! Не ищу иноземный уют.
Все мое — и ухабы, и кочки.
Если пляшут, так пляшут, поют, так поют
Вместе все, а не поодиночке.

Я люблю этот край, где родился и рос.
После гроз воздух — звонкий и пряный.
Льется русская речь белолицых берез
Молодую листвой на поляны.

* * *

Дым ползет от горящей ботвы.
Мы картошку печем. Ветви носим.
Золотистые вздохи листвы —
Словно тесто в квашне, дышит осень.

Теплый дым и прохлада земли.
Детский смех — непорочен и робок.

Борис ОРЛОВ
г. Москва

«Где ты,
Русь моя ржаная?..»

* * *

Где ты, Русь моя ржаная? Где овсяная?
На репейном сквозняке — баба пьяная.

А мужик ее давно спит на кладбище.
Ни коровы, ни овцы нет на пастбище.

И трава вокруг избы — ой! — не кошена,
Позабыто все вокруг. Позаброшено!

Где ты, Русь моя льняная? Где гречишная?
Раскричались иноземцы, что ты лишняя.

Стал доверчивый народ сиротинушкой,
Но зовет меня сынком и кровинушкой.

Все растащено вокруг да распродано.
Где ты, родина моя? Здесь ты, Родина!

А когда улетят журавли,
Заблестят караваи сугробов.

Прибежим, поиграв под луной,
В наши избы — небесные кущи.
И не зря мы молились весной
В белом храме о хлебе насущном.

* * *

Не по сердцу штампы и клише,
И чужие люди из элиты.
Я живу на верхнем этаже —
Ближе к небу и метеоритам.

За окном — ни рощ, ни спелых нив.
Возраст — не на грани, а за гранью.
Жду, когда, орбиту изменив,
Прилетит космический изгнанник.

За роптанье, господи, прости,
Не мечтаю о Прекрасной Даме.
Выше — крыша. Душу отвести
Можно лишь с небесными телами.

* * *

Сквер с утра был печален и желт,
А потом побелела ограда.
Если дождь быстро городом шел,
То снежок с неба медленно падал.

Вот и кончилась осень почти,
Вспыхнул день и погас, как лампада.
Так и в жизни бывает: идти
Быстро легче, чем медленно падать.

* * *

Сумрак. В дымке тонут лица.
Жизнь тяжелая, как труд.
Не с кем тайной поделиться —
Продадут и предадут.

Все и выпито, и спето.
Грустно. Где былая прыть?!
Разговариваю с ветром —
Не с кем больше говорить!

* * *

Листопад сорвал с деревьев маски,
Истинные лица показав.
Осень дверь захлопнула с опаской,
Выписав земле мороз, как штраф.

Вьюги и метели любят танцы,
Белизну во сне и наяву.
Но зимой деревья — африканцы:
Черноту не спрятать под листву.

Я и сам гуляю черно-белый,
Зимний, словно роща — продувной,
А мое стареющее тело
И в мороз останется со мной.

* * *

День — в слезах. И ночь — в слезах.
Шум дождя в трубе.
Не гасите жизнь в глазах,
Словно свет в избе.

Щель меж туч блеснет звездой,
А за нею вслед
В мертвый сад живой водой
Хлынет солнца свет.

Вкус беды и вкус вина —
Схожи. Боль утрат.
Не гасите жизнь — она
Расцветет, как сад.

Галина ТАЛАНОВА

г. Нижний Новгород

БЕГ

ПО КРАЮ

ПОВЕСТЬ
журнальный вариант

1

Вот и всё. Лотерейная шапка пуста. Все билеты раскручены и прочитаны. Дальше одинокая и немощная старость. Медленное переползание изо дня в день, что похожи друг на друга, словно подсолнечные семечки, которые она пристрастилась лузгать по вечерам, сидя на своей уже давно обшарпанной кухне. Целый ворох ошурков, похожих один на другой, которые слетали невзначай со стола, зацепившись за протёртый рукав байкового халата, и застревали в щелях разошедшего пола, поблёскивая оттуда обнажившимися белёсыми зубами, нещадно изъеденными кариесом. Жизнь без целей. Последнюю цель жизни она достойно выполнила: три новеньких памятника из чёрного мрамора, соединённых полукруглой карминовой аркой, напоминающей заходящее за горизонт солнце, что уютно расположилось на фоне трёх мачт-крестов от затонувших кораблей. Все близкие уплыли. Только ей ещё предстоит долгое плавание по серому безлюдному морю на плохо управляемом

корабле. Руки почти не слушаются капитана. Их всё тяжелее поднимать и держать ими штурвал. Крутить штурвал ещё тяжелее. Старое колесо заржавело и давно не смазано. Скрежет страшный – и не поймёшь: то ли это в штурвале скрипит, то ли льды скрежещут об обшивку корабля, как у Амундсена. Но тот-то хоть покорял Северный полюс... А ей-то что покорять? И так ясно, что впереди вечная мерзлота... Она уже приближается. Кончики рук давно ледяные, как у снежной бабы. Два неловко слепленных кулачка... Закоченевшие пальцы вцепились в метлу – ладонь не разжать... Метлу выпускать нельзя. Она поддерживает в порядке тротуары, чтобы дорожка всегда не запорошенная была, чтобы остановившиеся прохожие в сугробы не встали. Только вот пальцы не гнутся почему-то... Участковый врач принёс мячик наподобие теннисного. Сказал, что им хорошо разрабатывать негнувшиеся пальцы, ставшие похожими на какие-то узловатые корнеплоды, выдернутые из грядки. И сердце тоже давно ледяное. Как будто под анестезией. Сделали укол – и

чувствовать перестала. Только вот слегка перекосило, но это ничего. Это птица с одним перебитым крылом не взлетает, теряя равновесие... А ей-то куда теперь лететь? В тёплые края поздно: перелёта не осилить, а гибнуть она уже не хочет. Зачем гибнуть, если и так под наркозом? Пингвин на льдине, мягко укутанной белыми сугробами, как ватой и бинтами в операционной (или саваном?), в море ушедших на дно парусников.

Впрочем, ей ещё уготовано, наверное, пережить своего кота. Кота кличут Карабас. Так назвала его Василиса, её дочь, за то, что кот не был учёным. Он не только не рассказывал сказок, но долго и упорно отыскивал каждый раз себе новый горшок в чьей-нибудь брошенной тапке. Кот был грязно-рыжим, словно крашеное пасхальное яйцо. Сейчас кот раскачивался на занавеске, грозя обрушиться на свою голову гардину. Лидия Андреевна вдруг подумала, что она в чём-то даже похожа на этого кота... Она тоже любила раскачивать ситуацию до тех пор, пока что-то не случалось: или гардина с грохотом опрокинутого дома падала, или с пронзительным шуршанием срываемого маскарадного костюма разрывалась ажурная занавеска, или рушилась сама стена шалаша, утянув за собой наглухо привинченную к ней портьеру.

Она прожила счастливую, но трудную молодость. Впрочем, и в сорок пять — она считала себя рябиной, прихваченной лёгким морозцем, тем, от которого исчезает порядком надоевшая осенняя грязь, а ягоды перестают горчить и оставлять на языке терпкий вяжущий вкус, сковывая готовые сорваться с губ слова, и становятся наконец сладкими.

Думала ли она когда-то в своём по-своему счастливом детстве, родившись в деревянном домишке с туалетом на улице, ходя по расквашенному нудными осенними дождями и пьяным весенним половодьем бездорожью в сельскую школу, находившуюся за четыре километра от дома, о том, что будет когда-нибудь жить в крупном городе в доме на главной набережной с видом на Волгу, в четырёхкомнатной «сталинке» с потолками высотой в три метра; будет иметь мужа, которого бы хотели заполучить все её подруги, и двоих прекрасных детей, да кавказскую овчарку и кота в

придачу, и к тому же станет важной персоной на работе, зарабатывающей ничуть не меньше своего благоверного?

Нет, не думала. Почему Бог, даруя одной рукой, отбирает другой? Чтобы она поняла, что была счастлива? Что имеем, не храним, потерявши, плачем... Но она-то хранила. Тогда почему?

2

В то далёкое лето подруга Лидии Андреевны, тогда просто Лидки, позвала её на дачу к однокурснику своего любимого. Отправилась шумной студенческой компанией, втиснувшись в субботнюю электричку с рюкзаками и сумками, пухлыми от жратвы и дешёвой выпивки, с гитарами и спиннингами наперевес.

Однокурсник оказался из тех домашних интеллигентных мальчиков, к которым деревенская Лидка относилась с усмешкой: щупленький заморыш в роговых очках с синюшной кожей, как у курицы, долго хранящейся в морозилке. Казалось, что ему не очень-то было уютно в их шумной пьяной компании, он всё время вбирал голову в опущенные плечи и жался к стене, будто хотел слиться, как тень, с нетёсаными досками на веранде, стать таким же серым и незаметным... Он совсем не чувствовал себя здесь хозяином — и ребята спокойно разгуливали в ботинках с налипшей на них глиной по всем пустым комнатам, рылись в глубоких ящиках столов, доисторических шкафах и буфетах, кладовках и сарайчике с многочисленными удочками и мормышками... Но он ловко затопил печь, сложенную совсем не так, как она привыкла видеть у себя в селе, а как-то чудно, наподобие камина, который она видела в кино: можно было смотреть, как пламя весело облизывает и пожирает натасканные из-под веранды отсыревшие поленья, сперва густо чадающие удушливым дымом. Свет не включали: приближались самые длинные летние дни... Сидели в полумраке и смотрели на эти огненные языки, заходящиеся в странном языческом танце, отбрасывающем на стену диковинные тени, напоминающие пляску жизни и смерти... Она тогда даже подумала: «А почему

пляску смерти, когда жизнь только начинается?» Ведь всё у неё впереди, всё лучшее — впереди! А позади осталась старенькая, покосившаяся, поросшая сизым мохом изба с холодным туалетом во дворе; коричневое школьное платье с аккуратными заплатками на локтях, с белыми воротничком и манжетами, на которые она надевала чёрные сатиновые нарукавники, чтобы сохранить эту белизну манжет до конца недели, как велела им их класная руководительница; устойчивый запах перегара по ночам; мат, от которого она натягивала на голову подушку, чтобы суметь до петушинных криков чуток поспать; тугое козье вымя, из которого сбегает в ведро звонкой струйкой весеннего ручья молоко.

Жила она тогда в общежитии, обитали в комнате они втроем ещё с двумя сокурсницами. Все девушки были из области, из малоимущих семей. Дети из семей побогаче жили в основном на съёмных квартирах, общежития тем просто не давали. Девочки постоянно говорили о том, что надо искать женихов: это единственный способ зацепиться за город после получения диплома. Можно, конечно, найти работу и снять комнату на двоих, но дальше-то что? И они настойчиво знакомились, по-деловому обсуждали между собой потенциального жениха, бегали за ним, но как-то так получалось, что потенциальный претендент на их руку и сердце почему-то не только не боролся за их руку (бог с ним, с сердцем, стерпится — слюбится...), но смотрел на них словно сквозь стекло... И вскоре вообще исчезал, рассасывался, будто дымок от сигареты, что выкурили где-то на задворках пионерлагеря. Но они тут же цепляли следующего, старательно развешивая паутину распахнутых глаз, нежащихся в тени своих ресниц и лениво стреляющих в проходящего мимо аккуратно сложенными галками взглядов; рассыпая осколки заливистого смеха, напоминающего звонок притормаживающего трамвая; маня, словно готовые сорваться с места косули, своими длинными ногами... Но паутину быстро обрывал шатающийся по переулкам города ветер — и девочки тихо всхлипывали в подушку от невозможности реализовать намечтанное. А Лида сидела, будто красна девица у окошка,

и ждала принца. Ваньку она не хотела, наглядываясь она на этих Ванек, стремительно превращающихся в забулдыг с красной рожей, сливовым носом и заплывшими в щёлочку, будто у поросся, буркалами, собственную зарплату от которых приходилось прятать в жестяной банке с крупой... Поэтому, когда она познакомилась с Андреем, что-то щёлкнуло в её мозгу и замкнуло: «Больше такого шанса в твоей жизни не будет. Не упusti. Профессорский сын. Квартира. Дача. Связи».

Нет. Сначала она его даже и не восприняла как потенциального избранника. Он был не в её вкусе. Некое такое мамочкино растение, не отрывающее своего носа от книжек. Он всегда знал, как ответить на любой вопрос преподавателя, и любые задачки щелкал как орешки, ударив молоточком. Девочки, казалось, его не интересовали совершенно. Но одна из подружек начала постоянно жужжать об Андрее. Она, пожалуй, тоже не была в него влюблена, но очень хотела остаться в городе и постоянно говорила про то, что это шанс. Капли её слов падали Лидочке на башку, не давая сосредоточиться на электромагнитных волнах, которые у неё никак не усиливались до нужной амплитуды, а, наоборот, беззаботно исчезали, будто волны в волосах от накрученных на них бигуди под осенним, сеющим сквозь сито дождём. Капли эти продолжали падать и когда Лидочка собиралась провалиться в тёмный и глубокий колодец сна, оставляя на поверхности расходящиеся круги, что тут-то и начинали причудливым образом интерферировать... Она не заметила того чудесного процесса зарождения чувства. Просто в один весенний день она с удивлением поняла, что боится, вдруг Андрей обратит внимание на её подругу. И уже буквально тихо её ненавидела, до солёного вкуса во рту прикусывая губы, чтобы не сказать той что-нибудь гадостное, выдававшее Лиду с головой, которую, задержав дыхание, она старалась не высовывать, плавая в мире своих причудливых фантазий, где поселился ОН. И это было не то, чтобы «городской, с пропиской». Нет, она уже скучала по нему и отыскивала глазами в толпе сокурсников. Отмечала боковым зрением и держала на мушке, фиксируя его передвижение, залегши под со-

седним бугром. Удивительное чувство любовь! Как и почему мы всё-таки отыскиваем из множества людей одного, при виде которого сердце начинает давать перебои, а улыбка идиота, будто после вколотой ему дозы транквилизаторов, начинает блуждать на губах?

Почему, когда Андрюша впервые решился пойти её проводить после случайной вечеринки, у неё от счастья сердце подпрыгнуло, словно теннисный мячик? Почему ей так хотелось нахамить другу Андрея, увязавшемуся за ними третьим лишним и не понимающему, в чём он, собственно, провинился, когда она огрызалась на него как собачонка, у которой изпод носа стянули лакомую косточку?

Она потом долго злилась и не решалась подойти сама. Уж такая она была. А Андрей тоже проходил мимо. Встречались глазами в студенческой толпе, всматривались до напряжения и рези в глазах, но друг к другу почему-то не подходили, боялись, что не оправдают ожидания друг друга, растягивали процесс предчувствия счастья. У неё и глаза стали фасеточными, как у стрекозы. Находила его безошибочно где-нибудь с краю в толпе открывшимся боковым зрением, посылала импульс — и знала, что он тоже видит её сутулую спину, застывшую в напряжении сгорбленным знаком вопроса и боящуюся собственной тени.

Когда и как она, не ведавшая физической любви, вдруг так сильно захотела оказаться в его объятиях, почувствовать тяжесть его тела и вкус его губ?

Может быть, тогда, когда сидели на дне рождения в общаге, а стульев не хватало — и поставили деревянную скамейку, что притащили из вестибюля и на которую все они втиснулись, только тесно прижавшись друг к другу бёдрами? Делали вид, что не понимают, что соприкасаются так близко, как в её жизни с мальчиками никогда ещё не было, чувствуя разгорячённое бедро соседа, от которого закипала кровь. Или тогда, когда протискивалась сквозь строй вытянутых коленок, опоздав после перерыва на продолжение пары, на ходу дожёвывая буфетный пирожок, и почувствовала мужские руки у себя на талии, большие и лёгкие, будто уверенный взмах весла, рассекающий тишь и гладь и выманивающий чертей из тёмного

омута? Ах, эти руки! Лидочка тогда не знала, что с ней такое... Ворочалась всю ночь вообще без сна, простыню сбила комом, оставившим на бедре розовые полосы, похожие на расчёсы от укусов насекомых, перекадилась на обнажившийся полосатый матрас в жёлтых разводах и бурых пятнах. Мучилась от необъяснимого томления и удивления своим фантазиям, в которых она елозила ногой не по грязному матрасу, а по шёлковому горячему телу, покрытому щекотавшим её пушком волос.

Стояли первые тёплые дни, когда прохожие стягивали с себя капустные одежки, уже вышедши на улицу. Тащили куртку или плащ, перекинув через плечо... Улыбались майским лучам, подставляя лицо свету, поворачивались к нему, как раскрывающийся цветок к окну. Надевали чёрные очки, чтобы не ослепнуть. Старательно обходили последние лужи на асфальте, оставшиеся от таяния снегов. Газоны напоминали зелёный коврик у входной двери, по ним хотелось пройти, чувствуя, как отсыревшая за снеготаяние земля пружинит, будто поролон. И вообще казалось, что ты не по тротуару идёшь, а паришь, наполненный счастьем от полноты жизни, точно шарик, надутый гелием.

Спустились с откоса к реке, осторожно взявшись за руки. Лидочка чувствовала себя маленькой девочкой, ведомой за руку через густой лес, где деревья сплелись ветвями без листьев. Пробираться физически было тяжело, но свет лился, будто его черпали ковшом и выплёскивали на ветки с набухшими почками, кое-где высунувшими зелёные языки. Рука её была надёжно зажата в большую загрубевшую ладонь.

Нашли скамейку под вековым дубом. Андрей потянул её за руку, как тряпичную куклу, и посадил к себе на колени. Неловко плюхнулась, чувствуя, как учащённо бьётся её сердце и кровь бухает в висок, точно волны разбиваются о скалы. Притихла, съёжилась, прижалась к шуплой мальчишеской груди, чувствуя холодные руки, осторожно ползущие ужом по впадинам и буграм её тела... Холодный нос потёрся о её нос; мокрые губы неловко ткнулись ей в щёку, гусеницей медленно поползли и замерли на минуту, чтобы чудесно превратиться в ба-

бочку с нервно трепещущими крыльями, порхающую по её раскрывшимся навстречу губам.

Потом шли по полупустынному городу... Перебежав дорогу в неподобающем месте, наткнулись на ограду, которую им надо было обходить почти целую остановку.

— Перемахнём? — предложил Андрей.

И вот уже её подхватили под коленки — и она обвивает напрягшуюся от тяжести её тела мужскую шею, чувствуя, что снова сердце в груди стучит, как ускоряющийся поезд. Мгновение — и она на земле по ту сторону барьера. Мгновение полёта над землёй, с душой, наполненной чем-то искрящимся, с надеждой на чудо, словно весело бегущие пузырьки в новогоднем бокале шампанского, миг парения, который она почему-то будет помнить всю оставшуюся жизнь.

3

Собираясь на следующее своё свидание, с изумлением думала о том, что ей опять хочется оказаться на какой-нибудь укромной скамеечке, примостившись замурившейся кошкой у Андрея на коленях, мурлыкающей от того, что её почесывают за ушком. Но Андрей почему-то и не думал искать скамеечку. Наматывали круги километр за километром по пыльному городу, держась друг от дружки на расстоянии полметра. Случайные знакомые или сокурсники. Говорили ни о чём. Лидочка терзалась мыслями, что снова в её мозгу кусающимися муравьями, проделывающими причудливые ходы. Но так ничего и не могла понять. Наконец не выдержала, сказала, что устала:

— Может быть, двинем в общежитие или присядем?

— Устала? А я хотел ещё погулять. У меня что-то голова болит...

И снова они принялись наматывать километр за километром. Лидочка чувствовала, что на ступне у неё образовались натоптыши, а мизинец и косточка сзади стёрты до крови так, что она уже еле ковыляет. Но шла и шла, точно Русалочка из сказки Андерсена, с израненными ногами...

И в следующую их прогулку всё повторилось, и опять... И даже, когда они наткнулись на лавочку — и Лидочка буквально упала на неё, не спрашивая Андрюшу, упала просто потому, что опять стёрла ноги уже другими туфлями — только теперь на боковых косточках и там, где туфля спереди врезалась в кожу, они просто сидели на расстоянии полметра друг от друга и разговаривали ни о чём. Лидочка хотела к Андрею придвинуться, но подумала, что это неудобно. Но они всё сидели и сидели... Лида чувствовала, что её уже начинает пробирать дрожь и холодный ветерок облизывает своим прозрачным языком. Она хотела было уже встать, но тут резко поднялся Андрей, нагнулся к ней — и в одно мгновение она снова оказалась сидящей в напряжении у него на коленях. И снова рука слепым и тёплым зверьком ползала по её телу, постепенно выводя её из состояния окаменения.

Так бывает: и не собиралась вроде замуж пока, а вдруг раз — и заклинило. Андрей сам был такой положительный, и семья его понравилась, хоть и ощутила она холодок, исходящий от свекрови. Лёгкий такой холодок, от которого мурашки по коже ползут и хочется втянуть голову в плечи, чтобы согреться.

Её рассматривали так, что ей казалось, что она проходит медосмотр, бегая от врача к врачу... И она ощущала то холод фонендоскопа у себя на груди, то металл лопаточки на языке, а то и вовсе клеёнку гинекологического кресла. Смотрели снизу вверх, прощупывая сантиметр за сантиметром, выворачивали наизнанку, пытались разглядеть содержимое... Она так и читала по глазам свекрови поставленный ей диагноз. Да, жаль, что не из интеллигентной семьи, без рода и племени, но, в конце концов, такие карабкаются к солнцу изо всех сил, заглушая нежные садовые цветы... Не хватает интеллигентности, но зато она будет тащить на себе быт и не станет требовать от сына помощи, потому что так было принято в её семье... Неизвестно ещё, какую другую шалаву сын может привести в их дом. А эта и учится с удовольствием, и серьёзная, за сына будет держаться, так как бежать ей некуда, не в деревню же ехать, да и Андрюша влюблён в неё, похоже. Может, конечно, просто друзья

его женятся потихоньку, вот и он отстать от них не хочет...

Когда Андрей предложил ей за него замуж — а сделал он это очень буднично: они просто прогуливались по набережной — была весна, душно пахло черёмухой и резко похолодало, но солнце смотрело в глаза — и было понятно, что лето уже не за горами. Ветки яблонь и вишен были густо обсыпаны цветом, уже опадающим на тротуар и издалека казавшимся морской пеной, вышвырнутой отхлынувшим морем...

Лида не обрадовалась, не бросилась ему на шею, а буднично подумала: «Ну вот. Цель достигнута». И сказала: «Да». Хотя ей казалось немного нереальным то, что она через полтора месяца станет мужней женой. И не радость заставляла сердце биться быстрее, а тревога и страх перед неведомой жизнью в чужом и большом доме, где она, будто по сосновым иголкам ходила босиком, осторожно, но всё время укалывалась и ёжилась. Ей повезло. «Отхватила профессорского сынка, и по квартирам скитаться полжизни не надо будет», — завидовали подруги. А она чувствовала себя лошадкой, пасшейся на цветущем лугу, залитом солнечным светом, жующей сладкие цветки клевера и пачкающей нос в жёлтой пыльце ромашек, которую теперь загоняют в стойло. Оденут уздечку, затянут подпругу, привяжут бубенчики — и только тогда выпустят на простор... Не порезвиться — везти несмазанную телегу, что зовётся семейной жизнью, чувствуя уздечку, больно рвущую уголки губ... Откуда-то у неё было это знание умудрённой и умотанной жизнью клячи? «Укатали сивку горки...» Это то, что рано или поздно говорит большинство... А пока сердце сжималось от страха и невозможности отменить то, к чему она шла целых два года знакомства с Андреем.

4

Входила она в семью мужа тяжело, ей всё время казалось, что она золушка на балу, которая не нашла у себя во что переодеться и напялила платье с чужого плеча, хотя и красивое, но болтающееся на ней, как на вешалке, отчего она напоминала огородное пугало,

взмахивающее руками от порывов ветра. Самое главное было не открывать рта. Она инстинктивно чувствовала: что бы она ни сказала, окажется не так. Она старалась не спорить и не высказывать своего мнения, понимая, что её соображений никто в расчёт не возьмёт, а вот спровоцировать вспышку негодования можно очень даже запросто. Запирала в себе все мысли, словно дикого зверя в клетку, думая о том, что когда-нибудь всё же выпустит их на волю, забыв закрыть замок. Андрей слушался всё равно не её, а мать. Моментами она чувствовала себя непритёршейся деталью в бесперебойно работающем механизме этой чужой для неё семьи, колёсиком, имеющим зубчики по размеру чуть больше, чем нужно бы для бесшумной и безотказной работы этого устройства. Но время шло, зубчики стачивались — и она с удивлением обнаруживала, что находит у себя в голосе интонации свекрови, а трапеза со сковородки в целях экономии чистой посуды становится невозможной.

У свекрови Лидия Андреевна сумела многому научиться. Андрей был покладистым человеком. Таким сделала его мать. Лидии Андреевне очень даже повезло, что ей достался такой муж. Она могла совершенно спокойно ему сказать:

— Помой всем обувь, — и Андрей послушно шёл в ванную, по очереди брал каждую пару больших и маленьких чувак, мыл, сушил, чистил, намазывал кремом, полировал куском фетровой шапки...

Что Лида скажет, то и делал. Как тень при жене, но тень странная, что считалась не тенью вовсе, а главным, тем, чем Лидочка на людях гордилась и хвасталась как своим трофеем. Она и показывала его как трофей, а сама частенько кричала до потери голоса и истерично плакала, паря в полной невесомости без какой-то опоры под ватными ногами. Хотя бы за какую ветку на дереве ухватиться, но нет... Расправляй крылья, включай свой внутренний реактивный двигатель...

Муж не то чтобы умел тихо гасить все её эмоциональные всплески... Он просто незаметно уходил от любых конфликтов, давно поняв, ещё тогда, когда жил с матерью, что с женщинами лучше не спорить. Женщина просто не-

сёт всё то, что пришло ей на ум, наматывая на любой пустяк слой за слоем, будто пускает скатываться с гигантской горки слепленный из мокрого снега снежок. И снежок вырастал до размера головы снежной бабы... Оставалось только вставить нос морковкой. Но вдруг припекало солнце — и остановившийся у подножия горы ком начинал медленно таять, пуская тоненький ручеек слёз.

Управлять своими детьми Лидии Андреевне было часто сложнее. Дети частенько просто огрызались на её требовательные просьбы. Муж никогда не повышал голоса. Дети же нередко отвечали противным канючащим голосом: «Мне некогда...» Иногда отрезали: «Отстань, я учу уроки. Я потом помою!»

В первые месяцы своего брака Лида чувствовала себя как в ловушке. Да, она добила много из того, чего хотела. Перспектива вернуться в своё Большое Козино наводила на неё беспросветную тоску. В первые месяцы она почти не выходила из их с мужем комнаты, стараясь быть незаметной маленькой серой мышкой. Она казалась себе неуклюжим гадким утёнком по сравнению с городскими куропатками. И она многое умела уже. Жизнь с семнадцати лет в общаге приучила её самостоятельно справляться со всеми бытовыми хлопотами, но её ужасно злили постоянные замечания свекрови. Свекровь ходила за единственным сыном по пятам, не оставляя им возможности на личную жизнь. У неё до сих пор стоит в ушах поучающий голос свекрови: «Яйца надо мыть». Это же смех! Мыть яйца! Зачем их, интересно, мыть? Она до сих пор этого не понимает.

Лида всё время чувствовала себя будто в кабинете врача: беззащитно голой и просвечиваемой жёстким рентгеном, лоящей всей кожей критический взгляд, окидывающий её короткую юбку с разрезом и занавески в горошек, что она повесила в своей спальне. «Сними! — изрекала свекровь. — Они не вписываются в интерьер». В Лидочкиной семье любили всякие соленья и жареное. Здесь же на всё это было наложено строжайшее табу. У свёкра была язва, у Андриши постоянное обострение гастрита, у свекрови вырезан желчный пузырь. Лида с ума сходила, как ей хотелось купить се-

лёдину, чтобы уплести её с молодой картошечкой! Маринованные грибочки, привезённые от матери из деревни, свекровь тут же сплывала мужу на день рождения на работу. Котлеты в доме ели только паровые. У Лидочки эти котлеты стояли в горле.

Она поджарила однажды мясо, привезённое из дома, так, как любила делать мать, с золотистым лучком, с душистыми специями. Свиныня получилась с хрустящей на зубах корочкой и даже немного с кровью. Свекровь молча взяла нож, срезала золотистую корочку на мясе, полила после его водой из чайника, а свёкру запретила есть вообще. Лидочка тогда впервые развернулась, показав рентгеновскому аппарату свои ссутуленные плечи и склонённую голову, которую хотелось спрятать от любопытных глаз у себя на груди, и ушла из дома.

Она бродила по ночному городу, полному слезящихся пятен огней, вглядываясь в люминесцирующие надписи на витринах. Пронизывающий до костей ветер, прокраившийся под тоненькую курточку, сбегал холодком по спине и заползал в сердце, выдувая из него любовь. Ветер тщетно пытался высушить набегавшие слёзы, но они мгновенно, будто ключевая вода из подземной скважины, проступали снова. Она зашла в кафе «Лабиринт», затемнённое настолько, что даже не было видно лиц посетителей, сидящих за соседним столиком. Кафе находилось в полуподвале, с внешним миром его связывали только бойницы маленьких окон под потолком. Подсветка этой темницы шла откуда-то из верхнего угла потолка и была сделана в виде камелька. Дрожащий язык пламени напоминал ей почему-то змеиное жало. Лида подумала о том, что в её семейном очаге хранится тоже вот такой же тускло тлеющий никогда не затухающий огонёк, светящий еле-еле, так, что любимых лиц не различить. А выход он вон, там, вверх по мраморной лестнице, ведущей в ночной город. Только там тоже ветер, раскачивающий тусклые лампочки уличного освещения, безжалостно срывающий афиши и влюблённых с холодных и ещё не насыженных ими лавочек.

Она заказала кофе с эклером. Через десять минут к ней подсел высокий тучный мужчина, возраста которого в полумраке было не разоб-

рать, но по голосу ей показалось, что он скорее согдится ей в отцы.

— Скучаем? — спросил бархатный голос, возникший где-то в глубине чёрной пещеры.

Ещё через десять минут обладатель голоса принёс бутылку вина цвета граната, пропитавшегося запахом бурных южных ночей и укачивающего плеском прибоя, и фужеры с янтарными ломтиками лимона и кубиками льда, напоминающими о детстве, когда она так любила сосать отломленные от выступов сосульки, ощущая во рту вкус талого снега и предчувствия любви. Она пила терпкое вино, напоминающее о садах упущенных возможностей, и думала о том, что ещё всё-всё в своей жизни успеет перевернуть... Сжимая до побеления костяшек пальцев ножку фужера, она сидела ни жива ни мертва, вдыхая запах изысканного мужского аромата и чувствуя на своей шёлковой коленке тяжёлую огненную ладонь. Как ни странно, ей было очень приятно. Слезы, которых и не было видно в этом полумраке, высохли, внизу живота встрепенулся нахохлившийся воробей, и стало завораживающе страшно... Вскоре мужчина положил ей руку на талию. Прижимаясь к пьянящему иностранному ароматом колючему пуловеру, она чувствовала себя подростком, идущим по узкой жёрдочке через холодную осеннюю речку: не утонешь, если вдруг сорвёшься, оступившись на трухлявой и замшелой досочке, но вымокнешь до нитки в холодной уже, остывающей от ночи к ночи всё сильнее сентябрьской прозрачной воде отплавшего и отзвевшего лета.

Руки мужчины сжимали её всё сильнее, нежное поглаживание превратилось в шипки какой-то хищной птицы, не умеющей клевать по зёрнышку, рука с талии переместилась на грудь, пытаясь отжать её, как промокшее и набухшее под дождём полотенце, что не ко времени оказалось повешенным сушиться на верёвочку. Жарко дыша ей в ухо всё учащающимся дыханием, мужчина прошептал, щекоча её щетиной усов: «Пойдём ко мне...» Потом дёрнулся, будто подстреленный, ослабляя железную хватку могучих заклинивающих ладоней. Её правая грудь утонула в его пятерне, словно маленький зяблик, которому почему-то решили свернуть шею.

Домой она вернулась под утро, попыталась тихо открыть дверь, ключ в замок не влезал. «Вставили ключ изнутри — и закрыли на собачку», — догадалась Лидочка.

Сдвигалась по холодной стенке к ватному одеялу сна, медленно погружаясь и закутываясь в его обволакивающую нежность. И вот уже она летает, парит над городом, но из его труб, торчащих, будто выехавшие гвозди из расшатанного дома, идёт чёрный дым. Она лавирует между этими клубами дыма — и удивляется, что дым и не рассасывается вовсе; парит, будто орлица, высматривающая добычу... Люди с её поднебесной высоты — маленькие букашки... Она медленно снижается, букашки начинают расти в размерах, вымахивая до Гулливеров, — и вот она уже сама теряется среди этих гигантов, боясь стать чьим-нибудь охотничьим трофеем.

Она очнулась от резкого стука, похожего на тот, что бывает от закрываемого канализационного люка; раздаётся ленивый лай, перемешанный с незлобным рычанием.

Весь день она была сама не своя, всё время прокручивая, как заевшую граммофонную пластинку, события последнего дня. Она решила прийти домой пораньше, пока Андрея и его родителей не было дома.

Решила, что надо быстренько приготовить что-нибудь вкусненькое: «Блинчиков, что ли, напечь?» Через полтора часа всё было готово.

Первой пришла свекровь, окатила невестку ледяным взглядом и изрекла:

— Если ты думаешь, что я позволю иметь сыну гулящую по ночам жену, то ты глубоко заблуждаешься.

Лида с обмирающим сердцем, готовым заглохнуть совсем, забуксовав в колее, ушла в спальню и ждала мужа.

Она слышала, как свекровь прошла на кухню и загремела кастрюлями, будто по железной кольчуге врага, пытаясь изрубить её на кусочки. Через полчаса свекровь позвала свёкра ужинать. До Лидочки донёсся запах борща.

Она посмотрела с тоской на часы. Андрея всё не было. Лида стала разглядывать будильник. Часы были механические, древние, вставленные в деревянный кукушечий домик. Но кукушка давно умолкла, маятник висел

рыболовным грузилом. Стрелки замерли на месте, будто лапки присосавшегося к стеклу жука. Через каждую минуту длинная лапка конвульсивно дёргалась — и передвигалась на одно золотистое деление. Маленькая короткая лапка дёргалась реже, будто жук начал агонизировать. Кургузая лапка вздрогнула — и встала на палочке в паре с крестом.

Дверь спальни рывком распахнули — и выросшая в проёме на фоне уходящего в ночь коридора свекровь, готовая взорваться, как забродившая банка с огурцами, раздражённо сказала:

— Догулялась! Иди ищи его теперь!

Через час свекровь взяла телефон и начала названивать друзьям Андрея.

Лида слышала нервные шаги взад-вперёд по гостиной, будто метроном какой стучал, тук-тук-тук... Или усиленный через фонендоскоп стук сердца выбивал чечётку.

Без пяти час Лидия услышала поворот ключа в замке. Сердце вспорхнуло посаженной в клетку птицей...

Лида услышала резкий голос свекрови, похожий на совиный крик:

— Вы меня доведёте! Где тебя черти носили? Что, позвонить нельзя было?

Андрюша прошмыгнул в спальню, сделал отсутствующую и независимую от скорбного вида жены мину, — и, быстро переодевшись, ушёл умываться и после проследовал на кухню. С замиранием сердца ждала Лидочка Андрея, понимая, что семейная лодка её сильно накренилась, в корме незаметно прибывает вода, а она, вместо того чтобы вычерпывать её по капельке консервной банкой, хотя и перестала раскачивать лодку, но сидит на борту, свесив ноги, и глядит в чёрный омут, отражающий её искажённое лицо.

Пужинав, Андрей удалился в гостиную.

Лида, вконец измученная ожиданием неизвестности и проведённой бессонной ночью накануне, внезапно почувствовала, что на неё наваливается тьма сна, тяжёлая, будто мешки с алебастром, обволакивающая, словно глубокий снег ствол у яблони, что не даёт той погнупуть от мороза. Как сомнамбула нырнула под одеяло и с ощущением блаженства, что голова утопает в пуху, провалилась во тьму, которую разрезали фары встречных машин, неоновые

огни рекламы и бенгальские огни... Она не слышала, как пришёл Андрей, а утром вскочила от трезвона будильника, напоминающего сигнал трамвая замешкавшемуся пешеходу.

На работу она ушла сама не своя, чувствуя, как натянулась нить между ней и её домашними. Чуть-чуть накрути её на палец ещё — оборвётся. Палец уже кровил, обозначив саднящий порез, будто жабры рыбыны, выброшенной на отмель. Уже надо было зализывать раны.

Вечером снова всё повторилось: Андрей пришёл домой в двенадцать, Лида лежала на сбившейся постели и плакала в подушку.

Свекровь её игнорировала. Делать ничего не хотелось. Лидочка взяла книгу и попыталась читать, но строчки прыгали, буквы разбежались, будто муравьи. Страшно потянуло домой в тёплые мамыны руки, пахнувшие свежеспечённым караваем. Она опять погрузилась, как вчера, в сон, на этот раз не раздеваясь, просто свернувшись жалким крендельком на одеяле. Ей приснилась маленькая голубоглазая девочка лет трёх. Девочка та, одетая в бирюзовое платье с невесомыми оборками и струящимися, будто горная вода, фалдами, почти сливающаяся с голубым разливом поднебесья, шла по тоненькому верёвочному канату, ловко, словно крыльями, балансируя кукольными ручками. Канат был перекинут с одной серой скалы на другую. Внизу простирался сказочный вид долины, захватывающий дух. Укрытые травяным паласом горы, разрисованные ближе к долине охряно-багряным орнаментом осеннего леса с золотистой росписью и тёмно-зелёными вкраплениями ёлочных пирамид. На дне блестела расщелина, наполненная голубой водой. Девочка шла ей навстречу. Девочка ступала осторожно и, увидев её, перестала взмахивать своими ручками-крыльями, а потянулась к ней. И вдруг побежала по верёвочке быстрее, ловко перебирая натянутый над пропастью шнур своими маленькими ступнями в белых балетках. Голубые глазищи распахнуты васильками, в жёлтых их серединках качались солнечные зайчики и отражалось бездонное небо, убаюкивающее облака.

Лидия лежала в полной тишине и смотрела в потолок. Всё-таки семейная жизнь — скучная вещь... Все дни одинаковые, как белые кафель-

ные плиточки. Но разве она найдёт ещё раз то, что так легко получила? Не в общагу же ехать или на съёмную квартиру. Мама говорила, что мудрость женщины — это терпение.

Тишина сгушалась в комнате, как перед грозой. Было душно и тревожно. Неясно, как дальше жить, и всё, по сути дела, из-за ерунды. Наконец в замке послышался беспокойный поворот ключа. Лида облегчённо вздохнула и подумала, что она опять не знает, как себя вести. С одной стороны, её захлёстывала ярость, огромная, готовая всё смести и разрушить. А с другой стороны, пожалуй, больше всего на свете она боялась сейчас, что всё рухнет.

Андрей с независимым видом заглянул в комнату, взял домашнюю одежду и быстро вышел, будто опасаясь, что Лида с ним заговорит. Гремел на кухне посудой и хлопал холодильником... А чего хлопает? Она ему на сковородке всё оставила. Только разогреть. Она слышала, что муж включил телевизор и ушёл, видимо, смотреть кино с тарелкой картошки.

Лида чувствовала, что её лицо горит, точно после первого загара в ветреный день. И снова она начала западать в наваливающийся, будто душное одеяло, сон. И снился ей огонь, что внезапно вспыхнул от небрежно брошенной спички, пролетевшей мимо консервной банки на коврик из рогожки, описав огненную мёртвую петлю...

Сердце оттаивало в тёплой комнате, жгло глаза, и начала кружиться голова. Комната принялась медленно вращаться, всё убыстряя и убыстря своё движение; к вращению теперь ещё добавилось лёгкое покачивание на просёлочной дороге. Потолок крутился, словно она находилась в ракете на карусели, все очертания были размыты и укутаны сгущающимся туманом. Комната теперь качалась, точно лодка. То волной морской тебя поднимает, то ухаешь с гребня в пенящуюся черноту. Будто летишь на качелях: то с замиранием сердца взлетая в поднебесье, то ещё чуть-чуть — и проделаешь полное сальто, сорвёшься в штопор, выпадешь за борт. Она вжималась в подушку, стараясь не шевелить головой и не разговаривать. Пыталась заснуть, понимая, что утром всё должно встать на место. К счастью, с ней никто и не говорил... «Господи... — подумала

она, — и как маленьким детям может нравиться качание в люльке!»

Снов в эту ночь ей не снилось. Сквозь рваное забытье она слышала, как муж лёг спать, потушив свет. Тёмная ночь, в которой изредка возникали огненные вспышки огней, стала ещё беспросветней. Яркие пятна фонарей слезились и удалялись, будто огни теплохода, идущего через ночь по тёмной реке. Только вот рыжие искры костра теплились где-то на том берегу, словно огоньки от сигареты в ночи.

Утром её по-прежнему мутило. Лида была уже почти уверена, что беременна. Седая вертикальная врачиха, к которой она так не любила ходить, не рассеяла её догадку. Значит, всё. Петля затянулась. Не выпрыгнешь, прикована за ногу к опоре. Но это же хорошо! Значит, теперь она сможет хоть чуточку настаивать на своём, дёргать мужа за верёвочки, как куклу на шарнирах. Она же этого хотела. Теперь она точно останется в этом большом доме. У неё есть будущее. И она теперь никогда не будет одна, потому что ребёнок — это ведь часть тебя, твоя кровинка. Она сможет его воспитать таким, чтобы было на кого опираться в жалкую старость и чтобы можно было им гордиться, а не опускать глаза. Она знает, что сможет. Но для этого ей придётся запрятать свои амбиции и норы подальше. Ребёнок не должен расти в доме, где живут в скандалах...

Она шла по осенней улице, улыбаясь внезапно вернувшемуся лету. Ягоды рябины уже поджигали сухие листья. Часть листочков свернулась чёрными огарками, другие, подхватив огонь, колыхались на ветру ровным, спокойным пламенем, напоминающим о том, что всё в этой жизни конечно. Корявые тополя, стоявшие как нищие вдоль тротуара — с обрубленными и скрюченными ветками, что все были изуродованы узлами от наплывающих опухолей в травмированных местах и напоминали скрюченные руки стариков, роняли заржавевшие листья на серый асфальт — и они летели, подхваченные лёгким дуновением ветра, мешаясь с самолётками от клёнов, объятые прощальным огнём...

Лида насилу пришла домой. Ноги стали свинцовыми — и она их с трудом переставляла, еле-еле отрывая от земли. В голове гудело, и

снова в глазах серебрились блёстки новогодней мишуры, и вновь к горлу подступала дурнота. Она тотчас легла, даже не раздеваясь, так как вся комната опять вращалась, стены наезжали на Лиду, грозя обрушиться, и её нынешняя жизнь казалась ей нереальностью.

Она, опять вжимаясь в подушку и боясь пошевелить головой, постаралась провалиться в спасительное забытё. И снова сноп светящихся новогодних огней бил в глаза, но огни постепенно заволакивало каким-то то ли туманом, то ли дымом, полупрозрачным, размывающим фонари до гигантских размеров.

Она проснулась от шагов мужа по комнате, играющих на дощечках паркета. Открыла глаза, вспоминая, что же с ней произошло.

— Андрюша, — выговорила она откуда-то из глубины нутра, стараясь не двигать головой и не раздвигать губ. — У нас ребёнок будет, наверное. Я очень плохо себя чувствую.

Андрей с минуту стоял в звенящей тишине, потом медленно опустился на кровать.

— Ты уверена?

— Да, мне и врач сказал.

Муж посидел ещё несколько минут в обступившей их со всех сторон тишине спальни и вышел, беззвучно притворив за собой дверь.

Сквозь забытё до неё доносились голоса из соседней комнаты и кухни. Говорили тихо, но о чём, не понять... Как на иностранном языке. Слов не разобрать, только слышна чужая речь, и можно лишь догадываться по интонации голоса о настроении говорящих.

5

Первым чувством, когда Лида поняла, что беременна, было чувство растерянности. Она совсем не готова была становиться матерью. Её юность ещё не кончилась, ей ещё хотелось самой побыть ребёнком, любимым и лелеемым. Она плохо понимала, что ей предстоит. Вслушивалась в себя — и ничего не ощущала. Ей нравилось, что её окружили двойной заботой, но расстроило, что муж буд-то и не хотел этого ребёнка. Сказал, что ребёнок может их разъединить. Они собирались на юг в это лето. Она никогда не видела море, а

теперь её поездка накрылась медным тазом. И она никогда уже, может быть, никогда не увидит того, что видела в кино: лазурного, бескрайнего, будто отпущенные возможности. Море снилось ей по ночам — волнующееся, выбрасывающее на берег медуз, которые мгновенно исчезали на солнце, как её нереализовавшиеся планы. Её мучила тошнота — будто жестокая морская болезнь. Качалась на волнах жизни в искусственном море, где русло реки перегородили большой плотиной. Уровень воды всё поднимался, а ветер потихоньку раскачивал образовавшееся море. Она совсем не могла смотреть на еду: всю выворачивало. Иногда ей было настолько плохо, что она начинала ненавидеть и будущего ребёнка, и свою семейную жизнь. Чем больше становился срок, тем сильнее накапливалось раздражение, что вот теперь вся её жизнь дарована маленькому с каждым днём всё растущему головастику, отнимающему у неё все силы. Отныне она себе совсем не принадлежит. Иногда она чувствовала необъяснимую нежность к этому головастику. Нежность накатывала внезапно, прыгала на колени котёнку, тёрлась о росший живот и сворачивалась клубочком. Лидочка уже представляла, как будет малыша пеленать, завязывая белый конверт бантиком, целовать ручки и ножки в перевязочках, когда просовывает их в рукава распашонки или ползунки, качать в коляске под ажурным клёном, пускающим свои самолётики, и учить становиться человеком. Живот делался всё больше похожим на надувной мячик, который они с визгом бросали в детстве в деревенском пруду друг дружке. Вся она пошла какими-то коричневыми пятнами, напоминающими гниль на опавших листьях. Она стала переваливаться, как уточка, и ей всё труднее было передвигаться: волочила отёкшие ноги-бутылки, будто тромбофлебитная старушка.

Токсикоз не проходил, она бежала на негнущихся ногах после каждой еды к унитазу, зажимая рот ладошкой, потом ложилась на кровать и смотрела в потолок, что начинал вращаться, точно она скачет на карусельной лошадке. Лошадка кивала головой, Лидочка пригибалась к её гриве — и крутящийся потолок то приближался, то удалялся. По кочкам,

по кочкам, вцепившись в гриву, сжимая костяшками пальцев поводья-пододеяльник, лишь бы лошадка не взбрыкнула и не скинула её на землю.

Иногда ей было настолько плохо, что хотелось, чтобы всё кончилось — и она снова бы стала стройной живой девушкой, на которую оборачиваются на улице. Она чувствовала себя иногда маленькой серой мышкой, что сунулась за кусочком сыра в мышеловку, да в последний момент почему-то отпрянула, но мышеловка успела прищемить ей лапку: и теперь она сидела в растерянности, не зная, как вырваться.

Уже знали, что будет девочка. Андрей предложил назвать её Василисой, в смысле что Василиса прекрасная. Свекровь сказала: «Пусть лучше будет премудрая». А Лида хотела, чтобы была и прекрасная, и премудрая.

Андрюша не был готов стать отцом совершенно. И если Лида начинала как-то готовиться к появлению малышки: покупала розовые ползунки и распашонки, строчила на машинке пелёнки из батиста, что лежал у мамы в сундуке, — ещё мамино приданое, то Андрюша мог часами вертеть в руках пластмассовую головоломку, из которой нужно было собрать единственную верную конструкцию так, чтобы не осталось ни одной лишней детальки. Конструкция никак не складывалась, это раздражало Андрюшу, и он ужасно злился, что мать заставляла его идти мыть посуду или в магазин. Лида почему-то подумала, что и её семейная жизнь — вот это составление правильной конструкции, что они очень стараются её сложить, но всё время или не хватает одной детальки, или остаётся одна лишняя. Конструкция эта была никому не нужна, и совсем не стоило тратить столько сил и времени, чтобы всё увязать так, как положено, но что-то неодолимое заставляло снова и снова всё расставлять по нужным местам.

Иногда Андрюша просто сидел на постели рядом с ней и смотрел на зелёное, цвета кабачков, искажённое мукой лицо жены, страдальчески сжимающей губы, и у него просыпалось странное чувство жалости и брезгливости одновременно. Ему казалось, что он тоже попал в какой-то если не капкан, то клетку, где позволено ходить как загнанному по периметру.

Рождение ребёнка не пугало его, но ему казалось, что ребёнок отдалит их с женой друг от друга. Уже отдалил. Его жена, им самим посаженная в лодку на корму, случайно оттолкнулась веслом от берега, пока он мешкал, и медленно удаляется, растерянно улыбаясь, подваченная попутным ветром и шустрым течением воды.

То, что она скоро станет мамой, Лида воспринимала как какую-то нереальность. У неё не было никакого желания рожать, вскармливать, тискать и прижимать к себе маленькое тельце. Дети не вызывали в ней того умиления, какое она наблюдала у многих своих подруг, когда те, увидев в коляске новорожденного малыша, начинали сюсюкать, склоняясь над гордо распахнутой для обозрения коляской, таящей в себе визжащее сокровище. Она отходила в сторону и спокойно переживала всеобщий щенячий восторг, как перед сахарной косточкой.

Рожала она тяжело. Сначала страшно боялась. Хотелось заснуть — и проснуться сразу без живота. Если бы можно было у себя в деревне рожать, то рожала бы там. Там была мама, там она была дома, там бы её в беде не оставили никогда. А тут... Ей казалось всё время, что она живёт в какой-то чужой стране. Вроде все вежливы, приветливы, достаток и красивые витрины магазинов, а только ничего не понимаешь, не можешь ни спросить, ни рассказать о себе, душу выплеснуть некому, чтобы стресс снять, хотя, наверное, упади она на улице, ей помогут... А коли душу вывернуть не можешь, чтобы вытряхнуть всё накопившееся и тревожащее, будто муравья, забравшегося под рубашку, то и бродишь неприкаянная, расчёсывая себя в кровь. Она была по жизни неуверенным человеком, не победителем, не то что нынешние молодые, которым палец в рот ни клади... А она — дрожь и обморок. И откуда у неё, деревенской девицы, эти опущенные долу глаза тургеневских барышень? Но хороших акушеров там не было. Когда уходила в палату, бросила на Андрея прощальный взгляд ребёнка, оставляемого впервые в детском саду.

Чувствовала себя в роддоме словно в казарме. Жёлтое солдатское бельё, злобный взгляд акушерки, которая, казалось, ненавидела всех

молодых. «Чего орёшь! Много вас тут, если все орать будут!» А она и не кричала вовсе, кусала до крови посиневшие губы и радовалась, что врачиха отвалила и матом не ругается. А пока врача не было, отошли воды... Она не помнит ничего почти, даже время не заметила, когда Василиса родилась. Что долго зашивали — помнит, после родов она месяц не могла сидеть совсем. Кормила дочку лёжа, пока было молоко. У неё скоро грудница началась. Её снова резали и зашивали. Сделали какой-то укол обезболивающий, а у неё непереносимость. Она помнит, как тогда медленно открылись ворота в туннель, лязгая дверями проходящего за окном трамвая, — и она почувствовала, что её будто омутом затягивает в этот туннель, светящийся равнодушным светом люминесцентных ламп операционной. Этот свет слепил, точно южное солнце, отражавшееся в горах от белоснежного девственного снега.

Она решила тогда, что больше никогда рожать не будет. Ни за что. Но мудрая природа всё стёрла из памяти, точно волна следы на песке... Так, видимо, устроена жизнь, что мы всё забываем. И боль тоже...

Наутро привезли перепелёнатые надрывающиеся свёртки, лежавшие, будто рассыпанная вязанка дров. Когда первый раз ей подали дочь, чтобы покормить, и она смотрела на этот почмокивающий комочек — в ней вдруг медленно начала просыпаться такая нежность... Нежность была ещё в полусне. Нежность ещё плохо понимала, где она, внезапно очнувшись от забытья. Нежность прибила звякнувший будильник и подумала: «Ещё успею, ещё полежу чуток, сладко потягиваясь спросонья». Сон медленно уходил. На неё смотрело маленькое существо своими серыми серьёзными глазами, волнующимися, как море в непогожий день. Лида ещё не чувствовала себя мамой, ей самой хотелось к маме и пожаловаться, что у неё всё разорвано, но это красное сморщенное существо вызывало удивление: «Неужели это моё?» Отёчный и маленький, будто котёнок, младенец терпеливо позволил взять себя на руки, неловко пристроился к шершавому коричневому соску, похожему на замороженное пятно на румяном яблоке, — и принялся сосать. Отдуваясь от первой трапезы, удивлён-

но разглядывал мутными щёлочками глаз нависшую над ним белую грудь, сквозь нежную кожу которой просвечивали голубые ручейки прожилок, с которыми совсем недавно его сосудики имели общее русло.

Первые месяцы были настоящей каруселью. Лида летела в этой карусели в каком-то полусне, плохо понимая, где кончалась явь — и она проваливается в забытье. Ребёнок всё время плакал.

Она буквально падала от усталости. Просто закрывала глаза и мгновенно засыпала в том месте, где оказывалась. Это могло быть и кресло, и стул, и за письменным столом, и за обеденным. Она даже не роняла голову на сложенные руки. Просто сидя прямо проваливалась куда-то в другую жизнь, полную разноцветных огней ночного города или солнечного света, рвущегося в прорези тяжёлых занавесок. Она спала очень недолго. Через несколько минут вздрагивала, будто от испуга, от истощающего детского плача. Пока Василиса была крошечная, Андрей почти не помогал ей. Но зато её пытался укачивать свёкор. Вася за несколько минут на его руках затихала, но, как только её возвращали назад, начинала блажить. Вся её жизнь была подчинена этому маленькому сопящему существу, у которого она находила всё больше своих черт.

Она очень долго тогда не могла отойти от родов. Молока не было. Начался мастит. Лида лежала на их супружеской кровати. Потолок и стены менялись местами, как в цирке у гонщика по отвесной стене. Грудь горела, будто печка, и была красная, как вываренная свёклина. Она представляла себя гусеницей, передвигающейся то по стене, то по потолку, лишь бы не сорваться на пол, где рискуешь быть раздавленной чьими-нибудь ботинками. Она думала о том, что скоро она окуклится и заснёт, а потом проснётся как новая, вспорхнёт шелкокрылой бабочкой, вылетит в окно, подхваченная лёгким сквозняком, будет порхать с цветка на цветок, но в конце концов обязана будет отложить яички. И так по кругу... От вращения потолка её начинало мутить, и она попыталась зажмурить глаза. Боль жадными челюстями вгрызалась в тело, и ей бредилось, что большая чёрная собака, похожая на матёрого волка с седым брюхом, склони-

лась над ней и, вцепившись своими зубами в сосок, стала играть грудью, как щенок, у которого режутся зубы, будто детским мячиком. Укусит, отшвырнёт лапой, откатит, потом радостно подбежит, виляя хвостом от восторга, и снова вцепится, и снова выпустит...

Приехала скорая. Сделали новокаиновую блокаду. И всё — собака вдруг развернулась и побежала, опустив и свой хвост с насаженными на него репьями, и голову с прижавшимися к макушке ушами. Лида опять увидела длинный туннель, весь залитый светом. Стены туннеля, видимо, состояли из маленьких зеркал. Она везде видела своё отражение. Она попыталась войти в коридор, но натолкнулась на гладкую холодную стену. Увидела следующий вход — и пошла к нему, но снова наскочила на зеркальную поверхность. Она уже боялась шагать — вытягивала руку, чувствуя лёд стеклянного отражения. Она металась загнанным зайцем по лабиринту, то тут, то там маячил вход в залитый загадочным светом туннель, похожий на театральные декорации из сказки, что когда-то видела в своём детстве. Снова и снова грудью натыкалась на зеркальную стынь. У неё закружилась голова — и ей стало страшно. «Выведите меня отсюда!» — хотела закричать она, но вдруг почувствовала, что совсем потеряла голос и может только разевать рот, как холодная скользкая рыбина, покрытая чешуёй из маленьких зеркал.

Когда она очнулась, то увидела над собой врача, что держал её за запястье, пытаясь нащупать пульс в синеньком ручейке, просвечивающем сквозь корку льда.

6

Андрей почему-то никогда после смерти матери не говорил с женой о ней. Лида знала, что он грустит, и думала о том, что он боится услышать от неё что-то резкое, язвительное, жальщее, похожее на укусы пчёл, выгнанных из обжитого ими улья... Андрей стал теперь к ней ближе. Нынче он очень часто во многом советовался с ней и жаловался на своих коллег и знакомых. Лида открыла для себя, что раньше всё это, видимо, муж расска-

зывал матери... Маленький стареющий мальчик, потерявшийся в большом шумном универмаге... Теперь Лидочка должна была крепко держать в руках вожжи, чтобы ненароком не занесло телегу семейной жизни в заметённый снегом овраг.

Она совсем перестала следить за собой дома. Надевала вылинявший халат с вырванной из полы пуговицей вместе с клочком цветастой ткани, от которой осталась прореха, будто выгрызенная мышью; шерстяную кофту, проеденную молью, со спущенными петельками, что бежали наперегонки от многочисленных дырок, образовавшихся, словно от упавшего и разбившегося пузырька с кислотой; всовывала отёкшие за день ноги в тапочки, просившие каши, поролоновые, мягкие-мягкие — ощущение было, что ходишь по дому в носках. У неё и дома было такое чувство теперь, что она живёт в разношенных тапочках, что не надо исподтишка озиаться на себя в зеркало и смотреть, хорошо ли ты выглядишь. Это уже не важно. Тебя и так любят. Пусть и не с придыханием отогревающего куст подмороженной неожиданности заморозками розы. Пусть и не пылким чувством влюблённого, готового запалить весь дом от искры, метнувшейся от косы, нашедшей на камень, — и теперь грозящей в одночасье оставить без крыши над головой... Тебя любят как человека, к которому привыкли, точно к пуфику на диване, и на который можно положить голову, а можно водрузить ноги или обнять уставшими руками, будто ребёнок обнимает мягкую игрушку, — и сладко заснуть не в одиночку. Это было какое-то новое и неожиданное для неё чувство уверенности, что теперь уже совсем не важно, как ты выглядишь, — и это совсем не потому, что ты превратилась в предмет домашнего обихода, а просто тебя воспринимают как неделимую частичку себя: так родители любят своего ребёнка, не замечая, что он некрасив или глуповат, любят просто за то, что это их кровинка. Ей стало казаться иногда, что уже можно только начинать фразу — доканчивать её не надо, супруг всё прочтает по глазам и поймёт с полуслова. Она тогда думала, что это и есть счастье, тихое и спокойное, что зовётся семейной гаванью, где корабли отдыхают, поскри-

пывая ржавеющими бортами друг о друга. Счастье, что можно ходить в драном старом халате — и оставаться нужной, точно войлочные боты «прощай молодость», в которых дома так тепло и комфортно.

Постепенно Лида стала понимать, что, пожалуй, теперь она имеет такого мужа, какого всегда хотелось ей иметь. Она просто сделала его своими руками.

Была ли она счастлива в браке? Пожалуй, нет, брак представлялся ей длинным составом из обшарпанных вагончиков, что ехал по обочине леса, мотаясь на стыках рельсов из стороны в сторону, но ни разу не сойдя с них. Она смотрела из окна вагона на пробегающие мимо перелески и мелькавшие изредка водоёмы, полные свинцово-серой или зеленоватой мутной воды. Она вышла из вагона изредка. Стояла на перроне, смотрела на свой поезд с вагончиками-близнецами, среди которых затесался лишь один, тоже снаружи весьма похожий на другие вагончики, но в его окна проглядывали аккуратные столики, смутно напоминающие ресторан и праздник жизни... Стоя на перроне, она видела лишь толпу снующих вокруг нагруженных скарбом людей, тащущих свою добычу на горбе, будто чёрные муравьи, и всё тот же серый запылившийся поезд, под слоем копоти на котором лишь с трудом можно было угадать свежую зелень некошеной весенней травы. Её попутчики тоже выходили на перрон глотнуть свежего воздуха и тоже видели свой серый запылившийся поезд. Они даже пытались пройти немного к голове состава или даже оглянуться назад, но всё равно видели один и тот же серый закопчённый поезд, на котором было написано «Семейный очаг».

Иногда она перебежала внутри мчащегося поезда в соседние вагончики в гости. В тамбуре было накурено, холодно и качало так, что она вцеплялась в поручень, боясь потерять равновесие и ткнуться головой в комнату с застоявшимся удушливым и едким запахом аммиака. Ей всё время казалось, когда она открывала дверь в соседний вагон, что вот сейчас под её ногами вагончик с лязгом отсоединится — и она не успеет перепрыгнуть в соседний вагон и провалится в бездну, грозящую

её поглотить надвигающейся тяжестью вагона, купе которого она со скуки покинула, как ей казалось, совсем ненадолго: только проветриться и вернуться назад...

Лидия Андреевна не могла сказать, чтобы семья была для неё обузой... Нет. Но когда летом она отправляла своих «спиногрызов» к матери, она вздыхала, нагнетая полные лёгкие уже запылившегося от летней жары воздуха, и начинала дышать спокойно и ровно. Теперь у неё даже находилось время пройти по летнему городу, разглядывая парашюты ярких женских платьев, что летели ей навстречу, как когда-то в увисавшей от неё юности, будто ветер на взлётной полосе. Сама она уже почти забыла, что это такое: плавно спускаться сквозь дымок облаков под раскрывшимся куполом, с высоты которого всё казалось ничённым и мелким.

Передых был весьма кратковременный. Каждую пятницу она отбывала к матери, навьючившись тяжелыми авоськами, тряпичные верёвочки которых до боли и одеревенения резали сжимающие их пальцы. Впрочем, за неделю она успевала сильно соскучиться. И, так и не успев переделать после работы допоздна домашние дела, катящиеся, будто на ходу слепленный снежок с горы, и которые теперь приходилось переносить с выходных на поздние вечера, когда она возвращается со службы, Лидия Андреевна отбывала снова в загородный рай из города, расплавленного и пропахшего разгорячённым асфальтом.

Мать, проработав всю жизнь в сельской школе, уйдя на пенсию, начала стремительно стареть. Приезжая домой, Лидия Андреевна всё чаще замирала с останавливающимся сердцем и силилась протолкнуть застопорившийся комок в горле. У неё всё чаще тоскливо ныло в груди, когда она смотрела, как мать быстро превращается в сгорбленную ворчливую старушку с садом, растающим крапивой, в котором та уже почти совсем перестала выращивать овощи. Их приходилось возить им с мужем из города, так как сил копать у Лиды оставалось всё меньше, а Андрей был до мозга костей городской ребёнок и вообще не понимал, зачем это делать, если можно сходиться на базар.

Она знала, что матери всё труднее управляться и с хозяйством, и с внуками... Да и дом постепенно начал коситься набок, будто ногу подвернул, и теперь стоит хромою, сдвинув набекрень тяжёлую серую крышу, точно берет не по размеру, что всё время съезжает набок от ветра или поворота и качания головы в такт собственным шагам. Входную дверь закрывала теперь с большим усилием даже Лидия Андреевна, мать же перестала притворять её совсем. По веранде, разбухшей от осенних дождей, словно опухшей от постоянного плача крыши, бесцеремонно разгуливал сырой ветер, проскальзывающий в трёхсантиметровую щель... От мужа помощи было не дожидаться, брат почти совсем перестал здесь бывать. В один из своих приездов Лидия Андреевна взяла давно затупившийся топорик, весь в бурых пятнах, будто от запёкшейся крови, и стала стёсывать с верхнего ребра двери слой за слоем, чувствуя, как затекают и немеют руки... Остановилась со странным ощущением, что она живая, а руки стали словно тряпичная игрушка — онемели, будто гангрена за считанные минуты дошла от кончиков пальцев до предплечья... Она опустила плечи-руки и начала энергично работать кулачками, точно сжимала резиновую пищалку, пытаясь извлечь из неё жалостливый всхлип. Почувствовала, как рука словно натолкнулась на ежа: в ткань впивались сотни мелких иголок, вызывая уже нестерпимую боль, готовую сорваться стоном с губ, как вспугнутая кошкой птица...

Знаком вопроса вышла из комнаты мать и встала в двух метрах от дочери, с досадой её разглядывая:

— Не смогла? А вот отец бы сделал!

Лидия Андреевна почувствовала, как ядовитые слёзы побежали из глаз, будто из сливного бачка, который наполнился, но засорился и перестал запирать воду в себе...

— А я тебе не отец! Я не мужик, слышишь? Не мужик! Заставь своего любимого сынка сделать! — Развернулась и, до звона расшатавшихся стёкол хлопнув дверью, нырнула в свою комнату, с облегчением чувствуя, как горячая кровь по каплям вливается в затёкшую ладонь...

В последние годы мать стали преследовать постоянные страхи того, что в саду ходят чу-

жие люди. Например, она могла услышать сильное шуршание листьев или треск веток под ногами, будто ломали хворост для костра, — и замирала за дверью, боясь выглянуть, прислушивалась к шагам в саду. Это был то медлительный ёж, то одичавшая брошенная уехавшими дачниками кошка, то соседская бесцеремонная собака, облюбовавшая их сад для своих прозаических нужд. Как Лидия Андреевна ни показывала притаившегося у крыльца под кустом жасмина ежа, ни говорила, что это соседский пёс опять припорол в их огород, мать, соглашаясь с ней, всё равно пребывала в постоянной тревоге, что стояла в заброшенном доме, будто пропитавший всё запах сигаретного дыма.

Она совсем перестала покупать одежду, ходила в латаной-перелатанной, аккуратно штопая мелкие дырки от моли и кожееда. Лидия Андреевна как-то предложила ей приобрести пальто, но мать отрицательно замотала головой. Будто знала, что её жизнь кончается и скоро ей не нужно будет ничего.

Мама вдруг стала стремительно терять слух. Лидия Андреевна с печалью начала замечать, что всё чаще и чаще та просто не слушает её, тихо, на цыпочках уходит в себя... И даже не пытается напрягаться, чтобы уловить хоть что-то знакомое в еле пробивающихся к ней голосах, таких для неё слабых и отдалённых, точно речь из телевизора из соседского дома. Говорить с ней становилось всё труднее, словно плывёшь против ветра, отплёвываясь и задирая подбородок, чтобы не захлебнуться в складках реки... Надрывая голос, Лидия Андреевна пыталась что-то до неё донести, но мама не понимала... Она, видимо, не то чтобы не слышала, иногда у неё вся человеческая речь сливалась в какую-то сплошную музыку типа клёкота птиц... Слышишь, а на каком языке говорят, не знаешь... После такого диалога, еле прорывающегося сквозь шум прибора, у неё страшно раскалывалась голова, затылок стягивало железным обручем, сердце бешено колотилось, запертое в грудной клетке, и пыталось вырваться на волю, будто из загоревшейся каюты. И она теперь тоже отчётливо начинала слышать этот неласковый шум прибора, разбивающий вдребезги волны о скалы...

Слава богу, мама не всегда не слышала. Это было чаще всего в какие-то дни, когда она была сильно возбуждена.

Мама почти никогда не справляла своих дней рождений, но её 85 лет решили отметить хотя бы в семейном кругу. Помимо них с мужем и детей, пришёл брат с женой и ребёнком. Это был странный день рождения. Мама сидела раскрасневшаяся, будто девочка, и очень оживлённая; она даже умудрилась испечь пирог и приготовить студень, что уже не делала несколько лет. И ничегошеньки не слышала... Нет, она даже что-то такое, раздумываясь, радостно им рассказывала из своей жизни, ускользающей, точно ящерка из рук, оставляющая в них свой хвост... Но она совсем не участвовала в общем разговоре. Им всем тогда показалось, что можно говорить уже обо всём, что они от неё скрывали, она всё равно не услышит и не поймёт. Это было так странно... Человек вроде бы тут, с тобой, но как бы и нет его... Уже там... Пару раз мама неловко попыталась встрять в разговор, но это было настолько невпопад, что они не выдержали и покатались. Засмеялись по-доброму, как смеются и потом с гордостью рассказывают о своём подрастающем малыше, который пытался сморозить что-то взрослое...

Лидия Андреевна почему-то не раз со стыдом и болью вспоминала это... Зудящее воспоминание снова и снова выныривало из темноты памяти где-нибудь на очередном застолье, где все уже были слегка пьяны и воспринимали мир через дымку сигаретного дыма. Очертания лиц были расплывчаты, а от воспоминаний неожиданно тупой болью щемило сердце, как от незаметной маленькой занозы, ушедшей под кожу далеко вглубь.

7

Тот последний год был очень тяжёлый. Мать начала слабеть, но даже не от болезней, просто организм исчерпал себя. Лидия Андреевна радовалась, что мама всё ещё себя обслуживает, но уже был заброшен огород и сад, покосившаяся изба, словно старуха горянка, пережившая всех своих сверстниц и

давно отпраздновавшая своё столетие, вызывала щемящую жалость. Тем не менее мама всегда старалась Лиду накормить, готовила к её приезду обед и, налив полную тарелку супа, садилась напротив, подперев щёку, и смотрела, как дочь ест. Лидия Андреевна не очень-то это ценила и не совсем понимала, каких сил этот обед маме стоил. Поняла уже после, когда мамы не стало.

В один из приездов того последнего года Лидия Андреевна сидела за круглым домашним столом, за которым все они так любили собираться за чаем, и с грустью смотрела на мать. Кожа её стала какой-то серой, будто сырая штукатурка, покрытой сетью морщин и делалась всё более похожей на белый налив, который вытащили из компота и на месяц забыли, оставив на блюдечке на подоконнике. Яблоко постепенно теряло сладкую воду, пропитавшую его, всё уменьшаясь и сморщиваясь, становясь как бы печёным...

Старческие руки вцеплялись в чайник корявыми пальцами, похожими на обрубленные лопатой корни, когда мать наливала ей чаю: она, видимо, очень боялась уронить чайник. Лидия Андреевна хотела сделать всё сама, но мама не давала. Мать сидела в нарядном белом кружевном воротничке от какой-то манишки из её молодости, что был выставлен поверх строгого синего платья, аккуратно заштопанного во многих местах, и смотрела водянистыми глазами вдаль. Что она видела в той дали, было ведомо только ей... Она будто была уже не с Лидой, а где-то там, куда до поры до времени хода нет никому... Иногда улыбалась, словно ребёнок, но улыбалась не миру, а про себя... Что она вспоминала? Кто стоял перед глазами — такой любимый и желанный?

— Мама, ты слышишь, что я тебе говорю?

— А? — мать тяжело поднялась из-за стола и стала медленно убирать с него посуду в раковину.

Вмыть посуду дочери она не дала. Категорически сказала, что сделает всё сама. Лидия Андреевна ушла в комнату, чтобы немного там прибраться.

Через десять минут Лидия Андреевна услышала глухой стук падения чего-то очень тяжёлого на веранде. Сжавшись в комок от недоб-

рого предчувствия, она выскочила из комнаты. Мама растянулась на полу, на спине, и виновато улыбалась. Раскинутые руки лежали перекрученным жгутом подсинённого белья. Улыбка была, как у проснувшегося младенца. Рядом с головой по неровной половице растекалось тёмно-красное пятно. Оно было уже размером с блюдечко и медленно прибывало в диаметре. Лидия Андреевна, чувствуя, что потолок над её головой тоже покачнулся и куда-то поплыл, будто простыни на верёвке, вздуваемые ветром, крепко зажмурилась и попыталась приподнять маме голову. Ей это удалось. Из маминогo темени сбегала красная змейка, похожая на забродившее вино из кувшина. Лидии Андреевне удалось кое-как подвинуть мать к стене, чтобы та оперлась о брёвна. Обработав рану перекисью водорода, ей через десять минут удалось остановить кровотечение и наложить повязку. Рана была не очень глубокая, но почему-то кровь хлестала так, будто была перерезана крупная вена. Вытекло, наверное, с пол-литра крови. Вся приходящая как-то незаметно оказалась заляпана липкими следами от тапочек. Однако мама уже оправилась и осторожно поправляла повязку на голове. Она, видимо, случайно запнулась о перекошенные половицы или просто подвернула ногу.

Попросив принести ей стул, мать оперлась всем телом о его сиденье и стала потихонечку подниматься. Лидия Андреевна попыталась помочь ей, но мама недовольно замотала головой и сказала:

— Я сама.

Примерно через час мама снова сидела за их обеденным столом и безмятежно пила чай, смотря на Лидию Андреевну глазами нашкодившего ребёнка. Лидия Андреевна с облегчением думала, что всё обошлось, но чувство испуга, необратимых перемен и неотвратимой потери с того дня прочно поселилось в её сердце.

На следующий день как ни в чём не бывало мама вышла к завтраку. Лидия Андреевна ужаснулась, увидев её. Половину лица у той занимало огромное чернильное пятно. Губы напоминали чёрные перезревшие виноградины: были распухшие и покрытые белым вос-

ковым налётом. Чернильное пятно стекало по щеке в расстёгнутый ворот ситцевого халата. Из коротеньких рукавов халата торчали две худеньких руки, казалось, обмотанные сморщенной кожей, как высушенным съезжившимся папирусом, и так же обляпанные огромными кляксами чернил. Мама опять виновато улыбнулась:

— Красивая я, да?

Лидия Андреевна почувствовала, как слёзы навернулись у неё на глаза и одна самая неловкая из них побежала вниз. Будто вода потихонечку сочилась из треснувшей трубы в перекрытие между потолком и полом, медленно накапливаясь там, — и вдруг, когда внутри всё промокло уже насквозь, начала сочиться наружу. Капли теперь висели на потолке, одна за другой прибывая. Вот первая капля сорвалась вниз, за ней через минуту упала другая. И было ясно уже, что это надолго. Остановить процесс было невозможно. Теперь даже если трубу заменить или как-то залатать течь, то вода всё равно будет сочиться из перекрытий ещё долго-долго...

А мама, словно ничего и не произошло, бродила ситцевой тенью по дому, выходила в заросший сад, сидела на почерневшем крыльце, поросшем сизым лишайём, и блаженно улыбалась, ловила сморщившимся лицом лучи последнего летнего солнца.

Ехать с Лидией Андреевной в город она наотрез отказалась. Да Лидия Андреевна и не настаивала, понимая, что им с ней будет очень тяжело. Взять её с собой — значит нарушить и без того шаткое равновесие в их семейном очаге.

В ноябре, в очередной приезд Лидии Андреевны в деревню, всё повторилось снова. Только теперь это произошло в комнате. Мать ударилась виском о порог. Крови на сей раз, наверное, можно было бы набрать целый маленький тазик. Лидия Андреевна, еле удерживаясь на ватных ногах, отжимала половую тряпку. А мать опять сидела умиротворённо в кресле и улыбалась. И вновь слёзы, как из отсыревшего потолка, капали на пол.

Лидия Андреевна подумала тогда, уж не делает ли это мама специально, чтобы привлечь её внимание, дабы, уезжая домой, любимая дочка видела всё время её страшное лицо, уп-

рямо напоминающее спину умершего отца, когда его обмывали деревенские соседки, а Лида стояла в комнате и подавала им тазы и тряпки, требуемые командными голосами.

Последнее в маминой жизни лето было летом пожаров. Три месяца стояла нестерпимая жара, от которой земля растрескивалась так, что казалась вся покрытой тёмными незаживающими трещинами. Трава уже в июне превратилась в прошлогодний сухоцвет, потерявший от времени цвет и запах. Цветов в этом году не было. Засохли в бутонах, что смиренно качались маленькими сморщенными ягодками, создавая иллюзию вызревших плодов. Горели торфяники и леса. Пожары были верховые, в мгновение выгорали целые лесные массивы... Крона вспыхивала, точно умело сложенный в костре хворост; деревья размахивали своими обгорающими сучьями, пытаясь остудить их на ветру, но ветер только подхватывал и перекидывал с ветки на ветку рыжие языки пламени, облизывающие и сжирающие серые бескровные ветки, будто закопчённые косточки, и переносил их играючи на своих реактивных крыльях на крону соседнего дерева, замершего в оцепенении перед неизбежной гибелью... И бежал дальше, дальше, оставляя в растрескавшейся земле огарки стволов, застывших, словно покосившиеся памятники на заброшенном кладбище, мчался вперёд к новым деревьям, слизывая с земли целые селенья и оставляя после себя плач и опустошение.

Солнце в этом году было без лучей. Его будто и не было вовсе. Висело в задымлённом небе металлической тарелкой, словно луна в полнолуние, отливаясь плавящимся оловом. Два месяца жили как в тумане. На расстоянии вытянутой руки было не увидеть ни лица близкого человека, ни своего расхристанного дома, ни кустов и деревьев, понурившихся в ожидании своего конца. Всё растворилось в пепельном мареве, похожем на душную песчаную бурю, вырывающую с корнем всё живое. Воздуха не хватало. Горький дым ел глаза, высекая ядовитые слёзы, разъедал, будто кислота, сипнущее горло, ввинчивался в лёгкие. Люди задыхались, получали инсульты и инфаркты. Могги были переполнены, и трупы не успевали вскрывать...

Лидия Андреевна поливала маму в саду из лейки, смотрела на свои исчезающие в дыму руки, ощущая, как липкий пот застилает глаза и ползёт по спине вертлявой ящерицей, — и сердце сжималось в предчувствии, что лето это последнее, когда она безоговорочно любима, и неизбежное расставание ни остановить, ни отсрочить: запалённый огонь стремительно бежит по полю жизни, уже начисто отрезав путь к возвращению, и дышит жарким своим дыханием в затылок, будто взбесившаяся гончая собака. Но её чувства как-то притупились от жары, оплыли, точно свечной огарок... Она казалась себе пластилином или шоколадкой, поплывшей на солнцепёке, не в силах собраться в кулак — ни физически, ни мыслями. Только к утру она испытывала минутное облегчение, стоя в молочном саду и ловя кожей остывший угар прогорклого ветра. Она пыталась отогнать от себя гнетущее её предчувствие, но оно, точно едкий дым, набирало силу, становясь плотнее и плотнее, сдавливая сердце, перебивая дыхание и застилая глаза сплошной пеленой, приклеившейся к лицу, словно белая простыня. Всё лето жили они на грани обморока, на грани сна и небытия...

Жара отступила, как и пришла, внезапно, оставив за собой выжженное поле, по-прежнему клубящееся удушливым дымом. Лидия Андреевна стояла в сентябрьском саду, где деревья давно сбросили свои листья и их чёрные скелеты угадывались сквозь мглу, будто тени на стене комнаты в предрассветной мути, и внезапно подумала, что такое лето не может пройти бесследно. Что-то в отлаженном механизме её жизни должно сломаться окончательно и без надежды быть починенным. Чувство скорых потерь было так явственно, что она впервые испугалась их неотвратимости, точно неожиданно увидела мчащуюся на неё трёхтонку, отскочить в сторону от которой она уже не успеет, зажатая двумя встречными потоками машин...

8

Брат всегда был в детстве зачинщиком их Бигр и развлечений. Лидочка постоянно шла у него на поводу. Зачем-то карабкалась по

шершавой коре осокоря, ветви которого выросли так, что образовали своеобразный шалаш, где они сидели, будто в кресле, невидимые снизу, высматривая прохожих на дороге, чтобы с криком кинуться к ним, пугая неожиданным своим появлением, как с неба. Катались на велосипеде, уезжали так далеко, как она сама бы никогда не рискнула, тщательно скрывая своё путешествие от взрослых.

Иногда брат заговорчески на неё смотрел и предлагал: «Пойдём поищем чего-нибудь вкусенького». Она знала, конечно, где хранятся в доме сладости, и никогда бы не осмелилась сама вытаскивать их из хранилища — большого эмалированного бака, куда складывались все лакомства, чтобы не стать погрызенными мышами. Она крадучись отправлялась вслед за братом на их маленькую кухню, за печкой, в полутьме они находили большой бак — брат потихоньку приподнимал крышку и разворачивал кульки и пакетики.

Не раз с его подачи они весело удирали из детского сада домой. Серёга просто, хитро улыбаясь, подходил к ней и говорил: «Пойдём домой?» И они шли. Бежали по длинной просёлочной дороге, весело смеясь тому, что это, оказывается, так просто: сбежать из-под надзора воспитательницы.

Но Серёжа был зачинщиком не только шалостей. Он имел неплохие художественные способности и научил Лиду делать картины и барельефы из мягкого камня, опоки, что представляла собой слежавшиеся пласты глины, говорят, богатые кремнезёмом. Была она белая, розовая, голубая... На этих цветных камнях брат ножиком или шилом создавал гравюры или вырезал какой-нибудь барельеф, потом раскрашивал своё творение цветными карандашами или акварелью. Лидочка с восхищением смотрела на его произведения и старательно пыталась перенять технологию. Но как у брата, у неё никогда не получалось... Чего-то ей не хватало. Делал он поделки и из дерева. Находил корень или ветку, напоминающие какого-нибудь зверька, снимал кору, отсекал ненужное, покрывал лаком, затем прибавлял к какой-нибудь деревянной подставке. Ставил их куда-нибудь на буфет. Эти поделки по сей день стоят в мамином доме.

Сергей поступил в институт легко, на радиофизический, где конкурс был в те годы небольшим, так как учиться было там трудно. Лидия редко виделась с братом, жили они по разным общагам. По выходным, особенно летом, они виделись в деревне. Сергей худо-бедно чинил матери крышу, вечно плачущую по весне и во время гроз в подставленные миски и тазики, надрывающую душу монотонной гаммой капели, почему-то напоминавшей ей пытку заключённого в Древней Греции. Латал гниющее крыльцо, на которое становилось порой страшно ступить — досочки его качались, усыхали и осыпались трухой, расходясь друг от друга, будто люди в старости; клеил в комнате новые обои, закрывая чёрные, рвано обкусанные по краям дыры, прогрызенные мышами; красил облупившуюся, словно нежная кожа после жаркого южного солнца, веранду. Иногда же заставить его что-то делать было просто невозможно. Он целые выходные гонял на моторке по реке или удил рыбу. Однажды, когда он повёз их с подружкой покататься, она нашла в случайно незапертой носовой части наполовину початую бутылку водки и с удивлением поняла, что ни одна вылазка Сергея на реку не обходится без того, чтобы открыть этот носовой ящик.

Брат начал пить лет с двенадцати. Сначала это были бесшабашные компании деревенских друзей и одноклассников, потом, уже когда он уехал учиться в город, общежитские пьянки. Поначалу довольно невинные, но после одной из пьяных забав Сергей был отчислен. Третьекурсники, шумно празднуя 23 февраля, набрались — и в эйфории от избытка женского внимания и хмельных напитков стали мазать тортами столы в аудитории... Казалось, что это всего лишь безобидная студенческая забава перепивших юнцов, но как-то так получилось, что он был выведен зачинщиком этого безобразия. Из пятнадцати участников попойки, среди которых был и сынок замдекана, Серёжка оказался единственным уволенным из политеха. Больше в институт он не пошёл: загремел в армию, но вскоре был оттуда комиссован как эпилептик. Устроился на автозавод, но получал очень мало как не имеющий опыта и квалификации, однако ему да-

ли комнату в общежитии. Вскоре женился на девочке на пять лет его старше, женился по залёту, но та оказалась хорошей женой. И мать была рада, так как жена держала сына в «ежовых рукавицах», пить не давала, и угроза нехорошей компании, неотступно маячившая на обозримом горизонте, отступила. Его Наташа работала участковым врачом, бегала по лестницам целый день, поднимаясь в квартиры гриппозных и более тяжёлых больных.

С началом перестройки он, как и многие, ушёл с завода и кинулся в предпринимательство. Сначала торговал сигаретами, потом пытался делать табуретки на продажу, занимался ремонтом квартир и, наконец, стал торговать бензином. Тут у него дела неожиданно для всех пошли в гору. Он практически не пил. Купил машину: сначала старенькие «Жигули», но вскоре «Жигули» были поменяны на «Волгу-24», затем наступил черёд иномарок. Как все начинавшие свой бизнес, он крутился как белка в колесе, иногда снимая стрессы водкой. Каждый год теперь они втроём с ребёнком отдыхали на юге и даже съездили отдохнуть в Турцию. Сергей очень любил дочку Лизку, называл её не иначе как «зайкой», и Лидия Андреевна, глядя на эту его любовь к дочери и чувствуя недостаток в доме, однажды сказала брату:

— Если со мной что-то случится, ты забережь моих детей?

Брат молча кивнул. Ещё не пробежала тогда между ними чёрная кошка со вздыбленной шерстью и злобно горящими зелёными глазами, победно задрав хвост трубой, напоминающий чёрный столб дыма, сыпавшая искрами от наэлектризованной шерсти так, что удар током чувствовался на расстоянии. Ещё не страшно было перешагивать через день ото дня росший барьер с тоскливым предчувствием, что за барьером бездонная пропасть: угловатый камень покачнётся и неловко выскользнет из-под подвернувшейся ноги...

Она потом не раз спрашивала себя, что же заставило её задать этот вопрос? Она не собиралась умирать, да, конечно, в жизни бывает всякое, но её Андрей был хорошим отцом. Он был более надёжен и устойчив, несмотря на их весьма скромный достаток, чем брат... Что же это тогда было? Голос родной крови? Брат — он

ведь всё равно твоей крови, а муж чужой... Да, у них не было столько денег, сколько у Сергея... Но её муж не пил... Она не могла его упрекнуть в том, что он совсем не занимался детьми. И, безусловно, случись что с ней, он никогда бы не отдал никому своих детей, тем более пьющему деревенскому парню, пусть хваткому и предприимчивому. Да тогда были живы и родители Андрея. Неужели они бы отдали своих внуков в чужие руки? Нет, это трудно себе даже представить... Тогда почему вырвалась это фраза? И зачем она повторила свой вопрос Сергею ещё пару раз... И он снова согласен кивнул ей. Хотела ли она сделать больно Андрею? Но ведь тот не слышал её просьбы. Тогда почему? В знак их детской дружбы, привязанности? Но жизнь уже давно постепенно относилась их всё дальше и дальше друг от друга, словно два куска расколовшейся льдины вскрывшейся ледяной рекой... Неужели брат был роднее мужа? Нет. Никогда. Уже через несколько лет они перестанут видаться почти совсем, будут только сталкиваться, точно прохожие в толпе, на дне рождения матери, и Лидия Андреевна будет ревностно следить за его женой, чувствуя поднимающуюся к ней неприязнь от того, что та так по-хозяйски орудует в их доме, и, пугаясь этой медленно, но неотвратимо закипающей в ней ярости, будто молоко, что поставили на раскалённую плиту и оно медленно приподнималось в кастрюльке, пока температура не достигла критической... И вот молоко стремительно побежало через край...

Когда и как разошлись они с Сергеем? История их разрыва началась с того, что однажды невестка в свой приезд к их маме, когда Лидия с детьми были на даче Андрея, помогала свекрови убраться в доме и попросила у той золотые колечки для внучки Лизы. Сама ли мать показала их снохе или Наташа случайно наткнулась на них, но колечки были подарены снохе, вернее внучке, дочке любимого сына. Лидия Андреевна не носила колец, как и мама. Но что-то вдруг такое в ней щёлкнуло, будто ногу неловко поставила на мышеловку. Нет, не попалась, конечно, но больно ударило, прищемило нежную кожицу, до кровоподтёков, до жёлто-лиловых синяков, напоминающих бензиновую плёнку на глади озера.

Пожалуй, именно то, что он теперь преуспевающий торгаш, и разводило их всё дальше и дальше друг от друга.

Впрочем, всё чаще Сергей был мрачен, раздражителен и агрессивен. Редкая их встреча теперь обходилась без мечущих молниями перепалок и стычек, кончавшихся градом обвинений, которые долго потом не таяли и лежали ледящим грузом на зелёной траве её воспоминаний и родственных привязанностей. «Родная кровь» впитала в себя бензиновые масла — и очищение уже было маловозможно. Дух наживы, будто алкоголь или наркотик, кружил голову, море слёз, казалось, по колено, и жизнь спешили перейти, как поле.

Когда Сергей после одной из своих первых поездок в экзотические морские страны с эйфорическим опьянением рассказывал о том, как он спускался на воздушном шаре, Лидия Андреевна почему-то подумала, что он ещё не спустился. Он ещё медленно парит, подхваченный мощным потоком воздуха, несущим его туда, где можно попасть на выставленные скрепленными копиями ветки деревьев. Приземленье ещё впереди, но оно неизбежно и неотвратимо. Точки-домики всё растут и растут в своих размерах, и, поначалу захваченный красотой открывшегося сверху вида, ты уже пугаешься вырастающих громад, маячащих своими острыми закопчёнными трубами и железобетонными крышами, ощерившимися вилами антенн.

Его тёща жаловалась матери, что Сергей пьёт, что его надо лечить, что он дурно влияет на её дочь, вьёт из неё верёвки и вкладывает в её голову свои мысли, превращая в неврастеничку. Со стороны нельзя сказать, что у них с женой были плохие отношения. Иногда он прилюдно обнимал её за плечи, называл «мамкой», щедро украшал, почти как мусульманин, золотом: на её изящных руках остались без колечек лишь большие пальцы.

Лидии Андреевне было смешно, что та насаживала столько колец, а ещё серёжки, три цепочки... И впрямь как у восточных народов... Но там носят, так как боятся, что их выгонят из дома и они смогут забрать только то, что на них надето... А тут...

Лидия Андреевна частенько видела брата с

дочерью на коленях. Дочь была уже здоровенная лошадка, но это ничего не меняло. Серёга всё так же, будто маленького ребёнка, сажал её на колени, слегка покачивая, будто в детской игре «По кочкам, по кочкам...». Кто её придумал, эту игру? Это «По кочкам, по кочкам... В яму ух...»? И зачем сочинили? Кто-то решил с детства готовить ребёнка к вечной скачке по кочкам, когда того и гляди у рысака, несущего тебя в никуда, подвернётся нога, или сам оступишься, споткнёшься... Знаешь всё это — и передвигаешься осторожно, смотря под ноги и оглядываясь назад, а потом вдруг раз... Всё равно летишь в яму, норovia переломать не только ноги, на которых твёрдо стоял на земле, но и хребет... Только уже не смеёшься, как в детстве, от неожиданности, чувствуя, что тебя всё равно удерживают родные руки — знаешь, что это всё игра, что это всё не серьёзно... И снова взбираешься на тёплые колени.

В последние годы они почти не встречались с братом. Иногда соприкасались через мать, а так... Жизнь окончательно развела их.

Они были дружны в детстве... Но почему из детских воспоминаний у Лидии Андреевны постоянно всплывает одна сцена?

Июль. Они качаются в гамаке, забравшись в него с ногами и сидя друг против друга. Гамак был привязан к двум корабельным соснам, и поэтому там была всегда тень и спасительная прохлада в знойный летний день. Сосны простирали над их головами свои мохнатые зелёные лапы, ветер тихонько их покачивал, будто баюкал, раздвигая просвет в голубое небо, в котором не было ни облачка. Трудяга дятел где-то упорно долбил наверху. Лидочка запрокинула голову, ища по стуку красную шапочку этого врача деревьев, нашла. Дятел сидел высоко на шершавом стволе, обросшем рыжей коростой, и методично её долбил, делая коротенькие передышки.

— Смотри! — радостно закричала она брату, собираясь поделиться увиденным.

И в этот момент оказалась на земле. Острые бугорки шишек вдавились в ушибленный бок. Услышала злорадный смех брата, медленно понимая, что это он специально раскачивал гамак, вцепившись в его верёвки, чтобы она оказалась на траве... Она до сих пор помнит эту

свою боль и недоумение от того, что она хотела поделиться своей радостью и протянула руку к дятлу, указывая брату путь для его взгляда, а он воспользовался её непосредственностью, освободил себе место в гамаке и при этом противно ржёт, как он ловко её скинул. Задавив в сердце плач, она засмеялась тоже... Она до сих пор не понимает, что заставило её это сделать... Почему лежала в неловкой позе на земле, вдыхая плесенный запах мха, примяв щекой колючую траву и чувствуя виском расщеперившиеся дикобразом шишки? Почему побоялась показать, что ей больно, что она растеряна и обижена, а вместо этого заискивающе подвизгивала кутёнком, глядя на братца снизу вверх? Может быть, от своей первой растерянности и потерянной в этом полёте уверенности, что не могут твои близкие поставить тебе подножку и при этом ещё и смеяться?

9

Его нашли поутру под их окнами... В полдень в их дверь позвонил участковый и спросил:

— Там под окном человек лежит. Не ваш?

Она вздрогнула, чувствуя, как горло перекручивает затягивающий его жгут и обмякают ноги, становясь силиконовыми, и, пружиня и качаясь на них, будто гуттаперчевый мальчик, пошла в комнату свекрови, где остановился брат. Внутренние створки окна были распахнуты, словно недочитанная книга. Наружное окно, заиндевшее причудливыми узорами, ощерилось огромной звездой с расходящимися лучами обледеневших трещин, из которой тянуло ледяным зимним воздухом мироздания. Безмятежные снежинки влетали в комнату и тут же одна за другой исчезали, утратив свою кружевную белизну, перестав быть единственными и неповторимыми, в мгновение превращаясь в мокрую лужицу на подоконнике, где становились нераздельно слитыми с другими, беспечно залетевшими на тепло...

Всё лицо и руки брата были изрезаны осколками разбитого стекла, просыпанными на тротуар, будто сколотый дворником лёд. Часть порезов была стёрта, точно пемзой, асфальтом, который дворник

очистил поутру для спешащих по делам пешеходов, нещадно вколачивая тяжёлый лом в толстый, чуть припорошенный начинающимся снегом лёд, — чтобы ступать по двору было не страшно и все оставались целы.

Что мерещилось Сергею, когда он смотрел в звёздный колокол неба, ставший внезапно похожим на старый, дырявый, траченный молью зонт. Жёсткий хват маленьких хищных челюстей прожорливой личинки — и новая звезда... Бабочки, летавшие тут и там в пыльной квартире, проделали себе путь к звёздному небу... Купол раскинут всё в том же доме, где пыль, похожая на пропитавшийся гарью и выхлопными газами тополиный пух, лежит мохнатыми гусеницами по углам, под диваном и шкафом... Жёлтый равнодушный свет брызжет из малюсеньких дырочек, и сладко веет наркотным холодом мироздания, ледяным, словно лоб, который целуешь в последний раз...

Она долго потом думала, был бы он жив, не забери они Сергея под Новый год домой? Жена положила его в больницу и подала на развод. Следует отдать ей должное, но брата уже не раз увозили с белой горячкой, не спящего по несколько суток и несущего воспалённый бред, похожий на обрывки звука с затёртой временем киноленты. Лиза выросла — и жена Сергея перестала бояться остаться беззащитной. Сноха приходила к нему в больницу, но жить с ним больше не хотела. Впереди были праздники, выписывать Сергея никто не спешил, но мать почему-то всё время зудела, что того надо оттуда забирать, иначе он не выкарабкается. Она сама вылечит его молоком на свежем воздухе. Вся интоксикация пройдёт. А что он будет делать в праздники в духоте в больнице? Да ещё и дружки заявятся!

Андрей забрал тогда Серёгу из больницы и привёз к ним переночевать. Назавтра утром они должны были ехать вместе к маме...

О чём он думал, глядя в этот дырявый зонт? Что зонт подхватит его и он будет качаться в люльке, как они любили когда-то в детстве, забравшись с ногами в гамак, в который мать приносила старое дырявое одеяло? Они раскачивались всё сильнее и сильнее, норovia вывалиться из него, будто из опрокинутой на борт лодки, которую захлестнула случайная вол-

на... Гамак взлетал всё выше; они, заходясь от смеха, пихали друг друга ногами, откуда один из них не летел вниз, а другой судорожно вцеплялся в верёвку, врезающуюся в пальцы до долго не проходящей красноты, запечатлевшей на нежной ладони свои узлы, будто напоминая о том, что эти узлы уже не развяжутся: их можно только разрубить...

10

Первый раз приступ эпилепсии у Сергея начался в деревне. Он был какой-то беспокойный в тот свой приезд. Потом вдруг сорвался и, невзирая на плохую дорогу (в колее стояла мутная вода, и машины ехали, точно катер: их с крышей окатывали мутные брызги из-под колёс...), поехал в город, сказав, что скоро вернётся. Это потом она поняла, что ездил он туда за бутылкой...

На следующий день мать попросила его устроить люстру. В той горела одна последняя лампочка. Сергей встал на табуретку, принялся ковыряться в патроне и вдруг, неожиданно взмахнув руками, полетел вниз. Сначала Лидия Андреевна подумала, что табуретка покачнулась и он просто потерял равновесие...

Брат лежал на давно не крашенном полу, ставшим похожим на ковёр из прошлогодних осенних листьев, до жилки замороженных и оттаявших вместе со сходом снега, мутные глаза были открыты, и его была судорога: всё его тело ходило ходуном. Лиде показалось, что он пытается разбить себе голову. По его подбородку вязкой стружкой текла слюна, намочив ворот старенькой застиранной и выцветшей рубашки, сдавливающей горло. Брат резко дёрнулся — и в Лидию полетела выстрелянная маленькая пуговица, больно ударив её локоть.

Потом это повторялось ещё и ещё. Она уже не просила Сергея забрать её детей, если с ней что-то случится...

Но он по-прежнему успешно занимался бизнесом. Наташа несколько раз клала Сергея в наркологический диспансер. Первый раз это произошло, когда Серёжа увидел из окна предвыборный митинг с пиратскими знамёнами и громко закричал: «Угарный газ пошёл!» Тёща

тогда вызвала бригаду. Врач сказал: «Готовьтесь к худшему. Мы его из состояния интоксикации не выведем». Хрупкая Наташа, непрестанно плача: «Как я без него буду?», как-то сумела договориться, чтобы Сергею сделали диализ.

Через три месяца он снова торговал бензином, хотя потерял собственную бензозаправку с маленьким магазинчиком и автомойкой на ней. Бензозаправка оказалась у его соучредителя. Пару лет Серёжа не пил, потом сорвался снова. И Наташа опять отправила его в наркологичку, не слушая причитаний свекрови о том, что это может повредить его репутации и карьере.

11

Лидия стояла перед открытым окном и смотрела на затянутый чёрной органзой город, в прорези которой просачивался жёлтый равнодушный свет, льющийся из окон соседних домов. Внизу пробегали мелкие букашки-машины. У неё закружилась голова. Глядя в чернильную пропасть, будто в угольную шахту, внезапно подумала: «Как так можно шагнуть в эту чёрную бездну, разрезая неловкими взмахами рук пустоту? Взять — и вот так в одно мгновение перелететь из одной жизни в другую, откуда не будет возврата?» Город спал. Стояла короткая июньская ночь. Тянуло лесной сыростью от земли. Небо было какое-то словно изъеденное хлоркой: чёрный цвет пропадал местами, точно неловкий мастер размывал побелку и ею всё забрызгал. Слезающиеся глаза домов-циклопов глядели на неё равнодушно и свысока.

Остро почувствовала себя ничтожной мошкой, которой суждено умереть, потому что она спалила свои крылья, ринувшись на будораживший и завораживающий её свет в ночи, прикинувшийся гигантским для неё апельсиновым апельсином, налившимся изнутри золотистым нектаром.

Вдыхая свежий отсыревший воздух, Лидия Андреевна поёжилась, боясь заглядывать в чёрную яму, чувствуя, как холодок страха пополз по спине. Осторожно встала на письменный стол, стараясь не подходить к краю, — и захлопнула окно.

12

Мама пережила Серёжу на пять дней. Просто почувствовала себя плохо, вышла на крыльцо подышать. Пока бегали за таблетками, её не стало. Быстро и легко. Лидия Андреевна стояла в растерянности над ещё тёплым телом, чувствуя, что всё внутри у неё парализовало, но так, как будто судорога всё свела болью и не можешь пошевелиться и сдвинуться с места... И ничего нельзя отметить. А надо очнуться. Смотрела на серое лицо, застывшее и внезапно ставшее маленьким и сморщенным, будто кукольным; на чёрную пещеру беззубого рта, оползающую по краям синей глиной; на вытянувшуюся шею, почему-то напомнившую ей отжатую простыню; и голову с реденькими седыми волосами, ставшими похожими на тополиный пух. И это всё, из чего она когда-то появилась? Через три дня не останется и этого... Растворится в небытие. Затаится на доньшке колодца памяти, становящегося с возрастом всё глубже, до тех пор, пока жива сама. А там уйдёт без следа, продолжая себя во внуках и правнуках...

Лидия Андреевна внезапно почувствовала, что её будто пригибает к земле, что она идёт по улице, еле передвигая ноги, ровно вековая старушка. Стулится всё больше, становясь похожей на знак вопроса. Раньше она никогда такого не замечала. Обнаружив это, она постаралась выпрямиться — и с гордой осанкой царицы медленно шла, напряжённая, будто натянутая струна. Казалось: тронь — и забренчит тревожно. Что-то такое непонятное незаметно произошло с её позвоночником... Взял — и погнулся, словно ветка, отягощённая плодами. С этого дня она постоянно стала отмечать у себя это своё скрюченное состояние. Она будто водрузила на спину мешок, в который был засунут весь скарб её прошлой жизни. Этот мешок давил ей на лопатки, досадно пригибал к земле. Лямки тяжёлой ноши врезались в плечи, нате-рев их до боли и красноты. Временами она просто еле переставляла ноги, боясь оторвать их от земли... Волоком... Волоком... Волоком... Будто свинец в подмётке или налипла тяжёлая глина, пока она ползла по бездорожью, утопая по щиколотку в развезённой колее.

Состояние было — точно оборвалась связь со своими корнями и она, как дерево, подпиленное под корень, лежала на сырой земле, не в силах дотянуться до её живительной влаги, и чувствовала, как её зелёные листочки начинают сворачиваться и засыхать прямо на ветвях. Вчера в её жизни были родные, что безоговорочно её любили, несмотря на любые её поступки. Любили просто за то, что она есть, как воздух, которым дышали, как воду, что пили, не чувствуя её вкуса. Только теперь она стала понимать, что ни муж, ни дети не могут заменить родителей... Она будто лишилась крыла, под которым чувствовала себя в безопасности. Нет, у неё уже давно не было физической опоры со стороны родителей, но она знала, что их дом — это место, где её действительно готовы заслонять от ветров жизни.

Неожиданно она почему-то вспомнила себя маленькой девочкой у отца на руках и так явственно почувствовала колючесть его свитера домашней вязки, пропитавшегося запахом дешёвого табака. Руки обнимали её так крепко и надёжно, как никто уже после не обнимал. Она была оторвана от земли и твёрдо знала, что эти руки не уронят её НИКОГДА. Она вспомнила, как однажды сразу после дождя они пошли с отцом в лес. Было так скользко, что она никак не могла подняться по глинистой горе. Она просто съезжала вниз, хотя отец и продельвал для неё ступеньки, вминая размокшую землю своими огромными сапогами. Он шёл впереди, протянув ей назад руку и таща её за собой на буксире. Нынче она чувствовала себя на той же глинистой горе. Только руку уже никто ей не протягивал... Она будто пыталась уцепиться за кусты, росшие тут и там вдоль её пути; держась одной рукой за один куст, тянулась к следующему — и так передвигалась, всё время обмирая внутри, что вот сейчас вырвет растение из земли.

Лидия Андреевна давно уже больше опекала мать, чем чувствовала её помощь, но всё равно она постоянно ощущала, будто солнечные лучи на лице после долгой и снежной зимы, это мамино желание защитить. В последние годы её жизни, случайно слыша, как мать говорит о ней и внуках подругам, она удивлялась той её гордости, которая напоминала пробившийся

родник, придавленный камнем, что спокойно обогнул это препятствие и с радостным журчанием устремился под горку.

13

Она помнит свой страх, что дети станут кем-то совсем не тем, кем хотелось ей. Она как бы вычертила пунктиром генеральную линию их жизни — и любой их неосторожный шаг в сторону с этой линии, по которой надо было идти прямо, переставляя ногу так, чтобы пятка поднимаемой ноги опустилась в аккурат к носочку той, что твёрдо стоит на земле, вызывал у неё ярость, налетавшую, словно шквалистый ветер, ломающий вековые деревья, но не устоял.

У неё росли хорошие, домашние дети. Она ими гордилась и, если женщины на её работе могли часами обсуждать, что их отпрыск неделями не появляется в школе, а из дома уходит на прогулку после десяти вечера, то, случись у неё такое, она бы, наверное, посчитала свою жизнь никчёмной и неудачной. С плохо скрываемой радостью, переполняющей её, будто подходящее тесто, Лидия Андреевна хвалилась их успехами, но дети даже помыслить себе не могли, что это так. Им частенько приходилось слышать, что они дураки, ни на что не способны и никогда ничего путного из них не выйдет. То, что она рассказывает о них постоянно с дрожью в голосе, как взвизгивающая собачка, завидевшая своих надолго исчезающих хозяев, удивило бы их неимоверно.

Лидия Андреевна смотрела на подрастающих детей и думала о том, что молодость миновала, раз у неё уже такие большие дети. Когда и как успела пролететь жизнь, она и не заметила. В то же время, когда она смотрела на своих детей, у неё было чувство, что те по капельке забирают частичку её. Она узнавала свои интонации, свою походку, своё выражение глаз. Когда в их дом приходили друзья Андрея, что были чуть моложе его, она с удивлением отмечала, что те разговаривают играющими голосами уже не с ней, а с их дочерью...

Она очень боялась, что с детьми может что-нибудь случиться, особенно с Гришей. Он всё

время казался ей маленьким, он и был в их семье самым маленьким. Подруги говорили ей, что она зря так опекает его. Мужчина должен быть защитником, а какой же такой защитник, если он растерянно смотрит на неё, столкнувшись с реальностью, но Лидия Андреевна ничегошеньки не могла с собой поделать. В ней постоянно жило ощущение, что дети без неё потеряются в тёмном лесу жизни. Их обязательно надо крепко держать за руку. Отойдут на шаг — и потеряются. Там аукай не аукай, не докричишься. Только и услышишь собственное эхо.

Если дети долго задерживались, она места себе не находила и начинала обзывать всех их друзей. Дети злились на неё, когда на следующий день им с ехидством говорили, что их мать вчера их искала. Сын становился похож на маленького разъярённого хорька, которого в её детстве поймали и подарили ей соседи. Глаза горели непримиримым огнём, рот искривлялся в преддверии то ли крика, то ли детского плача, обнажая неровный ряд мелких зубов. Шерсть вставала дыбом, поднимаемая электричеством, пробегающим по нервам. Погладь — и ударит током, упадёшь замертво в шоке...

Ей удавалось держать детей в руках. Дальше изматывающих всех перепалок ссоры с детьми никогда не заходили: из дома никто не убежал, в следующий вечер возвращались с учёбы вовремя, на телефоне часами в её присутствии не висели, друзей табунами не приводили.

Когда в её сердце поселилось сожаление о своих утраченных возможностях, когда она впервые почувствовала свой возраст? Может быть, тогда, когда посмотрела на Василису и с удивлением подумала, что дочь уже большая? И выросла она так незаметно и почти в тебе больше не нуждается. Её смутило собственное осознание даже не того, что дочь молода и очень симпатична, а то, что она уже взрослая, то, что рассуждает по-взрослому и поступки у неё стали взрослые. Да, она огрызается на её приказания, но ведь она иногда уже ориентируется лучше Лидии Андреевны в этой жизни. Этот факт больше всего поразил Лидию Андреевну. Ей казалось, что сама она не была такой в возрасте Василисы. Дочь будто говорила: «Твоё время истекает. Подвинься в тень.

На солнце морщины лишь становятся резче: жёсткие складки у рта делаются глубже и почему-то загибаются вниз, будто под тяжестью; от глаз бегут лучики, словно от брошенного камня, попавшего в пуленепробиваемое стекло — на осколки не разлетелось, а видно стало через него плохо».

14

С дочерью они постоянно ругались. Она не смогла допустить мысли, что её маленькая девочка выросла — и теперь живёт своей жизнью, дверь в которую была наглухо закрыта от неё сначала на два замка, потом на дверную цепочку. Дочь даже не пыталась приоткрыть дверь и поговорить с ней через цепочку. Она просто смотрела в дверной глазок, видела её — и тихо стояла за дверью, делая вид, что там её нет. А потом отходила на цыпочках, боясь быть услышанной. Лидия Андреевна знала, что она там, за дверью. И тогда в ней поднималась такая тоска и злоба, что захлёстывала мутной морской волной, поднимая со дна остатки мусора и морских медуз, обжигающих будто крапива, если к ним прикоснуться, но неукротимо тающих на глазах, как только они оказывались выброшенными под ласково пригревающее солнце...

Василиса всё время говорила ей, что она не любит её, а любит только сына, любит всепоглощающей, испепеляющей любовью. Это была неправда... Она любила её не меньше, чем сына. Но это была любовь-поединок двух женщин, одна из которых моложе, безрассуднее и у которой вся жизнь впереди. Вечный поединок. Лидию Андреевну совершенно выводил из состояния равновесия этот вечно огрызающийся голосок дочери, словно скрежет металла по стеклу. Тут же подбрасывало, как на батуте, штормовой волной — и начиналась качка. Двери грохали со стуком сгружаемых с самосвала досок; форточки хлопали в ладоши; рассыпалась на мелкие осколки посуда; трещала ветхая ткань халата, располосованного на две части; на руках оставались синие крупные синяки, напоминающие укусы маленьких ядовитых пиявок, присосавшихся словно незна-

чай, пока разгребали руками колыханье водорослей-предчувствий, плывя по волнам своих подёрнутых зыбкой ряской воспоминаний.

«Что за вспышки ярости были у матери?» — не раз думала Василиса. Иногда Лидия Андреевна замахивалась на детей или мужа, будто собиралась стукнуть. Вася в таких случаях инстинктивно втягивала голову в плечи, ей казалось, что мать сейчас ударит. Но нет... Рука, повисев в воздухе несколько секунд, безвольно опускалась плетью вдоль тела...

Лидия Андреевна любила детей ревностно, патологически...

Василиса росла послушной домашней девочкой. У неё почти не было друзей, она никогда не раздражала их с Андреем частыми приходами своих друзей, многочасовым трёпом по телефону и частыми отлучками из дому. По субботам она убиралась в их большой квартире, стирала и делала уроки. Часто читала, закрывшись у себя в комнате.

В её детстве был ещё случай, когда соседка принесла приглашение на новогоднюю ёлку. Билет был один. Ёлка была в большом Дворце культуры, родителей на неё не пускали: они ждали детей в вестибюле. Василиса так была рада этому билету. Зажмурившись, она представляла себя в большом зале, где на сцене идёт завораживающая дивом сказка обязательно с хорошим концом. Занавес медленно открывает заснеженный лес, освещённый в ночи фосфоресцирующей луной, летящим фейерверком бенгальских огней и цветными юпитерами с балкона: он кажется лиловым, будто пятипалая сирень, которую папа научил искать в кистях соцветий на даче, чтобы стать счастливой... Она и жила несколько дней с ожиданием этого чуда...

В выходной за обедом она нагубила маминной подруге — и была наказана. Ей выговорили, что на ёлку она не пойдёт, но подарок ей всё равно, так и быть, возьмут. Вася сначала даже не верила, что не пойдёт, этого просто ну никак не может быть, а потом до неё дошло, что да, это так. Только причина не в том, кому и что она сказала, а в том, что родители просто боятся пускать её одну в большой дворец... Когда она это осознала, то плакала опять целых три дня, стараясь, чтобы никто не видел, и ей боль-

ше уже не казалось, что в Новый год происходят чудеса. А сладости в подарке, который отец принёс с ёлки, она тогда есть отказалась.

Василиса не раз слышала, как мама говорила о каких-то знакомых своих знакомых:

– Выходила бы замуж, пока ещё можно.

Она усмехалась и думала о том, что её вот замуж не пускают и говорят ей: «Замуж? Зачем? Ты что, бросишь работу? Это же надо додуматься, в наши времена замуж!»

Вася была первым ребёнком, и, в сущности, с ней не было у родителей каких-либо проблем. Она окончила школу с золотой медалью, как медалистка поступила в университет без экзаменов. Она редко ходила гулять, Лидия Андреевна даже иногда просто выгоняла её на улицу, например покататься на лыжах. Лидия Андреевна поймала однажды дочь на том, что та, вместо того чтобы пойти кататься в парк, мочила лыжи водой, будто растаявшим снегом, и спокойно сидела на диване с книжкой в руках. Дочь редко выходила из дома, но если вылезала, то даже её визит в кино, театр, за город вызывал необъяснимое раздражение такой силы, с которой штормовой ветер вырывает с корнем вековые деревья. Лидия Андреевна иногда сама себя спрашивала: «Почему?» Конечно, она боялась глухих неосвещённых улиц, где ей мерещились на каждом углу тёмные личности. Да так и было всё... Но она ловила себя на мысли, которую даже не очень прятала от себя, что она не может не ревновать дочь. Нет, это была ревность не к мужчинам. Это была ревность к утраченным возможностям успеть: успеть состояться, успеть стать счастливой, успеть полюбить... Осознание, что ты пыхтишь в своём вездеходе-уазике по глубокой колее, в то время как разноцветные юркие машины даже и не пытаются сунуться в эту разбегенную и развожженную глину: они просто сворачивают на зелёную травку, промывают до скрипа дождями и пригнувшуюся к земле под тяжестью повисших на ней капель воды.

Как-то получалось так, что Лидия Андреевна изгоняла почти всех друзей детей. Василиса хорошо помнит, что в детстве у неё было полно подружек, потом друзья как-то незаметно исчезли, словно цветы в неухоженном саду, растающем колючим чертополохом и жалящей крапивой... Она просто перестала их звать, так

как Лидия Андреевна умудрялась создать такую обстановку, что казалось: вот-вот проскочит искра, так всё было наэлектризовано — будто волосы под пластиковым гребнем, все стояли навтыжку. Она знала, что даже в их большой квартире, если напрячь слух, то можно услышать все разговоры. Это угнетало её. Она стала бояться вывести из равновесия родителей. Потом ей совсем не хотелось лежать голой беззубкой в распахнутой любопытному взору перламутровой ракушке на отмели... Ей было просто удобнее не иметь друзей...

Лидия Андреевна просто места себе не находила, когда дети уходили из дома. Мысли её становились разобраны, будто пазлы, и собрать их никак не получалось: словно что-то было потеряно и поэтому картина никак не складывалась. Лидия Андреевна становилась рассеянной и, готовя ужин, частенько забывала бросить соль, а специи убирала в книжный шкаф... Делала всё на автомате, чувствуя всё нарастающую в глубине тревогу. Как гроза собиралась. Становилось душно, парило. Вот уже и дыхание затруднено. Ловишь ртом воздух, будто астматик или рыба, выброшенная на берег рыбаком. Кажется, что вода — вон она, близко, можно по роднику доплыть до полнокровной реки... Но нет! Куда там! Лежишь на боку, смотря мутнеющим глазом в бездонное небо, лишь по цвету напоминающее озеро в прозрачный солнечный день, чувствуя, как высыхает и стягивается кожа, невидимая для чужого глаза под серебристой чешуёй.

Когда Лидия Андреевна начинала голосом, не требующим каких-либо мало-мальских возражений, давать распоряжения, дети реагировали по-разному. Гриша почти всегда молчал и шёл согласно всё исполнять, Вася чаще всего тоже всё безропотно делала, но иногда начинала возражать голосом капризной девочки или просто огрызалась. Лидия Андреевна, чувствуя, как накотившая ярость выносит её опять на гребень, обрушивалась волной на дочь: сдёргивала с неё покрывало, которым та обматывалась с головой, или звукоизолирующую подушку, под которую была зарыта её голова. Вася иногда придвигала массивный письменный стол со стороны закры-

той двери в своей комнате. Настоящих замков в комнатах не было... Но и это не помогало. Лидия Андреевна пару раз сдвинула стол, оставив на полу длинные белые царапины, похожие на гноящиеся раны.

Это так страшно, когда начинаешь ощущать неприятие собственными детьми. Когда недавно послушные и ластящиеся к тебе мурлычущей кошкой создания принимаются вдруг ощериваться хорьками, орать на тебя, хлопать дверьми так, что стекло в серванте берётся тихонечко так позвякивать, будто чокается само с собой, желая всем здравствовать... И ты чувствуешь, что уже ничего не можешь сделать... Совсем бессильна противостоять этой силе незаметно выросших на дачном участке диких деревьев, заслоняющих свет в твой добрый огород... Нет, ты, конечно, видела, что они растут, год от года становясь всё мощнее, но сначала необузданная радость: ах, как хороши они в этой своей дикой стройности и несут спасительную тень, потом жалость: пусть порастут ещё, затем неожиданно понимаешь, что сама справиться с ними уже не в состоянии. Да и подмога только что и сможет сделать — так это уронить на крышу дома...

Лидия Андреевна иногда так боялась появившихся в её жизни вспышек от своих чад, что ей порой хотелось как-то подластиться к ним. Нет, в тот момент своего смятения — вовсе не потому, что она испытывала к ним нежность, а именно из-за страха нахождения в неустойчивом равновесии. Будто находишься на деревянных качелях: кто-то тяжёлый уселся на противоположный конец доски, подбросив тебя резко вверх, — и ты сидишь и болтаешь в воздухе ногами, что есть силы вцепившись в замшелый край доски, боясь съехать вниз, как с ледяной горки. Тогда она, набрав полные лёгкие холодного воздуха, заискивающим голосом начинала говорить с ними, подсознательно выкручивая и растирая беспокойные пальцы собственных рук. Она принималась что-то суетливо им рассказывать своим изменившимся до неузнаваемости голосом, становящимся похожим на тот, каким она ворковала с Андреем в молодости в самый разгар их любви. Иногда

что-то вкрадчиво спрашивала, чувствуя, как замирает сердце, будто на свидании, когда впервые признаёшься в любви и боишься услышать: «Нет. Я тебя не люблю и никогда не полюблю».

Странно то, что если она слышала это «нет!», то теперь, как в юности, Лидия Андреевна не уходила прочь, втянув голову в плечи, будто взъерошенный цыплёнок, и стараясь слиться с отброшенной на стенку дома собственной тенью, а, наоборот, гордо вскидывала голову, чувствуя притекающую к щекам кровь и закипающую в жилах ярость. И снова летела чашка на пол, истерично взвизгнув разлетающимися по комнате осколками, вновь хлопали взрывающимися забродившими банками двери, голос срывался, будто лыжник с трамплина, — и летел в «никуда» над пустотой с предчувствием приземления в место, откуда возвращение будет долгим и утомительным. И снова впереди была бессонная ночь, когда луна, разливающая свой ртутный свет, оставит металлический привкус на языке, а глаза станут нестерпимо жечь, как от солнечного ожога.

Теперь Вася хотела замуж. Нет, не то чтобы ей нужен был мужчина. Она просто задыхалась от какого-то душного воздуха пустыни, в который вплеталось жаркое дыхание всё иссушающего ветра, бросающего горстями песок в глаза.

У Лидии Андреевны была относительно спокойная семейная жизнь. Почему же она при этой своей хорошей семейной жизни была так против, чтобы Василиса имела семью? Вася никогда не могла этого понять. Что это было? Ревность? Чёрный злобный зверь ревности, поваливший жертву на пол и нежно лижущий ей лицо? Нежелание делить родного человека с другими? Нежелание впускать чужих на «свою территорию»?

Лидия Андреевна прекрасно понимала, что замужество дочери их разведёт — Вася уже никогда не будет с ней целиком, она будет с другим, чужим совсем человеком, мать станет лишняя, ненужная. Она уже и сейчас ненужная, раздражает только, мешает жить. Да и за кого замуж? Был бы кто-то хороший...

...Почему Лидия Андреевна не хотела, чтобы

Василиса вышла замуж? Был ли это эгоизм? Наверное, да... Ребёнок — это сначала просто твоё, твоя кровиночка, которой ты безгранично предан и служишь день и ночь. А потом кровиночка эта уже не твоя: она удаляется от тебя всё дальше и дальше, как бумажный кораблик, выпущенный из рук, чтобы плыть по весенним ручьям. Кораблик был заботливо сложен, чтобы стать подхваченным бурными мартовскими ручьями. А ты бежишь рядом и любишь плоды своего труда, а потом вдруг всё, внезапно оступаешься, подвёртываешь ногу — и кораблик несётся прочь, становясь всё меньше и меньше, превращаясь в еле заметную точку, несётся, чтобы влиться с ручьём в большую реку. А ты сидишь в луже, растирая лодыжку — и позвать на помощь некого. Чтобы подняться, нужно хотя бы почувствовать опору в протянутом тепле ладони, за которое можно цепко ухватиться скрючившимися в агонии пальцами.

15

Василиса до ужаса боялась умерших. Когда в их подъезде выставляли крышку гроба, она робела выходить из дома в подъезд, и если очень было надо, то просила отца проводить её. Чего она боялась? «Бояться надо живых», — говорила бабушка. Но живых она пока ещё не боялась... Слово «смерть» вызывало у неё какой-то мистический ужас. Она вприпрыжку неслась мимо страшной соседской квартиры... Она пулей пролетала мимо украшенной нежными рюшами крышки, вдыхая свежий запах недавно струганной доски, стараясь не смотреть на гроб. Её никогда не брали на чужие похороны. Но однажды, когда она гостила у бабушки в деревне, умерла соседка через дом, тётя Люся. Василиса немного дружила с её внучкой, хороводилась с покойной и её бабушка. Не проводить в последний путь в деревне было нельзя.

Она стояла рядом с бабкой, стараясь не смотреть на жёлтое, сморщенное, будто печёное яблоко, лицо, лежащее в небесно-голубом ящике с оборками и обрамлённое васильковым шёлковым платком с какими-то белыми

разводами, напоминающими парашюты одуванчиков, парящие над озером; просто смотрела в пространство, ушла в себя...

Думала о том, что вот эта страшная бабушка тоже когда-то была девчужкой, перед которой вся жизнь лежала раскатанной скатертью и казалась бесконечной, будто бескрайние российские просторы. А пролетела, как брошенный мячик в детской игре. И не поймали, и обратно не кинули... Пролетела мимо протянутых рук в кусты колючего шиповника, растущего среди зарослей чертополоха под забором. Да ещё волосатая крапива выросла, как страж на пути, очерилась всеми зубьями своих листьев. И не сунешься. Девчушка кого-то страстно любила, выходила замуж, в муках рожала детей, строила дом и выращивала огород, постепенно превращаясь в дебелую бесформенную тётку, всё меньше обращающую на себя внимание, но чей молодой лик всё явственнее проступал в её детях и внуках. Да, она умерла, но оставила частичку себя в них. И в этом была мудрость жизни и её жестокость. Словно выполотый никчёмный сорняк проявлял свою живучесть и продолжал буйно куститься молодыми побегами. И всё же была для Василисы какая-то пока ещё не понятая чудовищная несправедливость в том, что вот человек жил, карабкался по осыпающемуся склону вверх, год от года слабея от долгого и изматывающего маршрута, но вырастил детей, создал уютный дом, в котором для него рано или поздно не оказывается места.

Она спрашивала себя, почему люди боятся даже любимого человека, перешагнувшего последнюю черту, и торопятся вынести поскорей даже самого любимого покойника из дома?

Она подумала тогда, что не хочет стареть, превращаясь в такое же печёное яблоко, чтобы потом навсегда исчезнуть с лица земли, хотя и оставив себя в детях и делах. Она не хочет, чтобы по небу плыли только что вылупившиеся пушистые лебедята облаков без неё. Она не хочет, чтобы кто-то без неё утопал по пояс в некошеной траве, запутавшись в сетях вьюнка, нежно оплетающего розовые шапки клевера, из которых можно было выдёргивать соц-

ветия по одному и высасывать их сладостный сок, осыпая руки жёлтой пылью, будто сухим колером.

16

В тот вечер они опять разругались. Василиса сказала, что идёт в кино на последний сеанс. Лидию Андреевну захлестнула налетевшая, будто штормовой ветер, ярость. Она сама не могла ясно назвать её причину. Просто она представила, что её девочка будет сидеть в обнимку в кинозале со своим никчёмным новоявленным приятелем Илюшей, способным выдувать лишь мильные пузыри и радостно подпрыгивать, видя их переливы... Он и провожать-то домой её не пойдёт, так как боится опоздать на последний автобус, уходящий в пригородную черту города, что почти город, но рядом с кладбищем, ощерившимся многочисленными мачтами вросших в ил судёнышек. И её девочка побежит одна по пустым и тёмным улицам... Нет, сначала он будет важно сопеть и гладить её круглые колени, потом положит свою грязную руку на её грудь, а после, прежде чем вскочить в свой пригородный автобус, попытается измазать её слюнями, в которых наверняка живёт какая-нибудь гадость.

К тому же она сама не была в кино очень давно. И ничего. В конце концов, она могла бы составить дочери компанию...

Ярость была огромная, страшная, накрывающая с головой мутной волной, захлестывающая лодку через борт и мотающая её из стороны в сторону, заваливая то на один бок, то на другой, грозя перевернуть...

Теперь Лидия Андреевна уже и не помнит, какими словами она обзывала дочь и что ей кричала, только Василиса всё равно нарочито хлопнула дверью, будто проводница задраила вход в вагон, уносящий дочь в неизвестном направлении...

Потом Лидия Андреевна разглядывала пять сизых синяков с лиловым отливом на предплечье дочери, напоминающих отпечатки пальцев на тетрадке первоклассника... Сначала она даже хотела ужаснуться, решив, что это сделал Илья, но потом поняла, что он ни при чём... Она даже вспомнила это ощущение нежной

юношеской кожи, сжимаемой побелевшими от напряжения пальцами, пытающимися её отжать, как бельё. Ей страшно захотелось отогнать от себя эту всплывшую рыбину-картину, стукнуть старым веслом по вынырнувшей голове... Впрочем, это было уже не в первый раз и вполне привычно. Грозу ведь не вспоминают, а дышат посвежевшим озоновым воздухом, радуясь умытой листве и воспрянувшей, потянувшейся к небу траве...

Часов в одиннадцать дочь вернулась, мышью скользнула в свою комнату, долго там шуршала и не выходила в ванную. Лидия Андреевна слышала, как та наконец из неё выскользнула, но ярость уже ушла, и она просто не желала с дочерью разговаривать... Да и Андрей раздражённо подал голос:

— Оставь её в покое и не затевай на ночь глядя скандал. Завтра рано вставать. Бессонная ночь никому не нужна.

Но ночь всё равно была почти без сна. Лидия Андреевна лежала в кровати, слушала храп Андрея, еле сдерживаясь, чтобы не потрясти его за плечо, смотрела на пробегающие полосы света на потолке от припозднившихся машин и думала о том, что жизнь перешла перевал... Сначала она упорно поднималась всё выше и выше, открывая для себя новые горные пейзажи, захватывающие дух своей непознанностью, а потом докарабкалась до маленькой скалистой площадки на вершине, на которой долго оставаться было невозможно, а можно только посмотреть окрест и осторожно начинать спуск. Как она хотела, чтобы Вася была счастлива... Но можно ли найти в нашей жизни счастье в замужестве? Была ли она сама когда-нибудь счастлива так, что прорезаются крылья и хочется лететь навстречу любимым и близким со сбивающимся дыханием, не обращая внимания на рассыпанные ветром волосы, часть из которых просто приклеивается, намкнув, ко лбу? Пожалуй, была... Она помнит то своё состояние неподдельного удивления, что она нравится Андрюше. Даже то, как галантно он пропускал её вперёд или подавал ей пальто, было для неё роскошным подарком. Она неловко подпрыгивала, пытаясь попасть в рукава пальто, которое Андрей уверенно держал в своих изнеженных руках с музыкальными пальцами, так похожих на женские.

Но она отчётливо помнит то своё ожидание чуда, когда ей казалось, что скоро она станет самым счастливым человеком на свете. Она ждала его звонков, ходила сама не своя, если их не было, и радостно бежала к телефону в предвкушении блаженной встречи. И когда однажды Андрюша поднял её на руки, чтобы перенести через заградительный барьерчик, отделяющий тротуар от проезжей части, когда они перебежали шоссе в неполюженном месте, это всколыхнуло все её дремавшие до поры молодые чувства. Она влюбилась! Придя в общагу, она зажмурилась и нежно погладила себя под коленками, пытаясь понять, что ощущал Андрей. Потом она кружилась по комнате в вальсе, перемежающемся с диким папуасским танцем, благо соседки ещё не было, разглядывала свои скудные наряды и себя в зеркале. Она решительно себе не понравилась, но раз нравится Андрею — значит, всё не так уж плохо.

Именно это ожидание чуда и делало её счастливой. Кипенный яблоневый и вишнёвый нежный бело-розовый цвет, которому суждено вскоре опасть, просыпаться на землю обрывками писем и клочками от изодранной рукописи жизни, у которой не бывает черновиков... И неизвестно, не был ли он пустоцветом... Завяжутся ли маленькие зелёные плодики, а если завяжутся, то не опадут ли до срока под секущим розгами проливным дождём или от жаркого ветра, иссушающего дыханием пожара? Больше так счастлива она уже не была никогда. Тяжёлый характер свекрови, вечно болеющие дети и постоянно хандрящий и раздражённый муж, бегущий из дома в работу (к счастью, не к женщине, в пьянство, к друзьям), парализованный тесть, слава богу, недолго... Но её жизнь сложилась внешне вполне благополучно. Она ни о чём не жалеет. Её жизнь была колея... А она сама исправно работающая деталь в отлаженном механизме...

Утром Лидия Андреевна ушла на работу, хотя была суббота. В понедельник надо было срочно сдавать серию и отправлять заказ, они не успевали. Андрей встал вместе с ней, они наспех позавтракали, и он ушёл в гараж готовить машину к скорому техосмотру. Дети остались спать. О вчерашнем скандале не говорили, хотя он занозой сидел в памяти. Трогать занозу не хотелось, так как было больно и неприятно. Андрей всю

жизнь пытался обходить стороной не только острые углы, но и не замечать синяки от них, даже если они были жёлто-лиловые с черничным отливом. Этому его научил инстинкт самосохранения жизни с деспотичной матерью. Лидии же было немного стыдно за свою необузданную ярость, которая была, конечно, вполне объяснима и заслуженна.

17

Лидия Андреевна вернулась с работы рано. Дверь в комнату Василисы была закрыта, но пальто висело в прихожей. Спит, что ли? Сначала Лидия Андреевна хотела заглянуть к дочери, но потом решила: «Пусть спит. Не буду будить». Да и не хотелось возвращать вчерашнее. Стычки между ними были обычны и привычны, но после шквала наступало кратковременное затишье. Разговаривали друг с другом мягкими и осторожными голосами, боясь оступиться и попасть мимо шаткой кочки... Через пару часов пришёл Андрей. Сели обедать. Лидия снова хотела зайти к Васе, но Андрей остановил: «Пусть спит». Прошло ещё два часа, как Лидия Андреевна почувствовала беспокойство: уж очень в Васиной комнате было тихо. Она крадучись подошла к двери, прислушалась и осторожно приоткрыла её. Василиса спала. Она была бледна, но дышала ровно и спокойно.

— Ты что? Кошмар! Нагулялась! Нельзя же целые сутки дрыхнуть! Вставай и давай иди ешь!

Ответа не последовало. Василиса как будто не слышала. Чёртова девка делает вид, что спит.

— Вставай! Ты меня слышишь!

Никакой реакции... Лидия Андреевна подошла ближе и стянула с дочери одеяло. Та даже не пошевелилась. У Лидии Андреевны тоскливо защемило сердце в нехорошем предчувствии. Она всматривалась в лицо дочери, словно в спокойное глубокое озеро в безветренную погоду, чувствуя, что стоит на насыпном песке, который в любую минуту может под тобой провалиться и засосать в глубокую воронку. Она сильно потрясла дочь за плечо, будто ветку с яблоками, которые другим способом не достать, та поморщилась, словно озёрная гладь от брошенного камушка, но глаз не открыла. Сердце сорвавшимся

камнем ухнуло в пропасть. Лидия Андреевна пошла за Андреем. Андрей, кряхтя, проследовал за Лидией Андреевной в спальню Василисы, осторожно, словно боялся спугнуть куропатку в зарослях, потрогал дочь за плечо, будто отводил куст, выросший на пути; погладил по лбу, ладонью перетекая на макушку, и покачал головой... Вызвали скорую. Пока ехала скорая, нашли в письменном столе пустой пузырёк со стёршейся этикеткой из-под старого транквилизатора, употреблявшегося ещё свекровью.

В ожидании скорой Лидия Андреевна ходила по гостинной взад-вперёд, будто работающий экскаватор. Время не остановилось. Оно шло и шло шагом человека, опаздывающего на работу.

Наконец Лидия Андреевна услышала топот ног, поднимающийся на их лестничную площадку, ровно всадники скачут с дурной вестью.

Скорая никуда Василису не повезла. Врач, пожилая женщина в изящных золотистых очках и со строгим пучком учительницы из гимназии прошлого века, сказала, что промывание желудка делать поздно. Лекарство уже всосалось...

— Ждите, когда дочь проснётся. Потом пойте как можно больше. Сделайте клюквенный морс. А пока пусть спит. Ваше счастье, что таблетки были старые. Ох уж эти молодые! Любовь, чай поди, несчастная... Где же им о родителях подумать!

Дочь почти не дышала. Серела на смятой подушке гипсовым лицом, похожим, наверное, на то, что бывает, когда делают маску с покойника на память... Синие губы, будто чернику ела, приоткрылись, обнажая бескровную пещеру рта в мелких сталактитах зубов... Она подумала, что у дочери был вечно насморк. Лидия Андреевна через каждые полчаса приходила в её комнату, до головных спазмов всматривалась в любимое лицо, сливающееся с белым одеялом, в которое та была закутана, будто в снежный саван, пытаясь уловить заметное лишь материнским внутренним зрением колебание жизни. Но даже ей всё время казалось, что Вася уже там...

На третьей сутки Лидия Андреевна наконец сама провалилась в спасительный сон, навалившийся на неё, будто тяжёлое тёплое тело... Сон был цветной. Будто бы плыла она с аквалангом по диковинным коралловым рифам, очень боясь заглядеться на них, пораниться —

и не всплыть... То тут, то там за красными кровавыми камнями проглядывали, будто недобрые предчувствия, тени огромных рыб или шустрой стайкой выплывали серые малявки, напоминающие родных аквариумных гуппи, — её спутанные мелкие мыслишки о конечности всего... Вода нежно обнимала её, словно руки любимого, мутный солнечный свет слабо пробивался сквозь толщу вод, окрашивая жизнь в изумрудные тона, как в любимой Василиной сказке про волшебника Изумрудного города. Тревога нарастала, ей казалось, что это расслабленное её состояние вот-вот оборвётся... Но свет откуда-то сверху упорно продолжал литься и играл на пузырьках воздуха, всплывающих на поверхность над её головой, будто на осколках разлетевшегося стекла...

Вдруг Лидии Андреевне почудился родной голос, глухо доносившийся откуда-то с поверхности... Голос был упорный, он не затихал — исчезнув на минуту, возникал с удвоенной силой, словно дверной звонок, который трезвонил всё громче и громче, если его не желали слышать. Лидия Андреевна резко трянула головой, отгоняя от себя этот звонок, будто ночную бабочку, бьющуюся о её лицо, и выплыла из небытия:

— Варежки, варежки! Дай мне варежки, — капризно требовал голос.

Резко встав с постели, так, что комната медленно завертелась в танце на палубе судна, брошенного в открытое штормящее море, Лидия Андреевна прошла в комнату дочери. Василиса лежала мраморная с закрытыми глазами, подняв над головой руки, и делала вращательные движения кистями рук.

— Надень мне варежки! Варежки! Варежки! Варежки!

— Какие варежки? Дома же тепло! Давай я тебе руки укутаю одеялом.

— Варежки, варежки, надень мне варежки!

Лидия Андреевна открыла шифоньер, отыскала на полке варежки из овечьей шерсти и осторожно натянула их на танцующие руки. Дочь, не открывая глаза, удовлетворённо улыбнулась, кивнула и спрятала руки под ватное одеяло.

Василиса спала ещё трое суток. Лидия Андреевна, как маятник, моталась по квартире, почти через каждый час заходила в комнату дочери и подолгу стояла на пороге, всматрива-

ясь в родное лицо... Ей всё время казалось, что сугроб одеяла больше не вздымается, а лежит ровным завьюженным полотном... Лидия Андреевна слышала, что Андрей тоже не спал, ворочался на кровати, что жалобно скрипела пружинами, будто несмазанная телега, потом вскакивал, лёгкой, осторожной походкой барса прокрадывался в комнату Васи и долго там стоял, замерев. А утром, на ходу затолкав в себя бутерброд, с мешками под покрасневшими, будто от едкого, ядовитого дыма, глазами уходил до вечера какой-то шаркающей походкой запыхавшегося старика, что не поспевает к скоро отбывающей электричке.

Через трое суток дочь открыла осмысленные глаза, услышав скрип половиц. Медленно обвела взглядом все трещинки на их осыпавшемся потолке, потянулась, брезгливо вытащила из-под себя пропахшие мочой тряпки, сунула ноги в тапочки и медленно пошла по стеночке по направлению к ванной...

О произошедшем не разговаривали. Вася была вялая, с серым лицом цвета позеленевшей картофелины, целыми днями валялась на постели, иногда читала, чаще просто спала, изредка включала телевизор и апатично смотрела на цветной экран без тени эмоций на лице. Участковая продлила ей больничный, и можно было потихоньку приходиться в себя.

Когда Лидия Андреевна звала её обедать, Василиса нехотя вставала, равнодушно с попусторонним лицом ела, потом шла на кухню, мыла свою тарелку, чистила зубы и уходила в свою комнату.

Илья не звонил, и Лидия Андреевна про себя радовалась, что всё кончилось хорошо, бог отвёл рукой от неё беду, послав ей предостережение, что дочь выросла, отдалилась от неё и имеет свою жизнь, впускать в которую Лидию Андреевну никак не собирается, даже если та ломится с громкими стуками ногой в дверь.

В субботу Василису начало тошнить. Лидия Андреевна подумала, уж не беременна ли та... Но дочь на её вопрос резко ответила:

— Нет, — хлопнула дверью и закрылась.

Тошнота не проходила. Вася лежала серая, будто штукатурка на их запылённом потолке, закрыв воспалённые от слёз глаза... Лидия Андреевна даже посмотрела на потолок, так

как ей показалось, что с него осыпался мел, припудрив Васин лоб и крылья носа. Голова её совсем сползла с подушки, искусанный рот был приоткрыт. Через каждые полчаса-час Вася вскакивала и, пошатываясь, бежала в туалет, возвращалась оттуда с мокрым от пота лицом, серые волосы были будто только что вымыты и приклеились слипшимися прядями ко лбу. Дочь осторожно, стараясь не шевелить голову, ложилась — и через полчаса снова вскакивала...

Лидия Андреевна была уже совсем уверена, что дочь «залетела», а значит, надо теперь срочно попытаться уговорить её пойти на аборт. Но как это сделать после всего происшедшего?

Лидия Андреевна снова вызвала скорую. Приехавшие на сей раз довольно быстро врачи сказали, что действительно похоже на беременность... Теперь понятно, почему Вася выкинула этот фортель. Но ребёнок? В наше-то время, когда нет никакой возможности его прокормить и вырастить? Да и без отца... Может, его и можно заставить жениться, но зачем им этот вечно ноющий доходяга, которого ещё придётся им содержать. Нет, только аборт!

Лидия Андреевна, пугаясь своего неуместного раздражения — всплывшего, будто утопленник, который внезапно потерял свой тяжёлый якорь: верёвка, что его удерживала, увлекаясь пробегающим течением, соскочила с гладкого, обтёсанного водой камня, — стремительно зашла к дочери, твёрдо намереваясь выложить свою позицию по сложившейся ситуации.

— Надеюсь, ты понимаешь, что рожать в наше время — это безумие! Дошталась! Говорила тебе, но ты же не слушаешь! Как теперь это всё расхлёбывать! Дура! Дура набитая!

Дочь осторожно повернула голову на подушке и неразлепляющимися губами выговорила:

— Я знаю, что я у тебя дура. У тебя все дураки, одна ты умная. Поназаводила себе игрушки, чтобы помыкать... Захотела — «пну», захотела — «поглажу»... — потом сморщилась, как изжёванный исписанный лист бумаги, сжимая губы до посинения, еле удерживая подступавшее изнутри...

18

Тошнота не проходила. Видимо, у дочери был сильный токсикоз. О каком ребёнке в наше время может идти речь! Они еле сводят концы с концами! Этот недоношенный, играющий на губной гармошке, — отец? Не способный заработать даже себе на сносный джемпер и приличную шапку! Ходит в свалывшейся искусственной ушанке, закрыв отитные уши, расчесал бы хоть её, что ли! И шуба такая же вся вытертая, будто у бомжа. Зато сосиски жрёт килограммами. Они вот не едят, дорого, а этот в Москву за ними каждый месяц катается в плацкартном вагоне. Она несколько раз пыталась выяснить у дочери, где же он работает, но так толком и не поняла: он числился то наладчиком домофонов, то рыл какие-то траншеи и прокладывал кабель, то собирался заниматься установкой железных дверей, то подражался работать охранником. Да, время сейчас, конечно, то ещё, но нельзя же каждый месяц работу менять!

Лидия Андреевна всё же заставила дочь встать и немного поесть. Василиса нетвёрдой походкой прошла на кухню, села за стол, лениво похлебала куриный бульон и съела две ложки картофельного пюре. Через десять минут её вырвало. После чего она снова, будто слепая, пошатываясь, быстро прошла в комнату и, не раздеваясь, легла.

Прошло ещё три дня. Три дня Лидия Андреевна пыталась заставить Василису что-то проглотить. Та осторожно мотала головой и отворачивалась. Раз в день Лидии Андреевне удавалось что-то в неё впихнуть, но дочь выворачивало снова.

Лидия Андреевна снова набрала «03»... Снова очень долго ждали, когда прибудет карета. На сей раз приехала врачиха, одетая почему-то в сине-красный лыжный костюм. Халата на ней не было. Бегло осмотрела Василису и сказала, чтобы вызывали участкового терапевта. Это не по их части. Или лучше бы шли сами в женскую консультацию.

Впереди было два выходных.

Выходные прошли обычно. Лидия Андреевна стирала, гладила, готовила харчи на неделю на всю семью, убиралась (правда, заставила Гришу пылесосить пол). За заботами нависшая над домом тревога, от которой сердце сжималось в ко-

мок мёрзлого грунта, готового полететь вслед за только что опущенным в землю близким, проваливалась в рваный полуденный сон.

В понедельник вызвали снова участковую, уже открывшую больничный неделю назад. Участковая у них была дура, которой давно было пора сидеть дома и следить за великовозрастными внуками, но успокаивало то, что она была «трясучка» и перестраховщица. Участковая пообещала прислать назавтра медсестру, чтобы сделать анализ крови, и велела Лидии Андреевне принести в поликлинику мочу больной на анализ, а на следующие сутки снова её вызвать «на дом».

Василису по-прежнему сильно тошнило. Она лежала вся зелёно-серая, будто побег, помещённый в сырой подвал. Склеившиеся от пота и свалывшиеся грязной паклей волосы прилепились к горячему лбу.

Участковая заявила через двое суток испуганная и растерянная, сказала, что да, тест на беременность положительный, у дочери повышенный РОЭ, то есть налицо воспалительный процесс, кроме того, в моче присутствует белок и повышенный уровень мочевины, что говорит о почечной недостаточности, но это ничего страшного, это у беременных бывает. Прописала антибиотик и велела пить мочегонное, фуросемид. Посоветовала, что если они хотят родить здорового ребёнка, то лучше бы отправить девочку в стационар. Она не гинеколог, конечно, надо бы её свозить в консультацию, но она может дать направление в больницу по поводу угрозы выкидыша или даже по подозрению на внематочную. С таким диагнозом девочку скорая должна забрать, а иначе просто в больницу не попадёшь. Даже, если они хотят, она может вызвать перевозку прямо сейчас.

Лидия Андреевна принялась звонить Андрее. На этот раз муж проявил несвойственную ему решительность и сказал:

— Вызывай! Я сейчас приеду.

Василиса громко закричала из комнаты, откуда только силы взялись: «Не поеду! Я никуда не поеду!» Участковая пожалала плечами и изрекла, что против желания пациента его госпитализировать нельзя. Лидия Андреевна почувствовала опять отчаяние человека, под ногами которого трещит лёд: и возвратиться назад нельзя, и вперёд уже невозможно, а оста-

ваться посередине грозящей тронуться реки — вообще безумие.

— Набирайте «03», я вам говорю, набирайте, что вы слушаете человека, который не в себе, если что случится, я на вас в суд подам, вам давно на заслуженный отдых пора. Это же надо ребёнка безумного слушать!

Врач суетливо стала накручивать диск их старенького разбитого телефонного аппарата, заботливо склеенного и перевязанного лейкопластырем, этого ветерана семейного фронта. Дочь больше голоса не подавала.

Через полтора часа приехали фельдшер и медбрат. Пока дожидались скорую, Лидия Андреевна успела узнать, что, оказывается, зачастую на вызовы приезжает именно фельдшер, а не врач. А когда вызывают «перевозку», то всегда приезжает фельдшер. На сей раз оба были мужчины, и оба были в халатах. Только медбрат был почему-то в синем застиранном халате, в каком у них на работе ходят уборщицы и слесари-водопроводчики, чинящие вечно текущий унитаз.

Покуда ждали «перевозку», Лидия Андреевна успела наспех покидать в сумку дочки вещи для больницы, и пришёл Андрей.

— Ну всё, Васечка, давай подниматься.

Дочь не двинулась.

— Я же сказала, что не поеду, неужели непонятно?

— Ты соображаешь, что говоришь? Я поняла уже, что ты сдохнуть хочешь и нас закопать! Не слушайте её! Сейчас будем поднимать!

Фельдшер пожал плечами и спросил, где у них туалет:

— У меня расстройство с утра. Грибочков маринованных, наверное, пережрал.

Лидия Андреевна с тоскливым предчувствием под доносившиеся из уборной канонаду, звуки выстрелов газового пистолета и бурный водопад спускаемой воды пыталась посадить дочь на постели. Та вцепилась в деревянный каркас кровати, грозя его развалить на составляющие, всем своим лёгким телом упираясь изо всех сил.

— Я же сказала, не поеду! Отстань!

— Хоть бригаду санитаров вызывай, — растерянно оглянулась Лидия Андреевна на Андрея.

Вышел фельдшер:

— Извините нас, мамаша. Существует положение о добровольной госпитализации паци-

ента. Ваша дочь совершеннолетняя. Мы не имеем права её везти против воли. Если бы она была без сознания, тогда да... А так... Нет. Попробуйте её уговорить — и тогда вызывайте. А сейчас нам ехать надо.

19

Дочь удовлетворённо улыбнулась, лицо её даже немного порозовело, будто неспешное яблоко, продырявленное червяком.

Лидия Андреевна позвала дочь обедать. Та спокойно встала и медленно прошла на кухню. Села за их круглый стол. Черпала куриный бульон, шкрябая по дну тарелки ложкой, словно вычерпывая воду после проливных и затяжных дождей из лодки. Минут через сорок Лидия Андреевна услышала, как дочь зашла в туалет в кашле, сопроводившем опять открывшуюся рвоту.

Через два дня Лидия Андреевна пригласила домой, предварительно обзвонив всех подруг и знакомых, платного гинеколога из вновь открывшейся клиники «Мать и дитя». Гинеколог ничего нового не сказала, заключила, что у Васи сильный токсикоз, и отвалила.

Ещё через пару дней Лидия Андреевна заметила, что у дочери покраснели кисти рук. Она стала звонить опять своей лучшей подруге, что была терапевтом. Подошёл её муж, сказал, что у жены давление и разговаривать она не будет. Голос у мужа был весёлый и немного пьяный. Она стала звонить другой подруге, но та гуляла с собакой. Домашние велели ей перезвонить через полчаса. Но и через полчаса, и через час, и через два, и даже около полуночи к телефону больше никто не подошёл. «Отключили, что ли?» — сообразила Лидия Андреевна.

На следующий день вызвали платного специалиста из новой клиники «Семейный доктор». Тошнота тоже прошла. Ничего страшного молоденькая врачиха в белоснежном синтетическом импортном халате с розовым воротничком и таким же розовым пояском, перетягивающим её осиную талию, не обнаружила. Она вообще не поняла, что с девочкой, и услужливо предложила за деньги написать диагноз «подозрение на внематочную беременность», иначе в больницу не увезут, и вызвать скорую. Они с Андре-

ем согласились. Они были готовы отправить дочь хоть сейчас, но Василиса демонстративно отвернулась к стене. Лидия Андреевна растерянно посмотрела на мужа. Тот сказал:

— Ладно, успокойся. Сегодня уже поздно. Завтра решим. Утро вечера мудренее.

Ночь спали плохо. Лидия Андреевна всё время прислушивалась к тому, что происходит за стеной, но тревожить дочь не решалась.

Часов в пять утра Лидия Андреевна сквозь рванный сон услышала Васин голос:

— Мама! Пить!

Лидия Андреевна, даже не накинув халата, рванулась к дочери. Вася смотрела на неё совершенно спокойными и осмысленными глазами:

— Дай мне, пожалуйста, попить.

Лидия Андреевна налила в кружку воды и, взяв в другую руку графин с водой, пошла к дочери.

Вася залпом выпила воду.

— Ещё налить?

Дочь кивнула.

Лидия Андреевна налила ещё. Вася жадно схватила кружку, повертела её в руках — и вылила на неожиданно разругавшееся лицо. Лидия Андреевна оторопела.

— Андрей!

Шаркая шлёпанцами, будто древний старик, муж пришёл в спальню дочери, в трусах и майке, покачал головой, подошёл к Васе, нежно потрогал лоб дочери:

— Горячий! У неё жар, наверное. Она так себя остужает. Налить ещё, Васечка?

Дочь снова кивнула, но не всей головой, а только воспалёнными глазами, согласно прикрыв веки. Потом медленно взяла кружку в руки, приподняла голову на подушке и стала пить, глотая, будто затягивалась сигаретой. Потом отстранила кружку от обмётанных, точно белой рисовой «размазнёй», губ — и снова опрокинула её себе на лоб.

Андрей ласково стал гладить спутанные Васины волосы, ставшие похожими на щётку для мытья посуды:

— Дочка, тебе надо в больницу. Слышишь меня?

Вася опять покачала головой.

Лидия Андреевна почувствовала, что ноги вдруг сделались ватными: они совершенно перестали её держать, и она медленно поехала на

пол. Резко опершись растопыренной ладонью о стену, она пошла по стеночке в гостиную и плавно ватным кулем съехала на кресло.

— Андрей!

Вышел муж.

— Что делать-то? Надо увозить! Неужели ты не видишь, что что-то не то, стало хуже! Мы же сами с тобой ничего не сможем сделать. Если она не согласится ехать, её не увезут. Как её уговорить?

Андрей растерянно стоял над Лидией Андреевной, потемневший взгляд выдавал испуг, ссутулившись, будто переносил на руках неподъёмный груз, пошёл к дочери. Лидия Андреевна слышала, как он придвинул стул к её кровати и, видимо, просто сидел рядом и гладил её. Потом она слышала, что Андрей что-то стал говорить дочке голосом с давно забытой ей интонацией, которая частенько звучала в их доме, когда дети были маленькие. Голос то замолкал надолго, то снова что-то такое ворковал ласково-увещательное, похожее на первые лучи апрельского солнца, трогающие лоб и волосы, вырвавшиеся из-под сдёрнутой шапки, что мяла теперь рука... Лидия Андреевна по-прежнему сидела, будто парализованная, в кресле. В груди было пусто, ей казалось, что сердце вынули и положили где-то отдельно от неё, оставив, конечно, два силиконовых шланга, усердно перекачивающих кровь, но шланги были длинные-предлинные, уходили куда-то совсем вне зоны её досягаемости, почти в другую комнату, где и билось, по-видимому, её сердце, издавая робкий стук, похожий на азбуку Морзе... Но этого стука она совсем не слышала, хотя и догадывалась, что сердце ещё стучит, хоть и с неровными переборами. Зато она слышала ласковый голос мужа, отнесённый ветром куда-то далеко за скалу: слов за ревушим морем было не разобрать, но она отчётливо различала заунывный фагот его баритона, вплетающийся в плеск прибора. Лидия Андреевна с тревогой смотрела в серую даль, наглухо задёрнутую облаками, темнеющими, будто глаза ребёнка, из которых вот-вот брызнут слёзы.

Через два с половиной часа Андрей вышел из комнаты дочери, сказав:

— Помоги ей собраться, и будем звонить.

Лидия Андреевна облегло вздохнула и пошла помогать дочери одеться. Вася захотела

помыть голову и принять душ, но сил сделать это у неё уже не было. Голову мыли в комнате над тазом. Андрей принёс воду, Лидия Андреевна стояла с заготовленным кувшином воды и смотрела, как дочь намыливает голову розовым перламутровым шампунем, нежно пахнущим белыми водяными лилиями, которые они когда-то в юности срывали с Андрюшей на даче, плавая на самодельной фанерной лодчонке в зарослях, где река делает крутой извив. Мыльные пузыри переливались весёлой радугой, безмятежно лопаясь под широкой плоской струёй, вытекающей из горла кувшина...

20

Приехали в приёмный покой хирургического отделения. Андрею и Лидии пришлось самим возить девочку на каталке по этажам и лифтам, чтобы сделать обследование. Пришёл чернявый врач средних лет, лицо приятное, интеллигентное.

— У девочки нет ничего, требующего хирургического вмешательства. Это не наш пациент. К тому же у вас прописка в другом районе.

— Неужели вы не видите, насколько ей плохо?

— Вызывайте в понедельник врача или идите в консультацию вашего района, пусть там дадут направление в больницу вашего района в терапевтическое или там в какое-нибудь гинекологическое отделение.

— Но завтра выходной!

— Я ничем не могу вам помочь.

Через сорок минут пришёл Безбородов:

— У вас белок в моче и мочевина повышена. Благодарите Наталью Сергеевну, она у нас специалист по почкам и сегодня дежурит. Но вам всё равно надо в другой район.

Через пять минут пришла маленькая светлая немолодая женщина, похожая на верткую мышку.

— Возьмите девочку к себе, пожалуйста. Мы имеем возможность заплатить, — сказал Андрей.

— Ну, у нас тут только приёмный покой, тут ведь ничего не решают, до понедельника она будет в приёмном покое в терапевтическом отделении.

Андрей повёз Василису в приёмный покой терапевтического отделения. Часа три ещё он тягал каталку с Василисой по этажам на всякие обследования, то перекаладывал её на кровать, то снова поднимал на каталку. Наконец всё закончилось. Лидия Андреевна осталась с дочерью ночевать. Девочке поставили катетер и капельницу. Моча капала еле-еле и была похожа на крепко заваренный чай, простоявший трое суток...

Через двое суток Василису перевели в палату, точнее в комнату для постирушки пелёнок. Напротив лежала пожилая женщина, которую Лидия Андреевна уже видела в приёмном покое. Женщина, как сказали ей родственники, умирала от рака горла. Она задыхалась и не могла говорить. Ждали, когда опухоль перекроет горло. Женщина дышала тяжело, с хрипом и присвистом, словно раздувались огромные меха гармони...

Опять стали делать какие-то обследования, уколы и капельницы. Принесли коробочку с таблетками, которые Вася принимать наотрез отказалась, сказав, что её тошнит.

...Серое лицо цвета сырой картофелины, что синее на срезе к началу весны. Запавшие провалившиеся скулы; рот приоткрыт; губы обмётаны слизью, похожей на высохший творог; глаза блуждают по комнате из одного угла потолка в другой, из угла потолка — ещё куда-то, куда ей ход пока неведом... Взгляд мечется, будто мышь по круглому столу, застигнутая над растерзанной пачкой печения внезапно пришедшей хозяйкой...

Илья почти неотступно сидел у кровати больной, когда Лидия Андреевна и Андрей уходили. Это им сказала санитарка. Но как только появлялась Лидия Андреевна, он мгновенно испарялся. Просто тихо выходил из палаты и исчезал. Как Лидия Андреевна его ненавидела! Разговаривали они сквозь зубы. Когда она впервые его увидела здесь, в ней поднялось такое бешенство, что она заорала на всю палату:

— Что вы делаете здесь? Вы убили мою дочь! Убирайтесь отсюда!

Он усмехнулся и отпарировал:

— Нет. Это вы убили.

Она потребовала мужа вывести Илью немедленно из палаты. Василиса дёрнулась, как-то

вся съёжилась, будто сдулась, как резиновая кукла. Потемневшие глаза медленно начали наполняться слезами, будто капли какие под веки закапывали, а затем слёзы прозрачными неправильными горошинами покатались на подушку... Василиса захлёбывалась ими, потом закашлялась, точно от сигаретного дыма. Кашель сотрясал всё её худенькое тельце, словно её в поезде подбрасывало, мотаемом из стороны в сторону на стыках аварийных рельсов, с которых того и гляди сорвёшься под уходящий вниз откос, ведущий к холодной, только что вскрывшейся ото льда реке...

21

Серое, родное, любимое лицо с потусторонними глазами, затуманенными одной ей ведомыми видениями, блуждающий по облупляющемуся потолку взгляд. Уже не здесь. Когда же возвращение? Скулы заострились; щёки втянулись, точно бок у проколотого мячика; растрескавшиеся кровоточащие губы; рот широко открыт и ощерен. Только огромные клыки торчат по бокам. Дыхание с присвистом, будто чайник закипает...

— Тебе лучше?

— Да, — слабый кивок.

— Палата хорошая, светлая...

Опять еле заметный кивок.

Цветы на окне в этом изоляторе. Кактус, ощерившийся всеми своими колочками... Декабрист вдруг багрово зацвёл по весне... Красуется на ледяном поле белой кафельной плитки... Окно огромное, как витрина... За окном море...

— Выбрось меня в море!

— Где это она увидела море? — спросила Лидия Андреевна мужа...

— Васечка, где ты видишь море?

— Как где? Вот там! — слабый кивок за окно... —

Выбрось меня в море, мне больно.

Слёзы наворачиваются, бегут по щекам, будто это и не слёзы вовсе, а солёные морские брызги, горло перехватывает спазм, хочется проснуться от всего этого неотвратимо надвигающегося состава, грозящего раздавить. Не убежать, не выбраться. Словно в узком туннеле, а поезд всё приближается, грохочет, лязга-

ет колёсами несмазанными и буферами. Ни отскочить, ни к стенке прижаться. Не пронесётся мимо. Зацепит. Раздавит...

— Ты мой кисик, любимый, самый любимый, ты моя зайка!

Почему в жизни мы так мало произносим этих слов? Шершавые старческие обезвоженные руки, кожа с которых сползает, как береста с берёзы, а под ней — новая кожа, розовая, не больная совсем. Помазать эти руки растительным маслом... Гладишь, гладишь, еле сдерживая слёзы, пытаешься удержать мгновения и не веря, что удержишь. Не судьба. Поезд приближается, лязгает и грохочет...

— Нет, это тебе, — слабые руки пытаются наклонить пузырёк с маслом и глядят твои руки, льют масло растительное тебе на ладони, ласкают твои кисти...

— Это тебе... — последнее, что могут ещё дать.

Потом притягивают тебя за шею — и вот ты уже качаешься на родной груди, задыхаясь от слёз... Качаешься, словно на волнах, будто плывёшь... Теперь мы плывём вместе. Впереди бескрайнее море, бесконечное в своей конечности. И безвозвратности... Руки гладят тебя по волосам.

— Тебе больно? Я тебя ударила? Я тебя люблю. Забери меня отсюда. Я тебе никогда не прощу, что ты привезла меня сюда. Ты убила меня... — детские холодные ладошки на шее, голова Лидии Андреевны притянута на грудь, пальцы морскими звёздами запутались в её волосах, как в водорослях, и гладят, перебирают не чёсаные с вечера лохмы.

— Да тебя бы уже дома не было.

— Ну и что? Выкинь меня в море.

Пришла санитарка, злобно посмотрела на Лидию Андреевну и прогавкала:

— Что сидишь, мамаша? Ты сюда ухаживать пришла или сидеть? Вылей-ка мочу! Нам ваши родственники не нужны.

22

Когда она пришла на другой день, то увидела на кровати, где лежала женщина с онкологией, Василису. Кровать была высокая и удобная, по краям неё были подняты бортики из ме-

таллической трубки, напоминающие те, что в новых импортных купейных вагонах приделаны к верхним полкам. Руки дочери были привязаны к кровати рваными серыми тряпками от простынок. Лидия Андреевна собралась было немедленно устроить скандал, но потом поняла, что Василиса, видимо, хотела встать или шевелила рукой и врачи боялись, что она нарушит тонкую струйку раствора, капающего в вену. Одна рука была фиолетово-багровой, надувшейся... Капал по росинке физраствор... Голубые вены, точно весенние ручейки талой воды, сбегаящие с пригорка от припекающего солнышка; огромный чёрный синяк, будто чернильное пятно на руке неряхи-первоклашки... Какие-то очень осмысленные взрослые фразы, и снова — провал в небытие, туда, где синее море с пенными барашками слёз на гребне... Тихий плеск прибоя и юное тело, которое так легко входило в эту воду, совсем не пугаясь неровных камешков под ногами...

Лидия Андреевна испугалась, что врачи перетянули руку так, что вырубили кровообращение. Она тут же ослабила измочаленный жгут на правой руке и отвязала левую. Пошла к медсестре. Вернувшись, увидела, что капельница в одно мгновение оказалась выдержана освободившейся левой рукой.

— Ты мой кисик, ты мой зайчик, любимый! Самый-самый любимый!

Содержание мочевины и креатина нарастало день ото дня... Почему, Лидия Андреевна понять не могла. Что они там ей вкололи? Сказали, что через три дня надо будет поехать на консультацию к нефрологу, взяв карту.

Через три дня дали в руки историю болезни и велели ехать в другой район в поликлинику при больнице, специализирующейся на болезнях почек. Поехала. Пришла в поликлинику. Там говорят:

— Мы вас без талона не примем.

— Какой талон? Я из 1-й градской, врач звонила вашему, вот время написали: 12-20.

— Никто вас без талона не пустит. Приходите утром и берите талон. Сходите к 39-му кабинету и посмотрите, какая там очередь.

— Да вы что, смеётесь? Завтра суббота. У меня дочь умирает! Ну неужели нельзя просто анализы посмотреть? — заорала Лидия Андреевна срывающимся на плач голосом.

Врач вышла в коридор из кабинета, нехотя взяла из рук Лидии Андреевны карточку, открыла и тут же сказала:

— А такие анализы ерунда. Это не по нашей части. Пусть у себя ищут. Почки — это вторичное, — отдала карту Лидии Андреевне и, пригласив очередного пациента, захлопнула дверь.

Жизнь катилась как снежный ком... Ком всё рос и рос, катился к краю, увлекая за собой новые снежные и ледяные глыбы, грозя обрушиться и погresti под собой их старенькую, застиранную и выцветшую, но всегда чистую и отутюженную жизнь.

Капал по тоненькому шлангу в синий весенний ручеек часами раствор... Капал и капал... Лидия Андреевна очень боялась, что раствор внезапно закончится и разгильдяйки-сёстры пропустят этот момент. Глотать пищу Вася категорически отказывалась, слабо качая головой, почти одними серыми, словно набухшие дождевые облака, глазами; осторожно, точно боялась повредить или разбить, поворачивала голову: видимо, её на самом деле тошнило и она просто боялась мотать головой сильнее.

Девочку наконец решили кормить через зонд. Лидию Андреевну вытолкали из палаты. Она сидела в коридоре, слушая душераздирающие крики дочери, в то время как специалист из реанимации ставил ей зонд, зная, что другого выхода нет, что кормить, наверное, надо, а иначе вся пища просто срыгивалась, и это был единственный способ кормления. Ей было велено завтра купить питательную смесь в аптеке. Суточный рацион смеси стоил двадцать пять процентов ее месячной зарплаты.

Зайдя в палату, она замерла от предчувствия, что это конец. Василиса лежала с пластиковой трубкой в ноздре, прилепленной лейкопластырем. Асбестовое лицо запрокинуто; глаза захлопнуты, и веки сморщились, будто цветки у белой лилии в поздних сумерках; скулы обострились... Через зонд ввели при ней сначала воду, потом отсосали какую-то жидкость, по цвету напоминающую чёрный кофе, после медленно стали вливать холодный куриный бульон, который она сварила, затем — какую-то питательную смесь. Она почему-то вдруг подумала, что этим кормлением ничего не изменишь, только измучаешь...

После кормления Вася вроде бы как задремала... Лидия Андреевна побежала домой варить бульон и обед своим мужикам.

Когда она снова пришла, то даже удивилась, увидев Василису. Вася лежала довольная и смотрела ожившими, похожими на небесные незабудки глазами: только сердцевинка у них была не жёлтая, а чёрная, как ночь... Как сообщила ей медсестра, через два часа после кормления зонд был выдернут через ноздрю... При этом, видимо, Вася разодрала себе весь пищевод, и рядом с подушкой расплывалось тёмно-коричневое пятно то ли желчи, то ли крови. Подушка была скинута на пол. Лидия Андреевна попыталась подложить подушку под голову. Вася резко дёрнулась и энергично замотала головой, будто вытряхивала из уха попавшую в него воду. И жалобно сказала:

— Меня хотели удушить этой подушкой. Уходи отсюда скорее, а то тебя здесь тоже задушат или убьют. Меня здесь мучают, забери меня отсюда, забери меня домой!

— Ладно. Завтра.

— Нет! Нет! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас! Сейчас!

У Лидии Андреевны было состояние человека, идущего по тонкому льду, давно сковавшему реку; он внезапно начал хрустеть под ногами: ещё ничего нет, но уже знаешь, что дальше ступать опасно. Лёд трещит под ногой, точно случайно наступила на кинутую ребёнком под ноги пластмассовую погремушку... Ещё шаг — и откроется зияющая ледяная пасть, что проглотит тебя, словно акула замешкавшуюся рыбину... Она осторожно ступает по трещащему насту, зная, что половодье неизбежно: только бы успеть проскочить вовремя до схода снега! Чувство, что она буквально повисает между берегом, на котором копошится суетливая, давно набившая оскомину жизнь, и ледяным омутом, было настолько сильно, что Лидия Андреевна ничего не могла делать, сидела в кресле как парализованная, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой.

23

На следующий день врач радостно сообщила, что Васю забрали в реанимацию. Лидия Андреевна облегчённо вздохнула. Она уш-

ла домой и впервые за несколько последних дней спала спокойно, видимо, взяла своё усталость, пригibasшая её к земле, как тяжёлый рюкзак. Ей всё время в последние недели казалось, что она идёт по просёлочной дороге своего детства, когда не было никакого асфальта, и ноги её обуты в высокие мужские сапоги, в которых обычно рыбачат, браконьерски шугая рыбу из прибрежных кустов в небольшую сетку, ботая по ним палкой... Сапоги увязали в размытой частыми и затяжными осенними дождями глине. Впечатление было такое, будто бы в эти сапоги положили свинцовые стельки. Ноги разъезжались, развезённое месиво наворачивалось на них — и она с трудом вытаскивала их по очереди из размякшей глины. А тут она будто провалилась в какую-то спасительную прохладу у голубого моря... По берегу шелестел ласковый ветер, сдувая с насиженного места песчинки, напоминающие ей о минутах... Минут было много... Время без конца и края. Песчинок было не пересчитать. Можно взять вспотевшими пальцами шепотку раскалённого песка, насыпать его в ладонь, легонько зажать в кулаке — и смотреть, как он медленно утекает тонкой струйкой сквозь прижатые друг к другу суставами фаланг пальцы. Нежно шептал прибой, как когда-то Андрей в их совсем недавней юности; лениво катались по песку волны, разглаживая и утрамбовывая осыпающиеся и непонятные вмятины, оставленные человеческими ногами... Она проваливалась так иногда когда-то в молодости, оказавшись на пляже... Очнёшься — и не можешь понять, то ли это был всего лишь кратковременный сон, то ли она действительно лежит у моря, бирюзового и полупрозрачного, убегающего своей спокойной глубиной в далёкое неизвестное.

Она очнулась от пронзительного телефонного звонка, поначалу приняв его за трель будильника. Трезвон безжалостно резал чёрное утро властным, требовательным визгом... До рассвета, до начала отбеливания сумрака, медленно обесцвечивающегося будто хлорсодержащими реагентами, было ещё далеко. Она вздрогнула и почему-то подумала, что звонок чем-то напоминает ей сигнализацию... И почему она этого никогда не замечала? Попав правой ногой в левую тапку, резко, точно

усевшуюся на ноги кошку, скинула её на пол и прошлёпала босыми ногами к аппарату.

— Лидия Андреевна! — сказали в трубке. — Два часа назад ваша дочь умерла. Вскрытие будет лишь в понедельник, а справка — только после двух часов дня. Тогда же вы можете забрать тело. Я уж не стала вам звонить ночью...

Нависавшая огромная лавина рыхлого, но тяжёлого снега в одно мгновение сползла с горы. Всё. Она оказалась замурованной в белой, обжигающей вековым холодом глубине, что залепила глаза, нос, рот и уши... Она неуклюже барахталась, пытаясь разгрести навалившуюся на неё ватную глыбу и как-то прорыть туннель к выходу, суча лапками с намотанной на них собственной паутиной, как паук, упавший в молоко.

24

На другой день после похорон Лидия Андреевна посмотрела на себя в зеркало и увидела измождённую старуху с нечёсанными волосами, удивительно напоминающими паклю, торчащую из стены в их старом деревенском доме. Но не это ужаснуло её: из зеркала смотрела её мать. Глаза ввалились, словно могилы после схода снегов; скулы обтянулись, будто пергаментом; под глазами — синюшные круги, будто пятна после кровоизлияния.

Лидия Андреевна не могла сказать, что она не спала. Спала, только вот просыпалась с одной и той же непереносимой мыслью, что проснулась, сон кончился, трясла головой — и возвращалась в свою голубую комнату, покрытую предрассветным сумраком. За окном была ещё чернильная мгла, летел клочьями разорванных писем белый снег. Она, буквально ковыляя одревеневшими ногами древней старухи, шла на кухню, шаркая шлёпанцами по паркету, будто натирая его. Наливала чайник и через силу начинала готовить завтрак своим мужикам...

На работе Лидия Андреевна совсем не могла сосредоточиться. Мысли разбегались, как выпущенные из морилки муравьи. Не слышала, что рассказывают коллеги и говорит начальство. Потом внезапно приходила в себя, возвращалась к реальности. Все мысли юлой елозили на том, что

и как она неправильно сделала. О происшедшем по молчаливому сговору не говорили...

Лидия Андреевна с удивлением обнаружила, что Андрей не только не мог защитить её от ледяных ветров жизни, хотя бы заключив в плотное кольцо своих рук, но и цеплялся за неё, как пьяный в зимний гололёд после отчаянной и неуместной оттепели. Ей и о месте и времени похорон пришлось договариваться самой. Муж отвечал всё время невпопад и говорил совсем не то, что подразумевал. Даже перепутал время похорон, когда обзванивал их знакомых.

Он приходил с работы всё позднее и позднее, ничуть не беспокоясь о том, как она справляется со своими невесёлыми думами. Лидия Андреевна несколько раз уже чувствовала резкий винный запах, окутавший мужа тошнотворным облаком. Дважды ничего ему не сказала, а на третий раз не выдержала:

— Ты что, пил? Я тут сижу дома, схожу с ума! Ты обо мне подумал?

Гриша был очень тихий и послушный, беспотно выполнял все её приказания.

Первые выходные пролетели в накопившихся домашних делах.

Между мужем и ею словно стена какая-то было воздвигнута из пуленепробиваемого стекла. На все её выпады и просьбы он почти не реагировал, она чувствовала вековой холод вечной мерзлоты, исходящий от этого остывшего серого камня, лежащего на берегу ревущего, всё взбаламутившего моря... Выплюнутые косточки от ягод, поржавевшие яблочные огрызки и размокшие окурки смятых сигарет, буро-зелёные перепутавшиеся нити водорослей и в сердцах оборванные поплавки. Волна разбивалась о камень, не успевший разогреться до того, чтобы зашипеть, разбрасывая свои пенные брызги, — и накаляющийся камень остывал, окаченный с головы до пят холодной водой, стоял мрачный и равнодушный. Только узкая трещина стекала по нему змейкой в море, незаметно становясь всё шире и глубже.

Он уходил в большую комнату, ложился на диван или садился в кресло, включив телевизор. Лидия Андреевна недоумевала, как так можно спокойно смотреть всю эту жвачку... Сама она не могла ни кино смотреть, ни слушать новости, ни читать. Ровно робот, она могла лишь пригото-

вить ужин или помыть посуду, зная, что мужчин надо кормить. Сама же есть она практически не хотела. За два месяца сбросила двенадцать килограммов, стала стройной, как девочка, влезла в свои старые платья, что лет пятнадцать тому назад были положены в материнский сундук у неё в деревне. В гробовой тишине поужинав и попив чаю, расхотелись по своим углам. Лидия Андреевна просто ложилась на кровать одетой, свалившись, будто подпиленное дерево, и лежала одна, закрыв глаза и пытаясь хоть на полчаса сбежать в сновидения от картин, зависших перед глазами, словно компьютерный вирус, пока муж смотрел в другой комнате очередной детектив.

Мысли вились над головой плотным роем, в котором нельзя было разглядеть ничего по отдельности, и гудели всё об одном... Верхний свет она не включала, лежала, зажегши бра, иногда приоткрывала глаза и начинала в который раз изучать взглядом трещины на потолочной побелке. Смотрела на длинные мохнатые тени на потолке, думая о том, что сейчас они с Андрюшей могли бы ждать внука и вскоре она могла бы стать бабушкой. Когда и что было сделано ею не так? Иногда она даже проваливалась в рваную исцарапанную киноленту сна, но через несколько минут приходила в себя, как от сунутой под нос ватки с нашатырём, просыпаясь на том же месте, откуда она рухнула в чёрную яму её короткого сна, не успев перенестись в красочный мир иллюзорной нереальности.

После смерти дочери у неё появилось ощущение, что всё скоро кончится. В любой момент что-то может произойти, что, словно смерч, разом сметёт возводимое с любовью годами. Землетрясение, цунами, взрыв. Она вспомнила, что это ощущение у неё уже возникало, когда она была молодой. Она была счастлива тогда. Их любовь с Андреем была в полном расцвете — а вот поди ж ты... Она тогда загадывала под Новый год такие желания: «Чтобы ничего плохого не произошло, чтобы никто не умер, чтобы все были здоровы». Состояние очень неустойчивого равновесия, будто стул на трёх ножках прислонили к стене: стоит ровно, но хорошо видишь, что сесть на него нельзя. Откуда тогда был этот подсознательный страх потерять ту безоблачность и лёгкость бытия, когда за спиной раскрываются неожиданно выросшие

крылья и ты паришь, глядя свысока на мышиную возню на земле, блаженно жмурясь от бьющего в глаза солнца? Может быть, оттого, что думала, что так не бывает, а оказалось, что бывает? А значит, всё скоро должно кончиться. Ведь не бывает же! Мечты не могут сбываться, на то они и мечты. Наши розовые иллюзии и погони за растаявшим светом пролетевшего метеорита, падение которого ты однажды увидел, сидя в тёплую августовскую ночь на дачном крыльце и глядя в таинственно мерцающую небесную бесконечность, в которой звёзд столько, сколько песчинок в пустыне... И сама ты такая же песчинка, перекатываемая ветром, только звёздам и песку предстоит пережить не одну тебя. И кто-то другой будет вот так же сидеть на крыльце и смотреть в распахнутое небо, жадно вбирая в себя холодный свет звёзд, словно изделие из фосфора, заряжаясь светом для люминесценции в угольной тьме мироздания...

Андрей всё больше молчал... Когда она его о чём-то спрашивала, он вздрагивал и переспрашивал: «Что? Что ты сказала?»

Он стал путать время и место. Так, например, мог спросить:

— Завтра утром поспим подольше?

Лидия Андреевна пугалась и говорила, что завтра ещё только четверг и до выходных ещё целых два дня.

Он стал очень рассеян.

Лидия Андреевна находила то масло в книжном шкафу, то книгу в прихожей, то молоток на подоконнике за занавеской... Он даже не искал пропавший предмет, поскольку, видимо, понимал, что занятие это совершенно бесполезно...

Однажды он включил газовую колонку, сдвинув чёрный шарик до самого последнего упора так, что колонка перегрелась и из неё дымовыми клубами пошёл пар, издавая звук, будто шипел целый переполненный питомник змей... А муж даже его не слышал. Лидия Андреевна, услышав это шипение, стремглав рванулась открывать воду, чтобы выпустить из радиатора пар. Но радиатор, видимо, всё равно не выдержал столь повышенной температуры, он долго отплёвываясь рыжей кровью, перемешанной с чёрной мокротой, потом вода стала течь такой тоненькой струйкой, что колонка отказывалась зажигаться. Пришлось вызывать газовщиков.

Когда Андрей диктовал горгазу адрес, то почему-то назвал координаты своей работы. Хорошо, что Лидия Андреевна услышала, вырвала трубку и поправила мужа.

— Что у тебя с головой?

Андрей ничего не ответил, только, виновато улыбаясь, проследовал в спальню, понуро втянув голову в плечи и прижимаясь к стенке, будто хотел стать тенью и слиться с ней. Она видела, что Андрей очень сдал, как-то потемнел и покосился, будто старый гниющий дом с оседающим и проваливающимся столбом фундамента. Крыша у дома набекрень, козырёк, обросший мхом, навис над дверью, так что её не открыть... Дом замурован...

Лидию Андреевну ужасно злило, что муж совсем не готов её утешить, даже и не пытается. Более того, на любую её попытку с ним заговорить отвечал очень раздражённо, так что она разворачивалась, уходила на кухню и плакала, прижимаясь к лаковой стенке буфета, вдыхала химический запах, ещё больше раздражающий покрасневшие глаза. А ведь это была их общая потеря. Они должны бы стать ближе друг к другу, ведь их стало меньше, их круг стал уже, у них была общая боль, почувствовать которую никто лучше них двоих не мог. Их знакомые им сочувствовали, но находились они совсем в другом измерении... Им бы посмотреть в глаза друг другу, кинуться в объятия за утешением... Никто, кроме них двоих, не мог всё равно чувствовать ту боль, что была одна на двоих... Сочувствовали отстранённо, жалели, ужасались, но было это — как смотрят про авиакатастрофу по телевизору и думают, что с ними этого не произойдёт никогда. Она слышала шаркающие шаги Андрея внутри его незапертого дома с осевшей и заклинившей дверью, чувствовала, как он тяжело ступал и скрипел половицами, меряя шагами комнату, годы и свою потерю. Но приподнять нависшую над крыльцом крышу и приоткрыть хоть чуть-чуть дверь, чтобы можно было в неё бочком протиснуться, не могла, не было сил. Ему бы посмотреть в окно, увидеть её, понуро стоящую под осенним дождём, превратившим в ржавую скользкую глину твёрдую почву под ногами, толкнуть дверь изнутри, втянуть в отсыревшую и нетопленную комнату и, снимая с неё насквозь промокшую одежду,

отогревать своим дыханием. Но нет... Он не то чтобы упрекал её... По его отсутствующему взгляду, который вдруг темнел и начинал наливаться свинцовой тяжестью, когда он наткался на неё, она понимала, что он считает её непоправимо виноватой в случившемся.

Догадка о том, что всё может стать окончательным, бесповоротным и страшным, возникла острым приступом странного чувства пустоты, которое бывает при спуске в самолёте, когда ухаешь в глубокую яму и внезапная сосущая под ложечкой тошнота подкатывает под горло. Она упорно отгоняла от себя эту мысль, старалась не видеть, не замечать, как стараешься не замечать кружащих над сладким ос, понимая, что отогнать их невозможно, а махать руками — только можно хуже себе сделать.

Сын бывал дома всё реже, допоздна где-то пропадавал: им говорил, что в библиотеке после занятий. У него теперь была новая жизнь, новые друзья, возможно, появились и девочки. Лидия Андреевна как-то попыталась высказать сыну, чтобы тот не задерживался так долго, что время беспокойное и она очень волнуется. Сын исподлобья посмотрел на неё и буркнул:

— Это моя жизнь! Где хочу, там и пропадаю, отчитываться тебе не обязан. И сколько хочешь! Тебе Васи не хватило? Теперь за меня принялась? — хлопнул дверью и исчез за ней в своей комнате, врубил на полную катушку какую-то ударную музыку, от которой у Лидии Андреевны было ощущение, что ей на голову надели кастрюлю и колотят по ней половником.

Она хотела было заорать: «Хватит надо мной издеваться! Меня похоронить хочешь?», но почему-то крик застрял в горле, перехваченном спазмом, и никак не мог выпрыгнуть из перекрученной гортани. Лидия Андреевна молча удалилась в свою спальню, рухнула на кровать, засунула голову под подушку, чтобы по голове било не так сильно. Лежала и, как всегда в последние месяцы, смотрела на привычные трещинки на стене: как они становятся всё шире и неопределённой, размываемые хлынувшим ливнем слёз, чувствуя, что обессиливает и что усталость на неё уже навалилась, будто рухнувшая стена, вжимая её своими обломками в спасительное забытьё.

Через два месяца после смерти Василисы погибла собака. Погибла страшно. Андрей убил её

своими руками. Во время прогулки она неожиданно вырвала из его рук поводок и прыжками взбесившегося животного бросилась к прохожему, что вырос стремительной тенью из переулка, летевшей навстречу своей судьбе. Андрей не помнит, как он сумел выломать кусок бетонной поперечины, ограждающей палисадник с разбитым в нём цветником от пешеходно-проезжей части; не помнит, как уронил эту тягу на зверя, белевшего белым взерошенным медведем, вцепившимся в бедро юноши с почти детским лицом... Помнит только смертельную белизну этого перекошенного, будто insultом, от боли и страха лика; помнит мужской крик, вспарывающий ночную тишину и отражающийся звоном ломающегося голоса, налетевшего на стекла распахиваемых окон; помнит удивлённый и жалобный, оборвавшийся всхлипом визг кавказской овчарки, ничего не видящей вокруг из-за свесившейся на глаза шерсти, получившей предательский удар в спину, когда она так самоотверженно защищала своего хозяина.

25

Вчетверг Андрей пришёл с работы, сказал, что очень устал и обедать не будет. Сел в кресло. Включил телевизор. По телевизору показывали какой-то пустейший комедийный фильм. «И зачем он его включил? — подумала Лидия Андреевна. — Ведь он же не смотрит его».

Примерно через сорок минут Лидия Андреевна зашла в зал и нашла Андрея спящим в кресле. Она выключила телевизор и, крадучись, ступая по ковру по-кошачьи мягко, вышла из комнаты. Прошла метров пять, потом что-то заставило её вернуться. Она подошла к мужу. Внимательно посмотрела на него. Серое лицо оттенка заплесневевшей булки; чёрная роговая оправка, контрастирующая с ним, квадратная, как траурная рамка; почти безресничные закрытые глаза; чуть приоткрытый рот, обрамлённый синими мясистыми губами цвета недозревшей сливы... В кресле он сидел как-то странно: чуть-чуть сполз со спинки кресла, еле уместив ягодицы на самый его краешек. Голова свесилась набок, как кулёк. У Лидии Андреевны закололо сердце, будто его, как яблоко, решил подцепить сре-

ди опавших на землю листьев ёж, и она почувствовала, что несший её в неизвестность самолёт снова попал в воздушную яму. Она осторожно потрогала Андрея за плечо. Он никак не отреагировал. Она стала трясти его сильнее, сильнее, сильнее, словно вымахавшую в синь яблоню, пытаясь сбить с её высоких отягощённых ветвей плотные наливающиеся солнечным светом плоды. Андрей никак не реагировал...

— Гриша! Иди сюда! — пронзительно закричала Лидия Андреевна, разрывая тишину с шелестящим треском, будто старый шуршащий болоньевый плащ, зацепившийся за гвоздь...

Лидия Андреевна бросилась звонить в скорую. Появившаяся через полтора часа скорая помощь диагностировала смерть, вероятно, наступившую от инфаркта, и вызвала перевозку.

26

Это было странно... Все бывшие друзья Андрея ушли из её жизни вместе с ним. Ей больше не звонили их общие друзья. Больше всего её поразило то, что, когда она написала о том, что Андрея больше нет, старому приятелю их семьи, который был его самым близким другом на протяжении лет пятнадцати, а потом исчез из их жизни, женившись и уехав преподавать в другой город, тот ей просто не ответил. Приятель этот когда-то был сильно влюблён в неё, и он нравился ей больше Андрея (но в жизни почему-то очень часто так получается, что мы проживаем свою единственную жизнь не так и не с теми, кого любили). Уехав из их города, он присылал иногда весточки из своей жизни, которые становились всё реже и реже, пересыхая, будто ручей, что не то чтобы сходил на нет, а просто ушёл сейчас глубоко под землю... Это её так потрясло, что она отправила второе письмо, заказное, но снова не получила ответа... Теперь предположить, что письмо просто не дошло до адресата, было нельзя... Лидия Андреевна справлялась через своих общих знакомых о приятеле и хорошо знала, что он здравствует и заведует кафедрой в маленьком подмосковном городке, стал доктором наук и весьма преуспевает, так как является ещё и замдекана платного факультета, где учились в основном иностранные студенты.

С чего это она решила, что в одну и ту же реку можно вступить дважды? Но ведь она и не собиралась вступать в эту полноводную реку, в которой можно было легко утонуть, если не умеешь плавать на глубине. Да и плавать она за жизнь научилась. В молодости — это была шумная и быстрая горная речка, которая могла сбить с ног, оглушить, больно ударить до синяков и крови о камни, но утонуть в которой было нельзя. Глубины не было. Теперь река была равнинная и спокойная. Течение было сильным, плыть против него было невозможно; даже если и попытаешься это сделать, то всё равно будет сносить вниз, только гораздо медленнее. Значит, надо просто расслабиться, беречь силы и наслаждаться цепкими объятиями до тех пор, пока не почувствуешь, что силы на исходе и пора подгрести к берегу. Нет, она не собиралась вступать в эту реку. Так, осторожно потрогать мизинчиком ноги, который тотчас подберётся под стопу, словно у цапли нога, и снова ступишь на песок, утрамбованный и укатанный мелкой волной от проносившихся мимо быстрокрылых судов. Проворно побежишь на сухое, оставляя глубокие, но недолговечные следы, храня в себе ожог от воды, ещё не нагревшейся после таяния снегов.

Нет, она совсем не думала вступать в эту реку. Но почему тогда ёкнуло и забилося сердце, рванувшись вперёд и налетев на оконное стекло? Почему ей тогда показалось (ну не лги хоть себе!), что она ещё может быть счастлива с тем, с кем у неё были общие воспоминания? Что будет в её жизни ещё широкая грудь, в которую можно уткнуться, заклёбываясь и задыхаясь от плача, вдыхая сладкий запах свеженаглаженной для неё рубашки, которую она уже насквозь промочила своими горячими от нестерпимой боли слезами? Она отчётливо помнит пьянящее ощущение юности, когда можно было легко рвануть навстречу любимым и близким, ничуть не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Ну и пусть предчувствие счастья было сильнее, чем само счастье, но ради пьянящего ветра с юга стоит жить, даже если знаешь, что рано или поздно ветер сменит своё направление, и будешь поднимать воротник, чувствуя холод, заползающий змеёй под пальто, всё ближе к сердцу.

Но река равнодушно текла теперь мимо, закованная в бетонные берега... Закатанный се-

рый асфальт заканчивался чугунной оградой — воду даже нельзя было зачерпнуть протянутой к ней ладошкой, перегнувшись через решётку... Не дотянуться. Река спокойно несла свои воды, качая на месте буёк солнечного отражения твоей юности.

И всё же Лидии Андреевне нестерпимо хотелось увидеть Фёдора. У них были общие воспоминания. В её жизни не так уж много было людей, с кем у неё были общие воспоминания. Но чтобы выжить, надо уметь создавать иллюзии: они порхают, как бабочки, над твоей головой, так, что кажется, что ты слышишь шелест их крыльев. Вот одна мягко опускается на твой висок — и ты вздрагиваешь от неожиданности, пытаешься смахнуть её ладонью. Скользнула шёлковым крылом по ресницам — и всё, нет её, улетела. И только еле видимая дорожка пыльцы на твоей ладони говорит, что она была — упорхнула, ускользнула, лови не лови — не догонишь. А иногда сами бабочки летят на яркий огонь и, перед тем как сгореть, мечутся, ослепнув, по комнате, то и дело натываясь, как птица на стекло, на твоё лицо — и ты пугаешься этих мохнатых лап на нём и размаха теней от крыльев на стене.

А у неё все бабочки полегли лапками вверх, обжёгшись о лампу, и похожи на мусор с потолка...

Когда они познакомились, Фёдор был начинающим журналистом и работал в молодёжной газете. Это был интеллигентный молодой человек, на одиннадцать лет старше Андрея. Помимо литературы, молодой человек ещё увлекался фильмами, которые с чьей-то нелёгкой руки называли «элитарными»: они практически не попадали на советский экран, но имели всякие награды международных фестивалей. Для журналистов иногда устраивали закрытые просмотры таких фильмов, и Фёдор частенько приглашал на них Андрея. На таком просмотре она и встретила впервые с Фёдором. Смотрели Бергмана. Чёрно-белая философская притча «Седьмая печать» о жизни и смерти.

В основе сюжета лежала средневековая легенда о Рыцаре, который встречает Смерть и узнаёт, что жизнь его на исходе. Он спрашивает себе короткую отсрочку, желая понять, в чём смысл и оправдание его жизни. Смерть предстаёт там в облике белого клоуна, который разговаривал, играл в шахматы и, в сущности,

не таил в себе ничего загадочного... Рыцарь играет со Смертью в шахматы, пытаясь отыграть себе отсрочку... К своей игре со Смертью Рыцарь возвращается на протяжении фильма, прерывая несколько раз свою партию. Но тщетно, Смерть не переиграть. И в этот момент приходит озарение, смысл или возможность его обрести через спасение новых, невинных и влюблённых друзей Рыцаря, радующихся самой возможности жить, любить, растить детей, с которыми Рыцарю было так хорошо и покойно.

Лидия Андреевна почему-то вспомнила этот фильм сейчас. Ей тоже пока дают отсрочку, но зачем? Шахматная партия её не закончена, но уже проиграна, можно делать ход ферзём, но все аккуратно выстроенные ею по клеточкам и стоявшие ровными рядами фигуры давно полетели и валяются ненужным хламом на столе... Можно сделать ещё несколько движений, но шах и мат... они видны любому стороннему зрителю. Где и в чём была её ошибка? И почему, если Бог есть, он оставил ей пустоту?..

...Вышли из кинозала в распахнутый майский город, задыхаясь от радости, что так неожиданно пришло тепло и вся жизнь была впереди: лежала как на ладони, вернее, была сама ладонь со всеми её морщинками и чёрточками. Видно, что линия жизни длинная, а остальное разгадать не можешь. Как наскальный рисунок, выкопанный из-под многовекового слоя пыли. Рисунок отмыли и отреставрировали, но это только сделало загадку ещё более таинственной.

Шли по шумной центральной улице; поднялись на крышу старого храма, на которой власти почему-то решили сделать небольшую кафешку, где кормили такими малюсенькими пончиками, что они напоминали фасолины, насквозь промасленными и сладко хрустевшими своей поджаренной корочкой, и увидели старую площадь, усыпанную цветным горошком людей...

Фёдор рассказывал им о режиссёре и о том, какой глубокий смысл тот заложил в свой фильм. Лида слушала и в глубине души удивлялась, как так можно всё понять и разгадать. Прямо не фильм, а чемодан с двойным дном и кодовым замком! Замок видишь, а двойное дно нет. У неё от фильма осталось чисто эмоциональное потрясение, ожог до волдырей, всё болит, мокнет и не заживает.

Лида боковым зрением посматривала на этого высокого красивого молодого человека и чувствовала, что внутри неё зарождаются странные и пугающие её чувства, вырастающие, будто подснежники из-под только что сошедшего снега, когда ещё нет никакого намёка на зелёную шелковую траву. Подснежники вытягивают свои шеи, словно желторотые мокрые птенцы, к весеннему солнцу.

Приятель Андрея был явно его умнее и интереснее. Речь его завораживала, словно огонь в камине: смотреть бы и смотреть, чувствуя, как по телу распространяется успокаивающее тепло. Огонь весело облизывает высохшие ветки прошлой жизни, норовя забросать искрами половицы у открытой дверцы... Раздави ногой скорее, видишь вон ту, что упала слишком далеко, не на металлическую подкову! Зачем стоишь и смотришь, как медленно чернеет краска на половице, поднимая ещё еле различимую струйку дымка?

И вот уже у Лидочки ёкает сердце, будто она оступилась и легит кубарем вниз с осыпающегося под ней обрыва, на дне которого притаилась прошлогодняя листва. Впрочем, откуда у Лидочки может быть прошлогодняя листва? Деревья только ещё выбрасывают клейкие копыя своих листочков... Вся жизнь пока — невспаханное поле, поросшее молоденькой травой, по которому идти и идти... И так хочется прийти к другому концу поля не утратившим своих детских иллюзий о том, что жизнь прекрасна и ты обязательно отыщешь свой цветик-семицветик, чтобы загадать самые несбыточные желания. И они однажды сбудутся. Только надо понять, какие желания для тебя главные.

Но Фёдор нравится ей всё больше. Он взрослый и такой загадочный, в отличие от хилого Андрея, похожего на растение, которое запрятали в подпол, подальше от яркого света. Андрюша же совсем мальчик. Она почему-то всё ещё воспринимает своих ровесников как детей. Ей казалось, что и Фёдор симпатизирует ей. Было только одно «но»... Фёдор был женат, имел пятилетнего сына и жил у тёщи.

Однажды Андрей позвал его на шашлыки на дачу в их маленькую студенческую компанию. Было очень весело. Ребята наперегонки бежали в лапах: кто быстрее добегит до дерева и вернётся обратно. Фёдор бегать отказался.

Сидел в их веселящейся компании, то и дело взрывающейся фейерверком света. Был в толпе, но где-то далеко, смотрел отсутствующим взглядом на серебящееся рыбной чешуёй искусственное море, в котором купался оранжевый буёк заходящего солнца, казалось, что он будто мерил шагами расстояние до этой береговой черты... Но по пробегающим по лицу теням, словно от света, выскальзывающего из светящихся заплаток быстро сменяющихся окон бегущего состава, поняла, что он не на воду смотрит, а куда-то в своё прошлое, куда нет хода никому...

А потом он взял в руки гитару... И сердце заныло в тревожном предчувствии, что она, будто никудашный бродяга, увлекаемый русалочьим пением, попала в невидимые тенёта, что натягивают с замиранием сердца и боязнью, что рыба проплывёт мимо, но рыба уже попала и запутывается в них всё больше, погружаясь в неизвестность. Это она — звезда, что должна гореть в чёрной пустоте вечности, освещая дорогу сбившемуся с пути. Это об их несбывшемся: «Белой акации гроздь душистые ночь напролет нас сводили с ума...» Голос уплывал под чёрный купол неба, сердце сжималось в предчувствии боли, глаза всматривались до спазма и лёгкого головокружения в медленное перебирание струн... Почему-то подумалось: «Чем виртуознее скрипач, тем слаще скрипка стонет...» Несбывшееся выросло, словно зачатый ребёнок, но она знала, что родиться ему не суждено, и от этого слёзы наворачивались на глаза — и они блестели в темноте, словно роса на распахнутых цветах.

Она же будто зацепила в бинокль его взгляд и медленно приближала и увеличивала смутное пятно лица. Он был чем-то похож на врубелевского демона. Те же смоляные кольца волос, пружинящие на плечах, и в которых так и хочется запутаться длинным нежным пальцем, перебирая волосы, словно струны гитары. После она ощутит их упругую жёсткость молодого барашка на своей груди. Те же чёрные, будто тлеющие угли, глаза, от порывов ветра внезапно разгорающиеся притягивающим и завораживающим свечением. Не твани ладони — обожжёшься, точно от внезапного первого поцелуя... После она долго будет вгля-

дываться в блестящий антрацитовый их омут, разглядывая в них своё отражение и удивляясь ширине раскрывшейся диафрагмы зрачка, почти перекрывшего карюю радужку, будто прошлогодний лист из-под сошедшего снега.

А пока все галдели и веселились, нанизывая на шампуры кусочки мяса или ломтики хлеба, их глаза встретились... Молчаливый поединок... Кто первый уронит тяжёлые веки и начнёт сверлить свои старенькие измочаленные кеды? Не выдержала она. Опустила мохнатые ресницы, прогоняя стоявшее перед глазами видение. Тёмный магнит зрачков, неудержимо затягивающий в свой омут. Вот она уже барахтается в нём, пытается подгрести к берегу... Ещё рывок, ну ещё рывочек... Неудержимо тянет вниз, туда, где тёмная глубина и влажный зелёный свет, еле просачивающийся на дно сквозь толщу воды. Она безудержно молотит руками по ускользающей от неё поверхности, разгребает толщу воды изнутри, задыхаясь и сплёвывая воду. Сердце бешено стучит, будто у убегающего от погони, кровь прилила к лицу, как после горячего глинтвейна с мороза... Силы на пределе, внутри дрожь, обморок и покорность: пусть всё идёт как идёт... поезда сходят с рельсов под откос, а птицы путают время года и не летят на юг, оставаясь ждать продолжения лета.

Зачем он глядит на неё таким пугающим её взглядом, которым Андрей никогда не смотрел?

— Позвольте, сударыня? — протянул ей вместо шашлыка маленький букетик из красных бусин земляники, перепутанных с белыми неприязательными цветами.

Пальцы зацепились за пальцы, замешкавшись и медля расстаться. Отдёрнула руку как от ожога, чувствуя ватную слабость в ногах. Выдохнула еле слышно:

— И есть-то жалко. На грудь бы приколоть.

Начала медленно обрывать спелыми губами сочные ягоды по одной, смакуя и разглядывая зелёные воротнички, потерявшие головы...

В то лето ничего не случилось. Расстались, разбежались каждый по своим маршрутам, в свою отдельную жизнь. Через год она вышла замуж за Андрюшу. Среди близких приглашённых друзей Фёдора не было.

Появился он в её жизни позднее, когда стала

она мужней женой. В один серый осенний вечер, когда осень перестала швырять золотые монисты листьев, взяла телефонную трубку, когда Андрея не было дома.

— А... старый знакомый голос... — сказали в трубке. — Приятно слышать.

И опять, будто по шпалам, часто застучало сердце, грозя сойти с рельсов. Мир качался, точно одежда, повешенная в вагоне...

Увидела она его через год. У себя в квартире. Пришла с работы — и услышала знакомый голос. Сердце подпрыгнуло, будто камушек, брошенный на мостовую, и покатилося вниз, под уклон. Зашла в гостиную, где гостя поили чаем, чувствуя, как краска приливает к лицу, словно щёки её с мороза оттаивают в жарко натопленной комнате.

— А, сколько лет, сколько зим!..

Сидела почему-то на краешке стула, всматриваясь в незабытое лицо и вслушиваясь в мягко обволакивающий, будто пена для душа, голос. Мыльные пузыри весело переливались всеми цветами радуги, качали на солнце своими перламутровыми боками, стремительно надувались и весело лопались искрящимся смехом.

Лидочка ощущала себя обворожительной принцессой из сказки, что сквозь все пуховые перины обволакивающей беседы упрямо чувствовала пробивающуюся горошину изуча-

ющего взгляда. Взгляд этот тревожил и будоражил, не давал заснуть в тёплом семейном гнёздышке. Перины разговора перестилались одна за другой, но горошина, покатавшись по комнате, неизменно возвращалась на примагничивающее её место.

А за окном был май. В балконную дверь, недавно освобождённую от белых бумажных наклеек, насвистывая, заходил погостить майский воздух, пропитанный одурманивающим запахом черёмухи с ноткой вишнёвого цвета. Занавеска на двери надувалась тугим парусом, погнавшим яхту по завораживающе светящейся дорожке к кромке горизонта. Оранжевый шар абажура, похожий на гигантский экзотический плод, раскачивался от сквозняка, будто мартышка на лиане, отбрасывая на стены неровно дышащую тень. Было тревожно и легко одновременно, словно летишь на воздушном шаре: тебя весело тащит ветром в неизвестность, всё становится маленьким и почти невидимым; а тревожно, оттого что понимаешь: ветер может внезапно измениться и кинуть тебя на остроконечные пики деревьев, тянущие к тебе свои ветки, будто щупальца осьминога.

(Окончание следует)

Галина ТАЛАНОВА

(настоящее имя Бочкова Галина Борисовна)

родилась в г. Горьком.

Окончила Горьковский госуниверситет,
кандидат технических наук.

Поэт, прозаик. Автор шести книг стихов:

«Годовые кольца» (1996); «Ожидание чуда» (2001);

«Подобие дома» (2006); «Жизнь щедра» (2007);

«Душа любви открыта» (2009);

«И за воздух хватаясь руками...» (2011).

Стихи публиковались в таких изданиях,
как «Литературная Россия», «Новая газета»,

«Роман-журнал. XXI век», «Юность»,

«Север», «Созвучье муз» (Германия), «Истоки» и других.

Лауреат литературной премии журнала «Север» (2012).

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

**Александр
КОСТЮНИН**

г. Петрозаводск

МОРСКАЯ ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

*В Карело-Финской ССР
организовано Пиндушское
профессионально-техническое
училище, готовящее специалистов
водного транспорта.*

**Календарь знаменательных дат,
1946 г.**

Спешу на юбилейную встречу выпускников.
Э-эх!

От предвкушения кровь приятно буд-д-доражит...

Я давно женат, свои дети подрастают, а всё ж по духу ближе людей, чем те пацаны, с которыми прошёл Пиндушское мореходное училище, – нет. Ну так, чтоб по-настоящему... И с возрастом чувство это не притупляется, острее становится. В годы учёбы никто даже понятия не имел, насколько яркими станут наши судьбы. Я капитан дальнего плавания. Мечтал об этом с детства, мечтал страстно и мечту свою осуществил. А большинство не захотели связывать судьбу с морем, с кораблями-пароходами. Да разве это главное? Нет, конечно... ПМУ за всю славную бытность подготовило для народного хо-

зяйства страны целую плеяду колоритных личностей. Своего рода иконостас. «Гвозди бы делать из этих людей!» Двухсотки! Требовалась незначительная доводка, чтобы в дальнейшем превратить их в профи самого разного назначения: сотрудников ГРУ и бесстрашных ментов, штурманов и профессиональных киллеров, двух воров в законе и афериста, известного, пожалуй, на весь Советский Союз... (Союз канул в Лету, а его слава только растёт.) И взлётом своей блестящей карьеры они обязаны этому скромному учебному заведению в Медвежьегорском районе, оксфордов с гарвардами покруче.

Да, не все стали морскими волками...

Но, без сомнения, каждый, кто выжил, превратился в волка матёрого. Иначе быть не могло. Это судьба каждого сильного, выдающегося переярка [1].

* * *

Море. Дальние страны. Бом-кливер-галс [2]! Чувствуете?! Каково?

Или нет, лучше так: «Свистать всех наверх!» «Поднять бом-брамсели [3]! Полрумба влево [4]!». «Есть, сэр!» Карибы. Пиа-астры! Пираты: старый Флинт,

одноногий Джон Сильвер. Ром. Русалки-и-и... Для меня этот набор слов точно гранёный стопарь водки, словно новое платье для жены...

Я родился в Старом Осколе. Моря у нас отродясь не бывало. Отец работал прорабом в ремстройучастке, мама – воспитателем в детском саду. Старший брат пошёл по стопам отца, чего желали и мне. Но я в детстве читал книжки другие: «Двадцать тысяч лье под водой», «Пятнадцатилетний капитан», «Остров сокровищ», «Морской волк»... Э-эх! А мой самый любимый писатель – Даниель Дефо. Его роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» знал наизусть:

«Отец мой... прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и не хотел слушать ни о чём другом. Эта страсть моя к морю так далеко меня завела, что я пошёл против воли – более того: против прямого запрещения отца и пренебрёг мольбами матери и советами друзей».

Меня тоже отговаривали все. Лишь сосед дядя Вася (он на флоте служил), услышав о моих грёзах, певуче замурлыкал, заёрзал, как мартовский кот:

– Мореходка-ааа! Загранка-ааа!!! Брюки клё-оо-ош!.. Бескозырка! Гюйс! Па-ааца-ныыы... – и, безнадёжно махнув рукой, умолкал, считая невозможным объяснить сухопутным обитателям всей прелести морской жизни...

Отец за такие речи дядю Васю невзлюбил и угрюмо бурчал: «Старый пидор».

А тут ещё на глаза попалась заметка в газете «Вечерний Оскол» (мать считала, «как на грех»), следом – объявление по радио: «Пиндушское мореходное училище приглашает...» Я обомлел. Воля моя была парализована. Волшебная боцманская дудочка настойчиво манила в Пиндуши. Не знал, где находится Карелия (или Корея?), понятия не имел ни про какой Петрозаводск, но отблеск романтического ореола краем коснулся и их. «Это там, – с придыханием думал я, – там... где находятся Пин-души – счастье моей души». Родители горевали открыто, вид у них был такой, словно прощаются навсегда. А я, одурманенный, по списку собирал вещи, ловил влюблённо-восторженные взгляды одноклассниц и с жалостью взирал на земляков. Восьмой класс окончил без троек – капитан должен быть грамотным! Иначе никак... Распираемый восторгом, с чемоданом, сверкающим никелированными уголками, в новеньких отцовских ботинках, отправился я скорым поездом в далёкий сказочный край. Из тетрадного листка в клеточку сделал маленький кораблик, поставил его на дорожный столик перед собой и долго любовался.

Засыпая, вспомнил урёванное лицо матери,

мрачного неразговорчивого отца, и ликование моё несколько осеклось... споткнулось. Сделалось тревожно, одиноко.

Ненадолго. Вновь свежий бриз обласкал, успокоил!

«Ну что, Боб, как ты себя чувствуешь после вчерашнего? Пари держу, что ты испугался, – признайся: ведь испугался вчера, когда задул ветерок?» – «Ветерок? Хорош ветерок! Я и представить себе не мог такой ужасной бури!» – «Бури! Ах ты чудак! Так, по-твоему, это буря? Что ты! Пустяки! Дай нам хорошее судно да побольше простору, так мы такого шквалика и не заметим. Ну, да ты ещё неопытный моряк, Боб. Пойдём-ка лучше сварим себе пуншу и забудем обо всём. Взгляни, какой чудесный нынче день!»

И то верно. «Не стоит унывать!» – думал я.

Впереди меня ждал ласковый солнечный день длиной в четыре года...

Прибывший контингент встречал бравый командир роты в мице [5] с крабом золотистого цвета.

– Фамилия? – поинтересовался он, раскрывая общую тетрадь с надписью «Судовой журнал» [6].

– Федорчук!

– Александр Владимирович?

– Он самый... А как тут у нас насчёт обеда?

– Обед, курсант Федорчук, надо заслужить. Сейчас – на медкомиссию.

– Ладно.

– Не «ладно», а «есть, товарищ командир роты». Привыкай.

– Есть, товарищ командир роты, «не есть».

Учебный и жилой корпуса морского училища размещались рядышком. «Удобно! Не нужно далеко ходить», – отметил я про себя. Двор ПМУ выглядел, пожалуй, унылым, но ведь здесь не детский садик с песочницей, посудкой, совочком – тут готовят морских штурманов, судомехаников... мо-ре-хо-дов! И вообще это не двор – плац. Об этом тоже успел сообщить ротный. Здесь всё необычное, чарующее, всё поморскому: не пол, а палуба, не стены – переборки, не потолок, а подволока, не кухня – камбуз. Знакомых в мореходке у меня не было. Мать, правда, откуда-то узнала, что в этом году из Старого Оскола поступили ещё трое. Значит, уже не один.

В тени у входа подпирали стенку несколько пацанов с дорожными баулами, все поодиночке, без родителей. Только рядом с модным щёголем в заграничном джинсовом костюме курицей-наседкой вхохотала дородная женщина:

– ...Как устроишься, сразу пиши.

– Угу.

– Валерочка, если что, звони по срочному, деньги есть.

– Всё, ма, иди.

– Ты меня не гони.

– Опоздаешь.

– Ещё побуду немного...

Этот Валерка, оставив спортивную сумку на попечение матери, пошёл искать медкомиссию. Я – следом. Нужно было вживаться в обстановку, знакомиться с ребятами. Моряк без команды – полморьяка. Мы прошли пост дневального, стали подниматься на второй этаж, и едва я собрался к Валерке подойти, как лестничный пролёт нам преградил пьяный матрос в тельнике со свёртком в руке:

– О! Новобранцы? Бра-та-ны! – при этом он бесцеремонно обнял Валерку и, подтолкнув меня вперёд, повёл куда-то по серому коридору...

– Нам медкомиссию надо... – оборачиваясь, попытался возразить я.

– С дедушкой так грубо не разговаривают!

Старшекурсник завёл нас в туалет, плотно закрыл дверь и, прижав Валерку к стене, слащаво прогундосил:

– Бра-аатан, дружище! Дай в твоём прикиде схожу на дискотеку! Вечером верну, я в пятом кубрике.

– ...Так не в туалете же?..

– Это не туалет, душара, га-льюн! Скидай живей, адмирал ждёт.

Он стянул с обалдевшего Валерки импортную голубую курточку с медными пуговицами, джинсы, всучил взамен старую робу и растворился. Мы стояли, не в силах понять до конца, что произошло. Было слышно, как стучало моё сердце и равнодушно журчала в унитазе вода. Взгляд уткнулся в девиз, нацарапанный на стене:

*Кто видел в море корабли –
Не на конфетном фантике,
Кого е...ли, как нас е....т,
Тому не до романтики.*

Раньше мне казалось, что принятие присяги на флоте проходит иначе...

– Валерик, где костюм? – встревожилась мать, увидев сына в наряде Гавроша.

– Ма... ребятам на вечер дал носить.

– Сынок, хоть всё нормально?

– Ма, иди...

А что ещё он мог сказать?

Никогда больше ни я, ни Ветровский в глаза не видели этого матроса Железняк. Выдачу формы нам всем тогда задержали, и Новый год встречали кто в чём, словно цыгане. Лишь Валерка – заправским

мореманом, в той самой робе с чужого плеча, подогнанной по фигуре, аккуратно заштопанной, выстиранной, выглаженной. Из казённого обмундирования мы получили лишь широкие кожаные ремни с латунной пряжкой да невысокие кирзовые ботинки на толстой подошве – «гады». (Старики топтали палубу в таких же.) С Валеркой после того случая мы крепко сдружились и все три года жили в одном кубрике с двухъярусными кроватями: он – на верхней, я – на нижней.

Вечером к нам в этот самый кубрик и завалила толпа старшекурсников.

Двое сразу стали обыскивать постели, отворачивать матрасы, рыться в подушках, а один, щуплый, прыщавый, полез в тумбочку к Сайгаку – пацану из Казахстана – присел на корточки, деловито вытряхивая на пол содержимое ящика:

*Ворует вошь, ворует гнида,
Ворует бабка Степанида,
Ворует северный олень,
Воруют все, кому не лень.*

Обнаружив трояк, он с кривой ухмылкой зажал его в кулаке.

Сайгак не выдержал:

– Это не воровство – грабёж! Положь где взял!!!

Он шагнул к прыщавому и тут же получил сбоку тяжёлый удар в ухо.

Нас избивали долго, молча, методично. По полной! Деды сменяли друг друга, и всё начиналось вновь. Били каждого, кто пытался встать, лежачих не трогали. Последний удар ногой, я отчётливо помню, пришёлся под дых... Дыхание остановилось, ни вдохнуть, ни выдохнуть... сложился пополам, повалился на бок. Этимология слова «Пин-души» оказалась иной: пнуть в душу. Отцовские ботинки с красным отливом, свитер у меня забрали тогда же, а бумажный кораблик затоптали...

Море. Дальние страны. Бом-кливер-галс. Ром. Пиастры! Пираты.

Чудный нимб испарился, морской мираж рассеялся, остались одни пираты.

Я уже в первый день с жутью, содроганием понял, что одиссея моя обернулась тюрьмой... Дома оказались правы. И как быть?.. Быть как?! Сдрейфить, удирать, с поджатым хвостом предстать перед класом... Нет, что угодно, только не это. Чувство стыда перебарывало животный ужас.

Дедовщина процветала страшная...

Спать не давали трое суток. Каждую ночь в кубрик приходили старослужащие и били. Дебилы-

мастодонты. Жили они по соседству: на этаж поднимаешься, направо – второй курс, налево – мы. Ни стены, ни перегородки, ничто не отделяло нас от смерти. Ну, может, только воображение и наши иллюзии. Старшекурсники казались мне зрелыми мужиками, хотя по возрасту старше на год, на два. То ли у страха глаза велики, то ли в юности два года и впрямь – пропасть. Обычно просто били, как сивых коз, отбирали продукты, деньги, но иногда дедам для разнообразия хотелось привнести в издевательства военно-морской колорит. Тогда они врывались посреди ночи с ором: «Боевая тревога!» Полная шизофрения. Мы выбегали сонные на внутренний плац с матрацами, строились, деды из шлангов обливали всю команду холодной водой. Дурдом! Мы, как могли, боролись, огрызались, но это не помогало, и в прямых стычках терпели одно поражение за другим. В короткие минуты затишья я отключался, проваливаясь в сон. Большой яркий свет не мешал, однако побои, гематомы не давали забыться надолго. И тогда я думал... Просто лежал с закрытыми глазами и думал: «Почему так?! Почему нас истязают с остревением, выдумкой, изошрённо не какие-нибудь фашисты – свои советские ребята?! Откуда вообще берутся фашисты?»

Курсанты понаехали в училище из Молдавии, Москвы, Казахстана, Белоруссии, Сибири, Казани... со всего Советского Союза. Первый курс – три роты. За шестую-седьмую не поручусь, а из нашей, пятой, в первый месяц сбежали тридцать человек. Я понимал: если срочно что-то не придумаем... убьют.

Спасительная идея свалилась! Ветровскому.

Это случилось в ноябре. Дедам к тому времени всё наскучило, и они придумали новое развлечение. В полночь завалились толпой, но сразу бить не стали. Вперёд вышел Вазген Оганесян – ублюдок редкостный – вытащил из-за спины, будто фокусник в сельском клубе, красный кирпич и предложил:

– Купите.

Кирпич, как выяснилось, штука дорогая.

– Караси, с вашего кубрика червонец, бутылка водки, буханка хлеба, короче, вот список. Придём завтра, – Вазген тяжело опустил кирпич в руки Ветровского и, отчаливая, по-отечески напуствовал:

– Если чё, с тебя начнём...

Мы оцепенели: н-нужно! собрать десять! рублей... бутылку водки раздобыть где-то!.. Где?!

– Пацаны, что будем делать?

Вот тогда острый, загнанный в тупик мозг Ветровского осенило:

– Скажем: кирпич забрал командир роты.

Идея подкупала простотой и гениальностью...

На том и порешили, тем более что из нас вообще никто ничего предложить не мог.

Мы в страхе ждали завтрашнего дня. Пробило восемь вечера, девять... В коридоре послышались шаги, смехуёчки, дверь с грохотом распахнулась, и Вазген с кофрой, как морской прилив, едва появившись на горизонте, подступил к горлу:

*Маленькая рыбка,
Жареный карась.
Где твоя улыбка,
Что была вчерась?*

– Деньги! – сухо потребовал Вазген, тупо уставившись на Ветровского.

– Деньги договаривались за кирпич, а кирпича у нас нет.

– Где ж он? Уплыл? – ощерился Вазген.

– Командир роты забрал... сказал, чтобы вы к нему зашли.

Вазген притух:

– Ты чё, козлина, всё ему растрепал?

– Он зашёл, спрашивает: «Откуда кирпич?»

– А ты что?

– Говорю: «Не могу сказать»... Он начал ругаться, сказал, что мне «пи...дец!»

– Так и сказал? – глазки Оганесяна забегали, как у крысёнка.

– Да... И я всё рассказал...

– Вот теперь тебе точно «пи...дец!»

– ...Говорю: «Ребята продают».

– Ты чё, совсем, что ли?!

– Он сказал: «Я хочу купить! Пусть продавец зайдёт ко мне».

Вазген затравленно сглотнул, вжал голову в плечи и как-то боком выскользнул из кубрика, за ним остальные.

Мы гурьбой подошли к Валерке, пожали «краба», хлопнули по плечу. Иначе выразить искреннюю благодарность мы не умели ни тогда, ни сейчас. И ещё каждый добрым словом помянул изворотливую наследственность Ветровского: тётя его работала заведующей промтоварной базой, дядя – базой продуктовой.

Пьеса с рабочим названием «Перепродажа кирпича» шла по единому сценарию, всегда успешно. Невинную хитрость нашу ни разу не раскрыли. Пацаны из других кубриков вынуждены были артельно скидываться, бегать за водкой, платить ясак, а нас постепенно оставили в покое. Пройдошливый ум Ветровского всегда находил лазейку, чтобы улизнуть: «Ты говорил сходить не мне, ты говорил другому, я отлично помню, увижу – покажу. Ты говорил другому, я не помню имя-фамилию-отчество...» Валерка умел нафантазировать, сачкануть, слинять, притвориться дуриком, запутать мозги так, что собеседник уже нетвёрдо помнил, как себя-то звать. Залечить –

в этом Валерке равных не было. Более того, его врождённые способности к запуткам, хитроумным комбинациям – т.е. к советской торговле – расцвели пышным махровым цветом именно в обстановке, приближенной к боевой. Он (в одиночку!) организовал в лесных посёлках разветвлённую сеть скупки ягод, грибов у населения, сдавал лесные дары в заготконтору – через дорогу, на условиях встречной продажи покупал импортные шмотки и толкал втридорога курсантам... Песня! (До рыночных отношений стране оставалось долгих десять лет.)

В отличие от Валерки, мы галсами ходить не умели.

Как говорится: «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

Бывало, ждёшь от родителей посылку, чего-нибудь вкусенького: банку сгущёнки, варенья, печенье, халву, карамель. В письме всенебреженно – денежка. Кому трёшница, кому пятёрка, если родители состоятельные – вложат червонец. И письмо почитать хочется: как там дома? Я сначала сильно скучал. Думаю, не только я. Тогда казалось, мы – взрослые, сейчас понимаю – дети совсем. Однако дожидаться извещения полдела. Посылку надо сперва получить, донести до кубрика, командой скрытно выдвигаемся, ящик за почтой вскрываем. Крышка с адресатом должна исчезнуть бесследно. (Фамилию найдут – к вечеру предьява!) Как-то раз я край отогнул, рукой – нырк! крышка упругая, возьми и соскочи. Бзыть! Острым гвоздём мне, словно бритвой, рассекает запястье. Кровь – фонтаном! Бечеву с посылки сдёргиваем, Алик, Сонников перетягивают... Банки – по карманам, меня – в больницу, на операционный стол: перебита лучевая артерия. Швы наложили, но рана ещё долго ныла, гноилась и гнила. Шрам так и остался памятью на всю жизнь. Добычу шкерили в кубрике по тайникам – закрома родины! У каждого свои секретки, гвоздики, штифты. Любой посторонний, даже если станет искать, ничём не найдёт. Вроде бы доска как доска. Ты на ней плясать будешь – не шелохнётся. Руками не оторвёшь. Тем более поднять её не дают кровати в два яруса – сначала надо их отодвинуть... А секрет прост: я элегантно, шурупчиком наискосок, крепил плинтус, поджимал доску, никому в голову не придёт! Знали лишь пацаны из нашего кубрика. (Мы друг про друга знали всё.) Деды обычно шмонали тумбочки, разбирали ножки стульев, кровати – там простодушные хабзайцы прятали деньги. Бакалея-то деду ни к чему, им казну подавай, портрет дедушки Ленина. На кой печенья раскрошенные? Хотя, коли найдут, не брезговали и крошками. Беда в другом: старослужащие сортировали ВСЮ полученную почту и приходили к адресату уже с квитанцией:

– Это кто у нас такой Федорчук?

– ?!

– Богатенький Буратино! Пойдём, поможем тебе посылочку донести. Очень тяжёлая. Видишь, написано: «10 кг».

– Ребята, у меня день рожденья. Не пойду...

– Надо делиться!

Керя на подхвате, тут как тут – удар по печени:

– Всё понял?

– Да-аа...

И не открутиться, не улизнуть. Вот – ты, вот рядом стоит твоя смерть. Что делать? Извечный российский вопрос. Тут делать нех... надо выполнять. Ну, конечно, что-то оставят и тебе, подчистую не забирали. (Всё – по-честноку!) Одним словом – джентльмены удачи. На деньги, однако, кодекс чести не распространялся:

– Ой, чё пустой конвертик-то прислали?.. Ай-ай-ай! – сам тебя бочком отжимает, купюрой похрустывает. – Открытка только. Ну, открытку – на...

Командир или старшина роты иногда успевали денежные переводы, извещения перехватить. Это счастье! Оно улыбалось редко. Горечь и обида за родителей... Надрываются, стараются выкроить, отрывают от себя, а эти твари – на выпивку. Бессилие... полное. Психологически обыски и поборы я переживал тяжело, но всю горечь оставлял глубоко в душе, родителям писал исключительно радужные письма: высылал тексты песен о Карелии, стихи, рассказывал о друзьях по кубрику. Не хотелось огорчать. На Новый год отец с мамой засобирались навестить... Я категорически: «Не вздумайте!» Не хватало... Не дай бог приедут, увидят, как на самом деле. Позор! Пусть думают, будто у сына всё хорошо. Мои зёмы-однокурсники к тому времени сбежали. Я остался. Стиснув зубы. Хотя мать допытывалась: «Сынок, скажи правду. У меня сердце болит!..» Да, оставалось сжать зубы и терпеть, терпеть. Жаловаться нельзя, хуже будет...

В народе наше учебное заведение величали «академией Подгайского». Подгайский этот – директор. За три года учёбы видел его четыре раза, три раза пьяным. Методы обучения, взятые им на вооружение, были несколько архаичные, но действенные: не доходит через голову – дойдёт через руки. Потаскаешь на занятиях какую-либо железку весом килограммов -дцать, её устройство, назначение оседает в памяти навсегда. За качество образования я не тревожился, лишь бы выжить... И помогала нам молодость: цветущие, физически крепкие, здоровье плескалось через край. Пятница – банно-прачечный день нашего училища. Рядом с поселковой баней – речушка. Сперва в оцинкованном тазу постираем исподнее, затем себя, в заводи прорубаем огромную прорубь, распариваемся до безумия и по два-

три раза ходим купаться. Прыгали, ныряли до одурения, кто в труханах, кто голышом, и жаркие, в распахнутых шинельках, строем маршировали в казарму. Некоторые ради куража шли босиком – с полкилометра, не меньше. Гады – под мышку, и – вперёд. Не помню, чтобы кто-нибудь болел простудой. Никто никогда, как на фронте...

У нас на нашивках значилось ПМУ – «Пиндушское мореходное училище», а фактически – ГПТУ №13. Признать себя обычными пэтэушниками даже в душе не могли. Не смели... В противном случае на кой чёрт эти муки. Ведь приятных моментов было мало... Четыре: завтрак, обед, ужин... Вечно голодные, точно собаки бездомные. Из камбуза – с краюхой хлеба в кармане, если повезёт, меж двух кусков – манная каша.

В известном смысле к приятному можно отнести и «русалок»...

Первый раз это случилось на втором курсе.

На улице начинало темнеть. Я сидел в кубрике, штопал дыру на робе: дед всучил зашить. Ни клички, ни имени, ни тем паче фамилии курсанта не знал, красномордый такой... На штанине вырван клочок. По хорошему требовалась заплатка, да обстрочить края как следует, чтоб ткань не распускалась... Ничего, так походит. У, рожа! Я вывернул штаны наизнанку, совместил края дырки и намётом, виток за витком, стал гнать нитку с иголкой из одного конца прорехи к другому.

Через открытое окно потягивало октябрьским холодком, слышны были далёкие гудки буксира в порту.

– Чё, девчонки, грустно? Эх-хха-ха!

Не поднимая головы, я знал: это Сайгак.

– Без тебя скучаем, мальчик, – с улицы донеслось девичье хихиканье вперемежку с отборной матерщиной.

Прогнал стёжку туда, чуть назад, сделал двойную петлю и откусил конец нитки. Оборачиваюсь: окно распахнуто настезь, Сайгак с Ветровским сидят на подоконнике и на кого-то пялятся.

– Закурить не найдётся? – раздался с улицы всё тот же высокий насмешливый голосок.

– Не курим. Конфетку хотите?

– Нужны нам, б..., твои конфеты.

Я с интересом глянул вниз: две школьницы, класс восьмой, не старше, кривляясь, приплясывали, не сводя глаз с нашего окна – огненно-рыжая бестия и толстушка.

– Забирайтесь! – Ветровский призывно махнул девчонкам, – целоваться научим.

– Пошёл ты... – мрачно заметила рыжая.

Не спеша она задрала подол школьной формы,

демонстрируя маскарад: в коричневых колготках пионерки, на самом ответственном месте призывно зияла дыра... молодую плоть не скрывало ничто. Щёки у Валерки зарделись, у меня спёрло дыхание. Пацаны восторженно заулюлюкали, заподпрыгивали, возбуждённо захлопали в ладоши... Все обитатели кубрика высунулись в окно, ослабились... Только Алик Нурмухамедов, покраснев, отпрянул.

– Во, шалавы, дают... – млея, пробормотал Ветровский. – Лезьте к нам!

– Как? – с готовностью поинтересовалась рыжая.

– Сейчас устроим.

Ветровский по-военному чётко скомандовал:

– Канат нужен.

Мы стали связывать в единый жгут матросские ремни с бляхами, туго скрученные простыни и пододеяльники. На одном конце сделали петлю, за другой крепко уцепились я, Валерка, Сайгак и ещё кто-то из наших, Вован, кажется. Конец не достал до земли полметра. Самый раз! Ветровский сдавленным голосом шикнул девкам:

– Давай по одной: ноги – в петлю, садитесь, руками держаться...

Рыжая шагнула первой, усаживаясь, повилыла задницей в расчёте на зрителей, дёрнула канат:

– Поехали!

Вчетвером, выбирая самодельный жгут, упираясь и кряхтя, мы втащили девчонку на третий этаж, перевалили через подоконник.

– Здравьте! – бойко выпалила она.

– Здорово! Привет!

– Теперь Аньку.

Толстушка забиралась в петлю кряхтя, вся раскраснелась, испуганно ойкнула, когда потащили наверх, но всё обошлось...

– По рваному с каждого! – огласила ценник рыжая и дежурно развалилась на нижней шконке.

– Вот сикуха! – восторженно лепетал Сайгак, растёгивая ремень. – Товсь! Торпедные ап-ппараты... к бою...

Последующие события, словно в сладком бреду: школьницы лежали на ворсистых одеялах не раздеваясь, не разуваясь – прямо в кедах, под сальные шуточки пацаны по очереди подходили к одной и другой, лишаясь своей непорочности. Мне досталась толстушка. Помню острую боль порванной уздечки, помню, как больно уколос палец её пионерским значком... Яркую белую вспышку в глазах! Лишь Алик не получил боевого крещения: отсиживался у соседней. Девушек после недолгих прощаний мы выставили за дверь. Проходя мимо бюста Ленина, они перешли на чеканный шаг и по-солдатски приложили ладонь к виску, очевидно докладывая вождю, мол, все заветы блюдут, учатся. И Владимир Ильич смотрел на них одобрительно, мол, «верной

дорогой идёте...». Как школьницы просачивались через пост дневального, нам было неинтересно.

А спустя десять дней даже Вован – самый тупой из нас – мог разгадать загадку: «У какого молодца бойко капает с конца?» Сайгак задумчиво взял гитару и срывающимся фальцетом затянул песнь:

*Что же это за болезнь такая,
Из-за каких таких причин
Она у женщин возникает,
Она бывает у мужчин?
А суть в единственной причине:
С рожденья, испокон веков,
Тянуло женщину к мужчине,
Тянуло к бабам мужиков.*

Вован, зажмурившись в экстазе, складно отбивал на табуретке ритм.

*Болеет тот, который грешен,
А потому – увы и ах!
Болеют полные невежды,
Болеют умники в очках.
Болеют чукчи с папуасом,
Солдат пехотного полка,
И ученик седьмого класса,
И левый крайний «Спартака».
Болеет критик и крестьянин,
Пенсионеры, малышня,
И атеист, и христианин,
И адвентист седьмого дня.
Заболевают где попало,
Везде встречаются с бедой:
На сеновале, и в подвале,
И на воде, и под водой.*

Мы нестройно подпевали...
А потом так же хором лечились.

В романе моего любимого Даниеля Дефо прямых указаний на то, как поступать с барышнями, нет. Сообщалось только, что Робинзон всячески старался установить дружеские отношения с туземцами, знаками и возгласами объясняясь с ними, после чего появились две женщины. «Они были абсолютно голые», – искренне, без обиняков сообщает автор, не развивая мысль... По его примеру все дальнейшие эпизоды я тоже опущу. К тому же контакт с двумя пионерками (пионерка – всем ребятам примерка!) был самым целомудренным эпизодом за все годы моей учёбы в ПМУ. Последующие рандеву по сию пору вызывают у меня... смущение.

* * *

Наши развлечения не отличались высокой духовностью.

Как и сама жизнь... дикая, животная.

Нас гнобили, унижали садисты и маньяки... Садисты и маньяки в прямом смысле слова. Злоба накапливалась, пружина ненависти к старшим товарищам сжималась. Жили одной надеждой: свести счёты с выродками, с теми, кто особо зверствовал, лютовал, измывался... И час возмездия настал: теоретическое обучение третьего курса (последнего, старшего над нами) закончилось, каждого дедка приписали к своему теплоходу и направили для прохождения практики на одиннадцать месяцев. Страшная монолитом, непобедимая масса, которую они до этого представляли, – рассыпалась... Поодиночке старики были нам не страшны.

Второй курс. Весна. Одуванчики расцветают. Мы гуляем, радуемся жизни. И ещё сладостно от того, что удалось наказать главного обидчика, одного из самых злостных.

Керя

Мы его выловили, избили... Точнее, отпи...дили по полной!

Сперва-то заметил нас, как рванёт!..

Куда тут убежишь? Я на стометровке первый.

– Ке-ееря! Па-ааастой!

На бегу подхватываю с земли бульжник – увесистый такой, аккурат в ладонь, и ему – вдогонку. Есть! Сука... Он, как карта глубин, манерно сложился пополам. Подбежали, стали пинать... Душеньку отвели. А Керя отлежался и нажаловался своим, собрал их по теплоходам, по сусекам, вернул назад. Оказывается, старики не успели толком разъехаться. Вроде бы из общаги выселились, в роте не видно, и тут собралась такая тол-паааа! Пришли, я сладко спал («сидел на спине», как говорили у нас). Просыпаюсь от того, что кто-то пинает кровать. Глаза продираю: сидят по шконкам. В кубрике аж черно от чёрной формы.

Вазген за парламента:ра:

– Ваши дёрнулись на наших. Будем драться рота на роту. Приходим к семи.

– Ребята, не слышал ничего...

Мрачно уходят.

Всё... будет заруба. Жаловаться, просить пощады бессмысленно.

Я понятия не имел, сколько пацанов у нас, сколько с их стороны. Стали кучковаться. Кто был – собрались, набились к нам в кубрик, примолкли, пригорюнились... Смотрю: самых сильных

бойцов-волноломов нет. Расслабились, ушли в самоволку. А у дедов такие бычары...

Сайгак, желая поднять боевой дух, взял гитару и ударил по струнам:

*Сегодня самый лучший день,
Пусть реют флаги над полками,
Сегодня самый лучший день –
Сегодня битва с дураками.*

Все подхватили.

Кто умел петь и кто совсем не умел...

Ко второй половине дня, ближе к вечеру, дедков собралась такая толпа, такая шо-оообла! Мало того, что они на целый год старше нас, так ещё психологически на две головы выше: училище, считай, закончили, своё вынесли, выдюжили, они – спаянная боевая команда.

Переярки!

А мы пока волчата прибылые, только через год станем как они...

Выстроились в узком коридоре. Друг напротив друга. Стенка – на стенку. Задние ряды упирались в штукатурку – отступать некуда. Сонников – справа от меня, дальше Сайгак, Ветровский. Слева – Вован, Бобёр, Алик Нурмухамедов (тихоня тихоней, а твёрдо знает, если команда «Аварал!», то важен каждый матрос). Напротив Бутик, Москва, Керя с разбитой рожей...

Вазген надрывно крикнул:

– Давай!

И махаловка началась...

Бились люто. Первые эшелоны полегли сразу, задние, свежие напирали.

...У-уа! На... на! Поплыл... Н-на! В «склянки»! В уху справа!.. Брык! Второй готов. Я отмахивался от битух, сам крушил «надстройки», а слева, справа падали наши пацаны, и по ним шли. Пёрл-Харбор! Деды напирали... Те, кто дрался, давно стояли не на твёрдом цементном полу – на живой податливой массе. Я чувствую, под ногой шевелится лицо... На какой-то миг ослабляю внимание и пропускаю удар!.. Ногой – в душу. Бам!.. Я оступился, упал... (а вот это зря!). Меня стали пинать... дубасить по голове. Особо зверствовал Керя...

Керя-сука! Слы-ышшишь ме-ня-яааа?!

Пом-ни-иийшь?

Знаю, пададь, пом-ни-иийшь... и слы-ши-иийшь...

Хоть и покойничек.

Подонок, живодёр конченный.

Упокой, Господи, его душу.

Удары я отбивать не мог, старался прикрыть

лицо. Извивался, корчился и чувствовал: теряю сознание. Меня, почти безжизненного, подняли под руки, чтоб бить сподручней, и удары посыпались со всех сторон. Я понимал – «убивают», но ничего поделать не мог... Спас Славка Гудко – третьекурсник, земля из Старого Оскола. Волоком, за ноги вытащил меня из хрипящей своры. Рассказывал потом:

– Смотрю, тебя двое держат, Керя целенаправленно бьёт в висок, раз за разом, будто заведённый, а ты уж не дышишь, уходишь...

Мы надолго легли в дрейф после той драки. Подводили баланс флота...

Я месяц пугал прохожих синяками на висках, звуком рынды отдавался в голове каждый шаг. Уши у меня были как у Алика, когда тот в январе восьмидесяти первого их отморозил. Поскуливая, мы заливали раны и утешали себя: шторм выдержан!

Теперь в училище старшие Мы! (Морской ценз [7] соизволял.)

Уж будьте так любезны, уважьте стариков. По полной!

В масле кататься – наше время...

Постепенно и казарма для меня перестала быть серой, неудобной.

Отпала нужда по-щеньячи втягивать голову в охидании оплеухи. Я вышагивал по коридорам без оглядки, вразвалочку, заходил в любой кубрик, широко расправив плечи, и оттого сами помещения эти сделались меньше, ближе, родней.

В посёлок отныне без особой нужды не выбирался (было кого, помоложе! послать, ежли что). Один, правда, случай особый. Алик Нурмухамедов – наш ягнёнок, самое безобидное существо на земле. Божий одуванчик! Человек блаженный. Всё училище поднялось, когда в Пиндушах избили его... Если бы досталось мне, Сайгаку или Ветровскому, посчитали, мол, «довыё...», в том смысле, что угол падения равен углу отражения. А когда Алика нашли под утро в бурьяне, рядом с казармой... еле живого, сказать было нечего. Курсанты отложили все дела и чёрной армадой высыпали на плац. «Все вдруг!» [8] Единственный случай, когда никто никого не агитировал. Зарвавшийся посёлок надо было «привести в меридиан». Поротно определили направления, назначили старших и строем... с колами, латунными бляхами на ремнях... Отправились, словно на работу. Смерчем, ураганом прошли по улицам, каждому встречному-поперечному засвечивая фонарь.

Славная была охота...

* * *

Выжимая педаль газа, я мчался на встречу с выпускниками.

Из ста сорока шести курсантов нашей роты диплом получили тридцать семь. Лишь тридцать семь заслужили право сменить «яйцо» на вожденного «краба» – кокарду с якорем, звездой и глобусом «в капусте».

Гардемарины!!! Прошедшие ад!..

Каждый год третьего июня мы собираемся в Пиндушах на плацу, и всю белую ночь напролёт гуляет по кругу ендова [9]. Как всё пройдёт на этот раз? Ума не приложу... Встречу нам омрачили за годя. Дело в том, что весной «академию Подгайского», наше легендарное училище строгого режима, ликвидировали. (Поматросили и бросили.) ЦК ВЛКСМ по ГПТУ №13 принял аж специальное постановление (редкая честь!). В газетах писали, якобы довели до суицида «карася» – мальчишка выпрыгнул с пятого этажа, – потом обнаружили двух курсантов, повешенных в одной петле...

Закреть такую кузницу кадров!..

Нет слов, по-человечески жаль погибших пацанов... Но дальше-то как?

Шёл девяносто второй год. За настоящее страны я спокоен: его обеспечим Мы. А вот что станет с нашим будущим, абсолютно не понятно.

P.S.

Они встретились, как и всегда, на плацу. На плацу не существующего уже мореходного училища. Все тридцать семь, как один.

**Записано со слов воспитанника ПМУ
3 июня 1992 года
в посёлке городского типа Пиндуши.**

□

Примечания

[1] Переярок – название молодого перегодовалого волка; волк моложе одного года называется прибылым; волк старше двух лет – матёрый.

[2] Галс – снасть или тали, удерживающие на должном месте нижний наветренный угол паруса (галсовый угол). Все косые паруса имеют Г., а из прямых его не имеют только те, у которых нижние углы растягиваются по рею. В зависимости от того, к какому парусу Г. прикреплен, он получает дополнительное название: например, бом-кливер-галс.

[3] Бом-брамсель – прямой парус, ставящийся на бом-брам-рее над брамселем.

[4] Румб – 1,32 окружности.

[5] Мица – фуражка.

[6] Судовой журнал – один из основных судовых документов. В судовом журнале фиксируются: список команды, дата прибытия в порт и отплытия из порта, глубина воды в порту и при выходе в море, скорость, курс, сила ветра во время рейса.

[7] Морской ценз – морской ценз предусматривал продвижение офицеров по службе только при условии подтверждения срока плавания на кораблях в установленных должностях и в определённых районах.

[8] «Все вдруг» – дополнение к команде, требующее одновременного выполнения данного действия всеми кораблями.

[9] Ендова – медная лужёная посуда с носиком для разлива вина матросам в русском флоте.

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист. Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

Михаил Михайлович ШЕЛЕХОВ

родился в 1954 году на Брестчине в семье учителей.
Окончил факультет журналистики Белгосуниверситета
(1976), Высшие курсы сценаристов и режиссеров при
Госкино СССР (1984) и Высшие литературные курсы при
Литинституте
им. А.М. Горького в Москве (2001).
Поэт, драматург, прозаик, эссеист.
Лауреат 1-й литературной премии им. А.М. Горького (1988)
за первую книгу, золотой медали международного
конкурса-фестиваля «Русский STIL-2009» (Германия),
Волошинской премии-2010, 2011, 2012
(в разных номинациях — поэзия, проза и драматургия)
и многих других.
Автор нескольких поэтических книг.
В журнале «Север» публикуется впервые.

**Михаил
ШЕЛЕХОВ**
г. Минск

**«У березового
встану алтаря...»**

ЦАРЁВЫ ДЕТИ

Издалёка-далека я загляжусь
На березовую, розовую Русь,
На еловое сословие селян,
На дубовое сословие дворян.
У березового встану алтаря,
Погляжу я на Зеленого Царя.
Прогоняли, убивали! Но как встарь
Между русскими Зеленый правит Царь.

ВЫСОКАЯ ОГРАДА

Не боясь ни племен, ни природных угроз,
Поднимается росс, поднимается росс.
От земли отрывает лицо
И глядит на бессмертных отцов.
Все от света ушли — и все к свету пришли.
И напрасно железные ветры мели,
И железные шли мертвецы.
Отстояли потомков отцы.

ХИЖИНА

Есть в хижине отшельника порог.
Его топтали сотни тысяч ног.
Ругал его, кто о него споткнулся,
Хвалил его, кто беден и продрог.
Есть в хижине отшельника очаг.
Его десятки унесли в сердцах.
А сотни тысяч, что согрели тело,
Его на босых унесли ногах.

КРИВОЙ СТОРОЖ

День бежит проторенной дорогой.
Ночь ушла по колеям часов.
А вопрос торчит, как недотрога,
Старый гвоздь, не вдавленный в засов.
Расшатали время, расшатали.
И не видно молотка нигде.
Жизнь и смерть, как ржавые скрижали,
На кривом болтаются гвозде.

СЕВЕРНАЯ ЛАДЬЯ

Снова дождь — как будто в первый раз.
Невидимка — слышен только шорох.
С ним и ты — как древний грустный сказ.
Мы с тобой не выдумаем порох.
Снова дождь — как муравейник слез.
Тащит, как солому, наше горе.
Снова ты — я слышу запах роз
На ладье, в воспоминаний море.
Тень ладьи на отблесках травы.
Голос твой приходит издалека.
Я молчу, я чувствую призыв.
И река моя не одинока.

ГУЛЯЮЩАЯ ПО ХОЛМАМ

С высокой горы варягов ко мне заглянула гостья.
Пришла по тропинке, стертой метелями всех мастей,
На маленьких хрупких санках, держа за рога полозья.
Глазищами, как сосульки, приткнулась к душе моей.

Поводья держала крепко. Метели рвались, как лайки,
За черную пилку леса, в Гренландию, на покой.
Была она как обычно — в белой блестящей лайке.
Маленькая плясунья, маленький верховой.

Громко пели полозья. Поводья летели к счастью,
К плоским горам варягов, к озер закрытым очам.

Как ветка была омельи, летящая по ненастью,
Маленькая убийца, гуляющая по холмам.

Ушла она по метели, с розой ветров невеста.
И пенье рогатых санок слышу я с белых гор.
Умчалась, как клуб дыханья. С огромного лука Веста
Пущенная стрелой — в сердце мое в упор.

Ударила — и умчалась, брызнула вихрем радуг.
Как лист на губах у ветра — из ненаписанных книг.
И не догнать, не понять — куда исчезает радость,
На черных своих ресницах громадный качая мир.

ЦИРКАЧКА

Я жду тебя. Передо мной витрина.
Слепая кукла в платье идиота
Глядит на город с наглостью павлина
И ртом зовет из темени кого-то.
Та песня встреч! Как сумрачно и вязко
Текла она в распутице весенней.
Та волчья песнь! Но если это ласка,
Так лучше б насмерть утонуть в сирени.
Опять любовь, что ворковала сказкой
И умывалась пеной Афродиты,

Пугает черной африканской маской,
Под платьем пряча скотские копыта.
Я гневно верю. Но петлю прогресса
Душа смахнула с соловьиной шеи
И в глубине лирического леса
У бронзы дуба ждет прихода феи.
Я жду тебя. Безжалостно и смачно
Пирует век, горбун с ураном в венах.
А голая любовь идет циркачкой
Под куполом в обителях священных.

БРОДЯТ ЗВЕЗДЫ

По созвездьям глухим и дремучим,
По карьерам вселенской руды,
По безжалостным тучам и кручам
Две влюбленные бродят звезды.
Оборвется одна — оборвется
Ей вослед и вторая звезда.
Но великая ночь распахнется
Равнодушным огнем — как всегда.
В этом огненном кладбище ночи
Я брожу, но не встречу никак
Два светила связующий очерк,
Два светила связующий знак.
По созвездьям давно заплутали
Две влюбленные наши звезды.
Вечный Геспер*, спаси нас из дали
От падения и от вражды.

* Вечерняя звезда,

одно из прозвищ Афродиты (Венеры)

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Опять весна. И с крыш опять дожди.
Сосулек звон стоит в ночной тиши.
Ломая лед, любовь моя гудит.
Я жду тебя. На склоне век. Спешу.
Несутся дни, как перезвон дождей.
Вода звонит в свои колокола.
Опять весна — как родина людей.
И ближе ты. О, если б ты жила.
Удары вод. Вздымается земля.
Но я не верю, что любовь — вода.
Ворочается, время шевеля,
Подранком сердца юная звезда.

Евгений ЯНОЧКИН

г. Дмитров,
Московская область

КАК

Я ПУТЕШЕСТВОВАЛ В ИНДИЮ

(Путевые заметки. Журнальный вариант)

**Я заранее хочу
попросить прощения у тех читателей,
которые найдут в моём повествовании
смешение языков,
времен, жанров и стилей.
Что делать, такова сама Индия.
Вспоминая о ней, я не мог не окунуться
в её атмосферу
и если слишком резко переходил
от дневниковых записей
к рассуждениям сегодняшнего дня,
от личных душевных впечатлений
к глобальным обобщениям,
от описания производственных проблем
– к мистике,
то пусть это рассматривается
как специальный художественный
приём.**

Сладкий голос поочерёдно на нескольких языках напоминает о скором приземлении. Мы летим в Индию втроём: я, Паша, Ярик. Со своими попутчиками я познакомился в аэропорту Домодедово. Паша из Магадана, Ярослав – из Новгородской области, я – из Подмоскovie. Паша почти мой ровесник, ему в районе сорока, Ярослав помладше, лет тридцати. Нас свела вместе одна московская фирма, набиравшая геофизиков для работы в Индии.

И вот – Дели, международный аэропорт имени Индиры Ганди. Время – вторая половина ночи. Ковровые дорожки, строгие посты таможенников, огромное помещение со стеклянной стеной; на противоположной, наверху – бронзовые элементы дизайна: торчащие из стены метровые ладони со сложенными из пальцев изящными фигурами. Эта символика мне неизвестна, но в моём представлении от неё веет чем-то индийским. Позже я узнаю из Интернета, что это мудры – упражнения йоги аюрведа, избавляющие от разных болезней.

Мучительное заполнение деклараций. У стеклянной стены – стойки с авторучками и пачками блан-

ков. Оживлённо советуемся, старательно выводим английские буквы, сминаем и прячем в карманы испорченные бумаги. Вроде заполнили все одинаково, но парни прошли, а на меня таможенник поднимает глаза и, тыча пальцем в какую-то ошибку, что-то раздражённо говорит по-английски. Я с растерянным и извиняющимся видом развожу руками. Он снова что-то доказывает, но тут к нему подходит другой служащий и отвлекает его какой-то проблемой. Таможенник вступает с ним в дискуссию, потом вспоминает про мой бланк, не глядя ставит штамп и делает вид, что меня больше не существует...

Забираем с ленты свой багаж, теперь нужно ждать встречающего нас Алексея. Он – менеджер проекта по Индии от нашей московской конторы и мой старый знакомый по северной работе. Через полчаса мы получаем инструкции по дальнейшему пути, перекаладываем из рюкзака в рюкзак привезённое из Москвы оборудование, Лёша меняет выданные нам в Домодедово доллары на индийские рупии.

Аэропорт поражает своими размерами – просторен и грандиозен, сразу трудно оценить, что где начинается и заканчивается. Вокруг много европейцев, много индусов, одетых по-европейски, но сразу обращают на себя внимание экзотические лица и тюрбаны на головах.

У нас много времени до следующих рейсов, поэтому мы пока группируемся недалеко от выхода, чтобы по очереди караулить вещи. Иду в туалет, там – стерильная чистота, толпятся несколько дежурных. Один отрывает и подаёт бумажное полотенце для рук, другие моют в кабинках после каждого посетителя. Рассказываю об этом Лёше, он с некоторой гордостью за Индию восклицает: «Сервис!», потом чуть иронично добавляет, что здесь очень много народа и работу приходится придумывать и делить на всех... Дальше Лёша говорит, что в глубинке, куда мы направляемся, всё по-другому, такого сервиса и чистоты мы не увидим. Тут же он запрещает нам пить любую местную воду, кроме бутылочной, так как в Индии много заразы; рассказывает, что индусы – добродушный народ, но не в меру любопытный, а таксисты – страшные попрошайки. Английского языка провинция не знает, поэтому Лёша рекомендует нам учить хинди.

Вдвоём с Ярославом мы исследуем огромный зал, даже спрашиваем полицейского, где тут «смокинг», но мест для курения не находим. А Лёша говорит: если выйти на улицу, обратно не пустят, – такой порядок. Всё же мы договариваемся с охранником, он перечитывает наши документы и нехотя даёт добро. На улице – по нашим меркам – летняя прохладная ночь, хотя это февраль.

На парковке и прилегающей территории – много полицейских с автоматами, чуть дальше группируются военные, в стороне стоит джип с открытым кузовком, на крыше закреплён станковый пулемёт, за ним сидит воин со свисающим из-под берета длинным чёрным хвостом волос.

– Вот так добродушный народ! – говорит Ярик, и мы смеёмся...

У полиции лёгкая желто-полевая форма, очень эффектно смотрятся в ней индийские полицейские женского пола... Мы идём вдоль длинной площади и фасада аэропорта в случайно выбранную сторону, но не видим ни мусорных корзин, ни курящих людей, ни брошенных окурков. На дальнем углу, где освещение поменьше, закуриваем за широкой колонной. Но пепельниц нет, а бросить «бычки» на землю мы не решаемся. Гасим их пальцами и приносим обратно в зал, где есть урны. На входе тот же охранник снова подозрительно исследует наши документы...

Уже светает, когда мы выходим к стоянке, откуда специальный автобус возит к терминалу местных линий, расположенному в другом районе. Лёша летит в Калькутту отсюда, но он нас провожает. Обращаем внимание на множество машинок такси, похожих на нашу «Победу». Курим, прощаемся, разбираем вещи. Едем. Пейзажи окраин Дели – много недостроя, котлованов, свалок, но видны и роскошные грандиозные сооружения.

У Паши самолёт раньше, но мы вместе с ним входим по билетам в здание нового аэропорта. Он летит в город Ислампур штата Западная Бенгалия, соседнего с Бангладешем. Нам – на север, в штат Бихар, в сторону Непальской границы. Проводим в ожидании часа два, покупаем в буфете какую-то сладкую гадость и кофе, списав названия из меню и отдав бумажку буфетчице. Впрочем, капучино – знакомое слово – звучит так же. Курить нельзя, на улицу не выпускают. Замечаем, что индийцы пьют воду из бутылок не по-нашему: оттопыривают нижнюю губу, высоко поднимают голову и наливают воду в рот с расстояния нескольких сантиметров. Ярик предполагает, что это из-за боязни инфекций.

Наблюдаем немало русских, молодёжь с рюкзаками, группа зрелых женщин, очевидно, туристы. Одна женщина пытается с нами заговорить, спрашивает, куда летим и что там. Ярик отвечает: «Работа, работа!» – и женщине становится скучно. Можно было бы поболтать, но настроение у нас далеко не раскрепощённое...

Провожаем Пашу, а потом и сами проходим досмотр. Тщательно проверяют наши чемоданчики с ноутбуками. У Ярослава находят подозрительные батарейки «крона», нужные ему для ра-

боты. От растерянности Ярик знаками показывает первое, что пришло в голову: это, мол, для внешнего дисковода, который находится тут же. Индус удивлён, но бестолковый русский ему уже надоел, и нас пропускают.

В зале отлёта всё-таки находим ларёк с сигаретами. Продавец пытается продать нам по одной. Но мы покупаем дорогую пачку на двоих. Есть здесь и курилка: полутёмное помещение, в середине длинная стойка с пепельницами, на стене – прикуриватель – чёрный железный ящик с маленьким отверстием и кнопкой. Ярик иронизирует, что неплохо бы установить такой в палатке на Севере... В курилке много индусов, они громко галдят и бесцеремонно толкаются, в дымном воздухе курение не приносит удовольствия.

И всё-таки – Индия!

Прилетаем в Патну. Здесь всё другое: сидят чайханчики, снуют мотоциклисты, на обочине – мусор, дорога с выбоинами, прямо возле дороги сушатся на верёвочке чьи-то трусы и полотенца.

Молодой индус останавливается в нескольких шагах и подозрительно смотрит в упор. Спрашиваем у него про такси. Нам нужно ехать на басстейшен. Индус оживает, кричит кому-то. Приходит таксист, Ярик пишет на бумажке 400, тот сразу соглашается. Я напоминаю Ярославу, что Лёша предупреждал, что будут просить 400, но нужно давать 300.

Прибегают носильщики, хватают нашу тележку, бегут к машине. Денег не требуют, очевидно, это входит в стоимость перевозки. Возле машин – таксисты, большая неразбериха. Вещи уже загружены. Машина – ничего лишнего – руль и сиденья. Носильщики (или кто они там – болельщики?) бегут следом и кричат о том, что мы едем на басстейшен.

Дороги поражают, словно мы попали в какой-то экзотический фильм. Асфальт узок, все двигаются как попало: автобусы и большегрузные автомобили «Тата», джипы нового и очень старого образца, воловь упряжки и самые разнообразные пешеходы, вело- и моторикши, просто велосипедисты и мотоциклисты. Все лихо сигналият друг другу, обгоняют, вытесняют, протискиваются, объезжают по обочинам с риском свалиться в канаву. Сигналы разные у разных машин, самый «весёленький» – у автобусов: что-то среднее между воплем куропапки и дятла Вуди.

По обочинам – сплошные ряды помойки, воздух пропитан её запахом. Тут же местами стоят торговые палатки, в которых продают что-то съедобное. Индусы не такие, как в Дели. Те – более светлые и достаточно холёные. Здесь – тёмные и полудикие, рваные, неприбранные. Ходят в основном в тряп-

ках, обёрнутых вокруг бёдер, и европейских рубашках навыпуск. Женщины в сари.

Таксист лихо и невозмутимо минует препятствия, привозит нас на басстейшен и показывает автобус. Нам нужно ехать в Беттию. С трудом, при обилии добровольных помощников-индусов узнаём цену билета и время отправления. Возникают сомнения: название конечного пункта зависит от произношения и поставленного ударения. Пишем на бумажке английскими буквами. Но с английской грамотой индусы дружат не лучше нас. Много советчиков, остаётся надеяться на судьбу, тем более что нас так усердно приглашают внутрь, что едва не заталкивают.

Наверху автобуса – открытый багажник во всю длину, сбоку – лестница. Прежде чем войти, я наклоняюсь, чтобы положить рюкзак в нижнюю багажную камеру, какой-то индус с мешком лезет вверх через мою голову. Другие кидают мешки и коробки стоящему наверху. Все кричат: «Беттия, Беттия!» Сам автобус – размером с наш «пазик». Внутри – ободранные сиденья, крыша усилена металлическим уголком и подпёрта двумя железными трубами, чтобы не провалился перевозимый наверху груз. Впереди к потолку приделан ящик со стеклянной дверкой. В нём – телевизор, громко транслирующий индийский боевик.

Я сажусь с краю, и меня постоянно толкают индусы, пробирающиеся с сумками и коробками. Сюда же заходят продавцы с широкими плетёными блюдами, громко кричат, предлагают товар, и хотя все их слышат, они всё равно пробираются в конец автобуса и обратно. Одно из блюд продаётся следующим образом: продавец достаёт клочок газеты размером с ладонь, насыпает на него горсть подобия пророщенных орешков, добавляет подобие крошенных овощей, перемешивая, подкидывает всё это на бумажке, отдаёт клиенту, достаёт из кармана подобие лимона, выдавливает пальцами сок... На продавце замызганная рубашка...

Напротив подсаживается молодой индус и пытается завести беседу. Он хочет знать цель нашей поездки. Я знаками показываю, что в Беттию нас должны встретить друзья на машине, что мы «руссиан геолоджи», которые едут «ворк». В свою очередь пытаюсь узнать, что такое эта Беттия.

В автобус вламывается святой или юродивый с подносом, на котором горит лампадка и топится красный жир. Он пристаёт к нам, молодой индус не очень решительно пытается ему сказать, что нам это не нужно, но тот не слушает, мажет мне и Ярославу лоб и темя. Я уже видел эти красные метки у мужчин и женщин. Заглядываю на блюдо и понимаю, что юродивому нужно дать монету.

Лезу в карман и кладу на блюдо две рупии. Помазывавший уходит.

Едем.

На улицах та же сутолока, пробки, но не такие, как у нас – нет медленных подвижек метр за метром. Водитель отчаянно сигналил, мгновенно врывается в каждую образовавшуюся щель, объезжает по обочинам, резко тормозит перед каждым препятствием. Громко орёт телевизор. Сзади не менее громко общаются индусы. Кондуктор висит в распахнутой двери, держась за стойку, помогает совершать манёвры, контролируя левую сторону (движение левостороннее). Когда мы притормаживаем, в открытую дверь заскакивают продавцы, с криком проходят по салону и выпрыгивают при следующем торможении. Замечаю на улицах и большие «басы», на их крышах тоже устроены длинные багажники с бортиками, в них лежат вещи, на вещах сидят люди.

Вижу крыши-террасы на каменных домах – те самые, известные по картинкам, классические индийские крыши, на которых чем-то занимаются, гуляют или сидят дети и женщины. Индия!

Наконец город заканчивается, вдоль дороги падаются торговые точки, деревеньки и непонятные строения. Много соломенных шалашей, навесов и домиков. У некоторых фасад обмазан глиной и известью, остальные стены соломенные.

Въезжаем на мост. Огромная по ширине, очень разветвлённая река с бесчисленными песчаными островами, отмелями и плёсами. Это Ганг, великая река Индии в её среднем течении. Мост тянется, кажется, километров пять. После – опять деревни, городки...

Вскоре темнеет. То тут, то там видно сидящих у костерков людей. В одном месте вокруг огня человек 50 собрались в тесный круг. Похоже на какой-то молебен.

Часов с девяти пассажиры начинают покидать автобус. Кричат что-то водителю, со стороны понятно, что договариваются, где и когда их забрать утром. Становится холодно. Закрываем окна, но стёкла опять разъезжаются от тряски. По очереди курим в кулак на заднем сиденье, благо в автобусе полумрак и водителю не до нас. Оставшиеся индусы достают одеяла и укладываются на освободившиеся сиденья. Тот, что с нами общался, едет до конца. С ним ещё один приятель. Ярослав просит у них телефон и дозванивается до Димы, который должен нас встретить. Связь плохая, но мой напарник успевает сказать, что мы будем в Бетти в 11.

Прибываем. Водитель едва не уезжает с нашими рюкзаками в багажнике. Ночь, две торговые палатки из бамбука, две тощие остроносые собаки, са-

рай-вокзал, помойка, индусы... Два молодых попутчика прилипли к нам, пытаются что-то спросить. «Кантри?» – «Россия!» – но дальше ни бум-бум... Ярик предлагает индусам деньги за звонок, они отказываются. Протягивают телефон мне – звонит Дима, уточняет, где мы стоим, говорит, что придет минут через 20. Объясняем это индусам при помощи бумажки. Они всё равно ждут. Приезжает Дима, они вместе с нами подходят к джипу. Дима – тёртый индийский калач – объявляет им благодарность и – от ворот поворот.

Потом, сожалея, говорит, что следовало бы их куда-то подвезти.

По дороге тут и там, несмотря на ночь, попадают пешеходы, велосипедисты, изредка – тракторы и автомобили. В одном месте дорогу перебегают шакалы. Я до последнего момента не представляю, куда мы едем, и думаю, что где-то разбит отдельный полевой лагерь. Оказалось, мои новые сотрудники живут в провинциальном городке. Сначала они базировались в местной гостинице, это было дорого и неудобно, позже по счастливой случайности им удалось снять отдельный дом. Город называется **Наркатиаганж**. Темно, мы проезжаем по улицам, а потом втискиваемся в пространство, где боковые зеркала едва не цепляются за кирпичные стены. В час ночи останавливаемся возле единственного освещённого крыльца. Ступеньки серенькие, бетонные, фасад дома зелёный, широкая двустворчатая железная дверь – красная, сплошная в средней части и решётчатая на полметра сверху и снизу. Через решётку видно внутреннее помещение. Дима говорит: «Вот тут мы и живём». Я удивлён и на вопрос «Как тебе?» – отвечаю, что ожидал увидеть тростниковый шалаш, чем вызываю смех Ярика, тоже пребывающего в лёгком шоке.

Дверь открывает маленький молодой индус – повар. Любезно знакомимся и проходим. От дверей начинается коридор, слева – лестница, направо – комната инженеров (русская), примерно 4х4 метра. В ней несколько встроенных полок и одни сплошные нары на четверых, пластиковый столик, ящики с оборудованием, компьютеры... Сергей спит после трудового дня, но открывает глаза, я бодро здороваюсь: «Привет, Алексеич! Вот я и в Индии!» Он бормочет, что давно меня ждал, и снова засыпает, а мы продолжаем знакомство с домом. В коридоре – закуток с ручной колонкой (качать воду) и двери двух туалетов с забетонированными плоскими унитазами. Сливных бачков нет, но стоят вёдра и обрешеченные пластиковые бутылки для зачерпывания.

Прямо – гостиная с большим столом, приспособленная под дополнительный склад оборудования, из неё – две комнатки рабочих и третья – кухня. Сте-

ны дома изнутри оштукатурены и выкрашены в фисташковый цвет, окна без стекол, с ажурными решётками и ставнями, открывающимися вовнутрь. Голубые межкомнатные двери и ставни сколочены из простых досок.

Пол – бетонный, украшен красной полосой по периметру. Кстати, полы в домах устраиваются следующим образом: они имеют небольшой уклон, а в нижнем углу в стене оставлено отверстие. Когда индусы хотят сделать влажную уборку, они заливают пол водой, а потом вместе с мусором и цементной пылью сгоняют её на улицу резиновой шваброй.

Второй этаж неполный, представляет собой надстройку над внутренней лестницей. Из неё – выход на крышу. Это просторная площадка над домом, окружённая бордюром высотой сантиметров 80.

Дима рассказывает, что электричество в городе включают на 4 часа: по 2 вечером и утром, при этом напряжение достигает лишь 160 вольт. В остальное время освещаются только сахарный завод и железнодорожная станция. Поэтому у нас на крыше работает генератор «Хонда» мощностью в один киловатт, так как работа требует ночной зарядки аккумуляторов. Узнаю, что в некоторых зажиточных домах тоже есть генераторы, но включают их нечасто, по праздникам.

Для приготовления пищи на кухне стоит газовая плитка с баллоном, есть ещё керосиновый примус. Попив чая, мы втроём поднимаемся на крышу.

– Ну вот мы и в Индии! – говорю Ярику на волне нахлынувшего впечатления от теплой февральской ночи и далёкой индийской музыки. Дима поддерживает настроение, мы говорим о работе, о стране и идём спать.

II

Несмотря на поздний час, уснуть мне не удаётся. Февральская ночь довольно прохладна, температура в комнате почти та же, что на улице. Я ещё не знаю, что через пару месяцев от ночной духоты не спасет никакая вентиляция. Падаю на лежанку в футболке и спортивных штанах, но потом приходится натянуть свитер и одеяло. Вскоре я оказываюсь укусанным индийскими комарами. В итоге ворочаюсь часа три, а в 5 утра слышу, как Сергей встаёт и начинает комплектовать оборудование. Он предлагает мне отдохнуть день с дороги, но я хочу быстрее увидеть местность и работу.

Бригада Сергея – трое парней 20 – 22-х лет, Лукас, Джейрам и Тала. Они не вполне индусы, их наб-

рали в Западной Бенгалии, там был первый объект нашей фирмы. У них более тёмный цвет кожи, а у Тала – даже негроидный тип лица. Все трое бегового сложения. Лукас – шестипалый (раздвоенные большие пальцы рук) – несмотря на смуглость, симпатичен в самом европейском смысле, изящен в фигуре и движениях. Он же оказывается самым сообразительным, с чувством юмора и... несколько лукавым. Джейрам – самый длинный и худой – большой ребёнок, готовый хохотать по любому поводу. Тала – коренастый и самый серьёзный, насколько это позволяют его возраст и нация. У всех – от одного до трёх классов школьного образования, что характерно для провинциальной Индии. Кроме этих троих, в доме ещё обитают повар (кук) Джант и водитель Бекас. Они более светлые, типичные индусы и как бы представители более высокой касты. О том, что кастовые отношения у индийцев до сих пор в крови, Дима рассказывал ещё в машине. Эти отношения сквозят в репликах, в манерах общения, но в целом индусы просты и добродушны. Нас, русские начальников, все называют «сэр», но когда у «сэров» хорошее настроение, позволяют себе смешливое запанибратство.

Рабочие Димы ночуют в доме не всегда, в другое время они дежурят в палатках у оборудования, потому что Дима занимается разновидностью электроразведки и у него другая специфика. Сергей ведёт комплекс работ: грави- и магниторазведка и топография. Я должен ему помочь, а через два месяца – сменить. Цель этих работ общая – разведка нефти. Заказчик – крупная индийская нефтегазовая корпорация. Работы – на два-три года. Дима рассказывает, что фирма выиграла тендер на эти работы у американцев. У тех в проект входило создание постоянной базы, заброска техники и т.д. Москвичи пошли по более простому и дешёвому пути: купили в Индии пару автомашин, нашли «своего» человека со связями, отправили на его имя оборудование, потом заслали несколько наших «пацанов» и – вперёд!

Кук приносит завтрак: на широком металлическом блюде варёный рис и тушёные овощи, стакан некрепкого, но очень сладкого чая. Рис (райс), не сдобренный никаким жирком, с трудом лезет мне в горло, а овощи – резаный картофель в кожуре, какие-то стручки, цветная капуста, обильно заправленные жгучим перцем и специфической приправой – масалой, вообще пробую с отвращением... После завтрака мы загружаемся в Димин джип «Тата» и едем.

Днём улицы городка напоминают большой рынок. В непосредственной близости от проезжей части стоят рядами торговые лотки, по-местному – дукааны. Дукаанами называются и грязные закусоч-

ные под навесом, и вообще любые магазины. В стороны от улиц идут узенькие запутанные переулки между домами. Встречным пешеходам, чтобы пропустить там машину, приходится вжиматься в стенки. На главных дорогах столпотворение всех видов авто-, мото- и велотехники, коровы упряжки, пешеходы, шум, крики, автомобильные сигналы. Кстати, я долго недоумевал, из какого металла сделаны индийские велосипеды, не говоря уже о самих индусах. На двухколесную pedalную технику привязывают с боков две 200-литровые бочки. Я видел, как один индус посреди дороги потерял равновесие, велосипед не упал, но, наклонившись, встал на бочку. Индус сразу не мог его поднять и сигнализировал ладонью ехавшим машинам, чтобы подождали...

Больших многоквартирных домов нет, в основном двух-, трёхэтажные строения. Дома кирпичные. Фасады оштукатурены и весело разукрашены, а тылы и боковые части – как есть, из грубого кирпича с торчащей арматурой. Позже мне рассказывали, мол, арматуру не убирают, для того чтобы продолжить строение, «когда будут деньги». Таков обычай... Некоторые дома имеют перед собой маленькие дворики с воротами из металла, но чаще фасады выходят к дороге высоким каменным (бетонным) крыльцом, над ним – широкая двустворчатая ажурно-решётчатая дверь. За ней начинается внутреннее пространство дома, часть которого можно разглядеть с улицы. Дизайн фасадов довольно разнообразен, но, естественно, в одном стиле: яркие цвета, решёточки и кружева, балкончики и окошечки различной формы, кое-где над входом – изображения индуистских богов и многое другое. Утром старики и женщины подметают площадку перед домом, но мусор сгребают в кучу в каком-нибудь боковом закутке, где он и гниет годами на пользу собак, свиней и... коров, которые не менее охотно ковыряются в городских помойках. Жарким днём хозяева домов настезь раскрывают парадный вход, ставят пластиковые стулья, зовут знакомых и часами общаются, читают газеты или разглядывают прохожих.

Времяпрепровождение на крыше более свойственно для молодёжи, стариков и женщин. Здесь совершают утренний прогулочный моцион, чистят зубы. Индусы подолгу и тщательно чистят зубы, причём делают это на ходу и в самых разных местах: сидя в туалете, поднимаясь на крышу, выходя на улицу. По вечерам на крышах просто сидят, сплетничают, иногда подстригают или бреют друг друга. Крыша также служит местом для сушки белья и зерна. Здесь же играют с маленькими детьми. Для молодых девушек, кроме школы, крыша – пожалуй, единственное развле-

чение, место для рассказывания секретов и для тайных мечтаний...

Вдоль улицы тянется канава, выложенная кирпичом. Из домов торчат сливные трубы, стоки из которых попадают в канаву и текут по городу, источая постоянный запах. Я никогда не был в средневековом городе, но в моём представлении там всё было устроено примерно так.

За пределами города дороги очень плохие, попадают участки, где можно разогнаться, но в основном асфальтовая часть узкая и разбитая, шириной с одну большегрузную машину. На обочинах ямы, поэтому встречные машины идут до последнего лоб в лоб, отчаянно сигнализируют друг другу, а в последний момент резко сворачивают каждый в свою сторону, подпрыгивают одним боком на ухабах, потом так же резко возвращаются на середину. Преимущество, как правило, имеет тот, у кого машина больше.

Есть старые дороги, мощённые кирпичом. Кирпич – самый дешёвый строительный материал, кругом глина, кирпичные заводы расположены под открытым небом, под плёнкой сушатся заготовки. Тут же несколько барачков с соломенной крышей – склады или общежития. Индусы месят раствор, наполняют и вытряхивают формы, перетаскивают кирпичи, кто как приспособится: на голове, на велосипеде и т.д. Второй по значимости в строительстве – бамбук. Из него и травяных верёвок конструируют строительные леса, опалубки под перекрытия, различные подставки, лежанки, носилки и многое другое. Деревянная доска встречается реже и идёт в основном на мебель.

Деревенские индусы любят жить у дороги. Дома стоят в непосредственной близости от проезжей части и обращены к ней неприкрытыми входами. Иногда внутри можно видеть спящего, которого не смущают ни пыль, ни шум. Перед жилищами гуляет скот. Собаки, козы и бесштаные дети торчат прямо посреди асфальта, приходится сигнализировать и тормозить. Порой замызганный карапуз, увидев остановившуюся перед ним машину, от страха хватается за голову и начинает орать, но не сходит с места. Прибегает испуганная мамаша, хватается за малыша под мышку и уносится обратно... Полусонные от жары и полудохлые от вегетарианства собаки лениво поднимаются, отходят на минимальное расстояние и ложатся вновь. Коров порой приходится слегка подталкивать бампером (кстати, индусы и впрямь не едят своих священных животных, но палками лупят запросто). Попадаются и набыченные мужчины, которые, видимо от гордости, не желают пропускать машину. По утрам местные жители выстраиваются вдоль дороги для чистки зубов и глазения на проезжающих. Те, у кого нет зубной

щётки с пастой, чистят зубы бамбуковыми палочками, предварительно разжевав кончик. Говорят, при этом бамбук выделяет какие-то дезинфицирующие вещества... За пределами деревни дети, и не только они, ходят на обочинах в туалет, а в сезон уборки зерновых жители перед своими домами раскладывают на асфальт копны скошенных колосьев для обмолота. Хозяин или хозяйка стоят рядом и после проезжающих машин ворошат примятые колосья. Под вечер осыпавшееся зерно аккуратно сметают венником в совочек и сыпают в мешки, а размочаленная солома идёт на изготовление домашнего топлива: её смешивают с навозом и лепят брикеты, которые складывают стопками на той же обочине перед домом для сушки. В других местах вместо брикетов изготавливают круглые лепёшки и облепляют ими стволы деревьев и стены дома.

Я забежал вперёд, многое из рассказанного мне довелось узнать не в первый день. В дальнейшем постараюсь придерживаться записей из своего ежедневника.

III

24.02.11. Подъехали к геодезическому пункту, расположенному на обочине кирпичной дороги. За обочиной – небольшое рисовое поле. Оно поделено на квадраты межами, насыпанными выше посева, по ним все и ходят. Если направление выпадает по диагонали, приходится ходить зигзагами. За полем – песчано-глиняные дамбы большого канала, сухого в это время года. Канал наполняется в сезон тропических ливней, которые обещают с июля.

На другой стороне находятся бамбуковая рощица и какое-то поселение. У входа в ближайший двор – навесик, под которым продают кофе и сладости. Мы сразу привлекли внимание любопытных. Инду-сы собираются группами и разглядывают нас в упор. Попытки выразить недовольство только подогревают их интерес.

После перелётов и бессонной ночи в голове у меня временами плыло, и в один момент, глядя на толпу любопытных, я вдруг почувствовал, что уже был здесь давным-давно и всё это видел, в том числе и парня на велосипеде, смотревшего на меня. Я пытался скрыть смущение за равнодушным видом, но не выдержал и подмигнул. Парень очень обрадовался, стал делиться с друзьями, очевидно, говоря о том, что установил контакт с незнакомым существом...

25.02.11. Состоялся мой первый выход в самостоятельный рейс по Индии. Выставили базо-

вую станцию, оставили на ней «секьюрити» – Джейрама, а я повёл бригаду, состоявшую из Лукаса и Талы. Утром очень шумели вороны, небо было хмурое. И впрямь скоро пошёл дождь и продолжался до обеда, но не сильный. Наоборот, было хорошо, прохладно. Мы шли дорогой через селение, потом полями, потом опять попадались деревни. Собирались любопытствующие, наши парни говорили им про «микительку» (примерно так на хинди называется разработка нефти). Узнал от Лукаса несколько индийских слов. В конце рейса шли через посёлок, я звонил по телефону, чтоб нас забрали, и одновременно смотрел в навигатор, куда свернуть. Взял резко вправо, и в меня въехал на велосипеде индийский мальчик. На багажнике был ещё один, маленький. Они упали, старший мальчик очень испугался. Я подержал его за плечо, успокоил, поднял велосипед. За происшедшим с улыбкой наблюдал пожилой индус. Он что-то крикнул мальчику, мне послышалось русское: «Поднимай сам!» Я так и воспринял фразу, но тут же понял, что этого не может быть. Впрочем, я ещё в автобусе заметил эту особенность психики: когда ситуация сама подсказывает содержание сказанного, подсознательно слышишь русские слова...

27.02.11. Сегодня работал Сергей, я с утра не мог встать на ноги. К обеду расспросил у Димы про городок и, прихрамывая, пошёл на рынок. Сразу же заблудился в переулках, сделал круг, вышел наконец в торговые ряды и тут же пожалел об этом. Всё пестрело и шумело, несколько раз меня чуть не сбили мотоциклисты, кто-то из лоточников пытался меня окликнуть, я думал только о том, как спастись. Даже в России рынки вызывают у меня раздражение. Но здесь все их свойства были преумножены в десятки раз. Я не увидел ничего, что искал, выбрался на главную улицу, забывая только о том, как найти свой переулок. Все они казались мне одинаково безобразными. Я запомнил выставленную у дверей корзину, кучу кирпича, лужу и по этим приметам кое-как вышел к дому.

Отлежавшись час в тишине, возобновил наступление. На сей раз у меня был более точный план. Я стал жестами и самыми примитивными английскими словами спрашивать у дуканщиков сигареты. Большинство показывало мне две-три штучки в пустой пачке. В одном ларёчке хозяин принял меня за японца... Мой рост 184 см, и я совсем не раскос, подобное сравнение могло говорить только о полной изолированности местных жителей.

В конце концов я вышел на дуканчика, который нашёл в своей клетке достаточное количество сигарет. Он же продал мне хлеб, а варёные яйца я уви-

дел на перекрёстке. Для первого самостоятельного похода за покупками этого было достаточно, вернулся в дом донельзя усталый, но с победой.

28.02.11. В деревне, возле которой мы ставим станцию, – праздник кришнаитов. На дереве – два колокола-громкоговорителя с утра до вечера славят Кришну. Мне даже нравится. Звучание как бы сливается с местностью и придаёт ей особенный колорит. Как-то наблюдал шествия российских кришнаитов, там было совсем не то. Наверно, дело не в качестве пения, а просто красиво и хорошо то, что находится на своём месте...

Да, сегодня в полях встретились нильгаи. Это дикие антилопы, но они пасутся возле деревень рядом с домашними коровами, потому что тут на них никто не охотится. Подпускают метров на 50, потом убегают.

1.03.11. Видел трактор, весь в ленточках и с музыкой. Полная телега людей. Потом ехало ещё более живописное такси: джип Mahindra (как мы их стали называть, «машиндра») – брезентовый, военного типа, образца 50-х, – внутри люди, наверху люди, сзади на подножке, гроздьями – тоже люди. И два упомянутых «колокола» на крыше, из которых на два километра – весёлая индийская музыка.

Привыкаю к парням, и начинаем понимать друг друга. Лукас – самый сообразительный, непоседливый и пройдоха. Джейрам то задумчивый и мечтательный, то начинает не в меру резвиться, так, что приходится ограничивать. Тала – простака, смеётся как обезьянка, но если что не нравится, может круто повернуть по-своему. Или ответить так, что слов не понимаешь, но чувствуешь, что это – всерьёз.

Рейс был очень длинный, под вечер ещё попалась переправа через большую речку. Пришли на станцию в темноте. Джейрам светит навстречу фонариком, рядом с ним – десятилетний мальчик. «Зис май нью фрэнд», – говорит Джейрам. Английский они всё-таки немного знают, за исключением Талы. Но произношение – как написано... Я выключаю геодезию, а Джейрам кричит: «Сэр, магнетик стейшн офф?» – то есть выключать ли магнитную станцию. Я настолько устал, что с чувством отвечаю: «Да, всё! Офф, офф!...»

Приехал Дима, по дороге домой остановились в пробке перед возом сахарного тростника. Его здесь навьючивают на бычьи и тракторные телеги столько, что удивительно, как они не переворачиваются. Да и вообще весь транспорт грузится не по-детски чем бы то ни было: от мешков до людей... Сахарные заводы есть и в нашем городке, и в соседнем, и в других, видимо, тоже. Сейчас как раз конец уборки уро-

жая... Пользуясь заминкой, к телеге сзади подбежали два пацанёнка лет десяти и мужчина и стали дёргать тростник. Пацанята торопятся, хватаются то за одну тростниковину, то за другую. Залазят чуть ли не на самый верх, но вытащить ничего не могут. А мужик действует методично: вытащит палку, отнесёт за бордюр, идёт за следующей...

2.03.11. Сегодня узнал хорошее индийское слово – намастэ. Это уважительное приветствие. Заметил, что парни так здороваются с пожилыми соседями. Посмотрел в Интернете дословный перевод. Это слово древнее, из санскрита, пришло в Индию через Непал. Означает: «Божественное во мне приветствует Божественное в тебе и соединяется с ним». Или короче: «Я приветствую твоего Бога». Очень умные и глубокие слова...

4.03.11. Сняли первую точку на пустыре за двухэтажным домом, выходим обратно на улицу, – стоит «машиндра» с четырьмя полицейскими. Все с карабинами или автоматами. Один помахал рукой, но не повелительно, а приветственно. Всё равно, надо понимать, следует подойти. Подошли. Парни объяснились, всё нормально, Россия, бумагу не потребовали. Самодовольные и добродушные. Полиция здесь имеет вес. Стать полицейским – подняться: и в уровне жизни, и по социальному положению.

6.03.11. В начале рейса попался канал с отходами сахарного завода. Вода – «но ачча». Черная и как будто тягучая, как нефть. Запах – специфический, омерзительный. Обошли по мосту, километр в сторону, потом обратно. Видели «бычью парковку» при сахарном заводе: громадная площадь, вся уставлена быками с двухколёсными повозками. Запрягаются попарно.

Потом попалась широкая, но мелкая в период засухи речка. «Ачча пани!» (хорошая вода) – много раз переходили её вброд, мочили головы, плечи. Правда, в стороне бродили коровы, ну да ладно, не пьём же!..

Вечером ехали по темноте домой, у дороги была свадьба. На помосте из тракторной телеги – танец. Я думал, они только в сари ходят, а тут девица в обтягивающих брючках и блузке так лихо отплясывала под современный индийский хит! Перед ней – парень на коленях, с расставленными руками... Очень зажигательно.

9.03.11. На исходной точке стали брать замесы, вокруг нас собрались дети. Одна девочка – самой лет десять, на руках годовалый ребёнок,

так и нянчилась с ним всё это время, глядела на нас во все глаза и улыбалась как-то доверчиво и чуть лукаво. (Кстати, детей индийские женщины носят не на груди, а посадив верхом на бедро и поддерживая одной рукой.) Потом убежала в дом, стоявший неподалёку, и там за что-то получила оплеуху от матери, встала у дороги и плачет, растирает слёзы грязными ручонками...

Обычно в Индии воздух напоит дымкой, но сегодня было очень ясно, и мы, когда вышли в поля, увидели на горизонте горы Непала. Даже снежники в распадах проглядывали. Подошёл старый индус, стал что-то вдохновенно рассказывать про Непал.

Джейрам несколько раз помогал женщинам на полях поднимать на голову тюки соломы.

Ехали домой через городок Рамнагар. Там на рынке, прямо на земле возле дукана, разделявали козла (бакри) в луже крови. Напротив, при всём скоплении детей и женщин, индус мочился на стену. Такие вот живые картинки...

10.03.11. Днём в сопровождении Джейрама ходил на рынок, купил себе полотенце, чай. Хотел купить кроссовки, потому что в ботинках, которые я привёз из России, ходить очень жарко. Деревенские индусы ходят в основном босиком, наши бойцы – то в кроссовках, то в сланцах. Всё – с местного рынка, китайское, дешёвое и непрочное. Но на всём рынке не оказалось больше 10-го размера. Это примерно 40-й, а мне нужен 44-й.

Зато купил булочек, яйца, хлеб. Райсовый рацион явно недостаточен. К тому же с утра у меня всегда плохой аппетит, в обед на жаре райс с трудом лезет в горло, а вечером настолько обезвожен, что только и делаешь, что заполняешь желудок жидкостью. Но когда не ходишь, организм настойчиво требует восстановления.

11.03.11. До обеда всё шло хорошо, но на дальней точке в приборе пошла сильная помеха. Где-то происходило землетрясение. Обосновались под пальмой, пообедали, ждали ещё два часа, толчки немного ослабли, но о работе не могло быть и речи.

Местные жуют сахарный тростник, я сегодня тоже попробовал. Жестко, но когда выдавишь сок, вкус приятный, не слишком сладкий, охлаждает и утоляет жажду.

Вечером Сергей прочитал в Интернете, что было сильное землетрясение в Японии. Так вот откуда шла помеха, а мы думали, что какие-то подвиги в ближайших горах.

12.03.11. Наш московский руководитель выразил пожелание: выбрать самых сметливых индусов,

поставить «инженерами», чтобы они ходили с бригадами и самостоятельно работали с дорогостоящим оборудованием. А русские – один куратор на объект – будут заниматься обработкой материала, подготовкой рейсов, решать хозяйственные проблемы. Оно и понятно: индусы обходятся в 10 раз дешевле. Прямого распоряжения, конечно, не было...

Тем не менее нам это на руку. Самый сметливый – Лукас, рвётся в бой, выпячивает грудь: «Ай ам индус инженер!» Следует сказать, что инженеры в Индии не такие, как мы. Они не ходят оборванцами по полям, а сидят в офисах, в крайнем случае выезжают на джипах в белых рубашках с галстуками. Словом, для наших работяг – это иной класс. Таков менталитет: босс должен сохранять имидж «другого» человека, иначе ему сядут на голову. Меня, как романтика 80-х, впитавшего легенду об уважении к простому труду, бесит подобное преклонение перед авторитетами. Хорошо, что мы непосредственно не сотрудничаем с настоящими индийскими инженерами, а то после пешеходных рейсов я бываю весьма зол...

Впрочем, у моих работяг банглов раболепства нет. Этим страдают водители Бекас и особенно Джант, повар. Последний говорит о политике и начальстве аж с каким-то особенным придыханием. И врёт безбожно о своих «крутых» родственниках и «френдах». Вместе с тем эти двое – и самые хитрые, втираются в доверие и легко могут обмануть по мелочам. Мечтают стать «менеджерами» и пытаются практиковать это по отношению к нам, пользуясь нашим незнанием языка. Очень ревнуют к банглам, если тем отдаёшь предпочтение в общении, – сразу дают понять, что и ты упал в их глазах. Общенье на отвлечённые темы между нами, конечно, затруднительно, но подобные вещи красноречиво выражаются и без слов. Индусы – народ очень искренний, эмоций скрывать не умеют и не хотят. Джант как-то перешёл рамки дозволенного «менеджмента», Сергей взял его за локоть и выставил за дверь. Потом остыл, пошёл извиниться. Тот сидит у себя в комнате и плачет: его унизили, да ещё и перед посторонними людьми (Сергей в тот момент вёл переговоры с хозяином дома, в которых Джант и попытался вмешаться).

В свободное время Джант учит английский и очень этим гордится. Русских слов не признаёт принципиально, сразу делает вид, что категорически ничего не понимает, хотя работает уже не первый месяц. Зато банглы, когда в хорошем настроении, – выдают вещи... Могут неожиданно на чистом русском произнести «пятнадцать», «говори» и другие слова и фразы. На днях ближе к вечеру отказал магнитометр, надо было по плану зайти ещё на две точки, но... Тут Лукас и говорит: «Нет магнитометр – нет проблем!»...

Зато я, когда после работы разговариваю с русскими, ловлю себя на том, что пытаюсь подобрать слова...

В общем, решили мы сделать Лукаса инженером. С утра я поехал с бригадой, поставил базовую станцию, снабдил последними наставлениями, и парни пошли, а я поехал обратно. Выезжали на том же арендованном такси, и оказалось, что деньги, которые мы платим, – только за проезд «туда» и чтобы забрать вечером. А утром он возвращается как обычное такси. Я заплатил 20 рупий... Надо было ещё купить бензин для генератора, я взял с собой канистру, а таксист довёз только до заправки. Не тащить же полную канистру пешком по городу! Я позвонил Джанту, тот пришёл, купили вместе бензин. Джант, как вышколенный слуга, поймал велорикшу и предлагал мне ехать одному, с бензином, а сам собирался идти пешком. Но я усадил его рядом. Плевать мне на их кастовость, да здравствуют геологическая демократия и демократическая геология!

16.03.11. Утром на окраине деревни едва не наступил на змею. Оставалось только одно: сделать прыжок шире и отбежать на несколько шагов. Змея, впрочем, не потревожилась, она спала.

После уборки тростника люди на полях чистят и углубляют каналы, маленькие и большие, готовятся к сезону дождей. Сейчас – сушь, вся глинистая почва закаменела. Долбят её мотыгами, ими же лихо выбрасывают наверх. Кое-где, особенно на больших каналах, работают экскаваторы на базе небольших колёсных тракторов.

18.03.11. Сегодня ходили по самым северным профилям нашей площади. Там пограничный район. Граница с Непалом дальше, но отсюда начинаются подъём к горам и джунгли, которые трудно контролировать. Непал для Индии – дружественная страна, но всё-таки на границе неспокойно, хоть и не так, как на западе, рядом с Пакистаном. Говорят, какие-то непальские патриоты делают вылазки из джунглей, кое-что взрывают по деревням. Может, просто скрывающиеся бандиты...

Перед самыми джунглями лежат пустынные, по индийским меркам, места, много невозданных земель – твёрдых равнинных пустошей, по которым, кстати, хорошо ходить. Людей встречается гораздо меньше, они более настороженные и отчуждённые. Некоторые ходят в непальских головных уборах – конусообразных шляпах, чего я не видел в других районах.

Мы вошли в одно селение, с краю которого группировались двухэтажные кирпичные домики, обнесённые одной оградой. Один из домов был полу-

разрушен. Во дворе стояла пара джипов. Мы миновали деревенские улицы и на последнем огороде стали делать съёмку. Вдруг послышались крики, нас окружила толпа человек из двадцати. Наиболее активную роль в ней играли два предводителя: очень крупный для индуса, достаточно холёный мужчина и второй – красноглазый. Я понял, что дело принимает серьёзный оборот.

Они потребовали, чтобы мы забрали оборудование и проследовали в деревню. Мои парни спорили, но положение становилось безвыходным. Я ещё попытался призвать к спокойствию, стал звонить по телефону. Сделал вид, будто звоню в очень высокую инстанцию. На некоторое время это успокоило агрессоров, но, как назло, ни один телефон не отвечал, индусы начали нас подталкивать. Я принял решение покориться. Не убежать же в самом деле!

Пока шли через деревню, Лукас всё-таки дозвонился до Лёши и дал телефон мне. Тот спрашивает:

– Что случилось?!

– Ведут...

– Куда ведут?

– Понятия не имею, – на волне обречённого спокойствия во мне проснулось чувство юмора, и я произнёс эту фразу как можно беспечней. – Арестовали и ведут. Куда-то в деревню...

Лёша был обеспокоен, но это единственное, чем он нам мог помочь. Поговорить с нападшими на английском, – так те английского не знают...

Нас подвели к кирпичным домам, в дверном проёме мелькнула фигура полицейского с автоматом. Я почувствовал облегчение. В полиции рано или поздно разберутся. А арестовала нас, выходит, добровольная народная дружина...

Когда проходили мимо полуразрушенного домика, красноглазый показал на него рукой и что-то прорычал в мой адрес. Я мысленно перевел: «Ходят тут всякие, потом дома взрывают...» Полицейский пропустил нас внутрь, за столом сидел другой, видимо, начальник. Оба были не такие, как те, что встречались нам в весёлом рыночном городке. Эти – очень суровые на вид, настоящие американские шерифы. Глядя на лицо сидящего, я подумал, что он очень мало спит, как, впрочем, и красноглазый. Когда индусы недосыпают, они жуют лёгкий возбуждающий наркотик, который продаётся во всех дуканах. От этого у них краснеют губы, а белки глаз, если долго заменять сон возбуждающими средствами, покраснеют у любого...

Я дал полицейскому нашу бумагу – разрешение, но он не читал по-английски и только сурово смотрел в неё, не шевеля зрачками. Лукас тем временем на своём языке объяснил ситуацию, шериф позвонил в полицию нашего городка, там подтвердили,

что действительно работают русские. Вся процедура заняла около двадцати минут. На прощанье полицейский порекомендовал Лукасу «не ходить в джунгли, потому что там стреляют».

Я рассказал ситуацию по телефону Лёше, он поспешно подтвердил: да, да, в джунгли не ходите, делайте последний профиль по самому краю, и всё... Спрашиваю у Лукаса, кто это так беспокоит мирных жителей? «Непал», – говорит, крутит пальцем у виска и другими жестами и словами объясняет, что есть непальский «пипл» – «ачча», а есть такие, что по джунглям прячутся и стреляют. Видят «вумен» идёт, – хватя её и с собой, в джунгли. «Бачо» (дети) – в джунгли. Что есть съедобного – тоже тащат в джунгли. Лукаса понесло нагонять страсти...

– А как же Непал-Индия-секьюрити? – спрашиваю, заменив незнакомое слово «пограничник».

Лукас отвечает:

– Э-э... Непал-Индия-секьюрити – то дриньк, то слип...

20.03.11. Не работали, потому что сегодня – великий всеиндийский праздник. По улицам не проехать, к тому же наши парни сказали, что кто будет «ворк», того могут «бить бамбук». Ходят толпы с барабанами, обливают себя и других разведёнными в воде красками: ярко-зелёной, синей, малиновой, серебряной... Красят всё: волосы, одежду, лица. Наши тоже покрасились, залили всю крышу, пытались покрасить и нас, но не решились.

А я хочу в Россию...

IV

Приезжал Алексей, пробыл у нас два дня, надавал ЦУ, угостил всех папайей с рынка и арендовал для нас две недорогих машины. Ярику достался старенький, но более комфортабельный «Машиндра-маршал», а нам – «Машиндра-командор» без дверей, явно старше меня по возрасту.

Водитель арендованного «командора» в первый день обжевался возбуждающих пакетиков, на обратной дороге подпрыгивал на сиденье, шутил надо мной к удовольствию моей бригады и пел песни.

В конце марта на краю дороги, по которой мы ездили на работу, лежал оборванный волосатый человек. Мы проезжали утром и вечером, он лежал на том же месте неделю, а может, и дольше. Иногда возле него останавливались люди, давали что-то поесть. Зачем он лежал, – я не понял. Наверно, пытался уйти в нирвану...

А мне запомнился один вечер. Спадает жара. Невыносимая, казалось бы, работа сделана. Сумерки, ты едешь домой в джипе без дверей, обдуваемый ветерком. Сзади из телефона звучит музыка, красное огромное солнце клонится к закату и мчится параллельно машине, мелькая между кронами пальм и баньянов. Проплывают мимо разнообразные индуистские святилища. Появляются на дороге и остаются позади перегруженные такси, мотоциклы, велосипеды, дети, козы, женщины. Вечером всё приобретает гармоничную окраску. В один из таких вечеров я вдруг почувствовал какое-то непередаваемое – не побоюсь этого слова – блаженство, словно ощутил неразрывную связь с миром и мудрую закономерность происходящего... Да что там слова, я просто знаю, что это было. Я... почувствовал Индию, почувствовал себя в ней, не знаю, как ещё сказать. Почувствовал и единство с самим собой. Это тело... Почувствовал, что здесь, на земле, я дома. Дом этот временный, но прекрасный, нужно ценить каждую минуту пребывания в нём, чтобы потом взять с собой эти богатства красоты в дом настоящий... Ведь не возьмёшь же туда деньги, звания и прочие тяготы, которыми мы так любим себя обременять. Но можно взять с собой солнце, пальмы и музыку... Сама мысль была короче, чем даже одно слово, но объединяла в себе намного больше, чем всё здесь сказанное. ...С этими мыслями или чувствами, которые тогда не требовали никаких слов, я словно летел куда-то, сидя на переднем сиденье раздолбанного «командора». Это было недолго, но – было. Тогда – первый раз в Индии...

8.04.11. Вечером в машине мои «инженеры» распелись. Я сказал, что в России тоже поют, особенно когда «дриньк». Все сильно обрадовались, водитель бросил руль и захлопал в ладоши...

13.04.11. Маленький смешной индус-хозяинчик с животиком и беременной женой звал в гости, хвастался своей манговой рожицей. Увидел, что мы курим, попросил сигарету, но видно, что никогда не держал их ни во рту, ни в руках. Всю измял, прикусил, поджёл, закашлялся... Но доволен. Знает немного по-английски.

14.04.11. На подходе к реке увидели в стороне одинокий дом. На заборе стоял индус, что-то кричал и махал рукой, но было далеко. А я подумал, опять про бомбу будут спрашивать, пошёл быстрее мимо. Он – наперерез. Меня перехватить не успел, но вижу – парней остановил. Оказалось, бежал предупредить, что речка в этом месте глубокая...

17.04.11. Поехали с Сергеем на увязку каркасов. В городе Багачи нас остановил патруль полиции, там проходила какая-то предвыборная акция, развернули в объезд. Объезд не нашли, но в пробке, пытаясь разъехаться с автобусом, столкнулись с другим джипом. Такое может быть только в Индии. Два водителя вынырнули из-за автобуса с разных сторон, поговорили друг с другом, потом оба резко тронулись и – столкнулись. Удар, стекла посыпались, меня немного вперёд бросило, Сергей ударился лбом о стекло. На той машине – вмятина на бампере, а нашу повело, радиатор пробит, рессора оторвалась. Наш драйвер (шофер) был прав, но на втором джипе оранжевая мигалка, которая, правда, не работала. Пассажир какой-то важный, даже не вышел. Шофер немного поругался с нашим и собрался уезжать. Но наш уперся ему руками в капот, тот едет потихоньку, а наш отступает, но не уходит. Сергей решил помочь бедному водителю, но тут и толпа набежала, все за нашего, против «крутых». Тем не менее вскоре приехала группа поддержки: полицейский с большими звездами и двое в штатском, – развели толпу «по понятиям», и все уехали. Я записал номер нарушителя и отдал сыну хозяина нашей машины, когда тот приехал на своём мотоцикле. Он смотался в полицейский участок, но, вернувшись, дал понять, что не видать ему ни денег, ни правды.

19.04.11. Сергей уехал в Россию. Утром нам прислали новый «кар» (новый – сказано слишком сильно, но получше прежнего) со старым драйвером. По пути драйвер остановился возле дуканчика, выпил кофе и покурил ганджи. Потом в деревне развалил крылом стопку кирпичей. Мгновенно собрались местные, заставили его сложить кирпичи на место. Потом он пытался свернуть домой и нас приглашал на чай. Но я пресёк это дело.

В Бихаре выборы, индусы придают им огромное значение. Повсюду посты, под деревьями на стульчиках сидят большие полицейские чины и штатские. Нас останавливали четыре раза. Парни говорят, что у тех, кто ездит просто так, а не работает, как мы, могут на время забрать машину на нужды политической акции.

20.04.11. Вечером после работы сходил в парикмахерскую. Открытый сарайчик на рынке, пара зеркал, стульев. Паренёк после стрижки постучал мне по голове и спине, натёр шею каким-то порошком, повыкручивал руки, повытягивал пальцы. Всё удовольствие – 10 рупий.

V

26-го, приехав с работы, я получил от Лёши телефонную команду останавливать работу на этом объекте, собирать приборы и людей и с утра выезжать в Мальду на помощь Виталию. Дом нужно было оставить за собой, барахло – в нём, потому что в Мальде снята гостиница.

Утром загрузились в арендованное «Болеро», приехали в Патну. Оттуда следовало ехать поездом. Билетов не было, Джант купил стоячие места по 100 рупий. Пришёл поезд, в дверях гроздьями свисали пассажиры, никто не думал выходить. Стали втискиваться, залезли Джант и я, втокнули часть сумок. Дальше – бесполезно. Торчу в тамбуре, остальные на улице, когда трогается поезд – неизвестно. Джант кричит на банглов, чтобы залезали, те разводят руками и крутят пальцем у виска. Я «созрел», скомандовал Джанту выкидывать всё обратно. Только вылезли, вытащили сумки, – поезд ушёл. Билеты пропали.

Поехали на автовокзал, откуда мы с Яриком уезжали на Беттию. Джант в автобусе переругался с кондукторами из-за места, потом говорит мне: «Индиан пипл – дог!» Я только покачал головой: разве можно так не любить свой народ. Ночью в автобусе спал. В открытую форточку задувал ветер, я сквозь сон даже стягивал рукой воротник на рубашке, было хорошо, прохладно... Да, апрель дал жару! По ночам духота, в доме лежишь и потеешь. Я замечал, что на работе выпивал по 5 – 6 литров воды, не считая выпитой дома утром и вечером.

Утром мы приехали в город Кишенгандж. К обеду за нами прибыл Дима. Отряд базируется не в самой Мальде, а в 20 километрах от неё, в городке с названием Гаджоль или Газоль, – зависит от произношения. По пути заехали в придорожный дукан победать. Я первый раз воспользовался услугами индийского общепита. Открытый с двух сторон навес, пластиковые столы, стулья. Пол земляной. Над головами вентиляторы. Приготовлено довольно вкусно, хотя и жжёт, как... в Индии.

Подъехали к гостинице, навстречу вышел Виталий. Познакомились лично, до этого мы общались только по телефону. Виталий из Магадана, их здесь трое из этого города: он, Паша, который летел с нами, и ещё Олег.

Гостиница – длинное трёхэтажное здание. На первом этаже сквозной проход со двора на улицу, по бокам – сервисно-торговая сеть. На втором и третьем – номера. Стены окрашены в жёлтый цвет, полы выложены белой мраморной плиткой. Душевые устроены следующим образом: покатый пол с отверстием в стене, выходя-

щим на улицу, и простой кран на высоте пояса. Поэтому для мытья там необходимы ведро или таз и поливальная кружка. Но всё равно душ в индийской грязи и духоте – это счастье.

Рабочих-индусов разместили в просторном холле, поставив рядами деревянные топчаны. Их у Виталия больше десяти человек, плюс мои приехали. У русских инженеров по отдельной комнате, мне тоже приготовили к приезду. Это оправдано, потому что много оборудования. У кого что хранится, тот за тем и следит: скачивает, обрабатывает информацию, заряжает аккумуляторы для себя и для сменщика-индуса.

Кухня-столовая была оборудована в отдельной небольшой комнате и предназначалась только для русских. Индусам Виталий каждый день выдавал деньги помимо зарплаты, и они питались где и как хотели. Наёмного местного повара Паша научил готовить почти по-русски, так что с питанием здесь дело было поставлено гораздо лучше.

У Виталия работа была организована через день, но – по полной. Рейсы по 30 точек, точки через километр. Я пробыл в Гадзоле весь май, и это было лучшее время моей работы в Индии. Несмотря на длинные рейсы, второй день был свободным, что давало возможность полностью восстановить силы. Перед рейсом спать приходилось мало, выезжать мы старались в пять утра. Возвращались в восемь, девять, а иногда и к полуночи. Я ставил приборы на зарядку, ложился, конечно, далеко за полночь. К пяти утра вставал, комплектовал заряженные приборы, выдавал их сменщикам, так как у индусов-операторов сложилось убеждение, что следить за оборудованием – наше дело. Зато когда они уезжали, снова ложился и мог спать до двенадцати, а то и до двух, пока не просыпался естественным образом. Никто меня не тревожил. Я не спеша пил чай, мог выйти в город или посидеть за компьютером в своё удовольствие.

Городок Гадзоль производил приятное впечатление. Улицы здесь были шире, движение более упорядочено, встречные индусы не так дичились чужестранца. Рядом была Мальда – город, посещаемый туристами, и это накладывало свой отпечаток. Я гулял по рынку, разглядывал сувениры, купил себе кое-какие мелочи. У меня появились знакомые дуكانчики – продавцы роллов. Они ставили на рынке колесную тележку с витриной и столиком, натягивали над ней тент, по заказу жарили на газовой плитке яичные блины и фаршировали их овощами. Мне эти знакомые издали махали рукой и уже знали, что для меня надо приготовить роллы «но чили», то есть с меньшим количеством перца.

VI

...Дима и Ярик привезли с собой ассамский дром, много видеозаписей и рассказов. Ассам – горный уголок на северо-востоке Индии. Со слов Димы, там живет особый гордый народ, относящийся к остальным индусам с некоторым презрением. Там больше порядка, никто не ходит в туалет на дороге, но край этот находится в состоянии затяжной войнушки за нефть. В настоящий момент там правит «мафия», с которой правительство заключило мирное соглашение.

Наши люди работали там под охраной полиции. В 1992 году в этих краях был убит в драке русский геолог. Его семье Индия до сих пор выплачивает пособие, а ассамские индийцы помнят эту историю. Встречая наших, они радостно заявляли: «А, русские! А мы тут одного русского убили! Ну, заходите в гости, чаю попьём!»

Были там и настоящие джунгли со множеством зловредных насекомых и дикими слонами. Слонов все боятся. База нефтяного месторождения обнесена забором из толстых брёвен, на ночь все машины загоняются внутрь, ворота наглухо закрываются. Однажды днём слоны вышли к базе. Все срочно ретировались внутрь, а Ярик выскочил за ворота, чтобы поближе сфотографировать вожака. Полицейский – за ним вдогонку, поймал за рукав, затащил вовнутрь. Слоны ушли...

Я же был в Индии уже почти шесть месяцев, но не встречал слонов. В местностях, где мы работали, они не используются в хозяйстве, а дикие водятся только в джунглях. Правда, Сергей рассказывал, что ещё до моего приезда видел слона с огромным ворохом зелёных веток и двумя погонщиками на спине прямо на улице Наркатьяганжа. Потом мы издали видели такого же в другом районе. И вот за неделю до окончания моей работы мы встретили слона на дороге на подступах к Азамгарду. Те же ветки, те же два погонщика... Он шёл по встречной полосе, я выскочил из машины и стал снимать его на телефон. К моему удивлению и даже небольшому испугу, слон повернул в нашу сторону и остановился перед самой машиной, свесив хобот над капотом. Честно говоря, перед такой громадиной на открытом месте трудно не растеряться. Ему бы ничего не стоило лёгким движением перевернуть наш джип... Интересные у него были глаза: умные, внимательные и... как будто с хитринкой. Парни, сидя в машине, смеялись и что-то объясняли мне. Наконец я понял, что за фото надо заплатить «тэн рупис». Я вытащил из кармана десятку, но передать её погонщику на такую высоту не

представлялось возможным. Шофер опять со смехом что-то объяснял, наконец до меня дошло. Я положил бумажку на капот, слон нащупал её хоботом и передал хозяину. Эта процедура мне так понравилась, что я не пожалел ещё одной десяти, но вторую уже не клал на машину, а осторожно протянул слону рукой...

Вспомнив рассказ Сергея и животное, виденное вдалеке, я предположил, что это один и тот же «элефант», хозяева которого просто ездят на нём по всей Индии, собирая деньги с любопытных. А неизменная куча веток – запас корма для слона в его длительном путешествии. В общем-то, эта работа для зверя приятнее, чем таскать брёвна...

Мы с Ярославом улетали в Дели из аэропорта Варанаси (Бенарес). Это очень древний и широко известный город, где, по преданию, сам Будда произнёс первую проповедь. Мне очень жаль, что мы были совсем рядом, но наша сумасшедшая работа не позволила нам посетить легендарное место.

В аэропорту мы встретили нашего нового сотрудника. В Варанаси прилетает много европейцев, но я почти сразу безошибочно определил незнакомого русского, правда, чтоб не вышло недоразумения, прежде чем подойти и представиться, встал невдалеке и послушал, на каком языке он разговаривает по телефону. Дима забрал его и повёз в Азамгард, а нам с Яриком предстояло переночевать в отеле, так как наш рейс ожидался следующим утром...

Так закончилась моя индийская «эпопея». Индия кое-что дала мне, кроме забавных воспоминаний. Я

много нервничал в последние месяцы по поводу работы, но в итоге индусы научили меня спокойствию и – не декларативной, а проникшей в меня до кишок, – уверенности в том, что все проблемы рано или поздно «рассосутся» сами собой и каждый получит по своим делам. Дай бог им и их стране за это добра и блага! Индия, наместя!

Нас ждал самолёт российской авиакомпании. Мы шли по трапу, впереди шагал иностранец. Русская девушка у входа вышколенно приветствовала его на английском, а потом посмотрела на меня, и мне показалось, что её улыбка стала сердечней. Девушка произнесла: «Здравствуйте!»

«Здравствуйте!» – ответил я и вспомнил о том, что следовало бы погасить улыбку, только в середине салона... Это было самое лучшее «здравствуйте» за мою жизнь, какое я когда-либо слышал от незнакомого человека.

2011–2013

Евгений Николаевич ЯНОЧКИН

родился в 1966 году на юге Красноярского края.

Живёт в г. Дмитров Московской области.

Геофизик,

работал в экспедициях в Сибири, Индии и Южной Америке.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Публиковался в журналах «День и ночь», «Московский вестник», «Братина», «Юность».

Автор сборника стихов «Отголоски» (2010 г.).

В журнале «Север» публикуется впервые.

Андрей РУДАЛЁВ

г. Северодвинск,
Архангельская область

Цивилизация Сергия Радонежского

*Великий святой
стал символом
преображения страны*

Одним из самых убийственных обвинений русской культуре и самым весомым доказательством ее... неполноценности традиционно является то, что она не пережила Ренессанса, не ощутила всплеска западноевропейского гуманизма. Здесь только одна бесконечная и застойная осень Средневековья, не было Петрарки, Леонардо, своего Рафаэля, Шекспира, Данте. Не было любовной реставрации античного культурного тренда, да и, собственно, что могли здесь знать об Античности темные и забытые люди, всегда живущие под тем или иным игом-гнетом. О каком революционном Возрождении здесь может идти речь, когда тягучая инерция здесь правит бал?! И еще бесконечный ряд «не» предъявляется...

Беда! «Людоедская» улыбка Джоконды русскую культуру не освещала, до гор трупов высшей точки гуманизма, как в финале пьес Шекспира, здесь тоже далеко... Отсюда и еще одно «не»: а была ли вообще культура на Руси или

только прозябали здесь испокон веков одни безграмотные забытые крестьяне-лапотники, которые прячутся в темных избах и смотрят на белый свет через бычьи пузыри в окна?..

Все подобные абстрактные построения и рассуждения разбиваются, когда начинаешь говорить о конкретных примерах. Сергей Радонежский – одна из самых безусловных фигур отечественной истории и культуры. От него нас отделяет семьсот лет, и в этом году будет круглая дата с его рождения. Именно он – неученый отрок Варфоломей, ставший после пострижения в монахи Сергием, разрушает все тезисы, доказывающие ущербность русской культуры.

Он не являлся интеллектуалом. Знанию, которому его с прилежанием учил учитель, Варфоломей «не внимаше и не умеаше». Но при этом постоянно обращался с просьбой: «Господи! Ты дай же ми грамоту сию, ты научи мя и вьразуми мя!» Известен эпизод чудесного овладения им грамотой. Под дубом от «старца свята» Варфо-

ломей получил книжное знание от Бога, а не от человека. Тогда же старец предсказал, что в будущем он построит обитель Святой Троицы и многих «*приведет вслед себе на разум божественных заповедей*».

Сергий не был интеллектуалом в западноевропейском понимании, но в то же время его можно считать практикующим богословом, учение которого разворачивалось в его жизненном пути: «*да явится ученик святыя Троица*»...

Обитель Троицы – это далеко не только лавра, основанная святым. Собственно, этой обителью становилась вся Русь Сергия. Троичный догмат – величайшее достижение христианской цивилизации, совершенно не объяснимое с точки зрения формальной логики. Обустроивая обитель Троицы, Русь становилась центром православного мира. Не случайно Сергий получил крест и благословение от константинопольского патриарха Филофея. Уже в следующем столетии падет Константинополь и национальная идеология «четвертого Рима» окончательно оформится. Она станет движителем для русских людей на протяжении всех последующих столетий, заставляя их осваивать безграничные пространства, выстраивать из обители Троицы русскую цивилизацию.

В основании этой цивилизации не богоборческий жест, как это было в европейском Возрождении. Русское Преображение – обращение к религиозному, молитвенному общению с Богом, жажда получить знание не от человека, а от Него, поэтому всегда у русской культуры было мощное целеполагание, стремление освоить не только мир, не только космос, но многим больше. Для этого мира никогда не существовало границ.

Кстати, о патриархе Филофее. Он являлся учеником святого Григория Паламы, основоположника исихазма, который дал толчок к православному палеологовскому Возрождению. От него на Русь пошло так называемое второе южнославянское влияние, равносильное по значимости с Крещением Руси. Если тогда, при Владимире, страна собиралась и поднималась от языческого неверия, то теперь она, освобождаясь от ига, готовилась к своему новому духовно-культурному подъему, к преображению.

В самой знаменитой книге Григория Паламы «Триады в защиту священнобезмолвствующих» идет дискуссия с Варлаамом Калабрийским, который превозносит человеческое познание, логическое мышление, древнегреческую филосо-

фию. Совершенно ренессансный муж. Разум Варлаам объявляет единственным началом и залогом богоподобия. Разум – путь и способ богопознания и богообщения. В ответ ему Григорий Палама рассуждает о богословском обосновании исихастского принципа «введения ума внутрь». Развивает учение о символичности человека, или, по выражению Иоанна Мейендорфа, вводит понятие «христоцентрического» человека. Отсюда познание и созерцание Бога может происходить путем рассмотрения внутреннего мира, внутреннего существа человека. Через это начинается процесс «собирания» тела, души, ума с целью восстановления своего изначального хриstopодобного облика. В ориентире на хриstopодобный облик человека нет намека на западноевропейский гуманизм, но разве это как-то умаляет человека? Наоборот, возносит человеческую антропологию на совершенно недостижимую высоту. Человек становится храмом, в нем звучит божественная симфония.

Собственно, житие русского Сергия Радонежского стало живой иллюстрацией тезисов, которые развивает в своих «Триадах» Палама. Варфоломеем преобразуется в Сергия. Языческая Русь времен Владимира становится православной и практически сразу переходит в разряд одной из самых культурных и просвещенных государств. Сбрасывая иго в XIV веке, страна готовится стать наследницей всей восточноправославной цивилизации, не возрождая, а преобразуя себя.

Хрестоматиен эпизод благословения Сергия на борьбу с врагом князя Дмитрия: «*Иди противу их, и, Богу помагающе ти, победиши, и здравь сь своими възвратишия. Токмо не малодушествуй!*» Сергий был также крестным сыновей князя, периодически выполнял его дипломатические поручения. Сейчас такое сращение Церкви с государством стало бы острокритической притчей во языцех, но тогда этот синтез был символом русской соборной победы с нападением «не малодушествуй!».

Кстати, есть в житии Сергия и эпизод о беснующемся вельможе-боярине, которого он излечил своими молитвами, после чего тот стал крокок. Стоит ли говорить, что это очень актуально для современной России и ее вельмож...

Что еще крайне важно и актуально для нас: от Сергия пошло центробежное движение, освоение территории по векторам вглубь. Возникла легендарная Северная Фиваида. Появилось почти полторы сотни монастырей, которые являлись

в то время средоточием культурной жизни. Многие из них основали его ученики. Этот вектор идет от Троицовой лавры до вологодских обителей, таких как Кирилло-Белозерский монастырь и Ферапонтово, через Антониево-Сийский, Никола-Корельский монастыри в современной Архангельской области и до Соловков.

Через него пошел мощный толчок к искусству. Из того, что мы знаем: например, «Житие» Сергия, написанное его учеником Епифанием Премудрым и отредактированное Пахомием Логофетом в стиле «плетения словес». А ведь то, что мы знаем о древнерусской книжности, – это даже не вершина айсберга, а многим меньше. Количество книг здесь исчислялось забытыми до отказа храмами и избами. Чего стоит один великий Андрей Рублев, который запечатлел надмирный свет в своих «умозрениях в красках»?!

Рядом с Сергием стоит его современник Стефан Пермский, который реализовал приобщение других народов не огнем и мечом, а через просвещение. Он составил зырянский алфавит, стал просветителем для этого народа, равноапостольным, перевел Писание. Этот импульс к просвещению народов стал одним из основных культурных страт русской цивилизации.

Тот же Сергей завел на Руси киновийные общежительные монастыри, которые можно считать прообразом общежительного сосуществования многих народов в России.

Хотя, конечно, имеет ли вообще все это значение для тех, кто трактует отечественную средневековую культуру, основанную на эталоне религиозного, исключительно в мрачных тонах, как темное время культурного застоя, практически то же, что и монголо-татарщина для Руси? Которые считают, что средневековая религиозность – печать проклятия России, и ее должна заменить секулярная культура с культом свободного ни за что не отвечающего человека, вокруг которого должен кружиться весь мир?..

В 2014 году – семьсот лет со дня рождения Сергия. Остается надеяться, что мы вспомним тот импульс, ту творческую энергию, которую он дал русской цивилизации. Ведь, по сути, именно Сергей – это наше все, наш светильник. Света нам сейчас катастрофически не хватает.

Андрей Геннадьевич РУДАЛЁВ

*родился в 1975 г. в городе Северодвинске
Архангельской области.*

Публицист, литературный критик.

Окончил филологический факультет

Поморского государственного университета.

*Участник форумов молодых писателей в Липках,
семинаров для писателей, пишущих для детей.*

Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006 г.).

*С критическими и публицистическими заметками
выступает во множестве периодических печатных
и интернет-изданий.*

Александр
ВОРОНИН

г. Петрозаводск

Не плачь, дочка!

Был уже почти день, когда Андрей Семенов проснулся. Все было очень славно, только легкое одеяло сбилось в ногах, и Семенов расправил его, поддавая пододеяльник поднятыми ногами.

Спальню вертикальной плоскостью делило надвое солнце, сочащееся в щель между шторами, и Семенов несколько минут лежал, блаженно созерцая, как в солнечном свете плывут, кружатся, кувыркаются пылинки. Это чем-то напоминало мелькание ночных насекомых в луче проектора в летнем кинотеатре.

Вдруг Семенов озадачился: откуда столько пыли, когда в комнате регулярно делается уборка? Ах, да, он ведь сам считай только что выбил одеяло. К тому же пыль, наверное, вечна, как вселенная.

Полежав еще немного, Семенов выбрался из постели с энтузиазмом хорошо выспавшегося человека, потянулся и понял, что делать утреннюю зарядку он не будет. Прав был герой шпионских романов Богомила Райнова Эмиль Боев, считая зарядку подвигом. Если уж крутой болгарский, пусть и книжный, разведчик не

находил возможности совершать подвиги каждый день, то рядовому гражданину России это и подавно не по силам. Однако Семенов все-таки махнул несколько раз руками, два раза присел и отправился в ванную. Почистив зубы и умывшись, он потрогал подбородок и решил, что бритье, как и зарядка, может подождать. Конечно, легкая щетина не придавала его лицу дополнительной привлекательности, но и не портила. Пока не портила.

Прежде чем завтракать, по мобильнику позвонил жене в школу, и они несколько минут говорили ни о чем, точнее о предстоящем завтраке Семенова, предстоящем ремонте кухни и прогнозе погоды на воскресенье. Наконец жена заойкала в трубку, мол, нужно готовиться к уроку, и супруги послали друг другу прощальные поцелуи.

Семенов пришел в более чем отличное расположение духа. Вообще и в частности. В частности — от разговора с любимой женщиной, вообще — из-за наступивших выходных. Это же благодать какая — проснуться когда захочешь и никуда не спешить. Он улыбнулся во

весь рот и пошел выполнять инструкции жены относительно пищи.

Уже были съедены тефтели и Семенов допивал кофе, когда хлопнула входная дверь, а спустя пару мгновений в кухню вошла дочь. По ее виду Семенов понял: случилось что-то из ряда вон. Ирина в свои двенадцать лет была не из плаксивых, но сейчас в ее глазах стояли слезы и она была растеряна.

— Что произошло, милая? Тебя кто-то обидел? — спросил Семенов встревоженно.

— Понимаешь, папа, там хомячка выкинули в мусорный бак. Вместе с ящиком. Мальчишка один из первого подъезда. Я ему говорю, зачем ты его сюда? А он говорит, мне мама сказала выкинуть. А он ведь живой!

— Кто, мальчик?

— Да нет, хомячок! Он там умрет!

Семенов понимающе вздохнул и задумался. Субботний день только начался, и Семенову не хотелось абсолютно никаких проблем, тем более таких, которые его ни с какого боку не касаются. Если бы он проходил мимо мусорных баков в тот момент, когда выбрасывали хомяка, ему бы в таком умиротворенном состоянии и в голову бы не пришло вмешаться: уж коль жизнь привела животное к трагическому финалу, то что тут поделаешь? Может быть, хомяк болен какой-нибудь заразной болезнью. Может, восстал против своего хомячьего бога. Может, коварно вонзил зубёнки в руку дающую. Да мало ли что?! Рок не карает просто так. Плюнуть бы и сказать строго: «Ира, это не наше дело! Иди гуляй и не мешай папе отдыхать, не порть настроение!»

С другой стороны, они с женой старались воспитывать дочку в любви к миру во всем его многообразии, будь то архитектурные изыски великих зодчих, горные ландшафты или живая природа. И не потому, что были очень уж продвинутыми родителями, а по причине общей и немного абстрактной незлобивости. Они верили, что позитивное отношение к окружающей действительности есть краеугольный камень жизни без бед. К тому же Семенов, невзирая на то что совдепия давно канула в Лету, считал себя представителем советской интеллигенции, воспитанной на традициях шестидесятников.

Усилия не пропадали даром: в изостудии их дочь рисует преимущественно лошадей и клеит в специальный альбом фотооткрытки разных животных. А Иннокентий, живущий в клетке на шифоньере, уделяет Ирине львиную долю внимания, используя ее плечо в качестве насеста, и не гнушается вставлять в свою попугайскую тарабарщину ее слова: «Кеша хороший. Доброе утро. Давай поцелуемся».

— Ну что ты, доча, сразу страсти такие рисуешь? Почему обязательно «умрет»? — осторожно спросил Семенов, присев на корточки возле подпирющей холодильник дочери и еще не зная, как себя держать, чтобы и люди были сыты, и хомячки целы.

— Потому что его бросили. Навсегда!

Семенов с сожалением понял, что она права. Естественно, не с его, а со своей наивно-тепличной точки зрения, которую наверняка бы разделили все люди, постигающие жизненную философию у экранов телевизоров. То есть большинство. Ему от этого даже стало немного стыдно.

Еще он сообразил, что если сейчас ошибется, то доверие дочери к нему даст ощутимую трещину. Очень часто дети, шадя родительские чувства, не рассказывают о том, что их пугает, не делятся своими заботами и проблемами. Ирина же пока, тьфу-тьфу-тьфу, рассказывала почти все, что ее беспокоит, а это заметно упрощало над ней контроль и сулило в будущем меньше головной боли, особенно когда обострятся закидоны переходного возраста. Интуитивно Семенов понял, что необходимо перевести внимание дочери на что-то другое, но ни в коем случае не стоит спускать собак на мать-и-мальчика.

— А почему же ты его не подобрала? Почему оставила там, а сама прибежала ко мне и льешь слезы? — с нотками легкого осуждения спросил Семенов.

Ирина от обиды сморщила нос, готовая разревется по-настоящему:

— Я не плачу, папа. Я совсем не плачу.

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалел за то, что тебе жалко хомячка? Хорошо, я тебя пожалею, но ему от этого легче не станет.

— Папа, я хотела его взять, но...

— Что «но», Ирочка? Что «но»? Люди часто го-

ворят «но», вместо того чтобы совершить поступок, когда не находят в себе мужества поступить так, как подсказывает им совесть. А ты у меня пусть еще не взрослая, но уже большая девочка, и мне неприятно, что ты пытаешься мне что-то объяснить, ничего еще не сделав. Тебе надо было взять этого хомячка, принести домой, а потом уже рассказывать мне, почему ты не могла поступить иначе. Я уверен, что понял бы тебя и поддержал, когда пришлось бы объясняться с мамой. Сначала должен быть поступок, Ириша, а лишь потом слова, если в них возникнет необходимость. А сейчас ты больше похожа на того мальчика, чем на мою дочь. Ладно, утри слезы и тащи животное сюда.

Ирина шмыгнула носом, посмотрела на отца исподлобья, но с благодарностью, и мигом отправилась в спасательную экспедицию.

Семенов был доволен собой. Вот как надо воспитывать в подрастающем поколении гражданское мужество и способность к действию. Нужно просто достаточно напористо говорить правильные вещи, а это он умеет.

Но при этом где-то в глубине сознания стала зудеть какая-то мысль. Еще не оформившаяся, но уже причиняющая беспокойство. Он не мог ее ухватить и поэтому отмахнулся.

Вскоре, стоя над посылочным ящиком, в котором суетился спасенный, но не ведающий о том хомячок, отец и дочь рассуждали, чем его следует кормить, чтобы хомяку было не только вкусно, но и полезно. Их познания в этой области оставляли желать лучшего, и Семенову пришло в голову призвать на помощь жену, хотя он сомневался, что она внесет в проблему ясность. Откуда учителю математики знать нюансы рациона грызунов?

Ее урок еще не начался, и она ответила на звонок.

— Хомяк? — возмутилась жена. — Он же воючий!

— Это хорек воючий, дорогая. Ты их путаешь, а они совсем разные.

— Да знаю я, знаю. Просто пошутила. Так в чем проблемы?

— Да понимаешь, надо бы его покормить, а чем?

— Папа, смотри, что в Интернете написано, — закричала из своей комнаты дочь.

— погоди, родная, сейчас я тебе прочитаю, что ему можно есть, — сказал Семенов, подходя к дочери и склоняясь к монитору компьютера.

— А мне-то это зачем? — удивилась жена.

— Ну как же? Будешь идти с работы и купишь еды животному. Слушай, хомячки неприхотливы в еде. Вы можете смело давать своему питомцу почти все, что едите сами. Главное, соблюдайте правило: пища должна быть разнообразной.

— Андрюш, с тобой все в порядке?

— А что?

— Я тебе говорила, что у меня после обеда еще два урока. Хомяк к тому времени околеет от голода. Самим-то слабо в магазин сбегать?

— Точно! — озадаченно подтвердил Семенов.

— Конечно, самим не слабо. Чего это я сам не догадался.

— Почему-то я не удивляюсь. Хотя ладно. Куплю ему моркови. Кстати, она нам и самим нужна. И чего-нибудь еще, на свой вкус. Но к грызуну и близко не подойду. Пока.

«Подойдешь, еще как подойдешь, не мне же с ним возиться», — мудро пообещал Семенов, давая отбой.

— Что мама сказала? — поинтересовалась Ирина.

— Что купит ему морковки.

— Вот здорово, и мы его покормим.

— Нет, мы его раньше покормим. Пошли в магазин.

* * *

Дочь стояла возле обители хомячка и неотрывно смотрела, как тот бежит вдоль стенок, непрерывно нюхая воздух и периодически становясь на задние лапы, чтобы передними проверить, насколько высока стена, отгородившая его от мира. Семенов обнял дочку сзади, и они в четыре глаза, словно слившись в единое целое, стали наблюдать за хомячком.

И вот тут-то Семенов понял, какая мысль стала зудеть где-то в подсознании, когда он отчитал своего ребенка за то, что сразу не забрала хомяка домой. Это была мысль о его двуличности. Он говорил дочери правильные слова, до конца не разделяя их. Точнее, его

внешнее, общественное, сознание было полнотой согласно, потому что именно так и нужно поступать всем хорошим людям, однако внутреннее, личное отношение к ситуации было почти противоположным. Другими словами, он обманул и, похоже, потому что его отношение к появлению в доме животного не поменялось, продолжал обманывать дочь.

Ему стало противно от самого себя. Эта ложь не была бытовой, легкой, повседневной, когда из-за желания не причинять лишнего беспокойства близким людям чего-то не договариваешь, что-то искажаешь. Как, допустим, заявляешь, рассадив локоть, что тебе не больно, а если больно, то совсем чуть-чуть. Это была какая-то основополагающая ложь, грозящая подточить основы самого мироустройства — его единство с дочерью.

«Да что же я за урод такой, — подумал Семенов. — Мне надо посмотреть на все Иришкиными глазами». Но сам непроизвольно попробовал найти хоть какой-то аргумент в свою пользу:

— А может, он больной и поэтому его выбросили?

— Что ты, папа, посмотри, какой он... — Ирина запнулась, подбирая слово.

Семенов понял, что она хотела сказать — «он такой славный!» — и крепко прижал ее к себе, сигнализируя, что суть уловил и продолжать необязательно. Она ответила тем, что сжала пальчиками его запястья. В этот момент Семенов ощутил свою персональную значимость в мире, и ему стало приятно от того, что они поступили именно так.

Тамара Семенова вернулась с работы почти на час позже, чем обычно, и сразу прошла на кухню, где разгрузила сумку с продуктами. Тут же, как порыв ветра, ворвалась Ирина:

— Мамуля, ты принесла морковки?

— Конечно, красавица, я же обещала. А вы разве не купили?

— Мы купили остальное, а морковку ты обещала купить. Дай ее мне скорей!

Тамара выбрала в купленном у частников пучке небольшую морковину и аккуратно отсекла ботву.

— Только помой сначала.

— Так это же не мне. Я хомячка кормить буду.

— Чистота — залог здоровья, — авторитетно заявила Тамара дочь и хотела добавить что-то еще в этом роде, но Ирины уже и след простыл.

— Ты сегодня поздно, кормилица, — сказал появившийся в дверях Семенов и нежно поцеловал жену в щеку.

— Полрынка обошла. А потом маршрутку пришлось ждать. Чем занимался, баловник? — Семенов в этот момент прикоснулся губами к мочке уха.

— Газеты за прошлые недели просмотрел, можешь теперь использовать в своих важных домашних делах. Ужин, я полагаю, задерживается?

— Почему же? Сейчас переоденусь и что-нибудь быстренько приготовлю.

— Пойдем, я тебя провожу.

Полуобнявшись, они пошли в спальню.

— Мама, посмотри, как он смешно ест! — перехватила их в прихожей Ирина.

— А и правда, не желаешь познакомиться с новым членом семьи? — поддержал Семенов.

Тамара неопределенно хмыкнула и вошла в зал.

— И надолго это? — спросила она. Чтобы налюбоваться грызуном, ей хватило нескольких секунд.

Ирина недоуменно посмотрела на нее, а Семенов, тайно обрадовавшись, что жена не в восторге, как недавно и он, с некоторым торжеством сказал:

— Навсегда!

— Тогда надо его как-то назвать, — рассудила Тамара, — а то он будет чувствовать себя ущемленным. В общем, думайте, мои дорогие, а я пошла ужин готовить.

— Что тут думать? — встрепенулся Семенов. — Хомяк он и есть хомяк, в узком кругу — Хома.

— Хома, Хома, Хомочка, — забормотала Ирина.

— Отныне нарекаем тебя Хомой, что уж с тобой поделаешь, живи, — обреченно провозгласила Тамара и вдруг широко улыбнулась.

— Вот и состоялось крещение, — подвел итог Семенов, удивляясь, как иной раз у женщин легко получается принять то, что им было только что не по нраву.

Тамара, словно прочитав его мысли, хитро сощурилась и ткнула пальцем в бок:

— Уж раз бог любит троицу, то кто будет третьим в нашем зоопарке?

— Собака! — у Ирины заблестели глаза. — Давайте купим собачку!

— Ладно-ладно, — покровительственно сказал Семенов, увлекая жену из зала, — это мы обсудим потом, а сейчас наши желудки требуют пищи. Пойдем, родная, я тебе помогу.

Ужин почтил своим присутствием Иннокентий, забавный волнистый попугайчик. Он разгуливал по столу, предлагал поцеловаться и воровал из тарелок. В общем, питался чем бог послал. В данном случае два бога, один из двух больших и маленький. Семенов Кеше не давал ничего, имея на то веские основания — ел Кеша неопрятно. Все, что оказывалось у него в клюве, усиленно измельчалось, однако в глотку попадала лишь небольшая часть пищи. Остальное вываливалось и либо прилипало с обеих сторон к клюву, образуя уродливые гроздья, либо падало на стол. Короче, Кеша ел как свинья.

В отличие от жены и дочери, которые умилялись попугаем, чего бы тот ни сотворил, Семенов терпеть не мог эту безмозглую птицу. Поэтому он быстро расправился со своей немалой порцией жареной картошки и салатом, отказался от чая и встал из-за стола. Уж чего-чего, а каяться из-за нелюбви к попугаю он не собирался. И лжи тут не было. Вся семья знала об их трудных отношениях.

Что-то потянуло Семенова к хомячку, и, вместо того чтобы принять в спальне горизонтальное положение и открыть какой-нибудь детектив, он присел на корточки перед посылочным ящиком. Хома продолжал суетиться. Семенов побаивался его длинных резцов, но, умиротворенный ужином, смело взял хомячка в руки. Подержав его, словно только что слепленный снежок, он оставил хомяка на левой ладони. Хомячок умылся, смешно усевшись на задок, и пустился осваивать новую территорию. Его нос двигался, не зная устали, отчего усы забавно шевелились. Розовые лапки с маленькими «пальчиками» напоминали человеческие руки, а коготки немного щеко-тали кожу.

Обойдя всю ладонь и через каждый шаг све-

шиваясь вниз в попытках вытянутой лапкой нащупать какую-нибудь опору, хомячок определил единственно верное направление и направился по предплечью к локтю Семенова. Семенов, недолго думая, загородил пешеходную дорожку забором правой ладони. Хомячок воспринял преграду философски и тут же стал ее преодолевать. Семенов вновь посадил его на ладонь. Хомячок незамедлительно отправился в путь к локтю Семенова. Семенов, дождавшись, когда путешественник почти добрался до места назначения, вновь посадил его на ладонь. Хомячок в тот же миг вновь отправился в путь. Так продолжалось несколько раз, пока Семенов не устал. «Ишь ты, — подумал он, — занят своим делом, а на остальное плевать. Есть кто-то рядом или нет, главное — вперед! Не пищит, внимания к себе не требует, целеустремлен до безумия. Ну, брат, ты мне нравишься, не то что эта идиотская птица».

В знак симпатии Семенов пустил хомяка побегать по тахте. Тот быстро ознакомился с предоставленным в пользование пространством, не нашел ничего интересного и у боковой спинки попытался спуститься по свешивающемуся покрывалу на пол. Причем носом вниз, тормозя всеми четырьмя лапками. «Нет, малыш, лучше не пытайся, здесь для тебя высокогато». Однако хомячок продолжал медленно сползать вниз. И вдруг сорвался.

— Папа, держи его, — вскрикнула незаметно подошедшая и наблюдавшая за эквилибристикой хомячка Ирина.

Семенов вздрогнул и потерял несколько мгновений. Хомячок упал мягко, как шерстяной клубок, и, воспользовавшись секундным замешательством Семенова, скрылся под тахтой.

— Ну вот, где его теперь искать? — пригорюнилась дочка. — Здесь столько всего понаставлено.

Комната действительно была сверх меры загромождена досками, обоями, банками, небольшими плитами ДСП: Семенов второй год готовился к ремонту кухни.

— Ничего, доча, пусть немного побегает. Ему ведь скучно весь день в ящике сидеть, как в тюрьме. А будем спать ложиться, поймем и вернем на место.

В этот момент по кабельному телевидению началась вторая серия «Унесенных ветром», и Семенов, забыв обо всем, погрузился в перипетию сюжета. Тамара, убрав со стола, присоединилась к нему и позвала дочь. Ирина не отреагировала. Она упорно искала хомячка в зале, когда ей почти повезло, тот улизнул в прихожую и пропал окончательно. Двери во все комнаты были открыты, так что у беглеца было много вариантов для маневра.

Когда пришло время ложиться спать, хомячок не объявился. Его искали по всем углам до тех пор, пока Семенов не принял волевое решение:

— Все! Утро вечера мудренее. Хома за ночь никуда не денется. Я убедился, что он человек серьезный и самостоятельный. Наверняка уже нашел теплое местечко и дрыхнет без задних ног. А утром он сам выползет, голод не тетка. Кстати, и нам давно пора баиньки.

На том и пожелали друг другу спокойной ночи.

Как ни странно, после того как они с женой отзанимались любовью, Семенов не смог сразу уснуть. Он мыслил о минувшем дне как о дне, прожитом не напрасно, вспоминал хомячка, сравнивал его с попугаем и проникался к грызуну все большей симпатией. Особенно нравилось ему, что у хомячка симпатичная морда лица.

Проснулся Семенов от громкого плача Ирины. Он включил бра над кроватью и ошалело посмотрел на будильник: было без десяти два. В дверях мелькнул халат жены. Почти спеша, Семенов устремился за ней, на ходу раздражаясь из-за прерванного ночного покоя, который подарил ему волнующее эротическое сновидение.

Дочка сидела на пороге своей комнаты, уткнув лицо в поднятые колени, и рыдала. В полуметре от нее лежал хомячок. Он был мертв. Тамара, присев рядом, гладила вздрагивающие плечи дочери и пыталась прижать ее к себе. Ирина не давалась.

— Что стряслось? — буднично спросил Семенов, будто в упор не видел трупик животного.

— Иришка пошла в туалет и в темноте наступила, — объяснила Тамара.

— Это все из-за вас, — внезапно заговорила дочь. — Он почувствовал, что вам не понравился, и убежал. И я тоже почувствовала.

Супруги переглянулись: Тамара, словно извиняясь, пожала плечами, Семенов многозначительно выпятил губы. Оба понимали, что надо что-то делать. Или, по крайней мере, что-то говорить.

— Ирочка, солнышко мое, не говори глупостей, — начал было Семенов, но Ирина заплакала сильнее и сама прижалась к матери, обхватив ее за талию.

Семенов посмотрел на жену. У нее в глазах стояли слезы, еще немного — и побегут по щекам. И Семенов почувствовал себя лишним. Ему очень хотелось присоединиться к ним, но гибель хомячка не казалось ему таким горем, из-за которого глаза мужчины могут стать влажными. Может быть, просто присесть и крепко обнять обеих? Но станет ли это продолжением той лжи, когда за правильными словами пряталось неприятие?

Тамара тоже заплакала.

И чего они так убиваются? Хомяк был симпатичный, спору нет. Но его естественная смерть была не за горами. Хомяки живут всего года два. Все равно пришлось бы скоро хоронить. В чем причина? Что же делать? И тут, словно по наитию, Семенов перестал думать. И на него, как лавина, обрушились боль и безысходность потери чего-то очень дорогого. Как будто он подключился к дочери невидимыми рецепторами и познал то, что она сейчас чувствует. Неожиданно вспомнился случай, когда они с Тамарой стали свидетелями, как под большое колесо остановившегося на перекрестке на красный свет самосвала прыгнул воробей. Включился «зеленый», самосвал тронулся с места, и раздался хлопок. Тело маленькой птички лопнуло как шарик.

Семенов давно забыл этот случай. Но тогда такая нелепая и грубо натуралистическая гибель воробья его потрясла. Он сам ощутил себя неким воробьем, который может в любой момент попасть под какой-нибудь небесный КамАЗ. И сейчас то ощущение вернулось и наложилось на происходящее.

И Семенов очень остро ощутил, как им горько, как они несчастны. И присел, и обнял своих женщин без толики лжи.

* * *

Хомячка похоронили через полчаса за домом у ограды детского сада. Ходили всей семьей. Семенов сначала предлагал отложить погребение до утра, но Ира сказала, что не сможет спать, если в доме будет мертвый хомячок. Затем хотел оставить дочку дома, чтобы лишний раз не травмировать, но Тамара сказала — пусть идет. Так что пошли все.

Закапывая невезучего хомяка, Семенов не мог отделаться от ощущения, что в нем находится словно два человека. Один привлечен к процедуре не более чем в качестве кладбищенского рабочего, чье дело ограничивается формулой «вырыл яму — засыпал яму» и не накладывает никаких дополнительных обязательств. А другой — какой-то почти незнакомец, сочувствующий и сопереживающий даже такой малости, как смерть хомячка. Малости, с точки зрения, конечно, глобального бала смерти на Земле, уносящей в своем вальсе несколько десятков миллионов человек в год. И этот второй человек очень хотел жить и действовать.

Дома Ирину уложили в постель и, дождавшись, пока она успокоится, отправились к себе. Семенов забрался под одеяло и закрыл глаза, надеясь быстро уснуть, и услышал голос жены:

— Ты знаешь, она очень переживает.

Он повернул голову. Тамара сидела на кровати спиной к нему.

— Знаю.

— Ты не знаешь, ты думаешь, что она переживает.

— Нет, я знаю.

— Откуда ты можешь знать?

— Просто знаю, и все. Ложись спать.

— Спи, я скоро приду.

— Куда ты собралась?

— Иришку успокою, она снова плачет.

— Вроде ничего не слышно.

— Она в подушку, — Тамара как-то странно взглянула на него и встала, надевая халат.

Семенов перебрал тело на половину кровати жены, поймал Тамару за талию и, прижавшись к ее животу щекой, забормотал:

— Постой, я сам пойду. А ты ложись. Я сегодня отдохнул, а ты работала. И еще я сильный, я защитник, я справлюсь. Ложись, родная, доверься мне.

Тамара постояла немного и тяжело присела рядом с ним.

— Ладно, — сказала она, — иди. Я женщина слабая, опять разревусь.

— Вот и хорошо.

Семенов поцеловал жену, погладил ее плечи, поднялся и пошел к Ирине. Ему очень хотелось самому побыть с дочерью, самому ее успокоить, самому сказать что-то действительно правильное и мудрое. А может быть, даже завтра купить ей хомячка. Купить им всем хомячка.

□

Александр Владимирович ВОРОНИН

родился 3 апреля 1961 года

в г. Гатчине Ленинградской области.

До 1989 года кадровый военный.

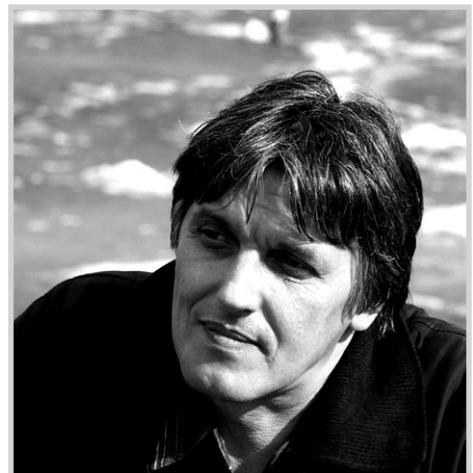
С 1991 года живет в Карелии.

Поэт, прозаик, публицист. Автор трех книг стихов

Рассказы публиковались

в журналах «Север», «Порог» (Кировоград), «Carelia».

Член Союза российских писателей.

Зинаида Александровна ЯКОВЛЕВА

родилась в Великом Новгороде.

Образование высшее педагогическое, филолог.

Работает в государственном

Центре занятости населения.

*Автор четырёх поэтических сборников
и ряда публикаций в различных изданиях.*

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Зинаида
ЯКОВЛЕВА**

г. Великий Новгород

«Поезд, мчащийся в никуда...»

ПОЕЗД, МЧАЩИЙСЯ В НИКУДА

В лике ангела – сатана.
Гладью шитые два крыла.
Из мозаики чувств – стена.
Недомолвка – уже молва.

Поселения. Города.
Мегаполис и хуторок.
Поезд, мчащийся в никуда,
Вех не знающий и дорог.

Птица. Дерево. Бурелом.
Плачет странник: куда идти?
Сумрак. Принципы. Перелом.
Знак неведомый на пути.

Ситец жизни. Замер. Отрез.
Руки. Деньги. Товарный чек.
Всем молитвам наперерез –
Бог. Стремление. Человек.

Рана. Жжение. Шов. Рубец.
Свет. Колени. Душа. Алтарь.
Крест. Пристанище. Праотец.
Перечёркнутый календарь.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Когда чужие стихнут голоса
И суета в закате дня утонет,
Я тихо опущусь в твои ладони,
Чтоб отразиться лишь в твоих глазах.

Глаза другие всё равно солгут,
Прилипнет лезть беспечной паутиной,
Пусть миражи, как пыль,
в безвестность сгинут.
Прости миры, в которых нас не ждут.

Иди со мной, не бойся!
С высоты –
Обзор мудрее, ощутимей силы.
Моё лицо становится красивым,
Когда его красивым видишь ты.

Достойны ли мы этого?
Как знать!..
И день, и ночь преследует виденье.
Проклятием или благословеньем
Ведомая, стремлюсь к тебе опять.

Где миг играет шёлковой листвой
И слепит даль огнём неугасимым,
Где лишь любовь неодолимой силой
Сквозь время проливает свет живой.

УХОДЯЩЕЕ

Чем тише ночь, тем осень ближе,
Мудрее и понятней дали,
И подступает небо ниже
К парной земле, к земной печали.

Теперь надолго нашептались
О тайнах девичьих ромашки.
Природа сникла — жизнь осталась
В её крови, в любви вчерашней.

Живой побег мальчишкой дерзким
Пронзает смело сны и явность,
Ведь жизнь на старом перелеске
Лишь до поры в земле осталась.

И облака текут степенно
До новых станций вереницей.
Всё в предвкушенье перемены,
А в воздухе печаль томится

Так невесомо и безгрешно.
И солнце смотрит мудро, зорко
На лето, что уйдёт поспешно,
Шурша атласною оборкой.

МЕТА

Строго, спокойно, с уходом в забвеньё молитвы,
Словно родился немислимых дел исполин,
Вера безмолвием вязким по нишам разлита
От подземельных высот до небесных глубин.

Знай этот почерк: им метят сердца до окалин.
Красной тесьмою коробка овита, а в ней —
Сон или смерть — целомудренный плен Зазеркалья.
Прячь свою душу, Алиса, от куклы своей.

Где он, отмеченный белым в слепом поколеньё?
Ком, покотившись с горы, не вернётся назад...
Встань под свечами, Алиса, смотри: на коленях
Вера смятению преданно смотрит в глаза.

ГРАНИ БЕЗМОЛВИЯ

Убежать и бояться...
По обычаю, задним числом.
Вспоминать, навивая
на судьбу то веселье, то нервы.
Только думы стремятся
в неприкаянном ветре ночном
К позолоченным звёздам,
тихим травам, подснежникам первым.
Дай тобой наглядеться,
навсегда успокоиться чтоб.
Дай примчаться к тебе
на крыле мотылькового счастья.
Я тебя не отдам —
никому. Никогда. Ни за что.
Я погибну во лжи,
чтобы каменной правдой остаться,
Чтоб услышать вдали
наших судеб слепой перезвон.
Злая весть о тебе
веткой высохшей раму тиранит...
Пусть на миг я усну,
но и здесь потревожит мой сон
Беспощадная сила
безмолвия пройденных граней.

СТУПЕНЬ

«Пока не грянет гром...»

Грозен лёд.
Не тронь!
А ступить —
Расколется
Царство, где Нептун
Мастерит силки.
Раньше кто б сказал:
«Станешь богомолицей»,
Я б ему в ответ:
«Как-то не с руки».
Так зачем я здесь?
Крепости побросаны...
Верую в Христа
Из двужильных сил.
Где затихла пруть? —
Где-то под откосами...
Где оборван смех? —
Меж земных могил.

Антон ЛУКИН

*с. Дивеево,**Нижегородская область*

Антошка

повесть

Антошка сидел на поленнице и вытирал со лба пот. С самого утра, пока не было пекла, они с отцом накололи дров. Затем тот уехал в поле, оставив дальнейшую работу на него. Паренек побежал в избу, выпил кружку холодного молока и, выйдя во двор, забрался на крышу сарая. Это было его одно из самых любимых мест. Оттуда хорошо было вести охоту. Вся улица как на ладони. То собаку какую подстрелишь, то коту под хвост сиганешь — красота! Но сейчас не было видно ни единой жертвы. Расчухали, наверное, Антошкино место, теперь за семь верст обходят. Посмотрел паренек еще раз по сторонам — нет никого. Ну, нет так нет. И улегся на спину. Рыжее солнце улыбалось ему с неба, и легкий ветерок нет-нет да поглаживал его лохматые волосы.

Заснул Антоха легким сном. И снится ему, будто идет он по лесу с ружьем, а рядом у ног Тузик кружится, хвостом виляет, радуется, что Антошка его с собою взял. Ну а как же его не возьмешь — что за охота да без собаки?! Он хоть и дворняга, а все же не трусливый и в нужную минуту пригодится. Зайца раненого поймать или за уткой сплавать. Кошек вон как гоняет!..

Так вот, идут они, значит, с ним по лесу, а кругом ни души. Хоть бы белка какая с дерева на дерево прыгнула или птица пролетела. Никого. Но паренек не отчаивается. Он знает, какая у охотников работа. Степан Иванович, что живет напротив, хоть и опытный охотник, а иной раз тоже с пустыми руками приходит. Тихо вокруг. Только сухие ветви под ногами хрустят да вдалеке где-то дятел постукивает. И вдруг видит, как возле сосен, в диком малиннике, кусты затряслись. Направил паренек дуло, подошел немного ближе и видит: медведь там. Да огромный какой. Сидит, значит, на заднице, лапой малину сорвет и в рот кидает, как старухи на скамейке вечерами семечки лузгают. Увидел Антоха, рассердился, встал на задние лапы... и на него. Огромный, метра под три, лапами машет, ругается. Да только и Антошка не лыком шит. Направил ружье — бац! Упал мишка на четвереньки, а Антоша снова — бац и завалил медведя. Лежит, значит, тот, раскинув лапы, а рядом Тузик прыгает, лает на него. Да чего лаять-то, будто не знает, что он убит и ничего уже не сделает. Забрался Антоха на его спину и развалился на густом медвежьем мехе.

Представляет, как в деревне его все расхваливать будут, мужики руку жать, а мелюзга с завистью поглядывать на него. Вот повесит он медвежью шкуру над своей кроватью и... И проснулся Антошка. Чирикание разбудило. Посмотрел вниз, а у дороги воробьи в пыли бултыхаются. Чик-чирик, чик-чирик!

— Ну я вам! — рассердился Антошка. — Такой сон испортили.

Достал из кармана рогатку, зарядил камушком и... бац. Промахнулся. Снова — бац. И снова промахнулся. Да только воробьи неглупые, смекнули, что к чему, и порхнули в небо.

— Повезло вам, что я спросонья, а то... — и юный охотник потер глаза.

— Антошка, а ну поди сюда! — слышалось снизу.

Паренек огляделся и увидел дядю Васю. Тот стоял у самого забора.

— Зачем?

— Поди, чего спрошу.

— А чего спросите?

— А ты спустишь, узнаешь.

Антошка тоже неглупый, знает он, про что его спросят. Они вчера с Витькой кота соседского гоняли, а тетка Матрена видела, а значит, об этом непременно знает и дядя Вася. Он старик-то хороший, но чуть что, уши надрать может. Антоха это знает. Сосед ему уже не раз их драл. Вот совсем недавно за петуха, которого он из рогатки подстрелил. Тот хромал, хромал, и пришлось пустить его на суп.

— Потом скажете, — а сам попятился к другому концу крыши.

— Я вот тебя, постреленок, поймаю, уши обрываю!

Но Антошка уже бежал огородом и, махнув через забор, скрылся за домами. Подумаешь, кот, это же не птица. За петуха еще можно пострадать, а коту полезно побегать. Чего так орать? Будто и сам в четырнадцать лет не гонял кошек! Ох уж эти взрослые!

Антоха почесал свои уши, которые так ловко спас, и направился к реке. По пути он забежал к своему лучшему другу Витьке. Тот возился с велосипедом.

— Чего, колесо прохудил?

— Ага, будь оно неладное! — недовольно ответил Витька. — А ты чего, гуляешь?

— Да вот купаться иду. Пойдешь?

— Подожди минутку...

— Дядя Вася знает, что мы его кота гоняли. Сегодня был у меня, — доверительно сообщил другу Антоха.

— Ну и?.. — пылливо уставился на него Витька.

— Убег! — не без гордости сказал приятель.

Витька улыбнулся:

— Ох уж эта Матрена, всем про все расскажет!

Антошка запрыгнул на раму велосипеда, и мальчишки помчались к реке. Там уже было много народу. Все деревенские ребята бултыхались в воде и играли в догонялки.

— Витюха, Антоха, айда с нами! — слышался писклявый голосок Сергея.

— Дайте раздеться хоть!

— Тогда вам и водить. Считайтесь! — обрадовался Серега, который, по-видимому, водил, и нырнул под воду.

Водить пришлось Виктору, а это значит, что он быстро сейчас отвалится. Плавал Витька даже чересчур хорошо. Быстро. К тому же дольше всех из ребят мог продержаться под водой без воздуха. Антоха с берега нырнул в воду, немного проплыл, а когда вынырнул — водил уже Вадик. Антошка снова ушел под воду, и рыжий Вадик погнался за ним. Антон умел убегать, и какая же неописуемая радость одолевала его, когда он оставлял противника с носом. Вот и сейчас Антон опустился на самое дно и, отталкиваясь ногами от песка, принялся петлять. Когда же вынырнул у берега, Вадик уже гонялся на мелководье за Сергеем, который громко визжал. Антоха поплыл в центр событий. Если же играть, то играть рискованно, а не так, как любил Сергей — уплывет далеко-далеко и ждет, когда за ним поплывут. Эдак неинтересно. А вот обвести, ускользнуть перед самым носом — это да! Потом долго вспоминается. Да и водить он никогда не боялся. Все хотел так же быстро научиться догонять, как Витюха. Только вот пока не получалось.

— Ой, а воду намутили, безобразники! — слышалось с берега.

Это пришла Ольга с какой-то незнакомой для всех подругой. Девчонки скинули сарафаны и топтались на бережку.

— Тебе-то чего! — крикнул Витька. — Играла бы в догонялки, тоже бы так намутила!

— Ну вот еще, нужно мне с вами играть, — поджала губы Оля.

— Да тебя, девчонку, никто бы и не взял, — отвел ей тот, и все ребята в воде засмеялись.

— Это почему же не взяли бы? — полюбопытствовала незнакомка.

— Что за интерес с девчонкою играть?! — крикнули в ответ из воды.

— А меня возьмете?

— А ты чем лучше? — загоготали пацаны.

— Девчонок не берем! — подал голос Антоха.

— Как тебя хоть звать-то? — спросил Виктор, с любопытством разглядывая девчонку.

— Катерина. Ну так что, возьмете? — не отставала незнакомка.

— Ну, сама попросилась. Новенькая водит. Но учти, поддаваться никто не будет, — снисходительно предупредил Витька.

— А мне не нужно поддаваться, — невозмутимо ответила Катя и вошла в воду.

Все ребята заговорщицки переглянулись и с интересом наблюдали за ней. Даже Серега, и тот осмелел и сиял улыбкой. Девчонка, раскинув руки, погналась за Виктором. Тот скрылся под водою, и она, нырнув за ним, тут же поймала его за ногу.

— Водит он, — деловито сказала всем Катя и показала на Витьку пальцем, потому как не знала, как его зовут.

— Это правда? — удивились пацаны, вопросительно уставившись на него.

— Да он поддался тебе! — крикнул Антоха, подначивая. — Давай, Витюх, догони ее!

И тот погнался за Катей. Но как он ни нырял за ней под воду, как ни пытался поймать, она, словно русалка, от него ускользала — быстрее плавала и лучше. А ему нет бы Серегу поймать, а он все за ней и за ней. И правильно делал. Сережку любой догнать может, и нельзя допустить, чтобы какая-то девчонка утерла нос. Но она утерла. Виктор так и не поймал ее.

— Ну как, интересно с девчонками играть?! — лукаво улыбнулась Катя, отжимая мокрые волосы.

Она уже стояла на берегу рядом с подружкой.

— Да я тебя сейчас грязью за это! — и Антошка от бессилия достал со дна горсть песка и запустил в девчонок.

— Дурак! — завизжала как резаный поросенок

Ольга. Катерина же только молча ладошкой смахнула с ноги влажный песок.

Ребята тоже вылезли на берег.

— И где ты так только плавать научилась? — с ноткой восхищения в голосе полюбопытствовал Виктор.

— А я с семи лет в бассейн хожу, на плавание. Даже медали завоевывала на городских олимпиадах, — ответила Катерина, нисколько не загордившись.

— Да так вовсе не честно! — запротестовал Антон. — Витюх, не расстраивайся.

— И что ты все ворчишь и ворчишь? — обратилась к нему Катя, светло улыбаясь.

— Да это же Антошка Малышев, хулиган и забияка, — нахмурила брови Ольга. — Он всегда такой.

— А ну молчи! — звонко рявкнул парень.

— Сейчас, напугал. Дядя Вася тебе еще уши не надрал? Дождешься, в крапиву посадит, — ехидничала Оля, уткнув руки в боки.

— Ты уж откуда знаешь?

— Знаю, — задрала Ольга нос. — Все знают.

Подбирая раскиданные на песке вещи, Антоха принялся одеваться.

— Ты куда? — спросил его Сергей.

Натягивая штаны, тот ответил, что нужно еще полить огород. Он еще раз взглянул на друга, который, забыв обо всем на свете, рассматривал новую знакомую. Поднявшись в гору, Антоха вновь оглянулся и остановился. Витька раз за разом прыгал с берега рыбкай, красовался перед девчонками. В конце концов Антошка махнул на него рукой и пошагал дальше.

Вечером Витька сам пришел к Антону. Тот сидел в предбаннике и издевался над гитарой. Непонятные звуки вылетали из-под струн, и их тут же заглушал Антошкин голос.

— Салют, Высоцкий! Ну, как успехи?

— Лучше, — сухо ответил Антошка, мучая струну.

— Я и слышу.

Виктор сел на краешек скамейки и подмигнул:

— У Анисимовой огурцы поспели.

— Огурцы, говоришь, — Антоха задумчиво почесал затылок.

— Ага. Целые грядки.

Паренек молча повесил гитару обратно на

стену, и приятели, понимая друг друга без слов, пошли со двора. На улице уже смеркалось. Отчаянные «охотники» шли медленно, будто прогуливались, надеясь не привлекать к себе внимания, без конца оглядывались по сторонам, не следит ли кто за ними. Но «хвоста» не было, и довольные пацаны, подойдя к назначенному месту, перепрыгнули через забор. Оба спрятались за кустами крыжовника. В избе горел свет, и темный силуэт хозяйки виднелся в окне за занавеской.

«Пошли», — шепотом скомандовал Витька, и они скользнули к грядкам. Антоха срывал крупные сочные огурцы и кидал за пазуху рубахи. Вдруг в избе погас свет. Добыткики сиганули обратно за куст крыжовника, чтобы в случае чего быстренько перемахнуть через забор, но со стороны улицы по тропинке, что тянулась вдоль него, шел председатель колхоза Степан Иванович Иволгин. Попадаться ему было ни в коем случае нельзя, а то родителям влетит. И уже тогда все... Только держись...

Тут со скрипом отворилась дверь, и в огород вышла Надежда Петровна. Воришки сильнее прижались к забору, поглядывая на хозяйку из-под кустов.

— Добрый вечер, Степан Иванович! — первой начала она.

— Добрый вечер, Надежда Петровна! — поздоровался председатель. — Не поздновато в огороде-то швыряться?

— Да вот лейку ищу, убрать нужно, а то ведь упрут.

— Да кому воровать-то?..

— Знаете, береженого бог бережет, — окидывая взглядом двор, Надежда Петровна решала, куда первым делом пойти искать.

— И то верно, — согласился тот.

— Тсс! — толкнул Антоха Витьку локтем в бок. — Смотри!

Шагах в трех от них лежала та самая лейка.

— Всё, — вздохнул печально приятель, — попались.

Каждый из ребят уже представил, как получает от родителей взбучку.

Председатель попросился и пошагал дальше, а противная Надежда Петровна принялась расхаживать по огороду. И далась ей эта лейка! Сказали же, что не упрут. И не кто-нибудь, а

сам Степан Иванович, а значит, точно никто не возьмет. Но настырная бабка все гуляла по огороду.

Наконец старуха заметила свою пропажу и направилась к ней. Кусты крыжовника затряслись. Надежда Петровна, забыв про лейку, направилась туда. Тут Антоха как захрюкает! Как заржет сивым меринком! Старуха побледнела: очки с волосами приподнялись, и с криком «Убивают!» кинулась к избе.

Хулиганы, недолго думая, швырк через забор, только их и видели.

На крик сбежалась вся деревня. Шум, гам поднялся. Все интересуются, что случилось, всем интересно. Женщины в испуге, мужики хохочут, а Анисимова визжит, словно тот поросенок.

Антоха же с Витькой уже были далеко.

— Тихо, тихо, я сказал! — прикрикнул Степан Иванович, предварительно топнув ногой. Потихоньку все замолчали. — Что случилось, Надежда Петровна?

— Черта видела, — затрепетала старуха. — Что ни на есть самого настоящего!

— Да ну тебя, говори серьезней, не мути воду! — возмутилась Матрена.

— А что, верно говорит, — заулыбался Гришка, которого трезвым никто никогда не видел. — Я вот литру-то выпью, и тоже черти мерещутся, что ни на есть самые настоящие.

— Ну вот что, хватит базар пустой разводить, — рассердился председатель. — Продолжай, Надежда Петровна.

— Только я лейку свою нашла, и тут на тебе, крыжовник, что у самого забора растет, как затрясется весь. Я — к нему. Осмотрела — нет никого. Я давай руками-то рыскать, может, кошка какая меж забором сидит. И случайно хвать того за бороду. А он как завизжит, как захрюкает, копытами застучал, огромный такой, волосатый...

— Перетрудилась ты, Надежда Петровна, ляг иди, отдохни, — покачал головой Степан Иванович.

— Да как же так?

— А вот так. Ступай, говорю, отдохни. Нечего народ баламутить попусту, — прибавил в голосе тот.

— Ага. Поняла.

Анисимова забежала в избу, и народ тут же

разошелся кто куда. А радостные хулиганы катались по траве и, схватившись за животы, хотали вовсю.

— Слыхал, как врет? Черта за бороду... — смеялся Антоха.

— Ага, огромный такой, волосатый, — визжал от восторга Витька. — А еще про нас говорят... Сами-то, взрослые, не хуже нас придумывают.

— Ой, не хуже, — утирая слезы, подтвердил Антошка.

— А ты молодец, додумался. Во голова! Завизжал. Еще бы загавкал.

— Так ведь помогло же, вон как деру дала.

— Не спорю.

Мальчишки развалились на траве и, похрумкивая огурцами, принялись наблюдать за Луной. Каждый наблюдал по-своему. Антохе всегда казалось, что на ней, на Луне, живут маленькие человечки, такие же, как и он. И оттуда, сверху, наблюдают за ним. Вот они-то про все их с Витькой проделки знают, даже про самые плохие. Хороших-то они мало совершали. Хотя, может, и много, только вот не упомнишь их. А напроказничаешь где, то подолгу из головы не выходит и вспоминается. Ведь за это можно всегда схлопотать по шее.

Любил Антоха так вот валяться в траве и любоваться Луною. Кругом темно, звезды веселыми огоньками разбросаны по небу, пахнет сеном, свежестью, летом... Теплый ветерок пронесется, случайно, невзначай потреплет лохматые волосы и скроется за деревьями, шурша тихо листвою. Вот повзрослеет Антоха, станет космонавтом и обязательно покорит космос. Витьке же всегда казалось, что Луна — это чей-то портрет. Как будто смотрит кто-то немного в сторону, раскрыв рот.

— А знаешь, Антох, Катюшка из Горького приехала погостить на лето, — нарушил ночную тишину Витька.

— Это которая сегодня на речке была?

— Ага. К Никонову приехала.

— К Ивану Сергеевичу? — удивленно переспросил Антоша.

— Внучка его. А что? И правильно сделала, все старику не скучно будет, он ведь как Тамарку схоронил, совсем поник. Редкий случай, когда из дому выйдет. Сам-то он хороший, помнишь, как удочки нам делал?

— Помню, — кивнул Антоха и вдруг сменил тему: — А вот ты как думаешь, Витюх, есть ли на Луне жизнь?

— Она, оказывается, еще той осенью приезжала, — невпопад ответил тот.

— Кто?

— Катя. Правда, на одну ночь. На машине тогда, с родителями, — знай продолжал своё Витька.

— Подумаешь, — махнул приятель рукой. — Вот ты хотел бы, Витек, на Луну слетать?

— Она, оказывается, в городе плаванием занимается...

— Чего? — Антоха даже начал злиться.

— Я говорю, в бассейн ходит, плаванием занимается вот уже как семь лет. Сама сегодня говорила. Неудивительно, что так хорошо плавает, да еще для девчонки, — терпеливо втолковывал Витька Антону.

— Ты про кого?

— Про Катю, про кого же еще! — тут раздражение послышалось уже в голосе Витьки.

— Да чего ты пристал со своей Катей, нужно больно.

— И вообще она не моя, скажешь тоже. А тебе что, неинтересно?

— Мне вот что, Витек, интересно: есть ли жизнь на Луне? — Антоха мечтательно посмотрел на звездное небо.

— Ну не знаю, я не был там, — как будто даже обиделся друг.

— Может быть, сейчас кто-нибудь с Луны наблюдает за нами, как мы с тобою сидим здесь и огурцы Анисимовой уплетаем.

Витька в оба глаза посмотрел на небо и, почесав ухо, убрал огурец за пазуху.

— А им какая разница, чьи огурцы мы едим?

— Да им-то никакая. Да и не в этом дело, Витюш. Я говорю, что, может, кто-нибудь живет на этой самой Луне, такие же, как и мы с тобой.

— Кто его знает, может, и живет, — пожал плечами тот.

— Интересно, — вздохнул Антоха. — Я, когда вырасту, обязательно космонавтом стану, полечу на Луну и все-все разузнаю.

— Так на нее же вроде летали?

— Ну, так это другие летали, а тут я сам полечу, понимаешь, Витек, сам, — размечтался Антошка, радуясь такой перспективе.

Виктор посмотрел на друга и заулыбался.

— Чего ты?

— Да так, ничего.

— А сам-то кем хочешь стать?

Паренек на секунду задумался и пожал плечами.

— Я как-то, Антох, об этом пока не думал.

— А пора уже, скоро и школу окончим.

— Не скоро, два года еще, — убедительно сказал Витька. — А знаешь, чтобы стать космонавтом, нужно ведь учиться хорошо.

— Нужно, — согласился с ним приятель. — Я вот чего подумал: наверное, с осени за уроки возьмусь.

Виктор засмеялся.

— Серьезно говорю. Возьмусь! Чего ты смеешься? Нет, Витюш, нужно к мечте потихонечку идти навстречу, тогда можно будет схватить ее обеими руками и никуда она уже точно не денется, — с какой-то даже маленькой важностью произнес друг. — А давай вместе станем космонавтами?

— Не, Антоха, я не смогу хорошо учиться, не такой я, чтобы за учебниками сидеть.

— И я не такой, но нужно иметь силу воли, — утешал Витьку друг.

— А где она у тебя все это время была, сила воли-то?

— Она всегда была со мной. Просто я раньше не знал, для чего мне учиться нужно, а теперь знаю, — объяснил ему Антоха. — А вдвоем и уроки веселее будет делать. Ты только представь, слетаем мы с тобою на Луну, обойдем ее вдоль и поперек, может, и правда кого встретим там, в газетах про нас напечатают... Приедем обратно в деревню и важно пройдемся по улице. Теперь уже никто не скажет, что у нас с тобою ветер в голове да опилки. Мужики с завистью руку жать будут...

— Да, красиво ты, Антох, расписал все. Мне аж и вправду захотелось космонавтом стать.

— Ну так станем?

— Попробуем.

И, поглядывая на одинокую Луну, Витька снова достал из-за пазухи огурец и принялся им похрумкивать.

Антошка проснулся ближе к обеду. Он быстро заправил кровать, оделся и вышел на кухню. Бабушка пекла пироги, раскатав по все-

му столу припорошенный мукой огромный блин. Окно было распахнуто, и на подоконнике, на расстеленном полотенце, выложенные в ряд, лоснились румяной корочкой уже испеченные красавцы.

— С добрым утром, соня, — ласково улыбнулась ему бабушка.

— Угу, — протирая глаза, зевнул паренек. — А с чем пироги?

— Твои любимые, с картошкой.

Антошка подошел к подоконнику и взял один.

— Нечего всухомятку есть, — поругала его бабушка. — Ступай грядки пока полей, придешь, как раз и я закончу тут. И мне не мешаться! А пироги позже с молоком поешь.

Паренек отправился в огород. У самой калитки, зачерпнув из бочки воды, принялся бегать по грядкам, поливая их из лейки. Эх, все-таки поливать — не полоть. Полил быстренько и руки в брюки, а то ползай на карачках, выдергивая каждый сорняк. Нудное занятие.

Антошка умылся из бочки теплой водой и, положив обратно лейку, тихонько направился к распахнутому окну. Подождав, когда бабушка отвернется, он быстренько схватил три пирога и поспешил на улицу. Эх, взрослые, ничего вы не понимаете. Так же намного вкуснее есть, прогуливаясь по деревне, чем в избе за столом, пусть даже и с молоком. Пироги для того и пекут, чтобы их можно было брать с собою. Но паренек не успел и опомниться, как они у него уже закончились. Однако сытость уже чувствовалась. В одном только бабушка была права: всухомятку много не съешь.

Витька сидел на крыльце и, держа в руке альбомный лист, чего-то рисовал. Так аккуратно и старательно выводил карандашом, что даже не заметил, как к нему подошел Антоха.

— А что это ты делаешь, — любопытно спросил тот, — никак в школу собрался?

— Нет, Антох, не в школу. Я нашел дела поважнее.

— То есть? — не понял Антон.

— Я вчера всю ночь думал, кем стать, — взрослому рассуждал Витька, — и решил, что космонавтом — это все же не для меня. Не смогу я хорошо учиться, да и не хочется мне что-то на Луну.

— И кем же ты решил стать?
 — Художником буду.
 — Художником? — поднял брови Антошка и расплылся в улыбке.

— Художником. А чего ты улыбаешься?
 — Да потому что, Витек, это несерьезно.
 — Ну как же несерьезно?.. Все даже очень серьезно. Понимаешь, Антох, человек должен что-то после себя оставить. Нельзя уходить из жизни бесследно. Стихи Пушкина до сих пор в школе читаем, а он когда еще жил?! Нет, нужно, чтобы тебя помнили всегда, а для этого надо что-то оставить людям. Я пробовал сегодня писать стихи, но не получилось. Не мое. Решил рисовать. Если долго стараться, то что-нибудь получится. Понимаешь? На картины мои и после смерти будут смотреть, а значит, и меня вспоминать, — с гордостью закончил Витька.

— А чего это ты о смерти заговорил?
 — Да я так, образно.

Эх, все-таки интересный парень этот Витька, вечно что-нибудь придумает. То велосипед трехколесный задумает сделать, то крылья... чуть ноги себе не переломал. Теперь, нате, художником решил стать. Будут тебя помнить, не будут — какая разница, тебя-то уже не будет на земле. Эх, забавный он все-таки. Ну да ладно, с ним не поспоришь. Все равно скоро бросит и эту затею. Антоха знал, потому что хорошо уже изучил друга.

— И чего ты рисуешь?

Витька показал ему листок, на котором была нарисована девчонка. Конечно, не художник еще рисовал, но тоже неплохо. Старался, видно.

— Ну как?

— Хорошо. Может, и правда, Витюш, когда-нибудь художником станешь.

От похвалы приятель расплылся в улыбке, и глаза даже заблестели от радости.

— Похоже, да?

— На кого? — удивился Антошка, потому как Витькин рисунок не имел сходства ни с кем, кого он знал.

— На Катю, — тихонько ответил друг.

— Это на ту, городскую, что ли?

— Ну да, — чуть смутился художник.

— Ни капельки.

Витька нахмурился:

— Ничего ты не понимаешь.

— А чего это ты ее вдруг рисовать вздумал?

— А кого же? Тебя нарисуй плохо — обидишься, а ее можно.

— Тоже верно, — согласился Антоха и присел рядом. — Может, мне тоже попробовать порисовать, глядишь, и из меня художник выйдет.

— Конечно, попробуй, — и Витька протянул ему чистый лист с маленьким карандашом.

Антошка, положив листок на колено, принялся что-то рисовать.

— Тоже Катюшку рисуешь? — заглянул на его лист Витька.

— Ну вот еще, нужна она.

— А кого?

— Козу хочу нарисовать, — усмехнувшись, выдал Антоха.

— Козу? — Витька вылупил глаза от удивления.

— А чем коза хуже?

— Да нет, ничем, рисуй.

И каждый принялся рисовать, иногда заглядывая друг к другу, сравнивая со своим рисунком. Как Антошка и ожидал, скоро это занятие надоело не только ему, но и Виктору. Художник из Антохи получался тоже непутевый.

— Витюш! — раскрыв окно, позвала того мать.
 — Здравствуй, Антош.

— Здравствуйте, Галина Сергеевна.

— Держи бидон, ступай до лесу, посмотри землянику. Да и Антон с тобою ходит навверняка. Сам небось давненько бабушке не собирал. А вдвоем все веселее.

Витька забрал у матери бидон. Эх, не любили они с ним собирать эту землянику. Одно дело, когда идешь по грибы, и другое — по ягоды. Сорвал... и сразу же в рот. Маленькая она — ягодка, пока целый бидон наполнишь, полдня пройдет. Хотя земляничное варенье лакомство еще то, тем более в зиму.

И мальчишки направились к Антохе. Тот быстренько забежал в избу за бидоном и, пока бабушки рядом не было, прихватил с собою четыре пирога. Витька также был полностью согласен со своим другом, что пироги намного приятнее есть на улице, нежели за столом. И друзья быстренько их проглотили. По дороге, возле Семенова оврага, они наткнулись на Катю с Ольгой. Та учила городскую девочку плести венки.

— Никак за ягодами направились? — полюбопытствовала Ольга.

Эх, и хитрющая все же она, никто из ребятшек ее не любил. Везде сует свой нос и потом жалуется чуть что.

— За ягодами, — вполне дружелюбно ответил ей Витька, тем самым сильно удивив Антоху. — Сами-то не желаете?

— Я уже на всю зиму насобирала, — похвасталась Ольга.

— Так, может, Катюша пойдет? Все Ивану Сергеевичу приятно будет, коль внучка земляники принесет.

«Какая она тебе Катюша? — подумал про себя Антоха. — Катька она».

Эх, все-таки умел Витька правильно сказать. И эта самая Катька согласилась пойти с ними в лес за земляничкой.

— Зачем ты ее позвал? — недовольно спросил Антон, когда та побежала домой за бидоном.

— Да ладно тебе, втроем все веселее, — только и ответил друг.

Вскоре на тропинке показался ее красный платок, и вот они уже втроем шли к лесу.

В лесу все разошлись по разным сторонам и принялись собирать ягоды. Антошка первым делом срывал и сразу же кидал землянички в рот, а только потом принялся наполнять бидон. Витька же потихонечку-потихонечку приближался к Катерине. Это Антоха, конечно, не сразу, но все же заметил.

— Смотри, какая большая земляника, — поздравил он к себе девочку, показывая на ладони красные бусинки. — У-у, да ты немного насобирала-то.

Катя и правда пока мало набрала. У ребят уже дно было спрятано ягодами. Ну, это понятное дело, они каждое лето в лесу.

— Держи, — и паренек высыпал из ладони ягоды ей в бидон.

— Посмотрите-ка, помощник нашелся, — язвил Антоха, — прям как девка, как девка.

Катя по-доброму улыбнулась Вите, и тот, уже не скрывая радости, принялся ей помогать. Наберет ягод и бросит ей в бидон, только потом себе нарвет немного. Шепчутся чего-то, разговаривают. А Антошка-то злится, что друг на него совсем внимания не обращает, словно и нет его с ними в лесу. Все с девочкой да с девочкой.

«Ну и собирайте вместе, — ругался он про себя. — Все равно я больше вас обоих соберу».

Теперь Антошка во что бы то ни стало решил нарвать очень много ягод, при этом не забывая краем уха подслушивать, о чем там парочка разговаривает.

— А это, Витюш, что за ягоды? — спрашивала Катя, показывая на куст, усеянный манкими красными горошинками.

— Они называются волчьи, их не стоит срывать, — отвечал паренек.

«Каждая баба в деревне знает, что это волчьи ягоды, ух... — сердился про себя Антоха. — Да уж, Витек, не ожидал я от тебя такого подвоха. Тыфу, смотреть противно, хуже девчонки, ей-богу. Видел бы ты сейчас себя со стороны, не раздумывая шлепнул бы себя по уху».

А Витька с Катей собирали ягоды, о чем-то весело болтали, совсем позабыв о хмуром Антошке.

— Держи еще немного, — и Витька снова высыпал Катюше несколько ягод. — Ну вот, уже что-то виднеется на дне.

Не выдержал Антоха, плюнул на все это и пошел к ним.

— На вот еще, — и он высыпал все свои ягоды Катерине в бидон. — На здоровье.

И хмурый пошагал из лесу.

— Куда ты, Антох?! — крикнул ему вслед Витька, но тот лишь махнул на него рукой.

— Постой же! — догнал он его. — Чего ты надулся?!

— Ничего. Ведешь себя как девка. А с ними я, сам знаешь, не вожусь.

Антоха развернулся и пошел в сторону деревни.

Вечером Витька сам отыскал Антошку. Тот сидел на берегу реки и полоскал в воде ноги. Витька присел рядышком. Антоха молчал, делая вид, что не замечает его.

— Обиделся? — тихо произнес тот. — Ну-ну.

— Нужен ты больно, обижаться на тебя.

— Ну я же вижу, Антох... — примирительно начал Витька.

— И я все вижу, — выпалил тот.

— И чего же ты видишь?

— Что влюбился ты.

— Ха, скажешь тоже, влюбился, — попытался отшутиться Витька.

— Конечно же, влюбился, что я, по-твоему, слепой? — не сдавался Антоша, не глядя на друга.

— Ну хватит глупости говорить.

— Какие же это глупости, Витек, — возмутился всё еще дувшийся Антон, — когда ты только о ней и говоришь, рисуешь ее, за земляничкой зовешь, ягоды для нее собираешь. Ну что, не прав я?! Влюбился же, влюбился?!

— Да тише ты, — Витька на всякий случай оглянулся по сторонам.

— Влюбился? Да, влюбился?! — еще громче крикнул Антоша.

— Влюбился, — печально вздохнул приятель.

— Я сразу догадался ведь, сразу, — признался ему Антошка, только вот другу от этого стало не легче, сразу он догадался или нет. — Да, влип же ты, Витюша.

— Сам знаю, что влип.

Антон посмотрел на печального друга и успокоился. Жалко ему его было. Да, попал ты, Витька, попал. Раньше какой парень был — золото, а не парень. Все ребяташки побаивались и ходили в синяках, девчонки стороною обходили, а теперь... До чего же эта любовь портит людей.

— И что делать собираешься? — в голосе Антошки послышалось участие.

— Не знаю, — пожал плечами Витька.

— А она знает, что ты ее любишь?

— Нет, конечно.

— Ты ей еще не сказал? — пытал Антоша друга.

— Хм, еще... Не так-то это просто, Антоха, взять и сказать ей. Вот влюбишься и сам все поймешь.

«Ух ты, как по-взрослому заговорил влюбленный-то наш!» — подумал про себя Антон и предложил:

— Хочешь, я ей могу все рассказать.

— Ты чего, не вздумай! — испугался паренек.

— Не надо.

— Да, плохи дела.

Теперь Антохе было понятно, почему Витька о смерти говорил. Все они, влюбленные, о смерти думают, как Ромео, например. Нет, нужно Витьку избавить от этих мыслей, а то пропадет парень. А кто как не лучший друг Антошка ему в этом поможет?

— Нужно тебя, Витюх, выручать.

— Поможешь, правда?

— Ну конечно, на то я и друг.

— Только смотри, Антох, никому об этом, я только тебе как другу.

— Да успокойся ты, никому я не скажу, — похлопал его по плечу приятель. — Будем за нею следить.

— Следить?

— Ну да, как разведчики. Все о ней разузнаем. Чего она любит, чего нет, что ей интересно, а потом будем действовать. И не заподозрит ни в чем, нас же двое будет, а значит, тебе не до нее.

— Вот это голова, Антох, молодец! — обрадовался Витька и даже как-то повеселел.

— А то! — важно улыбнулся тот, что сумел подбодрить друга.

С самого утра они с Витькой принялись вести разведку. Они прошлись по деревне, но Катю нигде не было видно.

— В избе наверняка еще сидит, — предположил Антошка.

— Наверное, — согласился с ним друг.

Они стояли у ее окон, делая вид, что просто остановились, о чем-то разговаривая очень интересном, пока на крыльцо не вышел Иван Сергеевич.

— Здравенько, хлопцы! — поздоровался он с ними.

— Доброе утро, дядь Вань! — улыбнулись ребята и пошли прочь, потому что теперь стоять вот так было очень подозрительно.

Мальчишки спрятались за старым дубом, что рос неподалеку, и принялись ждать. Ждать, когда появится Катя, но она так и не появлялась. Антошка немного заскучал. Он уселся на землю, облокотившись на ствол дерева, и принялся попросту рвать траву у корней. Оказывается, не так уж это и весело — вести за кем-то разведку. Одно дело, когда ты видишь свою цель, а другое, когда вот так наблюдаешь за неизвестно кем. Витька стоял, облокотившись на дерево, и посматривал на окна. Немного погода он похлопал Антоху по плечу:

— Смотри — Ольга!

Паренек приподнялся на ноги. По дороге шла Ольга и, не замечая ребят, зашла к подруге.

— Сейчас выйдут, — промолвил Витька, как бы обнадеживая самого себя.

Но это «сейчас» длилось уж больно долго. Девчата по-прежнему не выходили.

— Да что они там! — нетерпеливо сердился Антоха.

— Сейчас, сейчас выйдут, — успокаивал его друг.

Радовало одно, что Катя была дома, что не напрасно они все-таки здесь ждут. Рано или поздно все равно выйдут. Когда девчата вышли, Витька с Антохой плотнее прижались к дубу, одним глазом посматривая на них. Медленно, о чем-то разговаривая, подруги пошли по деревне. Ребята подождали немного и так же медленно другою стороною последовали за ними. Те зашли в магазин, немного погодя вышли с пакетом конфет и направились обратно. Мальчишки также развернулись и направились к старому месту, изредка оборачиваясь, посматривая, не свернули ли куда девчонки.

Те снова зашли к Кате, и теперь разведчики отчетливо видели в окно, как девчата сидели за столом и пили чай с конфетами.

— Да-а... — с досадой протянул Антоша.

Но Витька не сдавался:

— Терпи, Антох, сейчас выйдут.

С полчаса они наблюдали, как подруги пили чай. Тут поневоле осознаешь всю тяжесть разведчика. Антошка сердился, но оставить Витьку не мог. Во-первых, друг, а во-вторых, сам предложил эту замечательную идею. Наконец девчонки вышли из-за стола, и ребята с облегчением вздохнули, но не прошло и минуты, как они снова уселись и заново разлили по чашкам чай.

— Да сколько же в них лезет! — ворчал Антоха, который, глядя на них, тоже уже захотел чаю.

Наконец-то девчата вышли и снова направились в сторону магазина.

— Ну вот, теперь за печеньем пошли! — обреченно вырвалось у Антона.

Но девчонки направились не в магазин. Они свернули в сторону Семенова оврага, на верхушке которого, у самого края, рос огромный тополь. На этом дереве кем-то очень давно, и уже неизвестно кем, были сделаны качели, на которых любили качаться все деревенские дети. Раскачаешься посильнее и, словно оторвавшись от земли, взлетаешь к небесам. Под тобою только пропасть оврага. И страшно, и здорово.

Разведчики сразу смекнули, куда они направились, и решили их опередить. Другою тропой они обогнали их, первыми прибежав к дереву, и неподалеку залегли в некошеную траву. На этот раз девчата не заставили себя долго ждать. Ольга тут же прыгнула на качели:

— Раскачивай, Катюх, раскачивай!

Катя принялась раскачивать подругу.

— Сильнее, сильнее! — кричала ей та.

И Катюшка старалась изо всех сил. Ольга громко завизжала не то от страха, не то от радости.

Ребята по-прежнему сидели в засаде.

— Чего визжать? — под нос пробубнил Антон.

— Девчонка, — тихонько ответил Витька.

Хотя они и сами любили раскачиваться так, что того и гляди оборвется канат и взлетишь к облакам, при этом крича во всю глотку. Катя отошла немного в сторону, и Ольга постепенно сбавила скорость.

— Зря ты с ними вчера в лес ходила, — произнесла вдруг она, когда качели почти остановились.

— Да я же за земляничкой только...

— Все равно. Ребята они плохие. Особенно Антошка, — отчитывала подругу Оля.

— Чего? — растерялся Антон, улавливая в траве каждое слово девчонки.

— Тише ты, тише, — успокаивал его Виктор.

Ребята навострили уши.

— По мне он и не такой уж плохой, — неуверенно оправдывалась Катерина.

— Ха, — усмехнулась Ольга, — видела бы ты, как он тем летом Юльку с велосипеда столкнул, а Наташке и того хуже — в портфель жабу положил.

Антошка заулыбался, вспомнив свои проделки.

— Ну, похулиганить любит, — заступалась за него Катя. — Они все такие.

— Все, да не все. Не зря мы с Наташкой его Лопухом прозвали.

— Лопухом?

— Ага. Он как-то с Макаром подрался, тот ему по уху и заехал, оно посинело и распухло. Огромное стало, как лопух. Все девчонки над ним смеялись, он потом из дому не выходил. А как скажешь ему «Лопух», так он злится, злится.

Витька заулыбался.

— Да я ей сейчас за это... Ну, я ей покажу Лопуха, дождется она у меня. Ух! — рассердился Антоха и хотел уже было подняться из укрытия, но приятель его остановил.

— Успокойся ты, успокойся, — утешал его друг, слегка посмеиваясь.

— А по мне, Антошенька даже симпатичный, — донесся вдруг голосок Кати.

— Симпатичный? — Оля удивилась не на шутку.

— Немного.

— Чего это она про тебя? — нахмурился Витька. — «Симпатичный, симпатичный»...

— Да я почему знаю? — пожал плечами тот. — Какой я ей Антошенька? Скажет тоже...

— А чего про меня не разговаривают? — как будто даже приобиделся Витька.

— Ну, может, скажут еще.

Но про Витьку так никто и не замолвил слово. Ольга уступила подруге место и принялась ее раскачивать. Катка так же завизжала как резаный поросенок, взлетая над обрывом. И было тоже непонятно, боится она или радуется, а может, и то, и другое. Ветер трепал ее волосы, и эхо доносило крик до самой деревни.

Разведка так результата и не дала. Ничего не удалось разузнать про Катю: что ее интересует и чем она увлекается, только то, что Антошка симпатичный. Но Антоха это и сам знал.

Ребята сидели за деревней на небольшом холме и наблюдали за закатом — как огненный шар скрывался за горизонтом, разбрасывая по небу багрово-красные лучи. Эх, красотища-то какая, красотища! Так и хочется на мгновение стать птицей и порхнуть в небо, туда, за горизонт, вместе с солнцем. Попрыгать на перинах кудрявых облаков и, раскинув руки, раствориться в кроваво-алом закате.

Но, как бы ни было красиво, Антошка по-прежнему сердился на Ольгу. Уж больно обидные она говорила слова. И тихонечко про себя готовил план мести. Витька тоже сердился на кого-то. На кого, он не говорил, но что сердился, было видно.

— Ты о чем думаешь? — спросил он вдруг Антоху.

— Как Ольгу проучить, а ты? — Тот промолчал. — О Кате?

— Угу.

— Слушай, а может, тебе вообще о ней не думать, тогда и пройдет вся любовь, — с сочувствием в голосе предложил Антоша другу.

— Не могу. Я вот пытаюсь не думать, а оно все равно само думается.

— Да, Витюх, я вот никогда не влюблюсь, — убежденно заявил Антон.

— Я тоже так думал, — вздохнул Витька, — а видишь, как вышло...

— Любовь, она же хуже болезни. Когда болеешь, хоть знаешь, что выздоровеешь, а тут даже понятия не имеешь, как от нее избавиться.

— И не говори-ка, — вздохнул приятель.

На минуту пареньки оба приумолкли, и, словно ветер, пронеслась тишина.

— А чего это она тебя красивым называла? — спросил вдруг Витька.

— А что я, страшный, что ли?

— Да нет, я не про то. Просто почему назвала тебя так? — допытывался Витька.

— Да поди разбери этих девчонок, что у них на уме, — ответил Антошка и тут же догадался, почему его приятель хмурится.

Ревнует он. К Антохе ревнует, к своему лучшему другу, вот тебе и дела. Да если бы он знал, что Антоха за него и в огонь и в воду, он бы сейчас так не хмурился. Нашел тоже, из-за девчонки. Ну и Витёк. Совсем портится, прямо на глазах. И чего он нашел в этой Кате? И почему вообще люди влюбляются? Вот живут себе, живут нормальной жизнью, а потом бац, и влюбились. И пошло у них все вверх дном. И меняются сразу, и портятся, и становятся другими людьми. Нет уж, Антоха твердо для себя решил, что ни в одну из девчонок не влюбится никогда. Пускай они в него влюбляются, но только не он.

— Катя, она просто хорошая, поэтому меня и назвала красивым, — решил он подбодрить влюбленного Витьку.

— Хорошая? А это здесь при чем?

— Ну как же... Ольга меня дразнила, смеялась надо мною, а Катя заступилась.

— Ну и...

— Ох ты, непутевая голова! Да если бы Ольга над тобою смеялась, Катюшка и за тебя бы заступилась и назвала бы красивым. Понимаешь? — втолковывал непонятливому другу Антоша.

Витька на секунду призадумался и потихонь-

ку оживился — глаза заблестели, и на лице показалась улыбка.

— Все-таки какой же ты, Антоха, умный! — восхищенно вырвалось у него.

— Да знаю я, — скромно так ответил ему тот. — Так что нечего хмуриться.

— А я уже и не хмурюсь.

— Тогда пойдем купаться.

И они отправились к реке. Как же все-таки забавно купаться ночью. Никого нет, и можно смело поплавать нагишом. И кто хоть раз купался ночью, тот знает, что вода кажется очень теплой, словно ее нарочно кто-то по ночам греет большим кипятильником.

Мальчишки разделись догола и зашли в воду.

— А вот и не поймашь! — толкнул Витька Антошку и скрылся под водой.

— Вот это другое дело! — обрадовался тот повеселевшему другу и нырнул за ним.

Хотя Витька и плавал лучше всех в деревне, все же Антохе удавалось его поймать. Да и сам бывало удирал от него. Хотя от Витьки просто так не ускользнешь, быстрый он, вёрткий, как рыба в воде. И все же Антошка любил соревноваться с ним и верил, что когда-нибудь он утрет другу нос и будет шустрее всех плавать в деревне.

Друзья плавали наперегонки, плескались и от удовольствия орал на всю округу. Вылезали на берег и, хорошенько разбежавшись, с обрыва ныряли рыбкай. Они играли, бесились, дурачились, далеко-далеко прогоняя грусть и печаль. Как же все-таки здорово, когда тебе только четырнадцать, вся жизнь еще впереди и ты с лучшим другом, под звездным одеялом ночи, плещешься в воде, прогнав все тревоги да и вообще позабыв обо всем на свете.

Мальчишки поплыли в ночную даль, где так ярко плясала светлая полоса луны.

— Я на космическом корабле! — радостно кричал Антоха.

— Чего, чего?!

— Я погружаюсь на Луну! — крикнул он снова и нырнул в лунную полосу, играющую на воде.

Когда он вынырнул, Витька что-то коверкал непонятное, ломая язык. Так он изображал инопланетянина. Эх, все-таки хороший он парень, забавный. Правда, Катюха его немного подпортила, ну это ничего.

— Пришельцы! — засмеялся Антошка и ныр-

нул под воду. Витька смекнул, что к чему, и поплыл его догонять.

Надурчившись вволю, они потом еще долго валялись на берегу, наблюдая за звездным небом.

— Двадцать шестая.

— А не двадцать пятая?

— Двадцать шестая, — с уверенностью произнес Антон.

— Что-то уж больно часто звезды падают, — заметил Витька.

— Звездопад...

— Ну все равно, я вот раньше и внимания не обращал, — рассуждал Витька, любуясь ночным небом, — сгорит и сгорит звезда, а сейчас смотри, двадцать шесть уже, а сколько за всю ночь их попадает?

— Много! — повернулся к приятелю Антоха, подперев ладонью щеку.

— И я про то же.

— А представляешь, Витюх, если на каждой из них есть жизнь... — размечтался было Антон.

— Ну, это уж ты преувеличиваешь. Какая там может быть жизнь? — прервал его Витька.

— А инопланетяне, по-твоему, где живут?

— На Марсе, на других планетах, а чего им на звездах-то жить?! — как само собой разумеющееся выдал Витёк.

— Эх, Витька, Витька, а знаешь ли ты, что есть такие звезды, которые во много раз больше нашей Земли, — блеснул познаниями друг.

— Слыхал.

— Ну вот. А значит, и на них может быть жизнь.

— Ну не знаю, — промямлил Витька.

— А представляешь, если и наша Земля так же сгорит? — понесло Антоху.

— С чего бы это ей сгореть?

— А с чего звезды, по-твоему, падают?

Витька на секунду задумался и, ничего не придумав, пожал плечами.

— То-то же!

Возвращаясь домой, они по дороге встретили старика Василия, того самого, что обещал им надрать уши за kota.

— Здоровенько, хлопцы! — поздоровался он с ними. — Чаго не спите?

Дядя Вася был в хорошем настроении, а это значит, что он уже забыл про их проделки и

уши уже не надерет. Хороший он все-таки был старик.

— По домам уже идем, а сами чего гуляете? — ответил за двоих Антоха.

— Да у Егорыча засиделся, молодость вспоминали, — с этими словами старик задумчиво улыбнулся. — А луна нынче какая! Да-а. Тишина кругом, только с невестами и гулять.

Антоха посмотрел на старика.

— Дядь Вась, а что девчонки любят в мальчишках? — поинтересовался он, потому как влюбленный Витька точно ни за какие деньги не спросил бы.

— То же, что и мальчишки в них, — лукаво улыбнулся старик.

— А как им понравиться?

— А тебе зачем? Уж не влюбился ли ты, Антоха?

— Ой, да ну скажете тоже, — и Антошка даже сам как-то немного застеснялся.

— Вот и я про то же, — улыбнулся дед Василий. — Тебе, оболтусу, только кошек гонять.

— Ну а все же, дядь Вась?

— Девчонки, они ведь любят, когда им внимание уделяют, ухаживают, — снова как-то задумчиво улыбнулся старик, видно, и правда что-то вспомнил из своей молодости.

— А как за ними ухаживать? — тут уже и Витька вмешался в разговор.

— Стихи, например, читать им, цветы дарить, подарки делать...

«Цветы!» — в один голос вырвалось у мальчишек. И как они раньше не догадались!

— А еще в мою молодость девки очень любили гармонистов.

— Гармонистов? — Антоха озадаченно почесал затылок.

— Гармонистов. Любят они, когда им песни о любви поют. Так что учитесь играть на гармонии, женихи, — и с этими словами старик попрощался и свернул к своему крыльцу.

Антошка посмотрел на друга и по его взгляду догадался, о чем он сейчас думает. У тетки Матрены в саду росли лилии. Красивые такие, каждое лето она их сажала и любовалась ими. Да только Матрена — это не Анисимова, не простая баба, шум поднимет на всю округу. Антон печально вздохнул.

— У Матрены, Антох... — начал было Витька.

— Думаешь, стоит? — осторожничал Антошка.
— Мы совсем немножечко, она и не заподозрит.

Так и решили пойти. Но у старухи в избе еще горел свет, и мальчишки, притаившись у забора, принялись ждать, когда она ляжет.

— И как мы сразу с тобою не догадались про цветы, — сквозь заборную шель посматривая на лилии, на которые падал оконный свет, сокрушался Витька.

— Ну так... поди разбери, что им, девчонкам, нужно.

— Эх, и обрадуется Катя моим цветам, такой букет сделаю, — Витька был в предвкушении.

— Какой такой букет?! — одернул его Антоха. — Цветов рви немного, а то попадемся с тобою, и тогда уже точно взбучки не миновать, из дому не выйдешь.

— Да знаю я, — отмахнулся жених. — Все равно букет красивый будет.

Свет в окне погас, и ребяташки еще немного подождали, чтобы Матрена смогла заснуть. Антоха остался за забором, а Витька осторожно и очень тихо перелез в сад. И только он подобрался к цветам, как свет в избе зажегся снова. Воришка притаился у самых окон. Антоха принялся поглядывать на дверь, но никто так и не вышел. Немного погодя свет снова погас и на этот раз уже больше не загорался. Витька осторожно подполз к лилиям и принялся их срывать. Один, два... девять...

— Куда ты рвешь! Хватит! — пытался остановить его шепотом Антоха.

— Сейчас, сейчас, еще немного! — женихавшегося Витька было не унять.

— Куда немного, хватит, говорю!

Но Витька жадно срывал цветы, а на Антошкины слова только кивал головой. Сорвав с два десятка лилий, только тогда перелез обратно.

— Ну вот и все, — довольный собой, улыбался он. — Ну как тебе букет?

— Как бы за него по шее не получить.

— Да не переживай, — убедительно махнул рукой приятель. — Мало ли кто к ней в сад залез.

Они быстренько покинули место преступления, скрывшись между домами в темноте.

— А как ты, Витёк, ей собираешься его подарить? Сам?

Паренек призадумался. Хорошенько задумался.

мался, даже улыбка на лице пропала куда-то. Он, видно, и сам пока этого не знал.

— Что-нибудь придумаю.

И Витька придумал. Когда они расходились по домам, на крыльцо Ивану Сергеевичу он положил свой шикарный букет лилий. Положил, и на этом все. Никакой записки не оставил, словно Катя сама должна была сразу догадаться, что это от него.

С самого утра Антошка полил огород и убрался во дворе. И только он сполоснулся теплой водой из бочки, как к нему на велосипеде примчал Витька.

— Салют труженикам!

Антоха отвел его подальше от избы и поинтересовался букетом.

— Все. Он уже у нее.

— Да ты что! Ну и как, ей понравился?

— Конечно, такой букет разве может не понравиться, — Витька был явно горд собой.

Ну еще бы, цветов он не пожалел.

— И что она тебе сказала? — выяснял подробности Антошка.

— Да ничего не сказала. Я же его на крыльце оставил.

— Как на крыльце?

— Так, на крыльце. Поди, подари ей, тут же на смех поднимет.

Но на смех поднял Антоха:

— Да ведь она даже и не думает, что это от тебя. Э-э-х, и нужно было столько цветов переводить. Все попусту.

— Ничего не попусту. Пойдем мы с нею вновь за земляничкой, я и спрошу, так, невзначай: какие тебе, Катюш, цветы нравятся? Мне, скажу, лилии, а тебе? И она все поймет.

Да, все-таки Витька сообразительный парень! До такого додуматься еще нужно. Неизвестно, правда, сколько он думал, но все равно нужно. Антоха только молча улыбнулся.

А у Витьки в голове была еще одна идея:

— Слушай, я к тебе ведь вот по какому делу. Одолжи мне гитару на несколько дней.

— Это зачем? — не понял Антоха.

— Играть буду.

— Ты же не умеешь.

— Да долго, что ли, научиться, — махнул рукой Витька. Все у него всегда было очень просто.

— Это как гармонисты, что ли? — начал догадываться Антон и усмехнулся.

— А чего ты улыбаешься? Верно старик говорит: девчонки, они талантливых любят.

— Я и смотрю, талант из-за ушей хлыщет, — язвил Антошка.

— Ну так как? Дашь гитару?

— Дам, но возьму у тебя велосипед покататься.

— Идет! — и они пожали друг другу руки.

Антошка вынес из предбанника гитару и, отдав ее другу, сел на его старенький велосипед.

— Играй сколько хочешь!

— Катайся на здоровье, — подмигнул ему тот и отправился к себе учиться играть.

Антошка помчался колесить по деревне, громко и радостно посвистывая. Только куры с гусями разбежались в разные стороны, громко горляня. Паренек крутил изо всех сил педали, представляя под собою мотоцикл. Промчавшись туда-обратно, он выехал за деревню, петляя по узенькой тропинке. Впереди виднелся сосновый бор, совсем рядом протекала река, и яркое солнце слепило глаза. Антоха любил, как и все мальчишки, кататься быстро. Он разогнался изо всех сил, отпускал от руля руки и хлопал в ладоши над головой. А когда резко тормозил, задние колеса заносило вбок и пыль, словно туманом, накрывала Антоху. Паренек снова прыгал на велосипед и мчался дальше.

Как же все-таки здорово кататься на велосипеде. Разгонишься посильнее, летишь вместе с ветром наперегонки, и кажется тебе, что вот так вот мог бы исколесить всю планету. Над головою, покрякивая, проносятся утки, скрываясь за макушками сосен. А ты мчишься за ними на велосипеде, и кажется тебе, что сейчас так же взлетишь, как они, и пролетишь над этим полем, над этой рекою прямо к облакам. Туда, за горизонт, в неизвестность... а там — новая жизнь. Не такая, как эта, совсем-совсем другая. Именно там и живет сказка, которую Антошка любил слушать перед сном от бабушки, когда был еще совсем маленьким. Там, за горизонтом, и находятся тридевятое царство, меч-кладенец, в диких лесах стоит избушка на курьих ножках, в которой живет-поживает Леший с Ягою. Над лесом пролетают волшебные гуси-лебеди, как сейчас над Антохой утки, и непременно, все там же за горизонтом, живет

самая красивая принцесса, которую нужно спасти.

Антошка так замечтался и засмотрелся вдаль, что и вовсе забыл про дорогу. Колесо случайно свернуло с тропы, руль вывернуло в правую сторону, и, успев только закричать, он кубарем грохнулся на землю. Очень сильно ушибся. Поглаживая голову, паренек посмотрел на разбитое левое колено, из которого сквозь пыльные ссадины сочилась кровь.

— Ты живой?! — слышалось неподалеку. К нему бежала Катя.

— Вроде как.

Антоха посмотрел по сторонам и увидел позади себя велосипед. Руль был вывернут в обратную сторону, и переднее колесо напоминало цифру восемь. Паренек печально вздохнул:

— Да, расстроится Витька.

— Дурак, — заругалась Катя. — Ты себе шею свернуть мог. Велосипеду-то чего, это железа, его починить всегда можно.

Антошка прищурил один глаз, потому как солнце ослепляло сверху, и посмотрел на девочку.

— А ты здесь чего делаешь?

— Гуляю, с самого утра. Вдоль речки прошлась туда-сюда, венки вон из ромашек сплела. В траву легла, глаза прищурила, смотрю на солнышко, а по руке так щекотно божья коровка бежит. Я ее пальцем взяла с локтя, а она крылья раскинула и полетела дальше, — Катя улыбнулась. — А потом слышу, несется кто-то. Голову-то подняла, гляжу, а это ты кубарем летишь. Испугалась, думала: разбился. Слава богу, все обошлось.

Витька там, значит, с ума сходит, с гитарой мучается, а она здесь с божьими коровками играет. Эх, несправедливая все-таки эта жизнь. И Антоха немного нахмурился, словно девочка была чем-то виновата, что гуляла здесь.

Катя присела рядышком и осторожно коснулась его ноги.

— Не болит колено? — так заботливо поинтересовалась она, что паренюк как-то стало даже не по себе.

— Нет, — покачал тот головой.

— Все равно рану стоит промыть. Пошли к реке.

И Катя сама взяла его за руку и помогла под-

няться. Она отряхнула его футболку и брюки от пыли и, подобрав поломанный велосипед, пошла вперед. Антоха, прихрамывая, поплелся за нею. Там, на берегу, она по-хозяйски посадила его в траву и сняла со своей головы красный платок. Девчонка подошла к воде и, намочив один кончик, принялась осторожно протирать Антохе разбитое колено.

— И не жалко тебе платок пачкать?

Катя помотала головой.

— Я тебе новый не буду покупать.

— Дурачок.

Чего это она все с ним ласково да ласково так? То Антошенька, то дурачок? Хотя пускай, это было и непривычно, но все же приятно. Не так часто его называли дурачком, матушка и та последнее время все оболтусом большим бранила. Катя улыбалась, и Антошка, глядя на нее, тоже засиял. Все-таки ловко она промывала ему колено, тихонько так, осторожно, даже и не больно совсем. Уже и пощипывать перестало. Почему-то Антохе на мгновение показалось, что вот так он мог бы просидеть очень долго, поглядывая на ее загорелые худые руки.

— Ну вот и все, будете жить, — снова ласково улыбнулась ему подруга, как медсестра больному.

Антошка, любуясь ее зелеными глазами, тихонько поблагодарил.

— Всегда пожалуйста. А это правда, что у вас здесь русалка водится?

— Ты про Анюту?

— Ага.

— От кого уже узнала? — удивился Антошка.

— Ольга сказала. Я у дедушки спрашивала, говорит, брехня это все, а Ольга уверяет, что правда. Ну так как?

— Поговаривают, что когда-то, давным-давно, — начал Антоха будто сказку рассказывать, — когда мамка еще моя совсем малой была, жила в нашей деревне девица, Анютой звали. Светловолосая, коса до пояса, глаза голубенькие, звездочками горят, самая красивая в деревне была. И приглянулась она Гришке. А тот шальной парень был, озорной, красивый, как черт сивый, все девчонки по нему сохли. Стал вечерами под ее окнами песни петь, гулять звал, так и полюбила она его. А Гришке чего, несерьезно он к ней. Тут уже о женитьбе раз-

говор пошел, как вдруг Гринька с другою по деревне идет под руку, а на Анюту ноль внимания, словно видит впервые. Та с горя в реке и утопилась.

— Пряма так взяла и утопилась? — Катя схватила ладошкой за щеку.

— Так и утопилась. Забрали Гришку всей деревней, тот в город подался. Больше его никто и не видел.

— А где она утопилась? — спросила девочка.

— А вон за тем холмом, где ива растет. Там Анютин обрыв, — и Антошка показал рукою. — С тех пор, поговаривают, темными ночами с тех мест доносится тихий жалобный плач, это Анюта плачет, заманивает к себе.

— Заманивает? — округлила Катерина глаза.

— Конечно. Все они, русалки, такие, заманивают плачем, чтобы их пожалели, а потом хват — и под воду. И поминай как звали.

— Это зачем же?

— Это они только в сказках добрые, — рассказывал Антошка, что сам знал, — русалки-то, а на самом-то деле ух... Скучно ей одной в реке. Вот и потопит, если попадешься.

— А ты ее видел, Антош?

— Нет, не приходилось, — развел паренёк руками.

— А Ольга видела, — таинственно сказала Катя.

— А ты верь ей больше, она и не такого наговорит. Трепло, — пренебрежительно выдал Антон.

— Ну зачем ты так, может, и правда, видела, — заступилась за подругу Катя. — Говорит, шла как-то вечером возле того обрыва и слышит, плачет кто-то, жалобно так, вот как ты мне сейчас говоришь, подошла она поближе и видит: девица сидит и золотистые волосы гребнем расчесывает. Расчесывает и плачет, а из воды хвост рыбий выглядывает. Увидела Ольгу и рукою зовет ее к себе, да только та не пошла.

— Брешет твоя Ольга, ей женихи нужны, она парней заманивает, а Ольга ей на кой?!

— Ну, не знаю, — пожал плечами Катя. — Жалко ее, плохой все-таки этот Гришка. Ты бы, Антоша, так не поступил бы, ведь не поступил бы?

Антон покачал головой.

— Я знаю, ты хороший.

И чего это она все: хороший да хороший?!

Откуда она знает, какой Антоха? Он сам-то себя хорошим не считает. Кошек вон гоняет, проказничает, девчонок обижает, по огородам лазит. Прошлым летом они с Витькой председателю в палисадник ужа подбросили за то, что тот пообещал им на колхозной лошади дать покататься, ежели те в колхозе конюшню помогут вычистить. Они с Витькой два дня пыхтели в этой конюшне, умаялись — страх. А на лошади так и не прокатились. Все потом да потом. Вот и верь после этого взрослым. Шуму, правда, было с этим ужом, даже сейчас вспоминать не хочется. Почему-то обо всех их с Витькой проделках узнавали сразу, словно невезенье какое на них. Правда, потом Степан Иванович выдал родителям картошки, но ведь договаривались не на это.

Катя приподнялась с травы, нарвала ромашек и снова уселась рядом с Антохой. Принялась плести венки.

— Забавно так, — улыбнулась она. — Я вот раньше и не умела, а Ольга показала разок, и научилась сразу.

Ее зеленые глаза горели маленькими яркими огоньками, и улыбка ослепляла чем-то добрым и теплым, что и самому сразу хотелось тут же улыбаться. Хорошая она девчонка, не зря так понравилась Витьке. Не то что Ольга-вредина. А с Катей и поговорить приятно. Красивая она. Почему-то Антошка только сейчас это заметил и даже как-то немного испугался ее красоты. Уже с какой-то скромностью он любовался ее ловкими ладонями и поглядывал на красивое загорелое лицо.

— Вот и все. Нагни голову, — велела ему девочка.

Антошка послушно подвинул ей свою голову, и та надела на его лохматые волосы венки. Теперь они оба были как царь и царица, с коронами из полевых трав.

Весь день они с Катей провели у реки, прогуливаясь вдоль берега. Она рассказывала ему о своей городской жизни, и Антоха внимательно ее слушал. Ему и правда почему-то это было очень интересно. Он слушал ее и срывал ромашки, что попадались по пути. Когда же в руке образовался маленький букет, он протянул его девочке. Катя улыбнулась и приняла от него подарок.

— Мне еще никто не дарил цветов, — чуть смутилась она.

Антошка вспомнил про вчерашние лилии и как-то очень обрадовался тому, что она не знала, от кого они были. Они разошлись с ней только под вечер, когда уже начинало смеркаться. Не успел Антоха поставить поломанный велосипед в сарай, как к нему забежал Витька.

— Где тебя весь день черти носили? Который раз уже к тебе захожу.

— Катался.

— И Катка куда-то подевалась, целый день не было видно. Ольга как сумасшедшая всю деревню обегала. Ты не видел ее?

— Нет, — почему-то сам себе на удивление соврал Антон. Наверное, не хотел расстраивать друга, а может... может, просто не желал ему ничего рассказывать.

— Сам, что ли, сплел? — кивнул Витька на венок, что одела на него Катерина.

— Ага, — и Антошка снял его с головы.

— Делать, что ли, нечего?

— Нечего, — улыбнулся тот.

— И куда она пропала? — в недоумении чесал приятель затылок.

— Я это, Витюш... — виновато признался Антоха. — С велосипеда упал, колесо погнул.

— Как уж умудрился?

Паренек пожал плечами. Витька, как всегда, махнул рукою. Ему сейчас было не до велосипеда.

— Да черт с ним. Я и сам две струны порвал.

Постояли немного. Витька предложил пройти по деревне, но Антону не захотелось. Так и разошлись.

Половину ночи Антоха не мог заснуть, перед глазами стояла Катюшка и все ослепляла его своею улыбкой. Ее зеленые добрые глаза по-прежнему горели огоньками, а ловкие ладони плели для него венки. Она все так же ласково называла его Антошенькой, дурачком, на что он вовсе не обижался. Солнце ярко-ярко слепило глаза, а они с Катюшкой бежали по ромашковому полю и весело смеялись. Все кругом было усыпано одними ромашками. Не видать ни конца, ни края — только небо и ромашки. Антоха бережно срывает их и делает огромный, огромный букет.

— Мне еще никто не дарил цветов, — говорит Катя, а сама улыбается. Они берутся за руки и бегут по цветочной тропинке, что петляет прямо к небесам. Вот уже и облака проплывают рядом, что их можно погладить ладонью. Катя смеется, а сама все прижимается к Антохе. Вдруг раздается плач. Внизу у обрыва сидит русалка и жалобно так зовет Антошку. Тот по тропинке медленно спускается к ней.

— Антошенька, не ходи, не надо, останься со мною, — ласково просит его Катюша.

Тот посмотрел на русалку, что вытирала слезы, и побежал обратно к девочке. Так Антошка и уснул.

Утром Антоха хотел заняться починкой Витькиного велосипеда, с которого вчера так здорово умудрился слететь. Но не успел. Прибежал Сережка и своим писклявым голосом сообщил, что Матрена сейчас направляется к нему. Оказывается, она еще вчера подняла шум по поводу лилий, а сегодня утром узнала от старика Василия, что Антошка-жених интересовался подарками и цветами. Все было ясно как божий день. Непременно нужно было удирать. Если же старуха застанет его сейчас дома, отец точно его поколотит при ней, а так, может, обойдется подзатыльником. Антоха хорошенько призадумался. Хотя нет, подзатыльниками тут точно все не решится. В любом случае нужно пока удирать. И паренек, поблагодарив спасителя, кинулся предупредить Витьку, но тот уже сам бежал к нему сообщить пренеприятнейшую новость.

Они вместе удрали за деревню и весь день провели на лугу. Друзья валялись в траве, в которой весело стрекотали кузнечики, и любовались небом, по которому плавно передвигались пушистые облака. Что-то не давало Антохе покоя. Может быть, намечающаяся порка? Нет, не то. Хотя и эти мысли временно затаились в голове и изредка навещали паренька, но и это было не самым главным. Как будто что-то у него отняли, а вот что, он не мог понять. Витька что-то рассказывал про Василия и про вчерашний шум, поднятый Матреной, но Антошка его не слушал. Слова друга до него не доходили, все ускользали как-то мимо ушей. И тут паренька озарило. Просто Кати сейчас нет рядом с ними и он понятия не имеет, где она

сейчас и что думает по поводу этих непутевых лилий. Ведь теперь выходит, что это он ей подарил. Как-то стало сразу на душе противно. Антоха нашел ответ на свой вопрос. Не хватало Катюши, ее добрых живых зеленых глаз и веселой улыбки. Не хватало. Вот что терзало Антошку, и он очень испугался этой мысли. Испугался, потому что стал догадываться, что тоже влюбился. Эх, попался Антоха на крючок, как не хотел он этого, стоит все же признать, что Катерина запала ему в душу. Глубоко запала, что и не вытряхнуть оттуда. Антошка печально вздохнул. Он покосился на друга. Витька, закинув ногу на ногу, закрыв глаза, лежал рядом и улыбался. Тоже о ком-то думает. И Антоха догадался о ком. Как-то даже это рассердило и расстроило его. Им обоим понравилась одна и та же девчонка. А может быть, она и еще кому нравится. Не исключено. Такая понравится. Эх, Катя, Катя... Витька, Витька... И Антоха — молодец... Как теперь другу об этом сообщить, как смотреть ему в глаза. Он ведь ему доверился, признался, что любит ее, а он взял и так предательски поступил — тоже влюбился. А что, Антоха виноват, что ли? Нет, конечно. Но признаться Витьке он пока не решился. И от этого что-то внутри обжигало ему всю душу на протяжении всего дня.

Ближе к вечеру решили разойтись. Нечего теперь прятаться. Рано или поздно все равно надо возвращаться домой, да и кушать уже сильно хотелось. Витька отправился к Семенову оврагу, проверить, не катаются ли там девчата, а Антоха побрел домой. Когда шел по деревне, ему навстречу попала на велосипеде Ольга.

— Жених! — выкрикнула она и рассмеялась.

Антошка погрозил ей кулаком, но та показала ему язык и умчалась дальше.

Паренек, опустив голову, молча шел по деревне. Ему все казалось, что все наблюдают за ним из окон и посмеиваются. Даже несколько воробьев, что сидели на заборе, и те как будто чирикали ему: «Жених, жених!»

Антошка достал из штанины рогатку, поднял с земли камушек и только прицелился в маленьких безобидных птах, как внутри послышался нежный Катин голос: «Антошенька, ты же хороший». Паренек опустил рогатку. Да что же это с ним происходит? До чего же портит

людей эта любовь! Уже и из рогатки пальнуть не может. Антон печально вздохнул. Он прекрасно понимал, что тоже потихоньку меняется. Парень сломал рогатку и выбросил в траву.

Проходя мимо дома Ивана Сергеевича, он увидел Катю. Та в саду собирала с земли опавшие яблоки.

— Здравствуй, Антоша, — поздоровалась она с ним.

— Привет, — тихонько кивнул ей тот.

— Будешь яблоко?

Паренек покачал головой, но Катя все равно бросила ему одно. Тот ловко поймал его и, протерев ладонью, надкусил. Кушать и правда очень хотелось.

— Чем занимался сегодня?

Ее глаза по-прежнему сверкали чем-то добрым и теплым, и улыбка не сходила с ее красивого лица. Чему она улыбалась? Может, лилиям, которые Антоха ей вовсе и не дарил? В любом случае чем-то хорошим веяло от ее улыбки, что и самому тут же захотелось улыбнуться. И вся печаль, что не покидала Антоху весь день, куда-то быстро исчезла.

— Да так, за деревней с Витькой гуляли.

— А мы сегодня весь день у Ольги были, у нее кошка окотилась четверыми. Маленькие такие, хорошенькие. Один черненький весь, а ухо белое, представляешь, два сереньких и один в маму, рыженький.

Забавная она все-таки девчонка. Хорошая. Добрая. Так и хотелось с нею общаться и общаться. Легко с нею было. Антошка тоже засиял.

— А ты любишь рыбачить? — спросил он ее.

— Рыбалку?

— Ну да.

— Я ни разу не была на рыбалке, — неуверенно ответила Катерина.

Наверное, Антошке нужно было сейчас тут же предложить ей с ним порыбачить. Но он почему-то промолчал. Зато хорошо теперь понимал Витьку, когда тот скромничал.

— А ты, Антош, сам-то любишь рыбачить?

— Люблю.

Паренек заметил в глазах девочки интерес и предложил ей пойти с ним.

— Я только с радостью! — обрадовалась Катя.
— А когда?

— Ночью, в три, я зайду за тобою.

— Ага, — моргнула глазами та. — Только, Антош, это, у меня удочки нет.

— Не страшно, — улыбнулся парень, — у меня их много. Я тебе возьму и подкормку приготовлю. Ты, самое главное, не проспай, будь готова к трем.

— Не просплю, Антош, не просплю...

На крыльце показался Иван Сергеевич, и Антоха, поздоровавшись с ним, быстренько удалился.

Он уже не шел, а летел домой, так хорошо и легко было на душе. Она идет с ним рыбачить. Ночью. И ей самой интересно и хочется пойти на рыбалку. И это словно окрыляло Антоху, ему и правда казалось, что он сейчас взлетит высоко-высоко. Все-таки это не так уж и плохо — любить. Только вот крылья его куда-то быстро подевались, как только он подошел к дому. Эх, сейчас начнется. Антоха вздохнул и зашел в избу. Бабушка сидела на кровати и что-то вязала, батя на кресле листал газету. Матери дома не было.

— Ну, здравствуй, жених! — кивнул ему отец. Настроение у него было хорошим. А это значило, что взбучку Антоха пропустил. Он молча стоял в дверях и смотрел на отца.

— Ну как, цветы-то хоть понравились?

Антон молча смотрел в пол.

— Ну чего стоишь, ступай ужинай, — улыбнулся тот. — На будущее: букет лучше купить в городе, а то так шею в следующий раз намылю, мало не покажется.

Паренек молча согласился с отцом и отправился на кухню, где на плите его уже поджидала картошка с грибами. И чего он так улыбался ему? Может, и сам когда-то за цветами лазил по садам? Все может быть. Антошка помыл руки и принялся ужинать.

Паренек с вечера приготовил червей. За сараем, у самого забора, была небольшая куча навоза. Он несколько раз швырнул ее лопатой и набрал десятка три сочных полосатых червячков. Запустил их в банку и подсыпал немного навозу. Там же, в сарае, он достал пару удочек, с которыми не так давно ходил рыбачить. Только тогда еще с Витькой. Эх, и много же они с ним окуней натаскали! Все знают, что

самый хороший клев начинается с утра или же под вечер. Поэтому Антошка и позвал Катю ночью. Вечером, ясное дело, неудобно было бы идти с ней по деревне с удочками. А ночью — мило дело, когда все еще спят. И место у него есть особое, безлюдное. Далековато, правда, идти, но это того стоит. Рыбы там всегда — пруд пруди. Да и не знает о нем никто. Никто, кроме Витьки. Стыдно, конечно, Антохе было перед другом, но поделаться с собой ничего не мог.

— Вот схожу на рыбалку с ней, потом обязательно ему признаюсь, что и мне нравится Катя. Обязательно, — решил паренек.

Всю ночь Антоха не сомкнул глаз. Да и разве заснешь, когда стрелки на ходиках с каждой минутой приближали к встрече. Это получается уже даже свидание. Ха, свидание. Паренек улыбнулся. Не думал он, что и правда когда-нибудь пригласит кого-то на свидание и с таким нетерпением будет его ждать. Смешно даже. Но с Катей ему было в тот день очень и очень хорошо. Он даже не мог описать это состояние. С нею было по-настоящему легко и интересно. Нет, конечно, и с Витькой ему тоже всегда интересно, но это не то. Нет с другом той легкости, какая была тогда с ней. Эх, да чего еще объяснять, Антошка и сам пока не знал, что происходит с ним.

— Взрослеешь, сынок, взрослеешь. Скоро и усы расти начнут, — вспомнились слова матери.

— Как у папки?!

— Может, как и у деда, — улыбалась мать. — Какие захочешь, такие и отпустишь.

После этих слов он подолгу крутился у зеркала, представляя себя с усами и посматривая на свои светленькие усики, которым еще расти и расти. Эх, как же ему тогда хотелось, так же как и папка, намазать щеки пеной и провести по ним бритвой.

— Всему свой час, — улыбался ему отец. — Надоест еще.

Антошка повернулся на другой бок. В окне красовалась бледнолицая луна. Паренек подложил под голову руку и уставился на нее. «Нет, все-таки интересно, есть ли жизнь на Луне? Ну ведь должен же кто-то на ней жить. А если есть жизнь? Ну, предположим, есть. То ведь должна быть, значит, и любовь? Должна. А как же!

Должна, конечно, как же тогда жить без любви». Нет, братцы, без любви жизни быть не может, это даже Антоха понимал. «С самого рождения человек любит и любим. Родителей любит, труд свой любит, даже Гринька-тракторист, который никого никогда не любил, и тот трактор свой всей душой обожает. Нет, без любви нельзя, без любви человек был бы тогда не человек. Быть может, сейчас на Луне тоже какой-нибудь лунотянин, так же как и Антоха, лежит себе в постели, любит нашу Землю и ждет не дождет назначенного свидания». С этих мыслей паренек слегка улыбнулся. «Все может быть. Эх, как далеко находимся друг от друга, а как одинаково можем вместе с ними любить. Подумать только».

Антоха прикрыл глаза, но не заснул, нет. Разве мог он этой ночью уснуть? Он просто представил себе зелененького человечка, который живет на огромной Луне. И почему Луна такая белая? Да потому, что усыпана одними ромашками, вот и кажется она такой бледной. Так вот, лежит этот человечек в постели, ждет свидания с зеленой девочкой и любит нашу Землю из окна нашей огромной и красивой Земли. А может быть даже, тоже думает об Антохе, как он сейчас о нем. Все может быть. Парень шмыгнул носом и приоткрыл глаза. Ходики показывали половину третьего. Пора.

Антошка тихонько оделся, взял рюкзак и на носочках, чтобы никого не разбудить, вышел во двор. Он еще с вечера в старый рюкзак, с которым всегда ходил на рыбалку, уложил по паре помидоров и огурцов, горбушку хлеба и лук, завернутые в газету. В старую стеклянную баночку подсыпал свежей соли и накидал несколько картошин и, прихватив во дворе все принадлежности для рыбалки, направился к Кате.

В небе одиноко горела луна, и звезды, словно пшено, разбросанные по всему небу, шептались друг с другом. Ни единой души. Легкий теплый летний ветерок слегка играл с листвою деревьев, создавая тихую шуршащую мелодию. У фонаря на покосившемся столбе кружили мотыльки, постукивая о стекло. Все вокруг тихо дремало сладким сном. Как же Антоха любил эти теплые летние ночи и частенько грустил по ним студенкой зимою. В такую ночь

он мог бродить до рассвета, просто так, ни о чем не думая, просто бродить и наслаждаться тишиной. Даже пахли такие ночи особым теплом и нежностью.

Оказавшись у дома Ивана Сергеевича, Антошка облокотился на забор. В избе не горел свет. Да и с чего бы ему гореть, если он и сам себя не включал его, чтобы никого не будить. Парень поднял с земли камушек и запустил в окно. Щёлк! Антоха присел, поглядывая сквозь заборную щель. Никто не появился.

«Спит, наверное», — подумал паренек и снова запустил камушком.

Теперь за занавеской уже появился силуэт. Распахнув тихонько окно, высунулась Катя.

— Я сейчас, — шепнула она.

И через пару минут она аккуратно вылезла в окно. На ней была старенькая болоньевая курточка, серая кофта и зеленые штаны. На голове красовалась смешная шапочка, из-под которой торчала черненькая челка. Антон улыбнулся: «Где она ее отыскала?»

— Дед сказал, что по ночам холодно, — объяснила Катюша, догадавшись, что повеселило приятеля. И сама, улыбнувшись, сняла шапочку и убрала в карман. — Пока и так хорошо.

— А через окно чего? Или в городах сейчас так принято? — пошутил паренек.

Катя, прищутив нос, улыбнулась:

— Дедушку не хотела будить, он и так ночами плохо спит.

И они направились к реке, что протекала рядом, стоило только спуститься с горы. Антоха вел Катю к своему заветному месту, до которого нужно было хорошенько пройти пешком. Девочка молча шла за ним, не спрашивая, куда он ее ведет. Значит, так нужно. Минут через сорок они наконец-то добрались до тайного места, что находилось в низине, и из-за этого даже днем деревню не было видно. Среди зарослей камышей виднелся маленький бережок.

— Ну, вот и пришли.

— Ты здесь всегда рыбачишь?

— Ага. И ты должна это сохранить в тайне.

Никто, и тем более Ольга, не должны знать об этом месте. Хорошо?!

Катя кивнула головой.

— Ну и замечательно. Сейчас костер разведу, рассветет и закинем удочки.

Антошка нарочно позвал Катю так рано. Он знал, что еще пару часов рыбачить нет смысла. Но очень уж хотелось посидеть с ней у ночного огня, да еще в такую прекрасную ночь. Ночь действительно выдалась теплой. Катя сняла с себя болоньевую куртку и, положив на землю, уселась на нее. Антон наломал сухих веток, которые валялись повсюду возле старой ивы, что росла неподалеку, и разжег костер. Робкое пламя осветило округу, и на душе сразу стало как-то хорошо и тепло.

— А я вот так ночью у костра сидела три года назад, когда была в пионерском лагере. И все, — призналась Катя. — Вы, наверное, здесь в деревне каждое лето вечерами костры жжете?

— Ну, в общем, да, это не в городе, — согласился Антоха. — Хотя, знаешь, все мы из деревень произошли. И в каждом из нас, будь ты городской или сельский, течет та крестьянская кровь. Поэтому каждому русскому человеку до сердца любви наши поля, костер вечерний, песни под гармонь...

— Думаешь, и вправду все из деревень произошло? — будто засомневалась Катя.

— Ну а как же. Конечно. Ведь раньше же не было городов. Давно, совсем давно. А если и были города, то не такие, как сейчас. Те города — большие деревни были. И так же жгли в них костры, пели песни под гармошку, плясали и прыгали через огонь.

Катя усмехнулась.

— Серьезно говорю. Помню, бабка рассказывала, когда маленьким еще был. Залезешь зимою на печку, укутаешься в одеяло, лишь нос один торчит. На окнах узоры, метель свистит, а бабушка сидит у стола и все носочки мне вяжет или кофточку какую. Попросишь ее рассказать что-нибудь и, затаив дыхание, слушаешь, а она улыбнется да и начнет вспоминать юность свою. Как под гармонь плясали, как по деревне с частушками ходили да через костер прыгали. Разведут удальца-молодца, что аж пламя до небес танцует, и прыгают через него. Или как на женихов гадали...

— Гадали? На женихов?

— А как же! Еще как гадали! В полночь нагишом в бане суженого вызывали...

— А нагишом-то зачем?

— Ну, это уж я не знаю, — пожал плечами Ан-

тоха, — принято, наверное, так было. В зеркало смотрятся, вызывают, а рядом свеча горит да яблоко на блюде лежит, и обязательно спелое. Чем слаще яблоко, тем слаще и любовь будет. Катаешь яблоко по блюду, в зеркало смотришь и шепотом: «Суженый, ряженный, выходи...», и так несколько раз, пока отражение его в зеркале не увидишь. А коли свеча погаснет, то не пригланулась никому. Так и останешься девой.

— И как, появлялось лицо? — любопытствовала Катя.

— Бабка Евдокия рассказывала об этом, Витькина бабушка, она шустрая у него, смешная. А вот видела ли жениха или нет, об этом умалчивает. Не говорит, и все. Улыбается только. Значит, видела. Ты вот даже и не знала об этом, да и я только понаслышке. Сейчас уж так не гадают, а пройдет еще немного времени — и вообще забудется все это.

Катя смотрела на Антошку с неподдельным интересом и улыбалась.

— Чего ты?

— Забавный ты, Антоша, интересный.

— Да ну... это... — паренек засмутился и уставился на пламя костра. Все же могут эти девчонки в затруднение ввести.

— А я, Антош, в городе у себя в бассейн хожу, плаванием занимаюсь вот уже как семь лет. В соревнованиях областных много раз участвовала, грамоты получала.

— Молодец. Оно и видно, как хорошо плаваешь.

— А ночью так ни разу и не купалась. Ольгу звала, да не хочет, она и днем-то плохо плавает,

— Катя в нерешительности помолчала и спросила: — А ты, Антоша, по ночам купался?

— Много раз. Здесь по правую сторону, вон туда если плыть, — показал он рукою, — песчаное дно. Мы много раз здесь с Витькой купались.

— А давай сейчас искупаемся?

— Сейчас?

— Ну да. Давай?

— Можно.

Они разделись, сложили одежду у костра и зашли в воду.

— Вода какая теплая, Антошка, прелесть!

— Тише, смотри, — прошептал паренек, показывая рукою на другой берег.

Катя обернулась и внимательно стала всматриваться в темноту.

— Я ничего не вижу.

— Вон там, видишь, русалка наблюдает за тобой, та самая Анютка, — и на серьезном Антошкином лице расплылась улыбка.

— Дурачок, — и девочка тоже улыбнулась на его шутку. — А если она и правда меня схватит, заступишься?

— Она девчонок не хватает.

— Ну а если?

— Она тебя не догонит, ты сама, как русалка, плаваешь.

— А все же если догонит? — не унималась Катюша.

— Заступлюсь. С двумя она с нами точно не справится.

— Как же тут хорошо, Антоша, — радовалась Катя. — Обязательно Ольгу уговорю искупаться ночью.

— Да она трусиха, — засмеялся паренёк и весь скрылся на секунду под воду.

— Все равно уговорю, — не сдавалась Катерина, переворачиваясь на водной глади.

— Мне нравится плавать возле лунной дорожки, но она сейчас далеко и там одна тина.

— Тогда туда не поплывем.

Катя легла на спину и, раскинув руки, свободно и тихонько поплыла. Антоша тоже перевернулся на спину и держался рядом.

— Забавно, Антош, лежать вот так на воде и смотреть на звезды.

— Забавно, — согласился тот. — Это же разные планеты, на которых, может быть, даже и есть жизнь.

— Конечно, есть, — подтвердила Катя, будто сама там бывала.

— Ты правда так думаешь?

— А почему бы и нет?! Ведь мы же живем на Земле. Возможно, и на других планетах есть жизнь, просто они так далеко от нас, что мы об этом просто не знаем. Вселенная бесконечна! — негромко прокричала Катя в ночи.

— Может, кто сейчас и наблюдает за нами, давай помашем им рукою, — придумал Антошка.

— Давай.

И они дружно принялись приветствовать неведомых космических друзей.

— *Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.*

И ангел поднял в высоту

Звезду зеленую одну,

И стало дивно на мосту

Смотреть в такую глубину,

В такую высоту...

— прочитала Катя и, посмотрев на Антона, улыбнулась. — Это Блок.

— Вот отучусь, Катюш, и стану космонавтом, тогда точно долечу до той самой планеты, где есть жизнь.

Катя тихо засмеялась.

— Чего ты смеешься?

— Ничего, — будто подразнивала она его.

— Тогда не смейся.

— Догоняй, космонавт! — и, толкнув друга в плечо, девчонка скрылась под водой.

Парень тут же нырнул за нею, но поймать не смог. Та хитро ускользнула прямо перед его носом.

— Ну, чего же ты, догоняй! — смеялась неподалеку Катя.

Антошка догадался, что не так-то и просто будет ее поймать, но проигрывать ей уж очень не хотелось. И он погнался за ней. Но Катя и правда была прирожденной русалкой и плавала очень быстро. Она ловко от него ускользала, выныривая совсем рядом. Постепенно Катюша стала понемногу поддаваться Антону, и уже тот убежал от нее, а она пыталась его догнать. Паренек не догадывался, что ему поддаются, и, радостный, удирал от Катюши.

Веселые и запыхавшиеся, они вылезли на берег. Костер уже догорал, маленькое пламя слегка танцевало на углях. Катя взяла одежду и ушла за кусты выжиматься. Вернулась уже одетая, а Антоша к тому времени подкинул сухих веток в костер.

Начинало рассветать.

— Прохладно стало, — сказала она, подбираясь поближе к огню.

— Сейчас обсохнем, и снова станет тепло.

У Катюши в животе тихонько заурчало, и она улыбнулась:

— Это гномики.

— Кто? — не понял шутки друг.

— Гномики, — все так же улыбнулась Катя.

— А-а.

Из уже открытого рюкзака Антоха достал сверток из газеты и, развернув его, положил рядом с Катей.

— Дома палкой не заставишь кушать, а на природе — милое дело.

— То на природе, — согласилась с ним девочка.

Посыпая солью огурцы и помидоры, они принялись завтракать. И такой вкусной и аппетитной казалась сейчас простая еда, словно они сто лет ничего не ели. Антон расшвырял веткой угли и достал из золы несколько картошин, напоминающих сейчас головешки. Он закопал их, когда они с Катей еще уходили купаться. Ребята, аккуратно обдирая пальцами обгоревшую сторону картофеля, самую сладость солили и осторожно клали в рот. Да разве домашняя жареная картошка сравнится с такою вкуснятиной — конечно же, нет! Легкий перекус на природе лучше сытного обеда дома, это знают все.

На реке послышалось покрякивание. Катя поднялась на ноги и увидела уточку с четырьмя утятами. Они плыли неподалеку от берега.

— Смотри, Антош, утки!

— На прогулку вышли.

Девочка покорила в ладони хлеб и бросила в воду, но утка, покрякивая, вместе с малышками отплыла в сторону и поплыла дальше.

— Они не будут, Катюш, кушать, ведь они не ручные.

Рассвело очень быстро, летом всегда очень быстро рассветает. Солнца пока еще не было видно, но на горизонте уже виднелись красные облака. Антошка оделся и принялся разматывать удочки.

— Начнем рыбачить?

— Да, пора уже, — мотнул головой тот, разматывая леску. — Закинем вон в ту сторону, где кусты, там всегда рыба водится.

Размотав одну удочку, он отдал ее Кате и принялся разматывать другую.

— Черви в банке.

Девочка подошла к стеклянной емкости и осторожно вытащила оттуда двумя пальцами скользкого извивающегося червяка. Посмотрев на него, она снова убрала его в банку.

— А на что еще ловить можно?

— На хлеб, но я советую на червя.

— Я на хлебушек буду.

— Смотри сама.

Катя скатала пальцами маленький комочек хлеба и, надев его на крючок, осторожно закинула в воду. Правда, получилось не очень далеко от берега, поэтому поплавок ее лежал на воде.

— Что это с ним? — спросила она Антоху, который насаживал на крючок наживку. Тот посмотрел на воду и улыбнулся.

— Все нормально, просто закинь немного подалее.

Катя так и сделала, но поплавок по-прежнему лежал на воде. Антошка закинул свою удочку и помог девочке, опустив на ее леске поплавок вниз и закинув его прямо перед собою, далеко-далеко. Из воды торчало несколько рогатин, и Катя аккуратно положила удилище на них.

У Антона заклевало, и он, немного приподнявшись, коснулся ладонью удилища. Катя смотрела на его поплавок, что изредка поплясывал на воде. И только когда тот ушел под воду, Антошка потянул удочку и вытащил на берег небольшую рыбешку. Это был окунь, чуть поменьше ладони.

Катя тихо засмеялась над его уловом.

— Кошке пойдет, — сказал Антон.

— Да он же еще маленький, ему расти и расти. Давай отпустим.

И Антошка отпустил рыбу. Он насадил нового червя на крючок и обратно закинул удочку. И только он присел на траву, как поплавок его снова ушел под воду. Антоха дернулся, схватил удилище и снова вытащил рыбешку чуть побольше прежней. Паренек покосился на подругу и молча выпустил и эту рыбку на волю.

— Что-то каких-то ты мелких таскаешь, — подшутила над ним Катя.

— Ты и таких-то не поймала.

— Что-то не клюет.

Катя подняла удочку проверить наживку, но ее хлебушек так и не был тронут.

— Надень червя.

Она вновь достала из банки червячка, но надевать его на крючок пока не спешила, замешкалась. Парень догадался, в чем дело. Девчонка есть девчонка! Антошка разорвал червя пополам, одну половину бросил обратно в банку, другую надел на крючок и, закинув леску далеко в воду, протянул удилище Кате:

— Держи!

Та взяла удочку.

— Теперь закроет, — заверил тот.

— Ты так думаешь?

— Увидишь.

И действительно, клев начался у обоих. Катя с Антохой только и успевали вытаскивать удочки. У них был уговор: пойманную рыбу меньше ладони отпускать. И все равно, как бы много рыбы они ни отпускали, с десятков каждый из них поймал. И довольно приличных окуней. Из мелочи попадались в основном ротаны да гольяны, но их тут же отпускали. Катя быстро вошла в азарт. Да и как же можно было не войти, когда, не успеешь закинуть удочку, поплавок тут же начинал плясать и скрывался под водой. И она уже сама, не дожидаясь Антохи, который также был занят хорошим клевом, надевала червей на крючок.

Но вот солнышко разыгралось на небе вовсю, и прекрасный клев стал потихонечку спадать. Даже мелкая рыбешка, что поначалу очень радовала, а потом надоедала, и та пропала.

— И что, больше не будет клевать? — спросила чуть растерянная Катя, поглядывая на неподвижный поплавок.

— Может, и будет еще. Подождем, — деловито успокоил Антон. — Сколько у тебя?

Катя заглянула в красное ведерко, в котором бутыхались пойманные ею рыбины:

— Шестнадцать. А у тебя?

— Двенадцать.

Девочка довольно улыбнулась и в шутку задрала кверху нос.

— Я много рыбы отпустил, — оправдывался слегка смущенный Антоша.

— Я тоже отпускала, — озорно, по-доброму блеснула глазами Катерина.

— Я больше! — упрямо спорил паренёк.

— А вот и неправда!

Солнышко припекало сверху, и до того было тепло и хорошо, что так и хотелось растянуться на травяном покрывале. Что они и сделали. Антоха с Катей развалились на траве и принялись греться на солнце, изредка поглядывая на поплавки, которые безжизненно лежали на воде. По небу проплывали огромные пушистые облака, толкаясь и наползая друг на друга. Они также отражались в воде, и очень забавно было наблюдать за ними и сверху, и снизу.

— А знаешь, Антош, — мечтательно начала вдруг Катя. — Я очень люблю наблюдать за облаками. А ты?

— Не знаю.

— Ты только посмотри, Антош, каждое облако — это отдельная фигура. Сейчас это просто облако, а через минуту это уже птица, а еще через пару ты уже видишь перед собою дракона. С крыльями, хвостом, а может быть, даже и с пламенем.

— Да, да, — согласился с ней тут же паренек, — мне тоже нравится наблюдать, как облака меняются на глазах.

— И они не просто меняются, а словно невидимый художник создает из них свои картины, каждый раз преображая что-то новое, — расслабленно разглагольствовала Катерина.

— Смотри, Катюш, вон то облако очень похоже на слона, — и Антошка показал рукою. — И хобот, и уши — вылитый слон.

— А я что говорю!

Катя была права. Через несколько секунд облако стало меняться, вытягиваться, словно и правда невидимый художник создавал из него новый портрет. Теперь это уже был не слон, а крокодил с раскрытой пастью, правда, с тремя лапами.

— Теперь уже крокодил, — заметила девочка.

— Ага. Похож.

Катя показала на другое облако.

— А вон то похоже на зайца.

Антошка присмотрелся получше и покачал головой:

— Нет, не совсем заяц. Голова, верно, заячья, а тело больше на овечье похоже.

— Заяц в овечьей шкуре, — улыбнулась Катя.

— Да, это мечта всех волков, чтобы зайцы с овечек ростом водились в наших лесах.

Антоха посмотрел на поплавки, но те по-прежнему неподвижно лежали на воде.

— А вон то облако похоже на сердце, — шепотом сказал он.

— Где?

— Вон! — и показал рукою.

— Не, это скорее похоже на солнце или на мяч, — не согласилась Катерина, присмотревшись.

— Было сердце, — мягко настаивал Антоша.

— Теперь уже просто круг, — вздохнула девочка. — Как быстро меняются фигуры, правда?

Катя осторожно сняла пальцем с лепестков ромашки божью коровку и направила его к солнцу. Божья коровка немного покружилась и, расправив крылья, полетела.

— Как же здорово, Антош, вот так вот лежать в траве и любоваться небом, — призналась она и, закрыв глаза, снова глубоко вздохнула. — Подумать только — под нами маленький мир, свое государство...

— Государство?

— Ну, конечно. Мы вот ходим по земле и не замечаем, что под ногами отдельный мирок. Ты только глянь, — и, приподнявшись на локотке, Катя руками раздвинула траву. — Сколько жучков, червячков и букашек живут здесь, бегают и работают.

— Здесь я с тобой согласен.

— Знаешь, Антош, я обязательно куплю себе дорогой и хороший фотоаппарат, это, конечно, когда заработаю сама денег, и тогда стану фотографировать природу. Облака, как они преобразуются в зверюшек, деревья, озера, котят за игрой, ту же самую божью коровку, как она летит к небу, к солнышку. Ведь фотограф — он такой же художник и тоже видит красоту по-своему, и запечатлеет ее на пленку, чтобы потом поделиться с окружающими.

— Витька тоже художником хочет стать, — серьезно сказал Антоша, вспомнив про друга.

— Вот молодец. А он хорошо рисует?

Антошка припомнил Витькин портрет, где тот рисовал Катю, и помотал головой:

— Не, плохо пока.

— Ну, может, еще научиться. Москва тоже не сразу строилась, главное, чтобы у человека была цель. Ты вот, Антош, кем хочешь стать, что тебе интересно? — Катерина перебирала руками травинки.

— Ну... Мне Луна интересна. Я космонавтом хочу быть, — признался паренёк.

— Значит, будешь, — уверенно ответила Катя.

— Ты правда так думаешь?

— А почему бы и нет? Если человек чего-то очень хочет, он непременно добьется. Главное, была бы цель.

Катя посмотрела на свой поплавок.

— Ну вот, у меня снова он лег.

Антоха тоже глянул на воду.

— У тебя же клюет! Тяни скорее.

Катя вскочила на ноги и схватила удочку, но та не поддавалась ей.

— У меня не получается!

— Осторожнее веди, а то леску порвешь, — со знанием дела скомандовал Антошка. — Ослабь немного.

Паренек тоже стал помогать, и они вместе повели рыбу к берегу.

— Никуда не денется, хорошо сидит. Главное, леску не порвать.

Рыбину, которая с трудом давалась, все же вытащили на берег. Это был карась, и, как Антоха прикинул на глаз, где-то на полкило. Катя очень радовалась улову и тому, что рыба клюнула именно у нее. Ведь никогда еще ей не приходилось вытаскивать таких громил. И Антошка был очень рад пойманному карасю. Рыба изгибалась и прыгала на берегу, а ее чешуя серебром играла на солнце. Антон снял ее с крючка и запустил в ведро.

— Так, — потеряла ладони подруга, — сейчас только нового червячка надену...

— Думаешь еще одного такого же поймать?

— Ага, — кивнула она и, насадив наживку, закинула удочку. Поплавок лег далеко и плавно, как у Антошки.

— Ну вот, уже научилась.

Но поймать еще одного такого же карася не удалось. За все это время ни у одного так ни разу больше и не клюнуло.

Домой вернулись только к обеду. Антошка протянул бабушке пакет с уловом и направился на кухню.

— Ну вот, — улыбнулась она такому подарку внука, — к вечеру зажарим.

На плите стояла кастрюля со свежим борщом, но паренек налил в бокал молока и намазал хлеб вишневым вареньем. Это и был весь его обед. Как он уже говорил, на природе мило дело, а дома палкой не заставишь есть.

В избу вошел отец.

— Собирайся, поможешь.

— Пускай парень пообедаст, только пришел, — вступилась бабушка.

— Некогда, мать. Пошли.

Антоха отправился с отцом на улицу. Дяде Митяю, двоюродному брату отца и Антошкиному дяде, что жил на окраине деревни, из лесу

грузовик привез бревен. Под баню. Он давно собирался ставить новую, старая уже никудашная, только на дрова и годится. Антоху с Юркой, старшим сыном дяди Мити, как самых молодых, отправили на кузов толкать бревна. Ну а мужики, ясное дело, принимать и складывать.

Первые бревна давались еще кое-как, но постепенно руки стали трястись и в глаза начал ползать соленый пот.

— Не торопись, хлопцы! — кричал дядя Митя.
— Пупки надорвете!

— Сами не надорвите! — улыбались ребяташки. — Мы и не такое можем!

— Вот окаянные, — смеялись мужики.

Показывать усталость, которая уже одолевала, ни Антохе, ни Юрке не хотелось. Что они, слабаки, что ль? Работать, так со всеми на равных. И силы сами откуда-то тут же появлялись.

Разгрузив бревна, мужики присели отдохнуть и закурили.

— Молодцы! — похвалил юных помощников дядя Митя. — Ты, Михаил, своего куда, в колхоз аль в город?

— Ему еще два года портфель носить.

— А я следующей осенью своего оболтуса в город, в институт, на инженера, — рассуждал дядя Митя.

— Поживем — увидим, — сказал отец, — в колхоз наш всегда успеет.

— И то верно, — согласился дядя Митя, — образование нынче нужно.

— Да учиться-то не хочет.

— Думаешь, мой гранит науки грызет? Черта с два! Это пока они на нашей шее сидят, им хорошо, а как за порог отчего дома выйдут, то запоют. Сейчас ведь образование везде требуется, брат, дураков не берут. Не набрался вовремя ума-разума, ступай коровам хвосты крутить. Сейчас молодежь, та, что поумнее, в город рвется. И правильно. Что в нашей дыре делать? — развел дядя Митя руки. — Это уже мы старые, а вам, молодым, свет увидеть нужно. Учиться надо, специалисты, они, брат, везде нужны, нигде не пропадут.

— То-то и оно, — вздохнул отец, и по его взгляду Антошка понял, что он полностью был согласен с дядей Митей.

— И я за ум возьмусь. С этого года учиться буду, — твердо заверил Антоха батю.

Отец, усомнившись, улыбнулся.

— Правда, говорю, учиться стану. Космонавтом буду, — не отступал парнишка.

Тут и дядя Митя заулыбался.

— А чего смеетесь. Человек должен ставить перед собою цели и достигать их. Если чего-то очень хотеть, то обязательно добьешься. Человек без цели — не человек.

Дядя Митяй засмеялся в голос:

— Ишь, как заговорил!

Отец потушил окурочок и приподнялся с бревен.

— Поживем — увидим, — тихо сказал он и нахлобучил кепку по самые брови.

Они с дядей Митей отправились обратно в колхоз, а мальчишкам теперь оставалось очистить кору с бревен.

— А ты это серьезно, Антох, про космонавта? — решил уточнить Юрка.

— На полном серьезе.

— Ты это молодец, а я на инженера пойду.

— Каждому свое.

И, оседлав бревна, как молодых лошадаков, они топориками принялись счищать кору. Причем каждый из них ставил перед собою цель очистить больше бревен, чем другой. Вроде и не договаривались, но негласно соперничали. И хотя Антоха на пару годков был помладше Юрки, но ничуть ему не уступал. Кора летела в разные стороны, лезвие топора гуляло по бревну, а по щекам градом катился пот. И только ближе к вечеру, измученные и обессиленные, они закончили работу и улеглись возле бревен. Сколько каждый из них очистил, сказать точно не мог никто. Да это уже, по большому счету, было и не важно. Оба были довольны завершенной работой. Юрка, поблагодарив брата, зашел в избу. Антошка же решил пройтись до реки, остудиться и смыть себя всю накопившуюся грязь.

Откуда-то издалека доносилось мычание коров — это Егорка-пагух гнал стадо в деревню. По дороге Антохе попался Витька. Тот шел хмурый и, увидев друга, поспешил к нему.

— Привет, Витюш, чего не в настроении?! — поинтересовался тот, как только он подошел ближе.

— А то ты не знаешь... — обиженно ответил Витька и опустил глаза.

— Чего не знаю? Да что с тобой?

— А больше в дураках водить меня надо, — сказал Витька, отворачиваясь от друга.

— Чего? В каких дураках? — Антошка уставил-ся на него непонимающим взглядом.

— В самых что ни на есть настоящих.

— Ты о чем, Витек, я не понимаю.

— Я о тебе и о Катьке! — наконец закричал Витька.

Антоха тут же поник головою. Ему стало очень неудобно и стыдно перед другом. Все оно, конечно, было так. Он прятал от него глаза и не знал, что сказать в оправдание. Но ведь он сам хотел ему во всем признаться. Откуда он узнал?..

— Что, съел?! Думал, я ничего не узнаю! — кипятился раскрасневшийся Витька.

— Я сам тебе, Витюш, хотел все рассказать, — повинился друг.

— Ну, сейчас, как же, держи карман шире!

— Честно говорю.

— Я и вижу, какой ты честный, — голос Витьки звенел в ушах.

— Откуда узнал?

— Не твоего ума дело.

— Ольга сказала? — допытывался Антон.

— Нашлись добрые люди, открыли глаза.

— Я же вижу, что Ольга, больше некому. Ну я ей! — вспыхнули гневом Антохины глаза.

— Только тронь ее, поколочу, — грозно предупредил Витька.

Антоха от удивления даже рот раскрыл. Как так «поколочу»? Это он сейчас кому говорит, Антохе, лучшему другу, из-за Ольги?.. Хотя какой он ему теперь лучший друг, если сам так предательски поступил? Ничего не скажешь.

— Ты чего?

— А ничего, — сердито ответил тот. — Я тебе как другу доверился, раскрылся, значит, совета и помощи просил, а ты... Ты как предатель, как гнида! На фронте таких расстреливали. Пока я тебе доверял и ждал от тебя помощи, ты по рыбалкам с нею ходил и про русалок болтал!

Антошка печально вздохнул. Он теребил руки, не зная, что и ответить.

— Не подходи больше к ней, понял?! — гневно выпалил Витька.

— Как так? — Антон даже растерялся.

— А вот так. Я люблю ее, а тебе... Тебе нечего с ней дружить. Понял?

— Нет.

Антоха был обескуражен словами приятеля. Ведь он и сам любил Катю и не хотел, да и не мог с нею не дружить. Как он может ему в этом запрещать.

— Не дружи, и все, я сказал, — сердито приказал ему Виктор и погрозил кулаком.

Как-то само оно все вышло. Слово за слово, ругань за руганью, и в итоге они сцепились и стали драться. Они катались по земле, злобно пыхтели и наносили друг другу удары. И только свалившись вдвоем в овраг, кубарем скатившись вниз, хорошенько ударившись о землю, успокоились.

Антоха ладонью вытирал окровавленные губы, с разбитой правой брови тоже сочилась кровь. Витька так же плевался ею и утирал нос.

— Выходит, тоже влюбился? — обреченно и очень тихо выдохнул он.

Антоха молча кивнул головой.

— А говорил, никогда не влюбишься, э-эх!..

— Да кто же знал, что я, нарочно, что ли? — примирительно ответил паренек.

Витька поднялся на ноги, отряхнулся и пошагал в гору. Антошка обхватил голову руками, и по его щеке прокатилась одинокая слеза. Он понимал, что дружбе конец.

Все-таки странная штука жизнь. Дружишь с человеком все детство, знаешь как самого себя, доверяешь ему, надеешься на него, а появляется какая-то девчонка, которую ты раньше и знать не знал, и ломает всю дружбу. Все доверие, все самое сокровенное и теплое ускользает сквозь пальцы, словно и не было никогда этой дружбы. Странная, странная она, эта жизнь.

Антошка дотронулся до затылка и нащупал небольшую шишку. Она слегка побаливала. Почему-то вдруг вспомнилось прошлое лето, когда они с Витькой рано утром ушли на рыбалку в Черемушки, за десять километров. Порыбачили, конечно, вдоволь. Хорошо половили. И перед дорогой решили искупнуться. Нырнули в теплую воду, побултыхались немного и давай уже вылезать, как Антоха у самого берега ногу стекляшкой проколол. И глубоко проколол — не наступить, больно до слез.

Витька тут же рубашку свою порвал и перевязал тому рану. На одной ноге далеко не пропрыгаешь. А прыгать десять километров.

– Ты вот что, – сказал тогда Антоха, – беги к отцу, пускай на тракторе едет за мной, не дойду.

– Ну вот еще, на уши поднимать всех, – деловито сказал Витька, – вместе ушли, вместе и придем.

– Не дойду, говорю.

– Донесу, значит, – Витька стоял на своем.

– Это чай не с нашей реки, – но друг лишь нахмурил брови.

И ведь донес. Пыхтел, как маленький трактор, шел кое-как, останавливался каждые пять минут, но донес. Не оставил. Хороший он, Витька, парень. Хороший.

Антошка печально вздохнул, поднялся, отряхнулся и направился в деревню. По дороге его догнал Виктор.

– Пошли со мной, – сухо сказал он.

– Куда?

– Пошли, узнаешь.

Антон последовал за ним. Шли молча. У школы на скамейке сидели Ольга с Катей. Антоха издали еще заметил их и почему-то заранее испугался. Легкий холодок пробежался по всему телу. Паренек догадался, что шли к ним. Так и было. Подойдя к девочкам, Витька поздоровался и замолчал. Молчал и Антон. Стояли долго. Выглядело это все как-то нелепо. Зачем пришли? Ни Антошка, ни девочки не знали. Знал один Витька, но и он пока не решался никому ничего объяснять. Уйти бы. Антон уже подумывал об этом. Но вдруг Витька решил:

– Катя, а мы к тебе.

– Ко мне? – удивилась девочка.

– Угу, – мотнул он головой.

– Ну... – улыбнулась она. – Чего вам?

– Кто тебе больше нравится: я или Антон?

– Чего? – растерялась Катя.

Ольга тихонько хихикнула, но, увидев Витькин серьезный взгляд, отвернулась.

– Ну, кто тебе больше нравится, я или Антоха? Ты просто скажи.

Катя растерянно посмотрела на Антошку и тут же обожгла его взглядом. Паренек спрятал глаза. Так было больно и неудобно, что хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть. А она все смотрела и молчала, словно ждала, что же скажет Антоха. А что тут скажешь? Эх, Витька, Витька, какой же ты дурак!

Не дожидаясь ответа и ни слова никому не сказав, Антошка свесил голову и направился к дому.

Всю неделю его не было видно. Да и самому ему не хотелось никого видеть, особенно Катю. Уж очень он боялся с ней встретиться. Именно боялся. Как ей теперь смотреть в глаза? Вон она как посмотрела, прям всего обожгла взглядом, всего увидела. Витька, Витька, натворил делов. Сам небось сейчас так же прячется и нос из дому не кажет. Да, как ни говори, а любить не то что сложно – невыносимо. Аж выть хочется. Антошка сам не узнавал себя в последнее время.

– Подменили. Испортили, – все бранил себя.

Весь день Антоха трудился во дворе. То скотину покормит, то огород прополет. Отец краску голубую купил, и паренек забор покрасил с обеих сторон. А еще через пару недель договорились с ним, как у отца выходные будут, крышу новым шифером покрыть. Работать Антошке нравилось, за работой меньше думалось о Кате. И только вечерами, когда начиналось смеркаться, паренек уходил за деревню и подолгу бродил возле реки. Дома было невыносимо. Никуда не спрячешься, ничем не займешься. Да и мать начинает уже расспрашивать, не заболел ли наш Антошка... Изменился весь, молчит целыми днями, работает, с ребятами перестал водиться. Витька и тот уже не заглядывает с неделю. С вопросами все лезет, а что тут ответишь... Э-э-эх, да лучше бы заболеть!

И теперь с первыми сумерками Антошка уходил к реке и подолгу бродил один вдоль берега. Видеть по-прежнему никого не хотелось. Иногда, наверное, даже приятно побыть одному и собраться с мыслями. Антоха уселся в траву. На небе стали появляться маленькие звездочки, и среди них королевой ночи объявилась луна. Все-таки невыносимо больно любить, не признавшись в этом. Когда признаешься и отвергнет, то хоть знаешь, что не нужен, а тут всю голову по ночам сломаешь. Антошка уставился на темную гладь воды, и тут же вспомнилось, как они с Катей рыбачили, как сидели у костра и пекли картошку. Как же было все-таки хорошо совсем еще недавно, Антоха был счастлив. А теперь? Как же хочется снова пойти с ней на ры-

балку, посидеть у костра, под звездным небом и говорить ей всю ночь о домовых и русалках и даже о любви. И пусть она улыбается и внимательно слушает, а Антоха умеет рассказывать, за ним не заржавеет. Он такого напридумывает, только чтобы Катя слушала и ей было интересно. А он будет рассказывать и рассказывать и любоваться ее улыбкой. Ведь как ни говори, а красиво Катя улыбается. Красиво...

Антошка улыбнулся сам. В животе заурчало. Собираясь уходить из дому, он съел только яблоко, и живот теперь напомнил ему об этом. «Гномики», — вспомнилось слово Катерины. Придумает тоже! Антошка снова улыбнулся.

Вспомнился Витька. Вовсе не хотелось думать о нем, но почему-то он вспомнился. Ведь как ни говори, а хорошими они были друзьями. Хорошими. Лучшими. А ведь они с ним как-то Каткиному деду спать не давали.

— Давай старика развеселим? — предложил как-то Витька.

— Как?

— Поставим стукалку, пускай немного развется, а то кислый совсем.

— Давай! — тут же согласился Антоха.

Поздней ночью, когда все в деревне давно спали, подкрались к избе Никонова. Двойную черную нитку с привязанной гайкой прицепили к раме окна на кнопку и протянули через весь сад. Спрятались по ту сторону забора и давай тихонечко тянуть и отпускать. Гайка по стеклу «стук-стук-стук», «стук-стук-стук».

Тишина.

— Спит, — шепнул Витька.

— Надо разбудить, — сказал Антошка и, забрав у друга нитку, что есть мочи давай тянуть. «Дзинь-дзинь-дзинь» — заплясала гайка по стеклу.

— Хорошо как слышно.

— А то.

В избе загорелся свет. Мальчишки присели на корточки, прячась за широкими ребрами забора. В окне появилось заспанное лицо Ивана Сергеевича.

— Кто? — хриплым голосом спросил он.

В ответ — тишина.

В сенях загорелся свет. Заскрипели половицы. Старик вышел на крыльцо.

— Кто тут?

Тишина. Никонов потоптался на месте и вошел в избу. Немного погодя свет снова погас.

— Подождем, — предложил Витька.

— Давай, — согласился Антоха.

Подождали. Витька вновь «стук-стук-стук», «стук-стук-стук». Тишина.

— Не так надо, — и Антошка снова взял нитку.

«Дзинь-дзинь-дзинь».

— Да ежик кот! — послышался разъяренный голос Ивана Сергеевича.

— Злится, — догадался Витька.

— Ага.

В избе загорелся свет, и в окне ребятишки увидели хмурое лицо старика. Он вновь вышел на крыльцо, огляделся, прошелся по саду, ругаясь себе под нос, и снова вернулся в избу.

Хулиганы подождали немного, и снова раздалось противное «дзинь-дзинь-дзинь». Свет в избе по-прежнему был выключен, хотя слышались шаги. В сенях раздался громкий вопль кота, видимо, старик впотьмах на него наступил.

— Брысь! — послышался голос Ивана Сергеевича.

На крыльце показался Никонов. Он, делая вид, что разгуливал по саду, приближался к забору.

Ребята смекнули, что старик догадался, и бросились бежать.

— Я вот вам, окаянные, все уши пороссятам пообрываю! — слышалось вдогонку, но мальчишки уже нырнули в темноту.

— Думаешь, разглядел? — поинтересовался Антошка, как только отбежали подальше.

— Завтра узнаем.

Но старик ничего не увидел, и хулиганы ловко отделались от оплеух. А вот с Матреной вышло не так все удачно.

Позапрошлым летом у Антошки отец зарезал козла. И Антоха припрятал отрубленную голову за баней, в лопухах. Он тогда еще смекнул, что можно хорошенько порезвиться.

— Куда голова-то делась? — спросил отец.

— Не знаю, — соврал Антон.

— Вот так дела, — удивился тот.

Поискал, поискал, да плюнул, не все же кверху дном поднимать из-за козьей башки. А Антошка вечером к Витьке, так, мол, и так, го-

лова козья в лопухах припрятана. Витька сразу смекнул, что к чему. Подождали, пока стемнеет, взяли козью башку и направились к Матрене. А голову на кол деревянный посадили. Подкрались к ее окнам и давай козьими рогами по окну стучать, а сами у завалинки прячутся. Матрена глянула в окно-то, так и села на пол. Витька палкой трясет, башка вертится, рогами по стеклу возит, чуть ли не ушами шевелит. Да Антошка еще во весь голос: «Ме-е!» Такое началось. Визг поднялся на всю округу. Мальчишки сами испугались, бросились бежать, в это время-то и сорвалась голова с палки да и осталась в саду лежать. Эх, и влетело тогда Антохе от отца, шею хорошенько намылил, да и Витьке дома тоже досталось от своих. Неужто Антошка один додумается, нет, конечно, считали взрослые. У них вообще все было просто и логично. Поймают Витьку в хулиганстве, отец на Антоху косится, не участвовал ли и его сорванец? А попадетса Антошка – Витьке также не избежать допроса.

Много они чего с ним натворили. Как-то раз у Гришки, что в предбаннике пьяным спал, бутылку из-под матраса вытащили. Тот всегда на опохмел оставлял. Водку вылили, а водой наполнили. Тому бы похмелиться, а там вода. Матюгайся не матюгайся, а водки нет.

Да-а, все-таки были они с Витькой друзьями. Да еще какими. Да почему были? Вот пойдет сейчас Антошка к Кате и все-все ей расскажет, какая она хорошая и какая красивая. И пусть она его снова взглядом жалит, а он все равно ей скажет, какая она хорошая. Паренек набрался духом и поспешил в деревню. Все, все ей расскажет, и пускай смотрит на него как хочет, говорит что хочет, а он ей все скажет. Все. И с Виктором они подружатся, ну конечно, подружатся...

У клуба, облокотившись на перила, стоял Витька и чем-то веселил девчонок. Катя с Ольгой стояли рядом и тихонько посмеивались. Тусклый фонарь освещал три силуэта. Антошка приостановился и прижался к тополи. Он смотрел на Катю, которая улыбалась Витьке, а внутри у него начинал бушевать ураган. Все-таки она выбрала его! Антошка постоял немного, развернулся и что есть мочи бросился бежать

домой. Так хотелось кричать во все горло, так хотелось сделать что-нибудь плохое. Никакой он не хороший и не будет больше хорошим. Плохим будет, плохим! Паренек забрался на сушилу и упал всем тощим телом на сено. Как же было плохо, внутри все невыносимо ныло, хотелось плакать.

Только когда у самого погладит сердечко проказница-любовь, понимаешь, что это такое. Последние дни Антошка это очень понимал. Он и сам с ребятами частенько посмеивался над старшими ребятами, тем самым вводя их в краску. И если уж вечером кого увидят с какой-нибудь особой, можете даже не сомневаться, все заборы будут утром разукрашены. Так, мол, и так: «*Стенка + Галка = любовь*» или «*у Кольки Б. с Наташкой А. любовь-морковь*». А это ой как не нравится влюбленным. Те сердятся, а мелюзге смешно. Теперь Антоха прекрасно их понимал. Даже представить страшно, что выйдешь утром, а у тебя забор, который ты на днях покрасил в голубой цвет, исписан, что у вас с Катькой шуры-муры. И потом докажи всем, что это чья-то глупая шутка. Ага, так все и поверят. Или, того хуже, забор испишут, а она теперь с Витькой вечерами гуляет. Стыдоба-то какая. И так мать косится да отец с вопросами лезет, все совет дать нужный хочет. Да еще эти цветы, будь они неладны, подставили.

Припомнилось почему-то, как два года назад Антоха разыграл Мишку Бутырина. Хороший парень, сейчас в армии служит, весной забрали. Все любил с отцом в старом тракторе копать, любитель на технику, страсть. Сам рыжий, нос усыпан веснушками, а до того добрый, что всем-всем в деревне приятно было с ним пообщаться. Антошка тоже с ним дружил. Мишка всегда улыбался. Всегда. И так красиво, что того и гляди засмотришься на его улыбку. Оттого-то Антохе даже стало казаться, что рыжие люди какие-то особенные, веселые. Ну не может быть рыжий сердитым. Только веселым и добрым, как Мишка. Хотя Нинка из 7 «б» вредина на вредине, а тоже рыжая. Свесит косу на плечо, та аж огнем горит. Ну, с ней все понятно, баба есть баба, тут ничего не скажешь. А Мишка? Мишка – моло-

дец! И стали вдруг слухи ходить, что стал он вечерами к Аленке Соколовой похаживать. Девка она хорошая, красивая даже, всегда Антоху сливами угощает. Но посмеяться же надо. Почему-то всегда Антошка думал, что эти их шутки совсем безобидные, теперь он понимал, что это вовсе не так. Так вот, сидит он, значит, на лавке и семечки шелкает. Видит, Мишка идет в рубахе, в брюках, с цветами. Красивый такой, ухоженный, причесанный, даже веснушки и те, кажется, аккуратно лежат на его лице. Антоха впервые его таким увидел, даже рот раскрыл и не поверил сначала, что это Мишка. Он же всегда чумазым ходил, все чего-то в тракторе швырялся. А тут на тебе. Вот что, значит, с человеком любовь делает. Но если признаться, то Мишке нарядным быть очень шло. Красавец. Настоящий жених.

— Ты к Аленке? — опомнился вдруг Антоха, хотя, если честно, это было нелегко.

Мишка, как всегда, приятно и по-доброму ему улыбнулся, но ничего не ответил, а только мигнул глазом.

— Так ее же нет.

— А где же она? — приостановился тот.

— Так она же с Ванькой Зориным купаться ушла, вот как с полчаса назад, — ни капли не покраснев, солгал Антоха.

— Как так ушла? С Ванькой?

— С Ванькой, с Ванькой, сам видел. У него это... Тоже цветы были.

Антошка знал, что Зорину Аленка тоже нравится и Мишка непременно на это среагирует. Но Мишка молчал. Улыбка на его красивом лице пропала, и оно стало очень печальным. А глаза, его добрые живые глаза, так быстро помрачнели, что совсем стали не его. Чужими. Антошка никогда еще не видел его таким. Букет из его ладони выпал на землю. Но парень даже этого не заметил, он вообще, кажется, сейчас ничего не замечал или не хотел замечать. Его глаза печально смотрели вдаль, туда, где за обрывом находилась река.

— Миш, — тихонько позвал его Антоша. Теперь ему было очень стыдно перед ним.

Тот, ничего не ответив, немного пошатнулся и наступил ботинком на букет. Жалко. Красивый букет был. Вообще-то Антоха никогда не

любил цветы, а эти вдруг почему-то полюбил. Паренек убрал ногу и посмотрел на букет. Вид его, конечно, был испорчен.

— Миш, знаешь, а у Ваньки намного хуже цветы были. Честное слово, совсем некрасивые, с твоими не сравнить, — хотел его как-то подбодрить Антоха, но только потом понял, что смолол глупость. И вообще вся его шутка была большой глупостью. Он уже это понимал и очень жалел, что изволил так пошутить.

Парень ничего не ответил. Он поднял с земли букет и аккуратно принялся приводить его в порядок. Антошка решил ему во всем признаться, но на всякий случай встал с лавки и отошел подальше.

— Миш, ты это, ты только не сердись, я правда не хотел. Я это... как сказать... пошутил.

Мишка поднял глаза и своим взглядом обжег Антоху. Он еще немного постоял, не понимая значения слов, а когда до него все дошло, то очень рассердился. Антошка это понял сразу. Тот подошел к нему и, схватив его за шиворот рубахи, замахнулся, но не ударил. В правой руке он держал букет.

— Да разве так шутят? Эх ты, мелюзга паршивая, — тихо, но очень прямо сказал ему Мишка.

Его слова достали аж до самого сердца и больно царапнули. По щеке Мишки скатилась слеза. Он стряхнул ее пальцем и, отпустив Антоху, ушел обратно.

Антошка печально посмотрел ему вслед, но промолчал, хотя очень хотелось догнать его и извиниться. Как же было стыдно перед ним, стыдно и обидно. Такого парня обидел своей дурацкой шуткой. Долго потом еще Антоха вспоминал тот взгляд, которым Мишка на него посмотрел, и всегда боялся его. Оказывается, и рыжие тоже умеют сердиться, да еще как. Он потом еще долго ходил мимо его хаты, пытаясь помириться, но не знал, с чего начать. Мишка подолгу ковырялся в своем стареньком тракторе, а Антоха стоял неподалеку и молча наблюдал за ним. Хотел подойти, но не мог. Тот давно его заметил, но не обращал на него никакого внимания. А Антоху жгла обида. Жгла и поедала изнутри.

— Ну, чего стоишь, смотришь? — обратился к нему все же Мишка. — Если хочешь помочь, я не против. Принеси хотя бы воды.

Антошка обрадовался, побежал домой и принес целое ведро чистой воды. Мишка посмотрел на него и, как всегда, по-доброму улыбнулся. И это была самая большая награда. Он протянул ему старенькое запачканное ведро, и Антоха тоже улыбнулся. Хороший он, Мишка, парень, что ни говори, хороший. Даже сейчас, вспоминая все это, Антохе было очень стыдно перед ним, хотя он давно его уже простил. Все-таки действительно, пока не полюбишь, не поймешь, что это такое. Не поймешь.

В субботу во второй половине дня, после бани, Антошка сидел за столом и пил горячий малиновый чай. Разрумяненный, как поросенок, он любовался собою в зеркало, что висело напротив, и улыбался. Последнее время он частенько поглядывал в него, все расчесывая свои густые волосы. То на один бок пригладит, то на другой, а после бани вообще мог подолгу любоваться собой. Раньше что — пригладит руками и пойдет, а теперь нет, теперь ему хотелось быть красивым. Кто-то окликнул его с улицы, он повернулся к окну и увидел Катю. Она позвала его рукой. Паренек удивился, но очень обрадовался в душе такому гостю. Он выскочил на крыльцо и подошел к забору.

— С легким паром, — улыбнулась ему девочка, и от ее улыбки у Антошки тут же все внутри заиграло. И он тоже заулыбался.

— Куда пропал, две недели не было видно? — большие зеленые глаза уставились на Антоху.

— Да я, это, занят был, все не до гулянья, — пожал плечами тот. — Вот забор покрасил...

Катя посмотрела на голубую волну цвета и кивнула головой.

— Молодец!

Антоха был очень доволен, что она к нему пришла, но пытался этого не показывать, а только немного улыбался и почему-то прятал глаза. Если честно, он давно ждал этой встречи, но боялся себе в этом признаться, теперь, общаясь с Катей, понимал, что зря он от нее бегал все это время. Все же это Витька смолот тогда глупость, а не он.

— Пойдем сегодня на танцы? — вдруг предложила она.

— На танцы?

— Ага, — кивнула Катюша и улыбнулась. — Сегодня в клубе танцы. Ты придешь?

Антошка был на седьмом небе от радости и хотел уже было прыгать и кричать во всю глотку, что придет, конечно, придет, но все же сдержался.

— Тогда я зайду за тобой, хорошо?

— Я у Ольги буду, ты приходи сразу в клуб, Витька тоже там будет.

— Витька?

— Ну да. Это его идея пойти в клуб, а я решила позвать и тебя.

Антоха спустился с небес на землю и трезвыми глазами посмотрел на Катю. Она улыбалась, только вот ему почему-то уже было не до веселья. Он нахмурил брови и быстро направился к крыльцу. Он-то думал, что она его зовет в клуб, а, оказывается, она будет там с Витькой.

— Ну ты как, придешь?

— Вот еще, делать мне нечего, как по танцам ходить, — и паренек забежал в избу.

— Ну как же так, я ведь завтра... — хотела что-то сказать Катя, но Антоха уже хлопнул дверью.

Весь вечер Антошка только и думал об этих танцах. Тоже мне, пришла, взбаламутила. Зачем приходила, сообщить, что с Витькой в клуб пойдет? Тоже мне. Паренек разговаривал сам с собой и с каждой минутой больше злился. Он недоволен пыхтел, расхаживая по дому. Вышел во двор, но и там не нашел, чем заняться, чем себя успокоить. Было невыносимо, мысли большим комом лезли в голову и с большим трудом переваривались в ней. Дома оставаться нельзя, лежа на кровати, с ума сойдешь. И паренек отправился к реке. Последнее время он частенько вечерами убегал туда. Пройдешься вдоль берега, поразмыслишь, соберешься с собою, а главное, что тебя никто таким не видит. Дома все с вопросами лезут, по деревне от любопытных глаз не скрыться, а здесь, у реки, в полном одиночестве как-то легче. Антоха давно это заметил, поэтому и бегал туда излечивать душу. Сядешь у берега, посмотришь на воду, на звезды, поговоришь сам с собою, вслух выругаешься, и как-то получше становится.

«Танцует сейчас, наверное, с Витькой, и Ольга там непременно. Зачем приходила? Ну зачем?»

Всего измучила. Посмеяться хотела, ну конечно, посмеяться. Танцуют сейчас втроем и смеются над ним, этот, чай, непременно смешит, как всегда. Тьфу. Ну, выбрала Витьку и выбрала, чего приходиться издеваться-то? Не думал, что она такая. А сразу и не скажешь. Глаза добрые-добрые, как у ребенка, посмотришь в них и сразу обо всем забываешь. А голос какой, как скажет, и хоть стой, хоть падай. Хороший ты, Антошенька. Тьфу ты! Заколдовала», — мысли в голову лезли без очереди одна за другой, перемешиваясь, превращаясь в кашу. Вспомнилось снова, как ходили рыбачить, как купались ночью в реке и любовались звездами. А он ей, дурак, про космос рассказывал, про жизнь во Вселенной, а она лишь улыбалась... Еще тогда, значит, уже смеялась, просто не показывала виду. А ведь Антоха ей верил. А про русалку-то как расспрашивала и колено разбитое платком утирала... А глаза, какие все же у нее глаза, а улыбка... Дурачок, Антошенька, дурачок... Танцует сейчас с Витькой и смеется. И Ольга рядом. Все смеются. Зачем приходила? «Антошенька... дурачок ты...» — все не выходило из головы Катины слова. Плохая? Хорошая она? Тьфу ты.

Антоха поднялся на ноги и, покружившись на месте, снова уселся на землю. Да, все-таки верно говорят, от любви до ненависти один шаг. А кто говорит, черт его знает, где-то паренек это уже слышал, и почему-то припомнилось. Даже сейчас, находясь у реки, и то не помогало. Все перепуталось, все вверх дном перевернулось в голове. Эх...

Неподалеку послышались чьи-то шаги. Парень обернулся. Кто-то шел в его сторону. В темноте виднелся чей-то силуэт. Это был дядя Вася.

— А ты здесь чего один делаешь? — подойдя поближе, поинтересовался старик. — Чего скучаешь?

— Ничего я не скучаю, — буркнул Антон.

Дядя Вася держал в руках удочку с ведерком.

— А я с вечера решил порыбачить, — широко улыбнулся он.

— Ну и как, много поймали?

— Да пару окуньков. Комаров только покормил. А ты чего не на танцах, жених?

— Какой я вам жених? — вспыхнул паренек и залился краской.

— Ну как же, — улыбнулся старик, — цветы-то хоть понравились?

И он все туда же. Будь они неладны, эти лилии. Предатели.

— А вы уже и поябедничать успели, — с обидой сказал паренек.

Дядя Вася улыбнулся. Он достал из кармана кiset и закурил.

— Эх, Антоха, Антоха. Думаешь, и я по молодости не озорничал? Так же по огородам лазил, так же яблоки срывал у соседей. Так же влюблялся. Но никогда девушкам не дарил ворованных цветов. Яблоки яблоками, а это уже свинство. Лилии под окнами для красоты сажают, а не для того, чтобы влюбленные мальчишки по ночам губили их.

Антошке стало неудобно и очень стыдно перед стариком. Хорошо еще, что темно и не видно глаз. Но паренек все равно опустил голову.

— Лучше бы в город съездил, на базаре купил или на худой конец ромашек нарвал бы.

— Ромашек?

— Да, — кивнул головой старик. — Букет, собранный своими руками, дороже всякого купленного.

Паренек молча смотрел себе под ноги.

— Чего в клуб-то не пошел?

Антошка ничего не ответил. Дядя Вася посмотрел на него и сделал глубокую затыжку. Все он понимал.

— Взрослеешь, Антоха, взрослеешь. Я и само по молодости влюблялся, страдал... да-а... С Зойкой-то мы уж после войны познакомились да поженились. Мне тогда уж двадцать седьмой шел. А в твои годы только и влюблялся, — старик весело улыбнулся. — Да-а, летят годы. Помню, Клава нравилась из Черемушек. Коса по пояс, сама веселая-веселая. Мы с ребятами тогда в клуб к ним бегали, нашего тогда еще не было. Натанцуемся под гармонь, напляшемся, по Черемушкам пройдемся из одного конца в другой. Она с подругами и я с друзьями. Походим-походим, семечки поплюем и обратно к себе. Ребята в деревню, а я остаюсь. У дороги полевой постою, пока все разойдется, и к ней. Спрячусь у плетня и давай камушками в ее окно бросать. Она выглянет, а я люблюсь. И вот

бросаю, пока папенька ее меня со свистом не прогонит.

Старик снова улыбнулся.

— Ты запомни, Антоха, одно, что любовь — это самое прекрасное, что познает человек. Люби, пока живешь. И стесняться этого не стоит. Знаю, все мы сначала стесняемся и боимся своих чувств. А этого не стоит делать. Все мы люди, и всем нам дано любить. А посмеется лишь тот, кто ни разу еще не любил, но со временем, повзрослев, поймет, что это такое. Ты и сам, чай, посмеивался над ребятами постарше тебя, пока сам не влюбился. Ведь так?

Антошка кивнул головой.

— Ничего позорного в любви нет, и стесняться ее не стоит. Мужчина ты или не мужчина? — старик усмехнулся и похлопал Антоху по плечу.

Паренек ему улыбнулся. Дядя Вася посмотрел на него добрыми глазами и пошагал в деревню. Все-таки хороший он старик, добрый. И кот у него хороший. Красивый. И не будет больше Антоха его из рогатки подстреливать. Не будет.

На душе стало как-то даже хорошо и легко. Нечего стесняться. Мужчина он или не мужчина, в самом деле? Все рано или поздно влюбятся. А Антоха уже повзрослел. Уже.

И паренек тоже поспешил в деревню.

У клуба стояли Колька с Ромкой и о чем-то беседовали. Увидев Антоху, поздоровались.

— Что-то ты поздновато, — улыбнулся ему Роман, — скоро уж все закончится.

— Занят был, — тоже улыбнулся Антоха. После разговора с дядей Васей он как-то подбодрился и повеселел.

Паренек зашел внутрь, заплатил за билет и медленно направился вперед. Музыка из колонок лилась легкой волной, и девочки с ребятами весело плясали. Пробравшись ближе к сцене, Антоха заметил и Катю. Рядом с ней танцевали Витька с младшим братом и Ольга. Паренек посмотрел на Федора, который, поглядывая на брата, пытался плясать. А этот уж куда? Мелюзга! Ему еще сказки читать. Антошка улыбнулся. Вспомнилось, как он позапрошлым летом ночевал у Витьки. Родители его в город на свадьбу к кому-то уезжали, вот Антоха и остался у них. Наелись тогда вишневого варенья, улеглись с ним в одну кровать и

давай страшилки рассказывать. Федька, что лежал на соседней койке, спрятался весь под одеяло, лишь нос выглядывает, боится сам, а все равно слушает.

— А слышал, Антоха, как к Кондрату черт приходил? — начал вдруг Витька. Это он специально завел тему, чтобы брата поугаать.

— Нет, не слышал.

— Весной этой было. В полночь. Они всегда, черти эти, в полночь приходят.

— А зачем приходят? — еле слышно послышался из-под одеяла Федин голосок.

— Ясное дело, чтоб к себе утащить. Бросят в котел с кипятком или на сковороду раскаленную посадят. Это их любимое дело. Черти они и есть черти. Хвост трубой, пятак свиной, борода козья, рога бараньи. Схватят, и не вырвешься уже, — устрашающе, медленно, растягивая слова, произнес Антоха. Федя задрожал и полностью скрылся под одеялом. Витька посмотрел на брата, улыбнулся и подмигнул Антохе.

— Так вот, проснулся, значит, Кондрат в полночь от того, что кто-то в дверь постучал. Поднялся с постели и отправился открывать, — продолжил он. — Открыл, значит, дверь, а на пороге черт стоит. Волосатый, пятак красный, бороду свою козлиную чешет и улыбается. «Все, — говорит, — пора со мной идти». Да только Кондрат наш не растерялся, схватил ухват и черенком тому по лбу, что аж искры посыпались. Испугался черт и испарился тут же.

Антоха тихонько захихикал. Хулиганы посмотрели на Федора. Тот по-прежнему не высывался из-под одеяла.

— А я тут недавно домового видел, — продолжил Антошка.

— А давайте спать, — предложил Федя, побаиваясь ночных сказок.

— Да ты что, интересно же, — сдерживая улыбку, ответил старший брат.

— Так вот, проснулся я как-то ночью, смотрю, а возле печи старичок маленький сидит, ногу на ногу закинул, головой качает и на меня смотрит. Погрозил пальцем и исчез. Только мне в ту ночь не заснуть было. Чего он грозил, сам не знаю. А утром на ноге синяк огромный обнаружил. Ущипнул все-таки.

— Не к добру, — сказал Витька.

Полночи они с ним рассказывали страшилки, уже совсем позабыв про Федю. И вдруг за окошком сверкнуло, раздался гром и полил дождь. Ребятишки, лежа в постели, посматривали в окно, как капли дождя бились о стекло. Федора слышно не было. Спал он или еще нет, они не знали. Но зато как-то самим уже стало не по себе. Дернуло их рассказывать на ночь глядя про чертей. И вдруг на кухне послышался скрип половиц, будто кто-то прошелся.

— Ты слышал? — толкнул локтем Антоха друга.

— Слышал, — еле слышно прошептал тот. — Только в избе нет никого, кроме нас.

Ребята сами начинали потихоньку побаиваться. За окном по-прежнему сверкало, и гром ударял с такой силой, с таким грохотаньем, что мурашки бежали по телу. А из кухни нет-нет да послышится скрип, словно кто-то действительно расхаживал там. Раздался храп. Федя спал. Выходит, зря старались, только сами себя настрашали. Долго же они с Витькой в ту ночь не могли заснуть. Только помнится Антохе, что приснилось ему тогда, будто он по грибы пошел. Вот идет по лесу, значит, и видит, возле огромного пня зайцы сидят и в карты играют. Проиграет кто — награждают щелбанами. Увидели Антоху и зовут поиграть. Паренек положил лукошко, уселся рядом и взял карты. А зайцы косые же, и не поймешь, перемигиваются между собой али нет. Проиграл Антоха. Встал русак на задние лапы и давай его щелканишь. Тут Антошка и проснулся. Надо же, приснится такое. Это где же видано, чтобы тебе зайцы щелбаны раздавали. Н-да.

В клубе Катерина заметила Антоху, обрадовалась и позвала рукой. Паренек присоединился в их круг и, гордо задрав голову, не поглядывая ни на кого, принялся плясать. Плясать Антошка умел, плясал он хорошо. Оттого очень вольно и самоуверенно он сейчас себя чувствовал. Но не успел он насладиться легкими взглядами подруг, как музыка оборвалась и начался прощальный медленный танец. Все пятеро стояли неподвижно и вертели головами по сторонам. Катя изредка посматривала на Антоху, словно чего-то ждала. Но тот молча посматривал на

танцующие рядом пары. Витька подошел к ней ближе и пригласил на танец. Та еще раз посмотрела на Антошку, и они принялись танцевать. Паренек даже ухом не повел, делая вид, что вообще не замечает ничего. Тут и Федя пригласил Ольгу, и та, не скрывая радости, обняла его. Антоха остался один. Он отошел немного назад и, облокотившись на стену, наблюдал за танцующими. Красиво все-таки танцуют, и музыка красивая. Почему-то он вовсе не сердился, и это даже самого его немного удивляло. Песня закончилась, загорелся свет, и все медленно направились к выходу. Антоха первый выскочил на улицу и стал дожидаться остальных. Самыми последними выползли из шумного клуба его друзья.

— Ну, куда теперь пойдём? — как всегда по доброму улыбалась Катя, а ее живые глаза по-прежнему горели огоньками. Все-таки ее оптимизму и жизнелюбию можно было позавидовать.

— Можно пойти к реке, — предложил Антошка.

— Комаров кормить, — фыркнула Ольга.

— Их уже нет, — ответил ей тот.

— А пойдёмте ко мне за гитарой, я играть научился, — предложил Витька.

— Вот это верно, — улыбнулась Ольга. Настроение у Антошки потихоньку начинало падать.

И все направились к Виктору за гитарой. Тот всю дорогу шел рядом с Катей и не давал никому раскрыть рта. Все хвастался, как быстро он научился играть и какие песни знает. Антоха молча злился на себя и на друга. Вот трепло-то! И на кой он ему только гитару давал. Теперь замучает своими песнями. Да эта еще. Паренек косо посмотрел на Ольгу, что так же шла рядом с Виктором и внимательно его слушала. Комары у нее, видите ли. Тьфу!..

Подходя уже ближе к его дому, Катя наконец-то вспомнила об Антохе, который всю дорогу молчал.

— А ты чего, Антошенька, такой хмурый? — поинтересовалась она и тем самым окончательно его разозлила. Вот хитрая. Сама с Витькой идет, а его — Антошенька.

— А какой я должен быть?!

— Какой и всегда. Хороший.

— А откуда ты знаешь, что я хороший, я, может быть, плохой, злой и вовсе не такой, как ты говоришь. Совсе не такой! — чуть ли не закричал Антоха. — Это вон Витька хороший! А меня ты совсем не знаешь.

Катя ничего не ответила на это, но сильно удивилась, это было видно. Легкая обида блеснула в ее глазах. Витька тоже промолчал. Шли молча. Антоха злился и стыдился своего поведения. Ничего он не повзрослел. Все еще глупый ребенок.

— Я мигом, — сказал им Виктор, когда подошли к его дому, и забежал на крыльцо.

Антоха молчал и смотрел себе под ноги, не понимая, зачем он вообще находится здесь. Ольга что-то рассказывала, но он ее не слушал, думая совсем о другом.

— А я, Антош, завтра уезжаю, — сказала вдруг ему Катя и словно ножом хлестанула по сердцу. А ведь он и забыл вовсе, что она из города и что ей когда-нибудь да надо будет уехать. Почему-то казалось, что она вот так внезапно появилась и теперь уже здесь навсегда, никуда не денется, никуда не уедет. Они смотрели друг на друга и молчали. Она ждала, что он что-нибудь скажет на это, но тот не знал, что сказать.

— Куда? — конечно, вопрос прозвучал глупо.

— На кудыкину гору, — засмеялась Ольга. Она вообще последнее время над ним издевалась. Видно, мстила ему за все пакости, что он вытворял раньше.

— Домой еду, — ответила Катя. — Отец приехал, завтра уезжаем. Я тебе еще днем хотела сказать, но не получилось. А ты, Антошенька, не сердись. Я знаю, какой ты: ты — хороший и забавный. Правда. И хмурым тебе быть не идет. Ты ведь не такой. Помнишь, как мы ходили рыбачить? Вот такой ты мне очень нравился. Интересный и смешной. Я следующим летом приеду, и мы непременно с тобою снова пойдем на рыбалку. Обещаешь?

Ее глаза по-прежнему блестели чем-то светлым, радостным и теплым. Все-таки Антоха никогда еще не видел таких добрых и живых глаз. Он смотрел в них и молчал.

— А может, и зимой приеду, как получится, — улыбнулась она. — А я тебе, Антош, напишу, хорошо? Только ты мне тоже пиши, ладно?

Паренек молча стоял и утопал в ее глазах. Ее слова его губили и всего обжигали. И голос ее, нежный и до боли ласковый голос, царапал сердце в кровь. От ее нежности хотелось плакать и куда-то бежать и прятаться. Какой же он все-таки дурак. Все это время сам над собой издевался. А теперь она уезжает, и быть рядом с ней невыносимо больно. Но ведь последний вечер. Она смотрела на Антоху, глазами жалея его, и ждала, что он что-нибудь скажет. Но он молчал. Вышел Витька.

— Ну, куда теперь? — спросил он.

— Пойдемте к реке, — сказала Катя.

— Комаров кормить? — снова хмыкнула Ольга.

— Не съедят, — улыбнулась она и вновь посмотрела на Антошку.

— Я, наверное, домой пойду, — тихонько произнес тот.

— Домой?

— Что-то голова разболелась.

Паренек еще раз посмотрел на Катю, чьи глаза печально его провожали, и быстро нырнул в темноту. Конечно, никакая голова у него не болела, и все это понимали. Но быть сейчас рядом с ней было невыносимо больно. Если бы еще одни, Антоха снова бы превратился в прежнего Антоху. Но Витька замучает с песнями и Ольга против него. Он молча шел домой, поглядывая под ноги, а из головы не выходило одно, что завтра Кати не будет.

Прошло две недели с тех пор, как Катя уехала обратно в город. С Витькой Антошка так больше и не виделся. С отцом новым шифером покрыли крышу и крыльцо заменили. У того как раз выдались выходной, так они с ним все это время работали по дому да по хозяйству. Каждый день Антоха думал о Кате. Она все никак не выходила из головы. Даже снилась ему несколько раз. Особенно вспоминались ее добрые, полные жизни глаза и улыбка, светлая и яркая. Все-таки они правда с ней следующим летом обязательно пойдут рыбачить. Обязательно.

Во вторник в полдень, когда Антошка на кухне распивал чай с блинами, к нему в гости заглянул Витька.

— Приятного аппетита, — сказал с порога тот. В доме никого не было. Витька разулся и уселся за стол.

— Чего пришел? — спросил Антоха неприветливо.

— Злишься?

Антон промолчал. Он налил из самовара в чашку чаю и поставил рядом с Витькой. Тот достал из кармана конверт и положил на стол.

— Танцуй.

Антошка взял запечатанный конверт, на котором было написано: «Малышеву А. Лично в руки».

— Откуда у тебя?

— Сегодня от Кати письмо получил, а в нем и тебе. Зря ты тогда ушел. Мы тоже недолго погуляли. Быстро разошлись.

— Ага, зря, как же, тебе только на руку, — съязвил Антон.

— А ты так и не догадался, что мы с ней просто дружили и ничего у нас с ней не было. Все время о тебе спрашивала, почему и куда пропал... — миролюбиво объяснялся с другом Витька.

— Обо мне? А почему обо мне?

Витька улыбнулся и подмигнул:

— Вот уж не знаю.

— А ты?

— А что я? Другой ей нравится. Сама, правда, не говорила. Но мы все равно с Ольгой догадались.

— Кто? — резко выпалил Антоша.

— А ты подумай, — многозначительно ответил Витька, глотнул чаю и вышел из-за стола.

— Ну, не буду мешать, — и направился к двери. — Там, кстати, у Матрены подсолнухи посе- пели.

Антошка намёк понял, посмотрел на друга радостно:

— Я сейчас выйду.

— Не торопись, я у себя буду, зайдешь.

И Витька вышел во двор. Антоха прошелся по кухне, немного постоял, заглянул в свое любимое зеркало. Причесался. Все-таки как это здорово — любить! На сердце играла гармонь, в душе все плясало. Он снова уселся за стол и, улыбаясь, принялся читать письмо.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор семи книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельвиг» (2013).

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Андрей СУНГУРОВ

г. Петрозаводск

рассказы

Первопроходцы

— Как неудобно идти! — негромко ворчал Вовка. — Петляешь, петляешь, а нет чтобы напрямик. Уже давно бы в библиотеке были.

Это он верно заметил. Тропка в сугробах узенькая, она всё время сворачивала то влево, то вправо. Попадётся навстречу пешеход — не разойтись. Приходится уступать, ведь мы же мужчины, а не какие-нибудь девчонки! Отойдёшь чуть в сторону — снег набьётся в ботинки. Бр-р! Холодно! И через высоченные сугробы не пройдёшь — увязнешь по уши! Только весной и оттаешь из снежного плена!

— Снега в этом году много, и ещё снегопады обещают, — повторил я другу прогноз, услышанный по телевидению.

— Знаю! Просто обидно: какой-то дуралей протопал рано утречком, а мы по его следам идём! Не выпался он, что ли? Петлял как заяц! — выговаривал Вовка, стараясь попасть валенком точно след в след.

— Может, он скрывался от кого-то, от полиции, например? — добродушно фантазировал я.

— От своего следа не уйдёшь! — резонно возразил приятель.

Когда мы возвращались домой, Вовка молчал и сосредоточенно сопел — вновь ка-

кую-нибудь идею обмозговывал. Что-что, а котелок у него хорошо варит!

В ближайшее воскресенье утром Вовка позвонил мне по телефону:

— Посмотри в окно! Видал?!

Снегу навалило! Все автомобильные колеи, все тропки занесены снегом, как будто их и не было вчера.

— Во заровняло! — восторгался приятель. — Иди скорее на улицу! Обуйся в валенки! Понимаешь, — втолковывал мне Вовка, — мы будем первыми! Мы — первопроходцы!

На улице было великолепно! Кругом — белое сплошное поле снега!

— Нам здорово повезло, что сегодня воскресенье! — радостно крикнул Вовка.

— Почему? — удивился я.

— Все нежатся в постельках, никто не выходил из дома. Вот мы и проложим свою дорогу. Дорогу прямую и удобную. За нами пойдут сотни, тысячи людей, но мы будем первыми! И так, начнём от твоего подъезда до магазина. Потопали!

И мы потопали. Через пять минут от нас валил пар, как от старинного паровоза. Я видел такой на иллюстрации в учебнике истории. Вовка шёл первым. Идти, проваливаясь почти по колено в снежную массу, скажу вам, очень тяжело. Вытянешь одну ногу, шаг вперёд, как тут же проваливаешься другой. И так шаг за шагом.

— Смотри! — воскликнул приятель. — Какая большая!

Он сделал два шага в сторону и поднял с сугроба сосновую шишку.

— Покажи! — попросил я, ступая по Вовкиным следам. — Действительно большая!

— Дарю! — великодушно сказал Вовка и ткнул пальцем: — А эта, чур, моя! — и он побрёл в сторону другой шишки.

А на снегу то тут, то там виднелись эти самые шишки. Их, наверное, сильным ветром сорвало с деревьев, или дятлы питались семенами и время от времени роняли свой завтрак на снег.

— Давай собираем их много-много? — предложил я другу. — Потом наделаем сувениров, подарим всему классу.

— Давай!

И мы принялись собирать шишки и засовывать их в карманы. Через полчаса вокруг сосен петляло множество тропинок, но ни одна из них не вела к магазину!

— Да-а, дела! — протянул Вовка, оглядываясь назад. — Наследили первопроходцы!

Где-то недалеко, весело урча мотором, работал трактор, расчищая дороги. Дворники и дорожные рабочие в оранжевых комбинезонах лопатами чистили тротуары. Среди снежных сугробов аккуратные тропинки вели горожан к аптекам, магазинам, киоскам и почте.

— Сувениры вечером делать будем, — командовал Вовка, — а сейчас пойдём домой за лопатами. Хотя сегодня и воскресенье, а одну дорогу мы с тобой сделаем!

— И куда поведёт дорога? — нерешительно топтался я.

— Это будет наша дорога! По ней завтра пойдут дети и взрослые! — распаялся воодушевленный Вовка.

— Куда? — повторил я.

— К школе! — гордо выпалил мой друг.

«Тюколбасился!»

Я отправился в гости к Вовке. На десять минут. Посмотреть его коллекцию спичек. Со вчерашнего дня не видел приятеля, а уже соскучился!

У моего друга замечательная коллекция спичек. Раньше я думал: «Спички они и есть спички. В коробке. Только этикетки разные. А газ зажечь — все на одно лицо!» То было раньше. Теперь-то я благодаря Вовкиному пристрастию разбирался во всех спичечных тонкостях. Есть спички с синими, зелёными, красными и коричневыми серными головками. Спички из Кубы — коротенькие, свёрнутые в тонюсенькие вощёные трубочки. Немецкие — плоские бумажные палочки. На финских коробках «черкаш» нанесён сеточкой, чтобы быстрее произошло возгорание спички, да и

экономнее — не надо столько серы! Есть у Вовки длинные спички-карандаши для разжигания камина. Есть охотничьи, которые не гаснут под проливным дождём. Спичечные коробки, большие и маленькие, стандартные, картонные, деревянные и даже металлические, хранились на стеллаже и вызывали чувство восхищения у каждого, кто впервые видел такое чудо.

Я позвонил в дверь. Открыла Вовкина мама.

— Здравсьте!

— Здравствуй, Серёжа, проходи! — и поплыла в кухню.

Я разделся, прошёл в Вовкину комнату. Приятеля в комнате не было. Зато там были его папа, дедушка и бабушка. Да ещё полосатый кот! Все трое, не считая кота, толклись возле компьютера.

После приветствий Вовкин папа выдал мне исчерпывающую информацию о том, что его сын скоро появится в новом обличье и совсем чистенький, так как принимает в данный момент ванну. Он велел мне подождать на диване.

— Теперь зайди на сайт и смотри интересующую тебя статью, — это папа моего друга обратился к своему папе, то есть дедушке Вовки.

— Как, Серёжа, вчера у вас прошел школьный новогодний карнавал? — обернувшись ко мне, спросила бабушка Вовки.

— Поколбасился всюю! — растянув рот в улыбке, ответил я, вспомнив, как развлекались с ребятами.

Тут и дедушка обернулся ко мне и доверительно сказал:

— Я в детстве тоже «колбасился».

Ха! Я мысленно представил весёлого старичка на школьной дискотеке, задорно подпрыгивающего под рёв динамиков. Или ещё лучше: крутящегося на спине, исполняющего сложные элементы брейк-данса.

— Я, Серёжа, никак в толк не возьму, как же троллейбус поместился в вашем классе? — в уме прикидывая размеры школьного кабинета, озадаченно спросил дедушка.

— Как так?— я даже растерялся от неожиданного вопроса.

— Знаешь, раньше денег-то не шибко много

было. То в кино хотелось сходить, то газированной воды с сиропом. Экономить приходилось. Нельзя «зайцем» ездить, но — что поделаешь — хулиганили помаленьку. И от родителей влетало, и от директора школы...

«Вот что с человеком происходит, когда целыми днями сидит за компьютером!»— пронеслось у меня в голове.

Дедушка же, не замечая моего изумления, продолжал:

— Прицепишься, бывало, к «колбасе». Кондуктор сердится, постовой в свой милицейский свисток соловьем заливается, а ты знай себе едешь с ветерком.

Я стоял столбом, ничего не соображая.

Заметив мой ступор, дедушка пояснил:

— «Колбаса» — это такой резиновый шланг сзади троллейбуса, за который рукой держишься. Задний бампер широкий, ногам стоять удобно — не свалишься на ходу. Вот я и хочу понять, каким образом ты катался на троллейбусе в школе...

— Да что ты мелешь, старый!— это уже вмешалась бабушка, видя мое замешательство, она решила прийти на помощь: — Серёжа на дирижабле летал! Точнее, на аэростате!

В моей голове снова всё встало с ног на голову! Ещё не легче! Да что они тут, с ума все походили после компьютера?!

— В моём детстве аэростаты «колбасой» называли,— мечтательным голосом продолжала бабушка. — Плывёт такой по синему небу, ну впрямь — колбаса...

— И ты летала?— ехидно спросил дедушка.

— Я-то нет. А вот Серёжа летал! — как ни в чем не бывало ответила бабушка. — Он же сам сказал. Хотя непонятно, как такой огромный воздухоплавательный аппарат ученики могли протащить мимо школьного вахтёра?

Тут меня совсем переключило. Рот сам собой открылся. Я хотел объясниться, но никак не мог сформулировать мысль.

Тут в разговор встрял Вовкин папа:

— Не, Серёжа воздушные шары лопал!— уверенно сказал он.

Час от часу не легче! «Лопал» — это что, значит, ел, кушал?

— Как сейчас помню первомайские демон-

страции! — уносясь мысленно в своё детство, продолжал папа. — Колонны демонстрантов. Звучат духовые оркестры. Люди несут транспаранты, знамёна. Девчонки с огромными бантами в волосах важно вышагивают с воздушными шарами. Некоторые шары действительно напоминали колбасу. Вытянутые, жёлтые, красные, синие...

Я от досады и глупого положения уже чуть не плакал. А Вовкин папа как ни в чём не бывало делился своими воспоминаниями:

— Мы с друзьями как наберём полные карманы битых стёклышек, подойдём к понравившимся девчонкам, бросим стекло в шарик. Бух! Здорово! Девчонки обзывали нас «дураками», иная даже бежала вдогонку. Весело мы «колбасились»!

Из кухни к нам вышла Вовкина мама, вытирая руки полотенцем:

— Счастливый ты, Серёжа! Я тебе по-хорошему завидую.

«И в чём же заключается моё счастье? — сокрушенно подумал я. — Стою пень пнём, ничего не понимаю. Называется, зашёл к другу коллекцию посмотреть!»

— Когда я была маленькой девочкой, — пришла очередь и Вовкиной мамы поностальгировать, — тоже любила «колбаситься». Мы жили в небольшой деревушке. Продуктовый магазин работал три раза в неделю, и колбасу нам завозили очень редко. Поэтому со старшими подругами я иногда ездила в город, где можно сколько угодно купить разной колбасы...

Перечисление сортов колбасных изделий, которые выдала Вовкина мама, я сознательно пропущу. Такой познавательной и поучительной лекции позавидовал бы министр мясной продукции, если бы такой у нас был.

— Счастливый ты, Серёжа! — повторила Вовкина мама. — Наелся вчера на школьном карнавале колбасы.

Я хотел было спросить у нее, при чем тут колбаса, но тут перед нами предстал и сам Вовка. Чистенький, розовощёкий, только что из ванны. Кивнув мне, он спросил:

— Ма! А что у нас на ужин? Можно мы с Серёжей подкрепимся? Я ему потом покажу новый коробок из Голландии!

— Конечно, конечно, — отозвалась мама, снимая фартук. — Я на кухне вам уже всё приготовила. В тарелках — жареный картофель. Тебе — с колбасой. Серёжа, как он уже говорил, вчера на карнавале «поколбасился», поэтому неудобно вновь предлагать колбасу. Ему с рыбой.

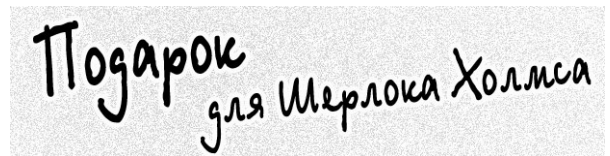
Когда мы расправились с ужином, я наконец спросил у Вовки:

— Не могу понять, почему мне с рыбой... Где логика?

— Не знаю. Вчера меня мама спросила, как прошёл карнавал.

— А ты?

— А чё я?! Я ответил: «Клёво!»

Если человеку не повезёт — так это надолго. Иногда на всю жизнь! Я отношусь к категории невезучих людей. Невезения преследуют меня всегда, везде и всюду. Взять хотя бы мой день рождения. Вы удивитесь и скажете: «Во даёт парень! Самый прекрасный день в году, а он куксится! Друзья-приятели дарят диски с компьютерными играми, мама приносит из магазина огромный торт. Не отстают и бабушки со своим печеньем-вареньем. Дедушки и папа, как люди солидные и степенные, в качестве подарка преподносят тебе конверт с энным количеством рублей — трать, дорогой, по своему усмотрению! А если повезло с родственниками, то есть в запасе имеются тётки, дяди, двоюродные братья и сёстры, то при их наличии ты вообще и бог, и царь!»

Такое количество близких и дальних родственников у моего друга Вовки. Поэтому в свой день рождения он буквально завален подарками. Глядишь — куча свёртков, кулков, пакетов и коробок, а в центре — счастливый именинник по имени Владимир! «Владеющий миром» — это означает имя Вовки. Вот он миром подарков и владеет. Счастливец!

А у меня бабушки и дедушки живут далеко от нас — в других городах, и вместе мы встречаемся, к сожалению, крайне редко. Дядь, тётъ, двоюродных, троюродных, четвероюродных — кот наплакал! А коты, судя по телерекламе, плачут крайне редко, если только когда им не дают «вискас».

У Вовки именины летом. Ему проще — овощи-фрукты, грибы-ягоды... Опять же всё можно на природе или даче организовать: копчёную рыбку, шашлычок. Как бонус — солнышко бесплатное в придачу для загара. Искупнуться можно. Кузнечиков послушать. Даже эпидемия гриппа на Вовкин день рождения не распространяется. Я же родился в последний месяц зимы. Более того: в последний день зимы — 29-го февраля! Не повезло!

С нетерпением я ожидал подарков ко дню рождения. Обычно мама и папа как-то умудрялись положить их под мою подушку. Вероятно, в младенчестве я спал крепко, этим родители и пользовались беспрепятственно. Так или почти так было и сегодня.

Хотя проснулся я рано, родители уже ушли на работу. С трепетным волнением сунул руку под подушку. Долго шарил и вытащил обыкновенный конверт. Больше ничего не было! Я вскрыл конверт, из него выпала поздравительная открытка: «Сыночек! Поздравляю тебя с днем рождения! Желаю здоровья, счастья и хорошей учёбы! Мама». Внизу мелким почерком приписка: «Сын! Ты уже большой, тебе исполнилось два с половиной года! Застели постель, обязательно умой лицо и руки с мылом! Папа». И всё! Больше в конверте ничего не было. Я разочарованно вздохнул.

Папа у меня шутник. Если я появился на свет в високосный год, 29 февраля, а такой день бывает раз в четыре года, то нетрудно подсчитать, что сегодня мне уже стукнуло не десять лет, а два с половиной года!

Папа и в прошлом году смеялся: «Это же здорово! День рождения — один раз в четыре года! Твоему другу Вовке будет двадцать лет, а тебе только пять годочков! Одно огорчает: на пенсию ты выйдешь ох как нескоро!»

С великой болью в сердце и обидой на самых близких мне людей я принялся за дело, кото-

рое не любил, — уборка постели! Одеяло, подушка, простыня — всё в стенной шкаф.

Когда взял с дивана простыню, увидел аккуратный квадратик бумаги. На нём написано: «Подарок в мыле ты найдёшь, если в ванную пойдёшь!» Помчался в ванную. В мыльнице в бумажной упаковке лежал новый кусок душистого мыла. Развернул обёртку — на бумаге ничего не написано.

Стал намыливать руки, лицо. Мыло выскользнуло, упало на кафельный пол. Нагнулся и только тут заметил на обратной стороне кусочка странный знак. Это была снежинка. Снежинка процарапана каким-то острым предметом — отточенной спичкой или карандашом.

Наскоро ополоснувшись, продолжал разглядывать мыло. «Что же означает снежинка?» — размышлял я вслух. — Снежинка. Снег. Зима. Мороз... Ага, морозильник-холодильник!»

Открыл холодильник. На тарелке лежали нарезанный батон, кусочек масла, сыр и варёное яйцо. Подарка не было. Аппетита тоже...

Вяло очищаю яйцо от скорлупы. И что же?! На белке яйца нарисована тарелка! Это становится занятным. Я вспомнил, как папа читал в каком-то научно-популярном журнале, что если на скорлупе яйца нарисовать или написать что-либо уксусной кислотой, а потом сварить, то эта надпись обнаружится на белке. Причём на скорлупе ничего не будет видно. На Пасху мы таких яиц-сюрпризов приготовили много. Мама удивлялась: «Надо же! Очистишь яичко, а там крест православный нарисован!»

Тарелка? Всё ясно: надо вымыть посуду! Я засучил рукава и принялся за дело.

Хорошо, что наша семья не такая большая, как у Вовки, а то бы и в школу опоздал, пока моешь посуду. Когда взял последнее блюдце, почувствовал, что к его донышку прикреплена бумага. Перевернул. Точно! Бумажный кружок скотчем прикреплён к блюдцу. Надпись гласила: «Почисти картофель к ужину!» Ясное дело, это уже после уроков.

В школе приятель Вовка подарил мне модель — пассажирский лайнер «Титаник».

— Серёга! Что подарили тебе родители?

Я всё рассказал Вовке.

— Ух ты! — восхищённо воскликнул приятель. — Значит, подарок на дне пакета с картошкой! Выкопаем твой подарок!

Уроки тянулись как никогда медленно. Я всё время пытался представить, что же мне подарили родители. На переменах все идеи и предположения обсуждал с Вовкой.

— Может, горный велосипед?

— В пакет с картофелем не влезет! — урезонивал меня друг.

— Тогда мобильный телефон?

— Телефон влезет! — деловито обронил Вовка.

С последним звонком мы сорвались и бросились ко мне домой.

— Пересыплем картофель в другой пакет, и чистить этот овощ, тем более в таком количестве, не нужно! — предложил друг.

— Давай!

Пересыпали. Результат — ноль!

— Одна-ако! — протянул Вовка и, как многие великие умы, почесал в затылке. — Твои родители не так просты!

— Это точно! Ведь чёрным по белому написано: «Почисти картофель к ужину!». Бери нож.

Картофельные очистки полетели в мусорное ведро. Дело спорилось. Правда, из-под наших ножей выходили какие-то параллелепипеды и кубики, не то что у мамы. Оставалось штук пять, когда Вовка закричал: «Нашёл!»

Как остроумно придумано! В картофелине сделано углубление цилиндрической формы. По всей видимости, шариковой авторучкой. В импровизированной капсуле находилась записка, свёрнутая трубочкой. Причём записка написана на кусочке полиэтиленовой плёнки чёрной пастой, чтобы влага не уничтожила надпись. (Эту авторучку я позднее обнаружил в кухонном шкафу среди вилок и ножей.) Отверстие в картофелине заляпано грязью и шелухой. Сразу и не найдёшь такой тайник!

— Читай! — приказал мне Вовка.

— Дочистим, чего уж там! И так полдня за подарком гоняюсь. Разгадываю тайные знаки, как Шерлок Холмс! — возразил я.

Через минуту читаем: «Подарок находится в твоей самой любимой книжке!»

— Ого! — присвистнул Вовка, глядя на стеллажи с книгами. — Тут лет на десять работы!

И он в чём-то прав: читать я пристрастился с детства, и любимых книг у меня — море. Попробуй найти самую-самую! Сегодня мне нравится читать про пиратов и разведчиков, завтра про природу и зверей, а послезавтра — фантастику.

— Вспоминай! — торопил приятель. — Может, «Колобок»? Или «Репка»?

— Зря смеёшься, сказки великолепные! Но сейчас надо поджарить картофель, всё равно мы его уже почистили!

— Да-да! Жарь и думай!

Через двадцать минут ужин был готов. Подошёл к стеллажу. Внимательно стал читать названия: «Всадник без головы», «Незнайка на Луне», «Тётя дяди Фёдора». И вдруг в глаза бросилась, пожалуй, самая потрёпанная книга. Точнее, зачитанная! Как же я забыл! Её я прочёл ещё в первом классе! И с удовольствием перечитывал раз пятнадцать. Я извлёк «Приключения Тома Сойера» Марка Твена.

Вовка тут как тут:

— Не томи, быстрее!

Перевернул книгу. Из неё выпал листок: «Кто квартиру пылесосит, тот найдёт, чего он просит», — прочёл я

— Твои родители — большие оригиналы! — немного разочарованно сказал Вовка. — Хорошо, что тебя не заставили стирать бельё!

— Почему?

— Представляешь: откроешь ты водопроводный кран, а из него записка вылетает или из капелек воды сложится подобный текст: «Все обои переклей, сил своих не пожалей! Если плитус отдерёшь, там подарок и найдёшь!»

— Неостроумно! — сухо заметил я.

— Не дуйся! Просто хочется скорее найти твой подарок. Но теперь-то мы найдём моментально!

— Думаешь?

— Конечно! Он в коробке от пылесоса! — уверенно предположил друг.

— А если и там какая-нибудь записка-указание?

— Где? В пылесосе? — удивился Вовка.

— Да где угодно! И на стенках коробки, и на

дне коробки, и в самом пылесборнике! А может, надо пропылесосить, выполнить точно инструкции?

По Вовкиному лицу было видно, как он растерялся.

Действительно, ни в коробке, ни в пылесосе мы не обнаружили указаний для поиска подарка. Вовка даже засунул палец в шланг, затем дунул в него, отчего пыли в комнате несколько прибавилось.

Я включил пылеуборочный агрегат и начал водить щёткой вначале по паласу, затем под стеллажами. Досталось и поверхности дивана. Вовка молча наблюдал за мной. Но когда шланг со щёткой пролез под диван, ровный шум электродвигателя пылесоса изменился — он начал натужно гудеть. Я моментально вытащил его. К щётке прилип фантик от конфеты. Есть у меня такой грех: съем конфетку, а фантик под диван, чтобы не бегать к мусорному ведру. На фантике красным фломастером написано: «Подарок — на тумбочке, рядом с телевизором».

— Ну ты даёшь, не мог с утра сразу включить телевизор, как это делаю я?! — воскликнул Вовка. — Там же мультики, новости, реклама!

И правда, как же я не подумал о телевизоре? Какой невнимательный! Столько раз проходил мимо и не заметил подарок!

На самом видном месте, на тумбочке, лежал ноутбук — желанный подарок ко дню рождения.

Позвонили в дверь — родители к тому времени вернулись с работы.

— О, как у нас чисто! — воскликнула мама. — И пыли нет, и ужин готов, и посуда вымыта! — донеслось уже из кухни.

Вовка, поздоровавшись с моим папой за руку, сказал:

— А здорово вы придумали с поиском подарка!

— Конечно! Просто так подарить — неинтересно! Когда поработаешь, устанешь — награда всегда ценнее, слаще!

— Скоро у моей бабушки день рождения, — задумчиво протянул Вовка, — я ей такой маршрут придумаю!..

— Надеюсь, она не будет разгружать вагоны с

углём или разбирать швейную машинку? — пошутил папа.

— Что вы! Она же пожилой человек, но, во всяком случае, ягодный пирог и шерстяные носки мне обеспечены!..

Мы с папой недоумённо переглянулись...

Нобелевская премия

— Готовь торт со взбитыми сливками! Иду к тебе! — произнес Вовка голосом Карлсона из мультфильма, который озвучивал актёр Василий Ливанов. Он еще в кинофильме Шерлока Холмса играл так, что королева Великобритании Елизавета Вторая ему вручила орден как лучшему в мире актёру, исполнявшему эту роль.

Так вот звонил Вовка, мой самый лучший друг! Хотя друг и должен быть самым лучшим, потому что... он друг! Друг от слова «дорогой». Надо уметь дорожить дружбой. Фу! Запутался совсем. Расфилософствовался! Друг — это друг! И друг влетит в нашу квартиру через минуту. Долго ли бежать из соседнего подъезда?

Опять с какой-нибудь идеей. Знаю я Вовку!

Прошлой весной мы попали в больницу. У обоих перелом конечностей. У меня — рука, у Вовки нога. Это мы испытывали «картинг-самокат».

Идея была Вовкина. Для непросвещенных в области машиностроения объясняю: древесно-стружечная плита — ДСП. Опилки от обработки древесины прессуются вперемешку с клеем. Из-под пресса выходят листы ДСП. Из них потом изготавливают столы компьютерные, шкафы, полочки для книг, тумбочки.

Итак, к прямоугольной плите снизу пришурпили поперечную палку. Насадил колёса от старой детской коляски. Крутанули — вращаются замечательно, почти без скрипа! Спереди к плите прибили другую палку. Она держалась на одном гвозде и могла поворачиваться влево-вправо. Насадил ещё пару колёс.

Приделали сиденье — кусок поролона, спинку от какого-то древнего стула. Готов картинг!

Вовка сел впереди, я, положив руки ему на плечи, — сзади. Теперь управлять движущимся средством совсем просто! Ноги ставишь на переднюю перекладину с колёсами. Выдвинул вперёд правую ногу — поворачиваешь влево. Захотел свернуть направо — действуй левой ногой. Для удобства к передней балке (так называются передние колёса у классического автомобиля) мы привязали веревку. Получились как поводья у лошади. Хочешь — ногами управляй, хочешь — руками!

Испытание начали на тротуаре. Асфальт здесь ровный, а уклон весьма крутой. Так что скорость можно набрать приличную! Все тонкости и детали мы уже обсуждали в больнице.

— Начали! — закричал Вовка, представляя себя легендарным Шумахером.

Картинг набирал скорость. Весело проносились мимо тополя, урны для мусора, ажурные металлические опоры уличного освещения. Один такой столб почему-то появился у нас прямо перед носом. «Тормози!» — закричал я другу. И меня тут же осенило: про тормоза мы вообще не подумали. Безусловно, столб, выскочивший нам наперерез, мы обогнуть не успели! Как, впрочем, и затормозить...

...Так вот в моей квартире раздался мелодичный звонок. Я открыл дверь. Предо мной предстал Вовка с огромным рюкзаком.

— Во! — воскликнул он и вывалил на пол из рюкзака кучу пустых пластиковых бутылок. — Дома очистил кладовку и холодильник.

Я в недоумении смотрел на приятеля.

— Вычитал в газете, что за дешёвую и рациональную утилизацию пластиковых бутылок дают Нобелевскую премию!

— А как мы будем утили-ли-зи-ровать их и где? У меня в квартире? — нахмурился я.

— Чудак-человек! В Финляндии размельчённый пластик давно добавляют в горячий асфальт! Знаешь, какое дорожное покрытие получается? Ни мороз, ни жара не страшны такой дороге! Едешь — душа поёт!

— Мы будем асфальт делать? — наивно поинтересовался я.

Вовка, не обращая внимания на мою реплику, продолжал:

— Во Франции из пустых бутылок делают одежду!

Я расхохотался, представив себе брюки и футболку из пластиковых бутылок на Вовке.

— Ничего смешного! Вспомни «Очумелые ручки» по воскресеньям! Там из бутылок чего только не делают: и умывальники, и теплицы для огурцов, и респираторы, и ...

— А мы будем делать умывальники? — съязвил я. — Для продажи дачным кооперативам, туристам и больным людям, желающим приобрести универсальное самодельное приспособление для освежения рук и лица! Почти за даром! «Вовка энд компани!» Замечательно!

— Дундук! Сколько в городе по обочинам шоссе дорог валяется пластиковой тары?! А в лесу после некультурных туристов? Сжигать? Тогда сколько вредных веществ уйдет в атмосферу Земли! Так оставить? Почти тысячу лет необходимо для полного распада, или, как там его, разложения, гниения пластика!

— Что ты предлагаешь? — сдался я.

— Во-первых, подключить местное население, — деловито втолковывал друг.

— Сбирать бутылки?

— Найти рынок сбыта, — парировал Вовка.

Да... Экономист-финансист какой-то, а не школьник.

— Для рыбаков, забрасывающих сети, самое главное что? Поплавки! По бутылкам-поплавкам видно, где находятся их сети. Или взять спасательные жилеты! Они необходимы для спасания жизней! Обшиваешь матерчатой лентой бутылки, похоже чем-то на патронташ. Тесёмки, застёжки, туда-сюда — и готов спасательный жилет!

Это Вовка неплохо придумал!

— Во-вторых, плот!

— Плот? — удивился я.

— Конечно! Я подсчитал! Пятьсот шестьдесят полторалитровых пластиковых бутылок! Связываем скотчем или изолентой. Сверху — дощатый настил. Мачта с парусом! И плыви по бескрайним водным просторам!

Идея с плотом мне очень понравилась. Отправиться в далёкое путешествие на само-

дельном плоту, как Тур Хейердал на «Кон-Тики». Это великолепно! Озёр и рек у нас в Карелии предостаточно — выбирай по вкусу!

Но приятель прервал мои мечтания:

— Если разрезать бутылку вдоль и распрямить над огнём, получится замечательный кровельный материал для теплиц, да и сами теплицы-парники запросто сварганить. Опять-таки трубы можно делать.

Фантазия приятеля не знала удержу! Здесь были цветные витражи, подсвечники, вазочки для цветов, фонтаны, детские спортивные площадки. И всё это из пластика! И всё бесплатно!

Вовка хорошо подготовился к беседе со мной. Часа полтора он трещал без умолку. Тысячи идей, сотни рационализаторских предложений! Когда дело дошло до космического спутника, приятель неожиданно прервал себя на полуслове:

— Короче, ты согласен собирать тару?

— Согласен, — устало вздохнул я.

Во время операции по очистке города от ненужной пластиковой тары с первых шагов мы столкнулись с непредвиденными трудностями и разнообразными осложнениями.

Первое: из мятых пластиковых бутылок ничего путного не выйдет. Второе: в мусорный бак или урну за тарой не полезешь — стыдно как-то, негигиенично. Неловко околачиваться у ларьков и магазинов. По квартирам не походишь: каждый подъезд имеет кодовый замок. Да и как спросить: «Здравствуйте! Дайте, пожалуйста, пустую пластиковую бутылку!»? У одноклассников стали просить, так посыпались вопросы: «Для чего вам? Зачем? Почему?»

— Может, вечером выйдем на «охоту», когда стемнеет?— предложил Вовка. — Или еще лучше — ночью! Романтика!

— Ночи-то сейчас белые, — резонно заметил я.

— Об этом я не подумал, — почесал затылок мой друг.

Кое-как насобирали бутылок сорок. Возник вопрос: в чём их нести. В пакеты всё не влезет. Рюкзак только один. Вот и плетёмся по улице. В пакетах — бутылки, в карманах шорт — бутылки, даже из нагрудных карманов рубашек

и то торчит по пластиковой бутылочке из-под минералки. Как нарочно на улице попадались знакомые девчонки, друзья наших родителей, соседи и даже сам директор! Лето в разгаре. Могли бы все в отпуск куда-нибудь на море уехать, на какие-нибудь Канары! Так нет! Надо им специально прогуливаться по городу! Сорвать такое дело!

Доконала нас Вовкина бабушка:

— Раньше пионеры макулатуру и металлолом собирали, а вы что затеяли?

— Дворникам помогаем!— попытался отшутиться Вовка.

— Батюшки!— старушка даже всплеснула руками. — Виданное ли дело, чтобы всякий мусор по карманам рассовывать?! Мусороносы!

— Мы к Серёжке идём, бабушка! Горопимся! — выкручивался Вовка.

— Ага! Сейчас позвоню его родителям, — пообещала бабушка. — Пусть знают, что сынок с приятелем будут превращать их квартиру в филиал городской свалки! То-то они обрадуются!

Когда мы свернули за угол дома, я поинтересовался у Вовки:

— А ведь она права: где будем хранить бутылки? Сараев нет. В гараже? Так там папина «девятка».

— Может, на вашем балконе?— неуверенно спросил приятель.

У Вовки балкона нет. У него застеклённая лоджия, где среди нужных и не очень необходимых вещей покоились останки снежоката.

— На балконе у мамы цветы растут, огурцы-помидоры и прочая петрушка,— напомнил я.

— Вот-вот! Из-за такой мелочи, как складирование пластиковой тары, мы и не получим Нобелевскую премию! — сокрушался Вовка.

Не сговариваясь, мы молча подошли к пустому металлическому контейнеру для мусора и вывалили в него свой объёмный груз — пластиковые бутылки.

Из Вовкиных бутылок, оставшихся у меня дома, мы смастерили кормушки для птиц. Зимой их повесим на деревья, а пока они висят у меня на балконе. Воробьям очень нравится!

Робинзону
требуется
Пятница

Мы встретились только в конце августа. Вовка два месяца провёл на юге, в городе Сочи. Ему так хотелось поделиться своими впечатлениями, что он трещал как пулёмёт. Мне даже слово вставить не удавалось, а уж про вопросы и речи быть не могло!

— Дельфины такие умные! Кувыркаются, выпрыгивают из воды... Я тоже хотел с аква-лангом, но мне не хватило... Зато я как нырну на глубину!.. Ночи чёрные-чёрные — непри-вычно... Маяк большой такой, высоченный... Волна как подняла лодку, ну, думаю, всё!.. Це-лое море медуз, они такие!..

Перескакивая с одного на другое, приятель не замечал того, что я тоже не прочь поделить-ся своими впечатлениями о лете, но мне слова не давали!

Выдохся Вовка часа через два. Выпил бутыл-ку лимонада и перевёл дух:

— А как ты провёл каникулы? Куда ездил?

Я долго ждал этого вопроса, поэтому успел продумать всё до мелочей. Мой ответ должен был сразить друга наповал. Рассказывать про рыбалку с ночёвкой, про костёр, про катание на велосипеде, про сбор черники я не стал. Кого этим удивить? Поэтому я притворно громко вздохнул и, потупив глаза, произнёс:

— Я был Робинзоном на необитаемом острове.

— Кем-кем?— удивился Вовка.

— Робинзоном,— с достоинством ответил я.

— Давай сядем на скамейку,— предложил приятель.— Что-то я не совсем всё понял: Ро-бинзон, необитаемый остров...

— Тогда слушай...

Конечно, летом в городе оставаться — это ве-ликое преступление! Насилие над организ-мом! Жара, пыль, шум транспорта. А организм тебе твердит: за городом хорошо, в деревне хо-рошо, на даче хорошо! В лесу и грибы, и яго-

ды. Реки и озёра прохладные, воздух чистый. Опять же птички разные щебечут, бабочки порхают, комарики звенят. Что ты забыл в го-роде, человеке?!

Понятно, что не все люди могут покинуть город: надо же кому-то работать на заводах и фабриках, лечить людей, продавать квас и клубнику, печь хлеб и строить дома. Родители решили помочь мне и, соответственно, моему организму. Меня отправили в Косалму.

О Косалма! Удивительная деревня! С одной стороны тянется Укшезеро, с другой — Конче-зеро. Протока соединяет оба озера. Вода здесь бурная, течение стремительное. Косалма так и переводится с карельского языка — «порожис-тый пролив». От озера до озера метров сто пятьдесят — двести, не более, а посередине шоссе и дома, дома, дома.

Привезли меня родители к своему давнему знакомому — Василию Васильевичу. Наказа-ли мне слушаться его во всём, помогать по хо-зяйству и учиться уму-разуму, а также осваи-вать какое-нибудь ремесло, ибо Вась-Вась, как его прозвали, умел всё: класть печи и ка-мины, столярничать, плотничать, с железом дело иметь.

Он мог всё: поймать шуку там, где она не во-дится, сделать холодильник, а из холодильни-ка — ветряную мельницу, а из ветряной мель-ницы — вертолёт и улететь на Луну! Короче, он мог всё! И даже больше! Мама так и сказала мне на прощание:

— Станешь настоящим мужчиной! Нау-чишься у Василия Васильевича кормить кар-тофель и окучивать корову, варить дрова и колоть топором кашу, влить носки и што-пать рыбу!

Конечно, от волнения мама всё перепутала. Вот если бы это касалось косметики и парфю-мерии, то тут бы она ни за что не оговорилась. Ну да ладно, речь не о том...

Мне понравилось всё: и запах еловых стру-жек, и парное молоко, и серебристая чешуя рыбы, прилипшая к моей одежде, которую я ловил на Кончезере, и чай из самого настоя-щего тульского медного самовара!

Целых три недели я помогал во всём Васи-лию Васильевичу. Вставал в шесть часов утра.

Как и он, делал зарядку, потом носил из колодца воду для поливки, колол дрова, помогал по хозяйству. Накачал мускулы — во! Вовка с уважением пощупал мои бицепсы.

— Мне Вась-Вась доверил вёсельную лодку, и я мог кататься по всему озеру! А знаешь, сколько островов и островочков на Кончезере? Миллион!

— Так уж и миллион?— усомнился приятель.

— Ну, может, и поменьше, во всяком случае их никто не считал. Есть большие — по нескольку километров, а есть маленькие — всего в несколько метров. Как от меня и до той скамейки.

Вовка был поражён:

— Не тяни резину! Давай дальше! — не терпелось ему услышать всё.

Я наслаждался своим триумфом и поэтому действительно рассказывал в деталях.

— И тогда-то мне пришла в голову идея: пожить какое-то время на необитаемом острове! Представляешь, Вовка? На не-о-би-та-ем-ом! Где нет электричества, дорог, домов! Тишина, покой, одиночество!

— Но у Робинзона-то был Пятница,— попытался возразить приятель.

— А через сколько лет он появился? То-то и оно! Всё продумано. Пятница, как и в книжке, должен появиться вместе с другими дикарями на пироге.

— В Косалме есть пироги или ты с Вась-Васем смастерил?— сострил Вовка.

По его виду можно было понять, как он мне по-хорошему завидует и ему не терпится узнать, что же случилось дальше.

— Я нашёл такой остров — скалистый, с тремя маленькими соснами. Длина его пятьдесят четыре шага, ширина — двадцать восемь, но мне достаточно, не в футбол же я собирался играть! Исследовав своё будущее владение, я решил подготовиться как следует. Во-первых, мне нужны были продукты: мука, соль, сахара, зерно. Как у Робинзона! Солонину я придумал заменить тушёной. Во-вторых, необходим был плотницкий инструмент, лопата, кирка и так далее. В-третьих, понадобилось раздобыть парусину. В сарае у Вась-Вася нашёл подходящий кусок брезента. Подзорную

трубу мне заменил бинокль. Три дня я тайком перевозил свой скарб на необитаемый остров. На всякий случай я прихватил пару пустых ящиков и большой моток капроновой верёвки. Нож, спички, завёрнутые в полиэтиленовый пакет, лежали у меня в кармане всегда. День моего отплытия я назначил на субботу, так как Василий Васильевич с утра уезжал в город за покупками и обещал вернуться в Косалму только на последнем рейсовом автобусе. А к тому времени я благополучно совершу «кораблекрушение».

— Неужели тебе не жалко Вась-Вася? Ведь он отвечал за твоё здоровье и жизнь?! — озабоченно воскликнул Вовка, совсем как взрослый.

— Я оставил на столе записку, что ушёл с ребятами на рыбалку с ночёвкой. И потом, я написал, что вернусь в воскресенье вечером.

— А Пятницу ты где нашёл?

— С Пятницей пришлось повозиться!— вздохнул я, в глубине души радуясь такому слушателю. — Понимаешь, мне не хотелось брать первого встречного. В таком деле должен быть человек опытный, знающий природу, местные традиции. Написал объявление: «Робинзону срочно требуется Пятница для непродолжительного проживания на необитаемом острове! Возраст — до десяти лет. Подробности при встрече у крыльца магазина в 16.00. Робинзон будет в красной футболке с удочкой в руке».

— Что, клюнул кто-нибудь? — встрял Вовка, потирая ладони от нетерпения.

— А как же! Пришли три Пятницы: две пятилетние сестрёнки-близняшки и шестилетний белобрысый крепыш.

Вовка расхохотался до слёз:

— Ой, не могу! Вот умора! Пятница и Пятничихи! — веселился он вовсю, затем, немного успокоившись, попросил меня рассказывать дальше.

— Пришлось вкратце пересказать им книгу Даниэля Дефо. Близняшки быстро согласились на роль дикарей, Петька, естественно, стал Пятницей.

Новый взрыв хохота перебил мой рассказ.

— Петя-Пятница, племя дикарей из двух

девчонок! Дикарка Люда-людоедка и людоедка Алёнушка! Представляю сервировку стола: тарелочки, ножечки-вилочки, кетчуп, перец и соль по вкусу! Готовить на медленном огне до степени готовности! — заливался Вовка, держась за животик.

Приятель даже скатился от веселья со скамейки.

— Вовсе нет! Света и Катя их зовут, — наивно произнёс я и от обиды надул губы.

Вовка уже только хрюкал, устав смеяться. Конечно, мне было обидно и досадно, но я, как великий артист, выдерживал паузу. Я знал финал своего повествования и поэтому снисходительно смотрел на друга. Многозначительная пауза, намёки, интонация — вот секрет великого рассказчика!

Откуда-то в голове моей, как на мониторе, высветилась фраза: «Смейся, паяц!» То ли это опера с опереттой, то ли водевиль с балетом — в этом я профан! То есть ни бум-бум! Короче, не знаю! Хотя у мамы на досуге надо бы спросить, чем отличается опера от оперетты и почему, когда всё можно объяснить простыми словами, певцы и певицы долго-долго поют?!

Вовка только мычал нечто нечленораздельное и дрыгал ногами. Некоторые сердобольные прохожие, особенно седовласые бабули с собачками на поводке и лысоватые дедули с шахматными досками в руках, видя, что мальчику плохо, готовы были бесплатно дать валидол и настойку валерианы, а также вызвать Айболита, помня своё первое знакомство с медицинскими работниками, или вызвать скорую помощь. Я как истинный актер не терял своего лица: «Ничего, подожду! Придёт моё время!»

Дружить с Вовкой столько лет и не знать сильные и слабые стороны его характера было бы преступлением перед человечеством. Впрочем, так же он думал и обо мне. Уверен на все тысячу процентов!

Отсмеявшись и утерев чистеньким носовым платком слёзы, Вовка поднялся с асфальта, сел на скамейку и потребовал:

— Дальше!

— Мы договорились таким образом: я плыву на остров на лодке Вась-Вася, а племя дикарей

вместе с пленным Пятницей приплывут на своей спущая пару часов. Благо у отца Петьки лодка была. Однако вышла осечка!

Я многозначительно вздохнул и продолжил:

— Света и Катя внезапно вместе с родителями уехали в город. Цирк им, видите ли, захотелось посмотреть! Не могли другую субботу выбрать! А у Петьки отец ушёл на рыбалку. Это потом выяснилось.

Я остановил свой рассказ, нагнулся, якобы возникла потребность завязать шнурок на кроссовке. Но боковым зрением видел, как заблестели у Вовки глаза. Он ждал продолжения моей эпопеи.

— Оставшись один-одинёшенек на скалистом острове, я решил перекусить и обдумать создавшееся положение, ведь ни Пятницы, ни дикарей нигде не видно, а дело уже шло к вечеру. И выясняется следующее: весь мой продовольственный склад разорили чайки! Видимо, они подглядели, как я укладывал продукты под сосёнку. Чайки нагло пиршествовали, пока не слопали всё! Представляешь, Вовка, даже шоколад! Оставили мне, наверно, в знак благодарности только банку тушёнки.

— Надо было брезентом накрыть, на брезент положить камни. Эх ты, растяпа! — разочарованно воскликнул приятель.

— Да дело не в этом. Остался я без лодки, понимаешь?

— Утонула?! — ахнул Вовка и округлил глаза.

— Я её плохо закрепил и якорь не бросил. Так, полегоньку-помаленьку ветерком отнесло её в озеро. Когда я спохватился, до неё не доплыть было!

Вот тогда я по-настоящему испугался: связи нет! Робинзон не пользовался мобильным телефоном. Из продуктов питания — банка тушёнки и банка червей для рыбалки.

— Покричать слабо? Ведь услышал бы кто-нибудь? — с усмешкой спросил Вовка.

— Кричал. А толку-то?! Мимо рыбаки на катере шли, так они из-за шума двигателя меня и не услышали. В другой лодке туристы любовались красотами Кончезера. Я снял красную футболку, стал размахивать ею, чтобы привлечь внимание, так они в ответ радостно стали махать своими. Видимо, подумали, что такая

традиция: абориген приветствует их, представителей современной цивилизации!

– Положеньице!– посочувствовал Вовка, качая головой.

А я продолжал, довольно подмечая реакцию друга:

– Развёл я, значит, костёр из ящиков. Он прогорел за десять минут, не буду же я сосенки жечь? Белой ночью его никто бы и не заметил! Вот и бегал я туда-сюда, туда-сюда, чтобы хоть как-то согреться. Хотя на скалистом острове особо не разбежишься! Так провёл я ночь.

– Как же ты спасся? – подозрительно спросил Вовка, соображая, какой могла быть развязка моего приключения.

– А утром на остров высадился целый десант взрослых во главе с Вась-Васем. Оказывается, мою лодку волнами прибило почти к самой деревне. Когда её обнаружили, поняли, что я утонул. Хорошо хоть Петька рассказал всё своему отцу.

– Выходит, Пятница спас Робинзона, а не наоборот? – растерянно подытожил Вовка.

– Выходит, – развел я руками.

– А дальше?

– Дальше? Дальше был тяжёлый разговор с Вась-Васем, – признался я. – Он даже хотел угостить меня «берёзовой кашей», но потом

передумал. И родителям моим ничего не сообщил! А через три дня мы целую неделю провели на моём необитаемом острове. Спали в палатке, удили рыбу, купались и слушали замечательную музыку по радиоприёмнику!

Вовка завистливо и с досадой вздохнул, потому что пропустил такое.

– Меня так и окрестили в Косалме – Робинзон! – гордо сказал я и, посмотрев на загрустившего друга, добавил:

– На следующий год Вась-Вась нас с тобой ждёт в гости!

Глаза у Вовки радостно заблестели – он ликовал.

□

Андрей Евгеньевич СУНГУРОВ –

поэт, прозаик, публицист, педагог.

Окончил Карельский государственный педагогический институт.

Пишет для детей и взрослых, но большая часть его произведений

адресована именно маленькому читателю.

Публиковался в журналах «Мурзилка», «Кипиня»,

«Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник» и др. изданиях.

Автор книг «Волшебная зеленая страна»,

«Речка может простудиться?»,

«Волшебная Белая Тросточка».

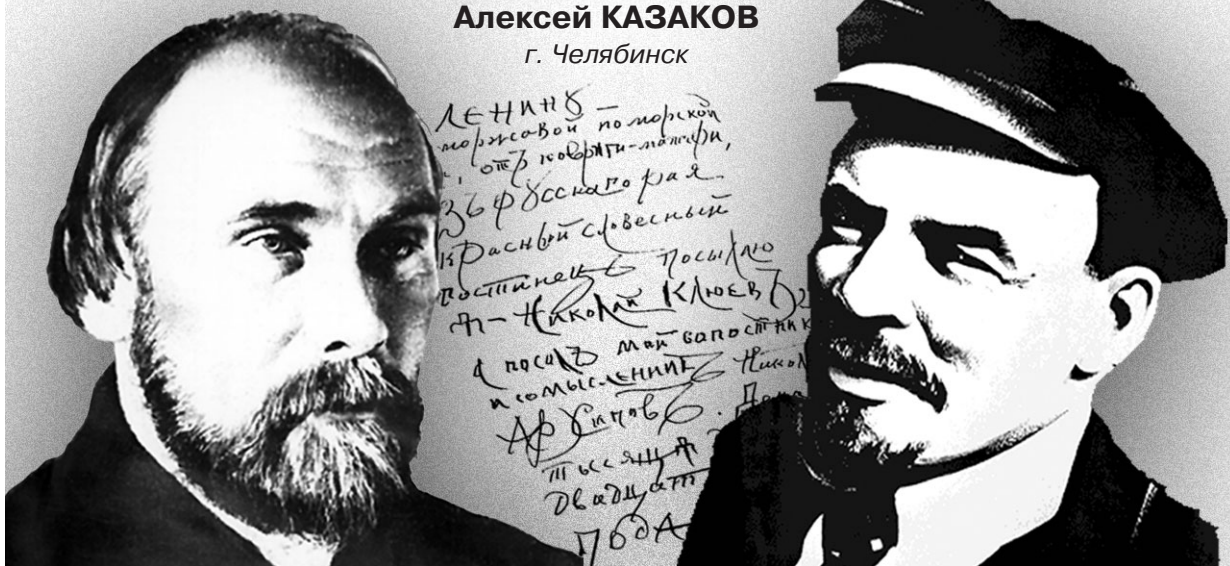
Член Союза писателей России.

Живет в Петрозаводске.

Алексей КАЗАКОВ

г. Челябинск

КЛЮЕВ – ЛЕНИНУ: «СЛОВЕСНЫЙ ГОСТИНЕЦ ИЗ РУССКОГО РАЯ»

Занимаясь на протяжении ряда лет (1997–2010) подготовкой Полного собрания сочинений великого русского поэта Николая Алексеевича Ключева, мне довелось исследовать ряд самых разнообразных архивных материалов, проясняющих личность поэта и его время. К числу поистине уникальных документов относится инскрипт (дарственная надпись) Ключева на книге «Ленин», которая ныне хранится в бывшем кабинете В. И. Ленина в Кремле, а именно в его личной библиотеке.

В 90-е годы прошлого XX века мемориальная ленинская квартира-музей была выселена (по распоряжению президента Б. Н. Ельцина) из стен Московского Кремля в музей-заповедник Горки Ленинские. Именно здесь в апреле 2000 года я впервые увидел ключевский сборник стихов, посвященных вождю. По существу – это не книга, а самодельный блок из десяти стихотворений цикла «Ленин», взятых Ключевым из своего двухтомника «Песнослов» (1919). Те несколько страниц поэт любовно переплел сам в парчу XVII века с золотой ниткой. Как же попали эти ключевские стихи в ленинскую библиотеку?

В конце декабря 1921 года в Москве состоялся 9-й Всероссийский съезд Советов, одним из делегатов которого от Вытегорского уезда (малой родины поэта) был близкий друг Ключева Николай

Ильич Архипов (1887–1967) – журналист, музейщик, педагог. Он по просьбе поэта и передал через Н. К. Крупскую сей дар своего товарища.

Помимо этих стихов, я видел в личной библиотеке Ленина еще два сборника стихов Николая Ключева: «Избяные песни» (Берлин, «Скифы», 1920. 30 с.) и «Песня Солнца. Земля и железо» (Берлин, «Скифы», 1920. 19 с.). Каждая книга имеет свой порядковый номер: № 6094 «Избяные песни», № 6095 сборник «Ленин» и № 6096 «Песня Солнца». Но с дарственной надписью только ленинский цикл. На обороте титульного листа авторская надпись (с точным сохранением графики инскрипта):

ЛЕНИНУ –

*от моржовой поморской
зари, от ковриги-матери,
и из русского рая
красный словесный
гостинец посылаю
я – Николай Ключев,
а посол мой сопостник
и сомысленник Николай
Архипов. Декабря
тысяща девятсот
двадцать первого
года.*

Клюевские стихи Ленин, судя по всему, не читал, листы чистые, без помет, да и сама идея «русского рая» была глубоко чужда вождю Октябрьского переворота, призывавшему в своих карательных декретах искоренять, прежде всего, русскую самобытность и духовность русского народа. Достаточно взглянуть на состав ленинского правительства – от Льва Троцкого и Якова Свердлова до Иосифа Сталина и Емельяна Ярославского, когда у каждого члена правительства были сплошные клички и благозвучные псевдонимы.

Тема «Художник и власть» имеет давнюю традицию на Руси, равно как и в других странах. Клюев-поэт еще с дореволюционных пор тяготел к сильным мира сего: известна его близость к Царскому Селу через Григория Распутина (весьма показательна в этом плане клюевская автобиографическая проза-эссе «Гагарья судьбина»).

Образ Ленина занимал воображение поэта с 1918 года, когда он стал создавать цикл из десяти стихотворений («Есть в Ленине керженский дух...», «Братья, сегодня наша малиновая свадьба...», «Смольный – в кожаной куртке...», «Багряного Льва предтечи...», «Октябрьские рассветки и сумерки...», «Стада носорогов в глухом Заонежье...», «Пора лебединого отлета...», «Октябрь – месяц просини, листопада...», «Воздушный корабль», «Посол от медведя»).

В 1918 году первые три стихотворения были объединены Клюевым в цикл «Певучая руга» рукописного сборника «Ленин» (хранится в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке). К началу 1919 года поэт завершает цикл «Ленин» из названных стихотворений, но в 1923 году при подготовке нового сборника поместил эти стихи в раздел «Багряный лев». В дальнейшем имя Ленина проходит чередой в самых разных стихотворениях Клюева («Родина, я грешен, грешен...», 1919; «Мы верим в братьев многоочитых...», 1919; «Ленин на эшафоте», 1921; «Я, кузнец Вавила...», 1926; «Корабельщики», 1926); а также поэмах («Деревня», 1926; «Песнь о великой матери», 1929–1934).

Восприняв Ленина как образ-символ своей исторической эпохи, Клюев многократно, под разным

текстологическим углом рассматривает это имя-личность в частностях и в целом. Здесь: «Ленин – птичья октябрьская тяга, / Щедрость гумен, янтарность плодов...»; «Ленин – Красный олень...», «Ленин – тундровой Руси горячая печень, / Золотые мошки, жестокий крестец...»; «ярый вождь»; «грозовый Ленин»; «альбатрос-капитан»; «Ленина лик»; «Жизни ухо подслушало «Люди» и «Енин»».

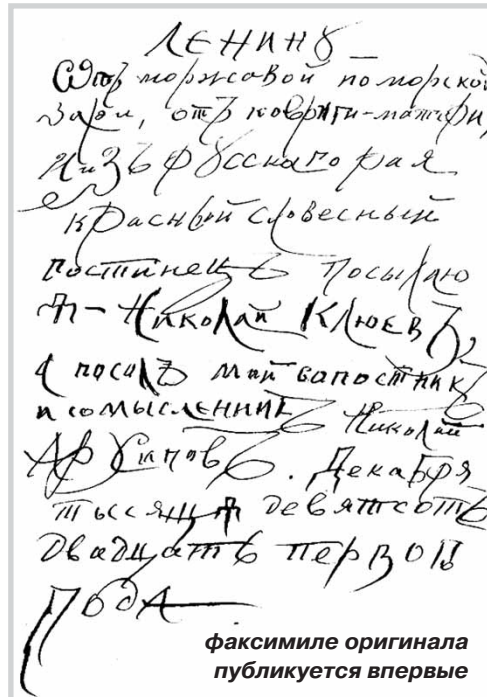
Во всевозможных языковых значениях Клюев интерпретирует образ Ленина, пытаясь как бы вывести из множества текстовых парадигм единую формулу личности вождя Красного Октября. Более того,

даже не зная многочисленных псевдонимов и партийных кличек В.И.Ульянова (как выяснили советские историки – их было числом 146!), поэт услышал в слове «Ленин» – «эскимосскую кличку», наделив его чертами главного шамана октябрьской революции. Пожалуй, никто так, как Клюев, не разрабатывал в нашей литературе образ Ленина (куда там глашатаям-стихотворцам с их поверхностно-плоским видением наступивших революционных событий!). Вовсе не случаен тот факт из творческой биографии поэта, что именно Николай Клюев был в числе главных лиц, когда читал ленинский цикл в Ленинграде в январе 1925 года на устроенном местным отделением Всероссийского союза поэтов вечере «Ленин в поэзии» (Дом искусств, проспект 25-го Октября, 86 – ны-

нешний Невский проспект).

Напомним, что клюевская книжка «Ленин» вышла в те годы тремя изданиями: 1-е выпустило в свет в ноябре 1923 года (при жизни Ленина) Петроградское отделение Госиздата РСФСР, хотя на титульном листе дата – 1924); в том же 1924 году вышли 2-е и 3-е издания книги «Ленин», но уже в Ленинградском отделении Госиздата.

К осмыслению ленинской темы по-своему, с крестьянским уклоном, Клюев пришел отнюдь не стихийно. Еще в юности он увлекся народовольческим движением (достаточно вспомнить его стихи, посвященные поэтам-«народникам» Александру Добролюбову и Леониду Семенову), затем марксистскими идеями, считая себя социалистом-революционером, выступая на различных сельских

факсимиле оригинала
публикуется впервые

сходах и городских митингах, за что подвергался арестам и заключению в тюрьмы Вытегры, Петро-заводска и Выборга. Клюев как поэт-агитатор революционных идей начинается с 1905–1907 гг. Сами названия его стихов тех лет говорят за себя: «Безответным рабом...», «Где вы, порывы кипучие...», «Народное горе», «Гимн свободе», «Проснись!».

Отзвуки этих ранних клюевских стихов-деклараций явственно прозвучат в постреволюционные годы (1918–1921), но уже в виде законченных гражданских манифестов («Красная песня» – с подзаголовком «Русская марсельеза», «Республика», «Солнце Осьмнадцатого года...», «Огонь и розы на знаменах...», «По мне Пролеткульт не заплачет...», «Чернильные будни в комиссариате...», «Россия плачет пожарами...», «Красный Адам», «Маяковскому грезится гудок над Зимним...», «Песнь Солнценосца...», «Заутреня в татарское иго...»; пьеса «Красная Пасха»; статьи: «Великое зрение», «Красный конь», «Красные орлы», «Красный набат»).

Именно в этот временной промежуток (1908–1916) Клюев-поэт набрал свою художественную силу, пройдя сквозь горнило хлыстовских «Братских песен. Песен голгофских христиан» (стихотворения-гимны: «О, поспешите, братья, к нам...», «Поручил ключи от ада...», «Ах вы, други – полюбовные собратья...», «Ты взойди, взойди, Невечерний Свет...», «Вы, деньки мои – голуби белые...», «Он придет, Он придет, и содрогнутся горы...», «Растворителя, врата...», «Песнь похода», «Песнь утешения»).

В 1917 году Клюев делает окончательный выбор в пользу грядущей революции: в феврале он пишет письмо-трактат «Бисер малый от уст мужицких» ктитору Феодоровского собора в Царском Селе полковнику Д. Н. Ломану, непосредственному начальнику С. Есенина по военной службе, – письмо, содержащее отказ (от своего имени и от имени Есенина) воспеть в стихах «лик Царя и аромат храмины Государевой». К месту замечу, что свой бунтарский слог-стих Клюев довольно скоро смирил, прославляя в последующие десятилетия вождя Октября и его приспешников, вплоть до «кремлевского горца» Сталина, выкликнув из сибирской ссылки-заточения отчаянное: «Прости иль умереть вели» (поэма «Кремль», 1934). Но этот предсмертный крик поэта не был услышан обитателями Московского Кремля...

Стоя одной ногой буквально на краю могилы, Николай Клюев создает на случайных клочках бумаги поэму-исповедь «Кремль», в строках которой бредит наяву «виденьем красного Кремля». И где? «Под небом хмурого Нарыма» и «В колодевом остячком гробе». У полупарализованного старика поэта еще находятся силы славить «коммуны облик златокарий»...

И вновь поклон-покаяние перед жестокой властью:

*И пью, бывшее потребя,
Кремль зарнокрылый, из тебя
Корнями огненную брагу,
Чтоб перелить напиток в сагу,
Как жизнь, республику любя!
Где профиль Ленина лобатый
Утесом бороздит закаты!¹*

В клюевских «словесных извивах и срывах» вырываются «окаянные», бренчащие, словно жечь на ветру, живописно-идеологические пастозные подмалевки:

*Брусничный цвет и мох олений
Повыпряли, как пряжу, Л-е-н-и-н.
За ними старому медведю,
На свежем буквенном прогале
Строка торжественная С-т-а-л-и-н
Сверкнула золотом и медью...²*

В канун Февральской революции 1917 года Клюев начал писания своего «нового псалма» в стихах, в которых назревала «русская марсельеза». Клюевский цикл «Земля и железо», вышедший в сборнике «Скифы» (1917), еще удерживает поэта от сплошного агитпроповского «Красного звона» (1918), но буквально в считанные месяцы Клюев резко левеет, кумится с братьями-коммунистами в родной Вытегре, сотрудничая с местной городской организацией РКП(б), созданной в апреле 1919-го. По инициативе поэта в Вытегре проходят «Красные вечера». Более того, он избран почетным председателем городской парторганизации, а на вечере памяти К. Маркса выступил с «малым словом от уст брата-большевика» («На пороге счастья и вечности»), а также с чтением стихов, в частности, «Небесного вратаря» и поэмы С. Есенина «Товарищ». На этом вечере прошло первое представление пьесы Клюева «Красная Пасха» (текст не сохранился).

В июне 1918 года в московском журнале «Знамя труда» (№ 1) печатается стихотворение «Есть в Ленине керженский дух...», положившее начало большому поэтическому циклу. На протяжении пяти лет этот цикл формировался идеологически и художественно.

¹ Наследие комет: Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре-Кравченко. Т. А. Михайлов. Москва – Томск, 2006. С. 204.

² Там же. С. 213.

В первом стихотворении сразу прозвучала аввакумовская интонация:

*Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах»³.*

Подобное Клюев позволял себе в давней дореволюционной переписке с Александром Блоком. Взяв на себя однажды мессианскую роль, поэт наставлял и пророчествовал до конца своих дней, очертив в стихах свое предназначение на этой земле в том же 1918 году:

*Я – посвященный от народа,
На мне великая Печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать (391).*

Под видом «красной молви» Клюев четко обозначил суть новой наступившей советской власти:

*Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой (378).*

Пропев отходную былой Руси, поэт еще пытается приподнять ленинскую тему бодрим «глаголом краснозвонным», но правда жизни выше плакатных рифм. И в последующих стихах цикла Клюев искусно сочетает славословие «Октябрьской грозе», в раскатах которой воспеваает «пламенеющий Ленинский рай», и скрытую страшную правду о грядущей гибели русской земли, ее народа, всего, что беззащитно перед грядущим валом «душегубных пучин». Весь этот цикл построен на разнополярности смысла языковой стихии поэта, который свободно маневрирует солнцем и луной, владеет по-хозяйски мирозданием, усмиряя «океанские храпы» подобно Титану-земледержцу, но не может сам себя перехитрить. Да, у него «Ленин – Красный олень... пасется меж строк», однако в итоге: «Авось и Низги – наши боги / С отмычкой, с кривым ножом...» И «октябрьские рассветки» очень скоро перешли в сумерки...

И вот оно, признание, прозвучавшее задолго до страшного оврага на Каштаке еще пока далекого Нарыма:

*Так рождается Слово. И пуля в лопатке –
Двоеточье в строке, вестовые Конца...
Осыпайся, Октябрь, и в тресковые кадки
Брызни кровью стиха – голубого песка (401).*

Конечно, речь идет здесь о покушении на Ленина в 1918 году, но насколько все пророчески сказало на судьбе самого поэта, затылком чужавшего неотвратимый свинец «красного сполоха»...

Как воспоминание о той расстрельной неотвратимости вот эти строки памяти Клюева, написанные в бывшем ссыльном Томске в нашем XXI столетии:

ВЕТЕР С КАШТАКА⁴

Авось и Низги – наши боги
Клюев

*Авось и Низги – наши боги
с молитвой кривому ножу.
Вернулись расстрельные дроги
по слякотно-снежной дороге.*

– Кто, маменька, там, на пороге?

– Спи, Коленька, я погляжу...

*Изба моя сладкая снится
и снится. Душевный назрел
нарыв, – но тюрьма не больница.
Которую ночью расстрел –
а может, отложат...*

– Спи, Коля,
на К заключенных полно.
Спи, Коленька, мальчик мой, вволю...

*Телега с каштачного поля
везет нам, пустая телега,
пропахшее смертной мочою
одно на всю осень рядом;
там, слышно, лежит мешковина –
чтоб сверху...*

– Спи, маленький мой,
спи, Коленька. Скоро домой...

*А я как закрою глаза –
одна на все веки картина:
несет Богородица Сына, –
и больше не вижу: слеза.*

³ Клюев Н.А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 377. В дальнейшем ссылки в тексте с указанием страницы.

⁴ Серебренников Н.В. Ветер с Каштака// Венки Николаю Ключеву. (1911–2003). М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 204–205.

О чем думал и вспоминал Клюев на каторжном этапе из Москвы в Томск и Колпашево?.. Может быть, вот эту «стихотворную трубную медь»:

*Я построил воздушный корабль,
Где на парусе Огненный лик (406-407).*

Или:

*Я под Смольным стихами трубил,
Но рубиново-красный солдат
Белой нежности чайку убил
Пулеметно-суровым «назад» (407).*

То была не бытовая гибель чеховской чайки в уютном мире русской усадьбы, здесь последствия великого Октябрьского дурелома с его травмированным социальным сознанием, когда отдельные личности, составлявшие народ как единое целое, стали постепенно превращаться в безвольную рабскую биомассу под водительством вождей-временщиков.

Растаял вдали клюевский «воздушный корабль» и:

*Только с паруса Ленина лик
С укоришной на Смольный глядит,
Где брошюрное море на миг
Потревожил поэзии кит (407).*

Действительно, кит! Именно таков Николай Клюев – мощный поэтический глас XX столетия! Поэт эпической силы, объявший в слове века и народы, убежденный по праву в своей богоизбранности:

*Я – из ста миллионов первый
Гуртовщик златорогих слов,
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков!*

Но при всем своем величии он нарушил заповедь Мефистофеля, сказавшего устами и пером Гете: «Противны мне тираны и рабы».

Совсем не случайны в данном контексте строки поэта, его убежденность, граничащая с наивностью святой простоты:

*И возлюбит грозный Ленин
Пестрядинный клюевский стих.*

Сие, однако, не сбылось, равно как и другие мечты-надежды...

Да, кит-поэт, выброшенный на сушу...

Приветствуя пришествие Ленина, поэт смотрит на него восторженно, как на «идеального царя» нового времени, ставшего посредником между Спасом-

Богом и народом. Ленин-спаситель одновременно и «ураганное слово», вождь, разрушающий многовековой уклад народной жизни, и предвестник грядущего Царства, Рая земного, цветущего «лугами беззимними». Для Клюева важен не сам Ленин как человек, а его образ-символ наступившего революционного мира. И здесь поэт развернулся во всю мощь, наполнив весь ленинский цикл космогоническими и зооморфическими образами-символами: от «пять мироздания – поддонного гранита» до птицы-демурга гагары. Как посланник славянской и русской мифологии, Клюев трактует образ Ленина полисимволическими образами животных, воскрешая весь известный ему славянский беастиарий, включая библейский Ветхий Завет и старообрядческую книжность. В русле сказанного ключевым становится последнее стихотворение цикла «Посол от медведя». Приведу его полностью, ибо впрямую перекликается с клюевским «словесным гостинцем» – инскриптом Ленину:

*Я – посол от медведя
К пурпурно-горящему Льву; –
Малиновой, китежской медью
Скупаю родную молву.*

*Китеж, Тайна, Финифтяный рай,
И меж них ураганное слово:
Ленин – кедрово-таежный рай (май),
Где и солнце, как воин, сурово.*

*Это слово кровями купить,
Чтоб оно обернулось павлином...
Я – посол от медведя, он хочет любить,
Стать со Львом песнозвучьем единым (407-408).*

Как медведь-лаюн (дух, оберегающий клады), поэт приходит к новому Мессии (Ленину), духовно возвышаясь над ним – Клюев называет Ленина «медвежий последний» (вспомним клюевскую прозу «Праотцы», где медведи – старцы-старообрядцы). Посол от медведя – это вестник потаенного града Китежа. Дальнейшие строки – метафорическое осмысление китежской тайны, к которой поэт-посол пытается приобщить огненного Льва (здесь двойной символ: апокалиптическое животное и символ Антихриста у старообрядцев). Мы вновь встречаемся с двойственной природой клюевского стиха-загадки, где каждое слово с поддонным слоем. В душе, про себя, поэт понимает, что никогда не получится «стать со Львом песнозвучьем единым», потому как это противоречит самой природе устройства мира. Песнь любви между Медведем и Львом – невозможна!

...Из воспоминаний близкого друга Клюева художника Анатолия Яр-Кравченко:

«Раз он поет былину. Плачет и говорит:
– Русскому человеку всегда хорошо поплакать.
Встал как-то и, подняв красные веки (воспаленные слезами), промолвил:
– Тяжелы ступени чужих лестниц. Знаешь, хочется свой угол наладить»⁵.

Налаживая свой поэтический угол, Клюев шел навстречу советской власти, но его мужицкий рай не совпал с пролеткультовской коммуной. Да, для художника всегда тяжелы ступени чужих лестниц. Это очень хорошо подметил Л. Д. Троцкий в очерке «Николай Клюев», который он поместил в своей книге «Литература и революция» (1923).

Прошлое и настоящее Клюева – это его «русский рай» родного Олонца. И этот реальный, невыдуманный рай на земле поэт, в итоге, не променял на посулы «багряного Льва», хотя для этого понадобились годы прозрения, которые пришлось на принудительную коллективизацию, голодомор, Соловки, Беломорканал...

В начале 1930-х годов Клюев резко пересмотрел свое авторское отношение к сборнику «Ленин». Строки покаяния прозвучали как исповедь в поэме «Песнь о великой матери»:

*Увы... волшебный журавель
Издок в октябрьскую метель!
Его лодыжкой в запал
Я книжку <«Ленин»> намарал,
В ней мошкара и жуть болота,
От птичьей желчи и помета*

*Слезами отмываюсь я,
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!.. (752)*

Так ключевое имя революционной эпохи стало лишь промежуточным фактом творческой биографии поэта. Сегодня этот факт интересен нам, скорее, с точки зрения чистой лингвистики и самовитого архетипа. Логически звучит в этом контексте объяснение свойства имени «Ленин» как словесного знака филологом-исследователем С.Н. Смольниковым (Вологда): «Образ Ленина, созданный Н.Клюевым, необычен и нетрадиционен для поэзии после-революционной эпохи. Однако не только этим определяется его художественная уникальность. Одним из первых поэт, используя культурные и архетипические коды, сумел оценить величие и обреченность вождя социалистической революции и во многом предугадал развитие современных историософских концепций социальной истории России XX века».

От себя добавлю: клюевский инскрипт, обращенный к вождю, звучит ныне как художественное дополнение к циклу «Ленин», так как он в смысловом ключе выстраивался из тех же стихов, начиная с 1918 года. К счастью, время сохранило для нас на бумаге графический узор «Словесного гостинца» поэта, и этот дар нам еще предстоит осмыслить и оценить.

⁵ А.Н. Яр-Кравченко. Из записной книжки//Николай Клюев. Воспоминания современников/ Сост. П.Е. Поберезкина. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 444-445.

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

родился 19 октября 1987 года в г. Горьком.
 Окончил юридический факультет
 Нижегородского государственного университета
 им. Н. И. Лобачевского.

В данное время работает юристом.

Стихи печатались в сборниках

«Рождественские встречи»,
 альманахах «Земляки» и «Благовест».

В 2012 году вышел первый сборник стихов
 «Человек дождя».

**Дмитрий
 ТЕРЕНТЬЕВ**
 г. Нижний Новгород

«Эти чудные взоры зимних улиц...»

* * *

Падает, падает, падает снег,
 Будто в иллюзиях, будто во сне.
 Кружит метели шальной карнавал,
 Как же я ждал его, как же я ждал.

Белой косынкой подвязанный клён
 Я пеленал простынями имён,
 Тонкие руки кудрявых берёз
 Я отпоил целомудрием слёз.

Русь моя, сколько в тебе красоты!
 Сколько поэтов вскормила нам ты.
 Даже дворовых стихов моих трёп
 В дебрях твоих никогда не умрёт.

Падает, падает, падает снег,
 Падает вновь, и мечтается мне,
 Что моим слогом исписанный лист
 Скажет когда-то кому-то: «Держись!»

* * *

Она ждала горячих фраз,
 Холодных мыслей не боялась.
 В который раз, как в первый раз,
 Я видел, как она смеялась.

А по угрюмой мостовой
 Ползли прохожие-улитки.
 Лишь на губах её одной
 Цвели мимозами улыбки.

* * *

Там, где дремлет страна, что зовется Россией,
 Где качается двор в облаках темно-синих,
 С неба падает снег. Я сижу на качелях,
 Безнадёжно увязший в безрадостных целях.
 А зима завывает печально и громко
 И целует меня, как больного ребенка.
 Улыбнись — она хлопает будто в ладоши:
 «Недоласканный мой, ненаглядный, хороший!»
 Я сижу, и снежинки ложатся на шапку.
 И мне жалко снежинки, себя мне не жалко.
 Потому что я жив, а снежинки растают,
 Не дождавшись зелёного юного мая.
 Не увидят они сладкий клевер и мяту,
 Только в клочьях пушистую белую вату.
 И, упав, соберутся больные, горбатые,
 Превратившись в такую же белую вату.
 Только я не умру, видя холод и пустошь...
 Если был бы я слеп, может, меньше бы чувствовал?
 Может, если не чувствовал, был бы спокойнее,
 Чуть добрее, а в общем веселье раскованнее?
 Но зима завывает печально и громко.
 Я жалею себя, как больного ребенка,
 И с качелей встаю и со всхлипами плачу
 С огорчённым собой, с отрешённым в придачу,
 В незнакомом дворе, в облаках тёмно-синих,
 В незнакомой стране, что зовётся Россией.

* * *

Белая зима
Вспыхнула невольно.
Не сходи с ума,
Милая, довольню.

Ты меня прости,
Но твои наречья
Словно конфетти
В новогодний вечер.

Даже если льдом
Треснут наши стены,
Всё переживем
И переоценим.

Было бы тепло
В очаге домашнем.
Тихо и светло
В завтрашнем, вчерашнем.

Только не ревнуй,
Не срывайся грубо.
Первый поцелуй
Помнят мои губы.

Посуди сама —
Нам ли жить в тревоге.
Белая зима...
Чёрные дороги.

* * *

Может быть, и не поймешь ты, как проснулись
Эти чудные узоры зимних улиц.
Эти правильные росписи на окнах,
Как на странных, неизвестных нам полотнах.

Может быть, ты не увидишь, как зажгутся
Над землею высоко планеты-блюда,
Как широкий месяц, их раздвинув рогом,
Жёлтым соком прыснет ночью на дорогу.

Может быть, ты не услышишь, как завоюют
Во дворах стальные флейты и гобои.
Как, разрезав фиолетовые струи,
Зазвенят столбов натянутые струны.

Может быть, ты не поймешь и не оценишь
Это время виртуозных превращений,
Но, под пение метели засыпая,
Ты почувствуешь — зима совсем не злая.

* * *

Город спит, затуманены окна.
Ковыляет по крышам луна.
Ночь-цыганка,
под ливнем промокнув,
Вороного ведёт скакуна.

Ветер сник, он дворовой собакой
Притаился в подвале сыром.
Фонари по дорогам горбатым
Электрическим пишут пером.

Город спит, околдованы веки
Перламутром рассыпанных звёзд.
Тихо, тихо, по каменным рекам
Небо тянет рассветный обоз.

Скоро тёмные краски растают,
И над городом, утро дая,
Развернётся от края до края
Ярко-красной простынку жаря.

* * *

Листья вы, листья, опавшие листья,
Рыжие беженцы сонных берёз,
Молча лежите вы шубами лисьими
В лужах осенних неласковых слёз.
Дайте мне веру, опавшие листья!
Веру в другую, счастливую жизнь.
Лишь для того, чтобы вновь поднялись мы
К веткам, которыми так дорожим.
Дайте мне силу, опавшие листья,
Чтобы мне с вами дожить до весны,
Чтобы зимой под снегами искристыми
Я сохранил эти яркие сны...
Листья вы, листья, опавшие листья,
Рыжие пленники серого дня,
В лужах лежите вы шубами лисьими,
Не оставляя воды для меня.

Анатолий
ПАРПАРА
г. Москва

Из неопубликованной книги
«Минипары»
(Миниатюры Парпары)

ДВА ЭПИЗОДА
ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА МОЛЧАНОВА

1

Василий Фёдоров – остроумный и сдержанный в слововыражениях поэт – был всегда рад во второй половине дня после работы за утреним письменным столом сменить его на бильярдный стол, благо от дома на Кутузовском проспекте до Центрального дома литераторов было рукой подать, всего рубль на такси (по советским ценам. – А.П.). В небольшой бильярдной, где помещались два классных поля с зелёным сукном и настоящими костяными шарами, а также четыре партнёра и не более пяти зрителей, ибо иначе было трудно вернуться играющим, Василий Дмитриевич чувствовал себя вольготно, отпускал изящные шуточки, тонко иронизировал над ситуацией. На полочку для шаров он любил поставить рюмку с коньяком. И неоднократно в течение игры обновлял её содержимое, тем более что буфет находился тут же за дверью, в подвале. Но на игре его количество рюмочек почти не отражалось.

В тот вечер среди бильярдистов случайно оказался старый поэт Иван Никанорович Молчанов, тоже любивший побалагурить. И надо же было случиться тому, что у Василия Фёдорова, забившего шар в крайнюю слева лузу, второй – буквально навис над центральной лузой по тому же борту. Ни у кого не было сомнения, что отлично игравший поэт забудёт и этот шар. Но Молчанов был иного мнения. Он подошёл поближе к столу, что делать не полагается во время игры, и безапелляционно сказал:

– Шар не пойдёт!

Василий Дмитриевич даже задохнулся от такой наглости, но сдержался и предупредил:

– Ваня, отойди, а то ударю кием.

Иван Никанорович тем не менее категорично утверждал:

– Не пойдёт. Я правду говорю.

Фёдоров уже прорычал:

– Я сказал – отойди: будет хуже.

А сам прицелился. Его неудачный удар и слова Молчанова, оказавшиеся пророческими, были синхронны и предсказуемы. Но мгновенная реакция Фёдорова на своё поражение, треск сломан-

ного кия и тяжкое падение старого пророка на пол были для всех неожиданны.

В те времена такие происшествия и даже драки были редким явлением.

Прибежал заместитель директора ЦДЛ Аркадий Семёнович, был краткий шемякин суд, и семидесятипятилетнего Ивана Никаноровича выставили на улицу с последующим решением не пускать в этот особо почитаемый дом целый месяц.

Молчанов отомстил по-своему и быстро. Его четверостишие было чеканным:

*Есть у событий свой закон,
Свои пути, свои дороги:
Толстой от церкви отлучен,
Я – отлучен от синагоги.*

Тогда над этим дружно посмеялись, оценив перо неунывающего старца. Сегодня об этом написали бы почти все газеты и показали по всем каналам, обвинив русского поэта в антисемитизме и разжигании национальной розни.

2

Для революции – ему было четырнадцать лет, когда она победила, – Иван Молчанов опекался комсомолом и, несмотря на своё неглубокое образование, много писал и часто печатался. Вскоре он стал автором нескольких стихотворных сборников, но всеобщую славу ему принесла песня на его стихи из поэмы «Пётр Дьяков» «Прокати нас, Петруша, на тракторе...». Герой этой песни погибает от руки кулака, спасая трактор от пожара. Автор думал, отталкиваясь от газетной информации, что молодой комсомолец погиб. Прошло более тридцати лет, когда поэт узнал о том, что герой обгорел и всё-таки остался жив. Но... из песни слова уже не выкинешь, тем более не изменишь песенной судьбы. Молчанов был грубоватым острословом, но нежным и добрым человеком по сути своей, хотя в гневе своём, как и Пушкин, мог быть несправедливым. Тем не менее он много помогал и советами, и делом поэтической молодежи, в числе которой оказался однажды и ваш покорный слуга. Нас подружила поэзия Алексея Недогонова, которого Иван Никанорович хорошо знал, а я любил чуть ли не с детских лет, ибо вырос на Филях, работал на заводе имени Хруничева среди друзей талантливого поэта...

Однажды Иван Никанорович, уже в солидные годы, приехал в родные края. И прежде чем отбыть на родину в деревушку Шенкурского района,

где его – земляка – любили и ласкали, зашёл в областную газету «Архангельская правда». Там у него были два старинных друга – фронтовые журналисты. Главного редактора звали Григорием, он сильно прихрамывал со времён войны, а его заместителя – Георгием. Прошу запомнить их имена. Это важно для последующего рассказа.

В редакции они хорошо посидели, вспомнили добрым словом и павших, и живых однополчан, а отбывая к себе в район, по просьбе друзей Иван Никанорович оставил стихи для публикации и попросил прислать гонорар дней через десять (когда закончатся деньги) ему в деревню. Те обещали в точности исполнить его просьбу.

Прошло недели две. Деньги у любившего покутить и щедрого на застолье поэта закончились, обещанного гонорара, а по тем временам он должен был быть приличным, нет и нет. Подождав ещё неделю, Иван Никанорович взорвался: что за друзья, которые так нагло подвели. Дозвониться до редакции было невозможно, и обиженный поэт послал в редакцию единственно действенное оружие – гневную эпиграмму – в надежде на то, что каленая стрела поэзии приведёт их в чувство и они вспомнят о безденежном товарище.

И вот редактора партийной газеты вызывают из больницы, куда он попал вскоре после отъезда Молчанова на родину, в обком и показывают ему телеграмму.

– Что это такое?

Тот, прочитав, хватается за сердце. А там было напечатано следующее:

*Газета стоит на одной ноге.
И жалко от сердца поэту:
Редактор на «Г», заместитель на «Г» –
Совсем изговняли газету.*

Как я уже сказал, редактор оказался в больнице, стихи поэта для сохранности были закрыты им в сейфе, и никто их не мог достать без шефа. А уж каким образом телеграмма вместо главного редактора оказалась в обкоме, мне об этом не смог рассказать и сам Молчанов.

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ ВРАГАМ НАЗЛО...

Это было очень давно – ещё в третьей четверти прошлого столетия. В концертном зале имени П. Чайковского тогда проводились литературные вечера, собиравшие полный зал поклонников поэзии. На этих вечерах была удивительная атмосфера духовной близости выступающих и слу-

шателей. Каждое оригинальное стихотворение, интересный образ или неожиданный поворот мысли вызвали восторженную реакцию зала. Поэты рвались на эстраду, ибо была возможность проявить себя, но зато неприятие зала могло надолго отбить охоту к публичному выступлению.

Однажды и мне, студенту МГУ, не так давно вернувшемуся со службы на Северном и Балтийском флотах, предложили принять участие в поэтическом вечере. Помню, что я очень волновался, прочитал несколько лирических стихотворений, а завершил своё выступление «Балладой о суровой нежности», посвящённой талантливому рабочему поэту Александру Балину, чей фронтальной путь проходил по нашей Смоленщине. Это был рассказ о судьбе мальчика в оккупации, который был разлучён с отцом жестокой войной в годовалом возрасте. Он не помнил своего отца, но знал от матери, что тот бьётся с фашистами, чтобы освободить своего сына из неволи. Поэтому, когда наконец-то пришли освободители, мальчик выбегал навстречу солдатам и спрашивал каждого: «Ты – мой папа?» Эта горькая история оказалась близкой слушателям и вознаграждена была бурными аплодисментами. Но более всего меня поразил вопрос и последующая реакция ведущего наш вечер известного поэта, фронтовика, главного редактора популярнейшего тогда журнала «Огонек» Анатолия Владимировича Софронова:

– Анатолий, эту балладу ты публиковал где-нибудь?

Услышав мой отрицательный ответ, он отчеканил, обращаясь к залу:

– Читайте стихи Анатолия Парпары в ближайших номерах журнала «Огонек»!

А меня попросил, чтобы завтра я принёс ему подборку своих стихотворений вместе с балладой.

На следующий день, с трудом проникнув в охраняемое здание издательства «Правда», я пришёл к заведомому поэзии Анатолию Кудрейке со своими стихами. Но старый поэт, прославленный ироническими стихами Маяковского, вместо того чтобы прочитать мои сочинения, долго и нудно говорил мне о том, как много присылают стихотворений в журнал, как много расплодилось виршотворцев... Мне стало жалко его, и я ушёл из редакции.

Месяца через три в фойе Центрального дома литераторов я сидел на диване с приятелем и увидел стремительно идущего А.В. Софронова в окружении нескольких человек. Вдруг он, заметив меня, прервал движение:

– Анатолий, почему ты не пришёл ко мне в редакцию?

Я стал оправдываться тем, что постеснялся беспокоить его, поскольку увидел огромную очередь писателей у его кабинета и потому зашёл в отдел поэзии.

– Чтобы завтра в 12 часов дня был в моем кабинете. Пропуск будет заказан.

В бюро пропусков действительно все было оформлено, и спустя несколько минут я входил в приемную главного редактора «Огонька», где сидели на стульях и стояли человек двадцать известных литераторов. Я предупредил милую секретаршу о своем приходе и приготовился терпеливо ждать очереди.

Минут через пять секретарь, заглянувшая по вызову в кабинет главного, объявила: «Анатолий, вас ждут». Вскочили несколько человек, среди которых я узнал Анатолия Иванова, Анатолия Ткаченко, знаменитых писателей, но, оказывается, ожидали меня...

А ещё через три недели и мои стихи вышли в свет. В те времена опубликоваться в журнале с многомиллионным тиражом было мечтой многих членов Союза писателей СССР. И моей тоже.

Так вошёл в мою жизнь талантливый писатель и советский общественный деятель, у которого было немало друзей и немало врагов. Ненависть ведь тоже говорит о многом. Один философ мудро заметил: «Величие человека измеряется тенью, которую тот отбрасывает». Тень Анатолия Владимировича отбрасывал огромную.

НАКАЗ РЕДАКЦИИ

Разбирая свои книжные завалы, наткнулся на двухтомник Расула Гамзатова, выпущенный издательством «Художественная литература» в 1964 году. На первой странице первого тома стихотворений популярного поэта я прочитал:

«Толк от коллектива. Перещеголай Гамзатова. Тебе ещё двадцать четыре. Мы верим в тебя!»

Редакция «Все для Родины».

15 июля 1964 г., г. Москва

Это был день моего рождения. Полубившие меня журналисты многотиражки закрытого тогда для гласности авиационного завода, который знает теперь весь мир под именем космического центра имени Хруничева, подарили эти томики с желанием вдохновить меня на дерзкое соревнование с талантливым аварским стихотворцем. Они втайне надеялись на то, что мне удаст-

ся преодолеть не сложившийся удачно для меня быт и вывести мою ладью в «бурное море поэзии». Сегодня, тридцать восемь лет спустя, я могу сказать, что «перещеголять Гамзатова» не смог. Да и незачем было делать это. У нас разные поля соревнований. И даже если бы работали на пространстве одного языка, все равно в поэзии, как на ристалище, победителей не бывает. Разве Лермонтов победил Пушкина? И разве гений России затмил собой поэта Державина? В литературе, как на июньском поле, чем больше разных цветов, тем прекраснее картина открывается для любящего красоту.

Но подружиться с Расулом Гамзатовичем мне удалось. И даже – по его просьбе – перевести цикл его четверостиший...

ОСКОРБЛЕНИЕ НЕЖНОСТЬЮ

В вагон московского метрополитена наряду с другими вошёл пожилой человек с палочкой в правой руке. На груди его блестела юбилейная медаль, а чуть ниже расположилась квадратная колодка с наградами. Народу в вагоне было много, но не тесновато: дело шло к обеденному перерыву. На вошедшего никто не обратил внимания. В последние годы подобное стало привычным, да и сами инвалиды уже смирились с таким положением: себе дороже – иной дурак может и наскандалить, а то и ещё чего хуже сделать может...

Электричка тронулась резко, и вошедший ветеран хотя и опёрся на палочку, но стал искать рукой место, чтобы удержаться за верхний поручень. Но там вольготно расположилась мощная рука молодого богатыря с хмурым лицом. Инвалид попросил его:

– Сынок, подвинься немного!

Богатырь отреагировал автоматически, проба-сив обидчиво:

– Какой я тебе «сынок»? – и мрачно посмотрел на ветерана Великой Отечественной войны. Создалось впечатление, что его оскорбили таким нежным обращением. Ветеран заметил это.

– Действительно, какой ты мне «сынок», сынок! – незлобиво ответил он.

Электричка затормозила неожиданно, и дедушка чуть было не упал, но его быстро подхватил под мышки мрачный богатырь. Что-то произошло с ним. Возможно, он очнулся от странного сна, владевшего доселе им, и начал понимать, что происходит с ним. И в нём заговорила таившаяся в глубине заскорузлой души совесть и потребовала уважения

к старому человеку, как к своему дедушке, которого он плохо помнил, но всё же помнил и любил. Скорее всего, в нём оттаяла далекая детская память, помнящая добро и пожелавшая воздать добром же. Да и сказанное дважды тёплое «сынок», видимо, сыграло подсознательно свою благородную роль настолько удачно, что огрубевшее лицо его прояснилось: он прижал к себе старика:

– Дедушка, садитесь вот сюда. А ты, – он показал на молодого парня, сидевшего с девушкой, – уступи место ветерану. Глаз у тебя нет, что ли? Старость надо уважать! А с «тёлкой» своей ещё насидишься.

Эти обычные дворовые слова, несущие в грубой оболочке такую неожиданную нежность, вызвали такую же неожиданную реакцию у окружающих: если доселе каждый занят был собой, то сейчас люди вдруг подобрали глазами и улыбнулись непроизвольно.

НЕ ССОРЬСЯ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ!

Великолепный хоккеист В. С., обласканный мировой славой, после ухода из спорта неожиданно для своих коллег стал писать стихи. Друзья его вначале относились иронически, но позже смирились и даже стали понимать В. и принимать его стихотворчество за должное, тем более что он писал на близкие для них темы: о самом хоккее, об Олимпийских играх, о болельщиках, о странах, куда заносила их судьба. Конечно, даже несведущие в поэзии сознавали, что его строки не претендуют на серьёзную оценку, но им нравилось то, что стихотворения написаны их товарищем. А бывшему хоккеисту стало нравиться то, что его принимают как поэта, и он снова почувствовал себя на коне; у него стали появляться поэтические амбиции.

Так получилось, что вскоре его пригласили со стихами в один сборник, издаваемый авторитетной спортивной организацией. Редактором книги был известный поэт, который, просмотрев стихи знаменитого хоккеиста, предложил ему поправить стилистику некоторых строк, ритмику стихотворений, там, где она хромает, исправить грамматические ошибки, улучшить рифмы. Сделано это было деликатно, щадя самолюбие автора. Но спортсмен, не привыкший к редактуре, воспринял это с некоторым раздражением. На что редактор ответил конкретно: – Начнем с грамматики. Вы пишете:

*И впредь давайте ж непременно
Встречать, спорить и дружить.*

Ясно, что вы хотели написать «встречаться» вместо «встречать» – так будет лучше и грамматически, и ритмически. Или в другом стихотворении:

*И возбужденные от встречи
Болельщик возвращается домой
И ещё долго слышны речи
О том, что связано с игрой.*

В этой строфе необходимо расставить знаки препинания, которые имеют важное значение для смысла изложенного, изменить единственное число в слове «болельщик» в данном случае на множественное. И поскольку слово «ещё» у вас имеет ударение ритмическое на первом слоге, а в предложении отсутствует глагол «были», я предлагаю изменить эту строфу на такой вариант:

*И, возбужденные от встречи,
Болельщики идут домой...
И долго были слышны речи
О том, что связано с игрой.*

Не бог весть что, но всё же получше. В соответствии с грамматикой русского языка.

Так редактор разобрал все стихи. Автор напряженно прохаживался по кабинету, молча слушал,

но иногда останавливался и жёстко требовал восстановить написанное им. Их общий товарищ, заметив раздражение хоккеиста, сказал редактору:

– Оставь как есть. Не будем же мы ссориться с великим хоккеистом.

На что профессиональный поэт деликатно возразил:

– Конечно, мы ссориться с ним не будем. Но и я ему не советую ссориться с русским языком. Он может отомстить вечностью.

Хоккеист задумался.

Анатолий Анатольевич ПАРПАРА –
русский поэт, драматург, общественный деятель,
профессор Московского государственного университета культуры,
председатель фонда имени М.Ю. Лермонтова, создатель и
редактор «Исторической газеты» (1996).

Родился в Москве в 1940 году.

Автор двадцати поэтических сборников.

Член Союза писателей СССР с 1975 г.

*Заместитель председателя Русского исторического общества,
которое было воссоздано по его инициативе,
действительный член Академии российской словесности.*

*Стихи переводились на более чем пятьдесят языков
во многих странах мира.*

*Заслуженный работник культуры России (1982),
награжден орденом Дружбы народов (1986) и медалями.*

В журнале «Север» публикуется впервые.

Владимир РУДАК

г. Петрозаводск

Все должно быть идеальным

*Все должно
быть
идеальным*

рассказы

Первая буква получилась не совсем обычной, не кривой, а неуклюжей, что ли. Не так он пишет букву «Б». Не так. Столько лет подписывался без помарок, а тут взял и так вот опростоволосился. В школьные времена списывал листы бумаги, стараясь все довести до автомата. Буриков. Ровненькие, старательные буквы, практически без наклона. Виновата Стремкина Алевтина. И вовсе не потому, что мы всегда стремимся найти того, на кого все можно свалить. Не вовремя она подошла с конторскими бумагами. Не вовремя. Или лучше будет сказать, что неправильно подошла. Чуть не под локоть толкнула. Николай несколько раз порывался выйти из троллейбуса, чтобы вернуться в контору. Можно ведь распечатать новую бумагу, на которой он поставит правильную подпись. И ему спокойнее, и документ будет более привлекательно смотреться. Он два раза провел пером ручки по букве «Б», отчего она стала слишком жирной. Два раза! Да он в жизни так не делал. Почему он сразу не сказал Стремкиной, что надо новую бумагу, почему он не настоял на этом? Мог же. Взял бы да измял испорченный лист, чтобы она не успела его отговорить. Порвать его в клочья надо было, а не церемониться. Нечего с этими бабами рассусоливать. Уж это он хорошенько усвоил, тут ничего не скажешь. Копили они с одной дамой деньги на совместный отдых. Сам же ей и доверил сбережения. Связался с проституткой. Пожалел, когда она плакала, сидя на скамейке, во дворе его дома. Только он щедро намазал свежую французскую булочку финским маслом и уложил поверх голландский сырок со множеством дырочек, как увидел в окно ее. Выглядела она трогательно. Хотелось пригреть ее, успокоить. Спустился вниз. Подошел и спросил, что случилось. В общем, все традиционно.

Конечно, перед этим переоделся. Нельзя же выскочить на улицу в спортивных брюках, купленных на распродаже в торговом центре. Сначала решил, что его мечта сбывается прямо на глазах. Несчетное количество раз Буриков представлял себе, как помогает какой-то девушке или женщине, хорошо сохранившейся, преодолеть жизненные невзгоды. Внешностью он не мог особо похвастаться, но и лошади от него в испуге не шарахались. Немного полноватый. Евнухоидный тип. Это со слов врача, который беседовал с его мамой за складной ширмой в кабинете. Они думали, что он не слышит. Все он слышит. Еще как. На слух никогда не жаловался, жаль только, что этого недостаточно, чтобы нравиться женщинам. Им же безразлично, какие у мужчины уши. Вот если их совсем не будет, это может стать проблемой, а отменный слух ничего не значит в сложном лабиринте межличностных отношений. Чем меньше у мужчины было женщин, тем он наивнее и доверчивее. Все равно что ягненок на гнущихся ножках с глазами-пуговками. Бери голыми руками и пускай на шашлык. Так с ним и расправилась проститутка. Каждую сотню с радостью отдавал ей. А она укладывала ее в коробку от туфель, оклеенную их фотографиями, и радостно вскрикивала, что скоро они полетят на Кубу. Потом вскрикивала, что совсем скоро полетят на Кубу. Потом, что вот-вот полетят. Ну а потом сама улетела вместе с коробкой. Только ободренные фотографии валялись повсюду. Как она могла себе такое позволить? Как? Сам задавался этим вопросом и у знакомых спрашивал под видом рассказа о некоем друге, с которым так вот поступила одна особа. Даже в женский журнал написал письмо, полное гнева, от имени Стремкиной Алевтины, в котором она кропотливо описывала, как одна девица обманула ее интеллигентного брата. Иногда, если уж говорить начистоту, чуть не писался от радости. С романтикой подобных масштабов Буриков не сталкивался ранее никогда. Поездка на Кубу, пусть даже с бывшей проституткой, манила радужными перспективами. Сигары, кубинцы, странный, разноцветный, будто самодельный, а может, и действительно самодельный, транспорт. В

глубине души он чувствовал себя ловцом душ человеческих. В хорошем смысле. Сам старался вести чистый образ жизни, не мараясь в пороках, и другим в этом помогал. Хотя как измерить глубину души? Она же не колодец. Привязал груз к веревке и спускай вниз, пока в дно не упрется. В душу ведь веревку не спустишь. Проститутка – звучит грубо. Женщина, вынужденная торговать собственным телом, так будет лучше. Никто не может кинуть в нее камень, так как сам обязательно в чем-нибудь грешен. С такими словами он ввел ее в свой дом. Ехать-то ей было некуда. Притон закрыли, зарплату, или что там у них, ей никто, естественно, не выдал. На вид она не была прожженной грешницей, скорее наоборот, ландышем, который сорвал грязными ручищами некий злыдень. Буриков налил гостю грибного супа со сметаной. Понятно, что грибы не свежие, но собственного сбора. Замороженные. Едва коснулся ее смуглого плеча, как бы невзначай, когда шурувал половником в кастрюльке, отлавливая более крупные грибы, потом еще раз, когда хлеб подавал, который она не сразу взяла, а чуть погодя. С небольшим стеснением. Как щенок, который доверяет вам, но еще побаивается, отбегая в сторону и тут же возвращаясь. Кто же знал, что этот кутенок разинет свою черную пасть и сожрет доброе сердце Бурикова, даже не поперхнувшись. Еще разок он коснулся ее, когда заботливо вытирал стол и убирал сметану в холодильник. Ставил банку на полку, а сам жмурился от навалившегося доброй тяжестью счастья. В эту же ночь она легла рядом с ним, обвив его евнухоидное тело своими тонкими благодарными руками. Ей было постелено в другой комнате. Пыхтел с пододеяльником и приказывал себе мыслить философски. Он самурай. Меч – символ страстей, которые должны удерживаться в ножнах. Использовать меч можно только в благородных целях. Во спасение бедных и отверженных. Всю мощь страстей направляя в русло благородства... Но только позови она его хоть одним полусловом... только дай намек, что тоньше пузца гусеницы, как он бросился бы к ней, гулко стуча пятками по полу... От ее прикосновений он вздрогнул и чуть не заплакал, ведь женщины чаще прика-

сались к скелету ящера в палеонтологическом музее, чем к нему. Его не трогали очень давно. Он девствен, как пыль Луны. За исключением тех холодных и безучастных прикосновений на профилактическом осмотре в медицинском кабинете припомнить было нечего. Она была отважным археологом, раскопавшим и расчистившим от вековой пыли стойбище, где были сокрыты его пылкие чувства.

Да всем же только лучше будет, если он исправит эту никуда не годную подпись. Понятное дело, что сейчас контора уже закрыта, только сторож там сидит, но ведь можно в порядке исключения вызвать Алевтину, чтобы она приехала. Да он такси оплатит, если потребуется. Даже может вызвать такси, приехать за ней, чтобы вместе до конторы добраться. Буриков подпишется тем самым Буриковым, а не абы как. Все должно быть идеально. Нет, понятно, что все относительно. Понятно, что вы не можете быть в ответе за все беспорядки, происходящие в мире. Но у каждого есть свой малюсенький лоскуток на карте мира, за который только он несет ответственность. Вот тут-то и нужно постараться. Каждый может научиться что-то делать идеально. Пусть даже ставить подпись. А что не так? За всем не уследить. Но фамилию же можно написать ровно, как следует, отчетливо. Как было заведено ранее. Одно дело, если бы он сознательно решил бы изменить ее написание. Вот стукнуло ему сорок лет, и понял он, что пора что-то делать со старой подписью. Может, как-то подправить, чтобы она стала солиднее, если, конечно, до этого она была простенькой, смахивающей на детские каракули. Какие, к примеру, были подписи у известных людей? Чаше это размашистые росчерки, которые всем своим видом говорят, а то и кричат, о величии. Сразу понятно, что это не простой обыватель подписывается, а гений. Зачем обычному человеку красивая подпись? К чему тратить время на то, чтобы ее придумать, разработать, а потом еще тренироваться? За это время простой человек может сделать много полезного. Да не одну табуретку смастерить. Сколько можно уже об этом думать. Буриков понимал, что человек

он некрасивый, обычный. Нет, не обычный, а хуже. Евнухоидный. Одно слово. Всего одно гадостное слово. Будто ребенок камешек бросил в мутную лужу. Раз — и думать забыл. Ярмо на всю жизнь. Стучит в висках, толкается в груди, мутит сознание. Вообще, будь он потчаяннее, то разобрался бы круто с некоторыми товарищами. Ох, разобрался бы. Они бы просили пощады, а он был бы неумолим! Он сам как то ярмо. Хомут бестолковый. Куда повесили, там и висит. Покорно. Хомуту все одно. Он же слова не скажет поперек. Сам не соскочит с гвоздя, не побежит. Красивый автограф у Уолта Диснея, а вот у Стинга простоватый, как будто и не Стинг вовсе подписывался. У Рэя Чарльза — отчетливо и величественно. У Бурикова тоже подпись не самая последняя в этом мире. Он, простите, не табуретки мастерит. Раз к нему приходят с бумагами, пусть под локоть чуть не толкают, но все-таки. Буриков. Буриков. Буриков. Все ровно. Буква к букве.

Душа «хонды»

Витя, громко чавкая, съел бутерброд с обветренным сыром, вытер руки влажной салфеткой и тихонько заплакал. Так плачут взрослые люди, когда у них умирает какое-то близкое домашнее животное. Кот, собака, коза или корова. Слезы не прятал. Одной рукой держался за руль, в другой сжимал пластиковый стаканчик с остывшим чаем.

— Она же родная для меня, как женщина, которая всегда была рядом. Терпела меня, любила и все прощала, — он смотрел сквозь пыльное лобовое стекло, куда-то вперед на потемневшие листы железа, которыми была обшита будка. В маленьком окне суетливо мелькала фигура Анатолия. Он нарезал хлеб, копченую колбасу и сыр. Ему жутко нравилось философствовать между мелкими кражами и бесконечными ремонтами автомобилей. Сесть во дворе на дно перевернутого ведра и поразмышлять о том, что у машины есть душа. Она ведь абсолютно все понимает, только что не разговаривает. Ломается, когда ей что-то не нравится в поведении хозяина. Капризничает. И дело здесь вовсе не в

своевременной профилактике, а именно во взаимоотношениях человека и машины.

Виктор прощался со своей «хондой». Было тоскливо, радость от приобретения новой машины, конечно, присутствовала, но ему и в голову не приходило, что расставание будет таким тяжким. Скоро приедет новый хозяин и увезет ее в другой район Москвы. Навсегда. Толя принес бутерброды, аккуратно уложенные на куске фанеры, покрытой чистой тряпицей, и фарфоровый заварной чайник с синими фигурками китайцев, облаченных в средневековые наряды.

— У нее есть душа. Она живая.

— Еще бы! — охотно согласился Толя, потому как сам был заядлым автомобилистом. Мог собрать из полной развалюхи вполне приличное средство передвижения.

— Зато теперь у тебя серебристый универсал. Японский, — я попытался поддержать Витю, не понимая, с чего это он раздул из обычной продажи своей древней «хонды цивик» церемонию прощания. Осталось только поставить диск с тоскливой классикой и полностью погрузиться в темные глубины холодного отчаяния.

— Хотите, я покажу вам, какой аккумулятор мне удалось утром спереть? И не только аккумулятор, а еще и две нулевые крышки с домкратом, — Толя любил публично красоваться своим мелким воровством. Увлеченно рассказывать, как ему удалось где-то что-то незаметно прихватить.

— У Федорчука закрылась ремонтная мастерская. Я заглянул посмотреть. Благо тут рядом. Захожу в цех, вижу, что у стеночки красуется новехонький аккумулятор. И подает сигналы, мол, заберите меня отсюда, Анатолий, в добрые руки. Я человек приличный, поэтому, прежде чем что-то присвоить, советуюсь с совестью. Но руки у меня уже зачесались, прямо как у тещи. У нее аллергия какая-то жуткая. Дерет руки так, что спать невозможно, хоть связывай ее.

— Ты что, с тещей спишь? — Витя неожиданно отвлекся от тяжких раздумий.

— Мы с женой у нее ночевали, когда полы красили у себя в квартире. Видел бы ты мою тещу, да и вообще, я же не придурок какой-то. Мне только не хватало родственных сексуальных связей. Я что, с дуба рухнул?

За «хондой» приехал мужчина небольшого роста в сером плаще и шляпе с широкими полями. Он протиснулся в щель между створками ворот и быстрым шагом направился в нашу сторону. Витя нехотя вылез из машины. Провел по крыше рукой.

— О, смотрите-ка, шпион пожаловал, — Толя не мог удержаться от комментария.

Когда шпион подошел ближе, Витя натянул улыбку и пожал ему руку. Толя зачем-то сказал, что сегодня, возможно, будет дождь, и предложил покупателю чая, указав на чайник с китайцами. Тот отказался, сославшись на то, что перед выходом из дома выпил несколько бокалов, погладил себя по пузу и добавил, что еще по дороге купил банку охлажденного спрайта. Все это он проговорил, не отводя глаз от чайника. Потом извинился и поинтересовался, не продается ли он. Оказалось, что его страстно интересуется китайская культура.

— Мне хоть и по барабану китайская культура, но чайник мне дорог по другим причинам, — сказал Толя.

— Можно узнать, по каким? — шпион подтолкнул указательным пальцем сползшие очки.

Толя не стал рассказывать ему о том, каких трудов ему стоило то, чтобы незаметно вынести этот самый чайник из китайского ресторана. Уж очень там были бдительные официанты.

— Это очень личная история, которая все еще берedit мое сердце, поэтому я предпочту воздержаться от ностальгических излияний и откровений.

Мужчина передал Виктору деревянную коробку от сигар с деньгами, сел в машину и уехал. Витя снял на свой айфон, как машина исчезла за воротами. Его глаза вновь заблестели.

— Хоть бы посигналил, что ли, — Толя нервно сплюнул.

— Зачем? — спросил я.

— Вообще-то, так принято у нормальных автомобилистов, мол, все нормально, ребята, я поехал, спасибо, желаю вам удачи. Мы же ему не посторонние люди. Еще к чайнику привязался. Коллекционер хренов. Витя, я уж не стал говорить, что ты собрался жениться на китаянке, подумал, что он тебе тогда вообще весь

мозг выест своими вопросами. Не понимаю тебя. Далась тебе эта китаянка, тебе что, своих девок мало? В общем, осуждаю я твой выбор.

— Значит, иметь японскую машину — это хорошо и достойно, а жить с китаянкой — плохо? — Витя просматривал прощальное видео на дисплее айфона.

— Ты уж не сравнивай несовместимые вещи. Машину и человека в один ряд не поставишь.

— Ты же сам соглашался с тем, что у машины есть душа, а теперь, значит, не сравнивай. Какая вообще разница, кто с кем живет, главное, чтобы гармония была. Разве нет?

— Все верно. Я от своих слов не отказываюсь. И гармония нужна, и душа в обязательном порядке есть у машины. Но ты пойми, что у них другая культура. Они же червяков и жуков едят. Вот я белорус, а жена у меня украинка. Мы никогда не едим всякую пакость. Мясо, рыба, картошка и хлеб. Мы же все свои. Бывший Союз.

— Чего же вы тогда лааетесь с женой как дворняги? Торчишь в этом гараже безвылазно, крутишь гайки, вместо того чтобы наслаждаться идиллией совместного проживания участников бывшего Союза. Джиао не ест червяков, чтобы ты знал.

— Ладно, не будем, — Толя безнадежно махнул рукой, взял чайник и пошел к себе в будку. Тонко скрипнула входная дверь, — без обид.

— Увидимся! — крикнул он и скрылся в недрах своего жилого пространства.

Ближе к ночи он мне позвонил и сказал грустным голосом, что само имя Джиао уже какое-то непонятное. То ли дело Люся, Галя, Надежда, а тут какое-то адажио-мажио. Что бы там Витька ни думал себе, скажу точно, что он кардинально не прав. Потому как находится в красивом, но придуманном мирке. Многие он поймет, когда его китайская подружка со своими родственниками переедет к нему, а самого Витю они отправят в Пхеньян возвращать рис. Я поправил Толю, что Пхеньян — это столица Северной Кореи, а в Китае Пекин, но он как будто пропустил мимо ушей мое замечание.

От телевизора я избавился. Поставил его возле мусорного бака, где он не простоял и пя-

ти минут, тут же был прихвачен двумя молодыми парнями, которые резво потащили его в сторону университетской общаги, находящейся на противоположной стороне дороги. В какой-то момент я понял, что необходимость в говорящем ящике полностью отпала, и расстался с ним, не испытывая даже малейшего сомнения. Я вышел на балкон. Москва уже клевала носом. Во дворе тявкала собака. Уличный фонарь отсвечивал в ее глазах зловещим зеленым светом. Из соседнего окна доносился бойкий голос диктора вечерних новостей, который сообщил, что несколько часов назад водитель «хонды цивик» столкнулся с бензовозом на МКАД.

Интро

Ивсе, что бы я ни сказал, — это неправда. И здесь, о чем бы я ни думал, — это не мое. Я здесь, но меня как будто нет. Все распадается на части. В этом бесконечном хаосе тщетны попытки как-то обустроиться. Сделайте перепост. Сделайте перепост. Все хотят, чтобы вы сделали какой-то перепост. Слова. Их можно сметать веником в совок. Любые слова ничего не весят. И весело мне, когда открывается множество дверей. И грустно, когда все они в одночасье захлопываются с торжественным грохотом, полоснув ярким лучом надежды, как самурайским мечом по оголенной душе. Слово «надежда» мало кто любит. Оно затертое. Армия копирайтеров и рерайтеров затаскала самые дорогие нам слова, сделав их инструментом для торговли. Покупателя надо заинтересовать. Вдолбить в самое темя, что ему хана, если не он обретет необходимый товар, о существовании которого две секунды назад не подозревал. Не разевай рот, балбес! Все друг друга хотят заинтересовать, чтобы извлечь хоть какую-то выгоду. На коробках с соком, изготовленном на пригородном заводе, куда натуральная ягода даже случайно не закатывалась, опытные мастера слова описывают сказочный мир, в котором живут совсем другие люди, озабоченные только тем, как бы нам угодить, как бы сделать так, чтобы мы питали свои организмы натуральными вита-

минами. Никто не станет сообщать, что это обычная вода, разболтанная с искусственным концентратом. «Душа» тоже затасканное слово. Все о ней говорят и поют. Пустобрехи. Ваше место в заброшенной угольной шахте. Хотят подобраться поближе. Проникнуть. Пощупать. Управлять ею. Она есть, но ее как будто вовсе нет. Она то в пятках, то в груди, то в голове, то где-то в животе. Поймать бы ее.

А ты как будто все такой же. На коне. Но невидимые тонкие и строгие нити не дают подорваться с места. Как только задаешь себе вопрос: «А тот ли я, что был когда-то?» — тут же меняешься. Как рожа бугая, у которого лопнули штаны на заднице, когда он поднимал с пола колбасу. Этот предательский вопрос. Это вопрос — гад! Который существует отдельно от всех других вопросов, он чужой. Он произведен не в твоём сознании. Нет. Сделано на другой фабрике. «А тот ли я, что был когда-то?» Как щелчок выключателя. Как щелчок по носу. Ты стал другим.

Приятная новость. Я познакомился с женщиной. Да-да-да. Миллиарды людей снуют по планете, а познакомиться с ними трудно. Это даже при том, что сейчас возрос туристический обмен. Раньше люди сидели по своим странам и варились в собственном соку. То есть в каждой стране и отдельно взятом городе женщин стало больше. Хреново жить в городе, который не имеет никакого интереса для туристов. Я познакомился с женщиной, которая попросила меня прочитать ей рассказ какого-то Горохова. Еще она сказала, что любит яркие краски, поэтому у нее сумка и туфли красного цвета. Это придает ей решительности и уверенности. Я задумался. Скажите мне, дураку, каким образом цвет может придать решительности? Если я напялю фиолетовый пиджак, то это как-то может подействовать на мой характер? Я решил поделиться с ней своими мыслями. Подал их аккуратно. Как рыбу фугу. Видимо, что-то не так вышло с рецептом. Мы начали ругаться. Она все не так поняла. Чтобы как-то ее успокоить, я начал читать рассказ Горохова.

Песнь о захвате имени Баренцева автор Горохов

Дисциплина ума. Я ем суп, просто ем суп с черным хлебом с маслом и горчицей. Так не хочется быть предсказуемым. Я ем суп. Чтобы мысли не разлетались по сторонам, необходимо проговаривать свои действия.

Прежде чем продолжить чтение, я хочу заметить, что не понимаю черного хлеба с семечками. Он вообще для людей или для птиц? Зачем вы кладете в хлеб эти зерна? Куда подевались русские краюхи с поджаристой корочкой? Продавливаешь пальцем на бутылке с молоком пробку из фольги, надкусываешь с хрустом кусок, подносишь к губам широкое горло и жадно пьешь. Если вы помните утренний звон бутылок в железных молочных ящиках, то вы счастливый человек. И подгорелые деревянные лотки для хлеба. В торце дома, в котором находился магазин, было прорублено окно, там исчезали лучшие продукты мира.

Степан вышел из дома. Направился в сторону улицы Шотмана. С торца дома был вход в почтовое отделение, над которым висела вывеска, сохранившаяся еще с давних времен. Он остановился. Когда-то на этой вывеске горели выгнутые из матовых стеклянных трубочек буквы. В детстве руки так и чесались их поколотить вдребезги. Они взрывались, издавая какой-то по-змеиному шипящий звук. Но в своем дворе не очень-то разойдешься. Повсюду скрывались пенсионерки-наблюдатели, которые в любой момент были готовы поднять шум. Сбегутся и начнут кричать на весь двор. Особенно одноручная баба Дуня. Говорят, в молодости она попала под пассажирский поезд. Представляете, люди едут в отпуск на юг. Они долго трудились у себя на севере. За окном мелькают нехитрые строения, а под колесами валяется отрубленная рука, окрашивая кровью просмоленные шпалы. Крик тонет в грохоте колес и протяжном гудке паровоза. Тело, отброшенное на насыпь из щебня, извивается от боли. Скорее всего, она потеряла сознание и просто лежала, не издавая ни звука. Людмила Евсеева предположила, что Дуню сил-

ком оттащили к железнодорожным путям и бросили под колеса. Других вариантов быть не может, потому что не могла Дуня вдруг оказаться возле путей. Ну не могла. Но Людмиле возразили, что пассажиры увидели бы, как Дуню тащат к поезду. Сообщили начальнику поезда, а тот бы дернул стоп-кран. Людмила сказала, что никакого пассажирского поезда не было. Ее толкнули под товарный состав. Эта версия придавала таинственности. Некоторые стали более внимательно присматриваться к Дуне.

Когда она сильно нервничала и ругалась, ее культя бойко трепыхалась под коротким рукавом легкого летнего цветастого сарафана. Издалека она напоминала Степану огромную бабочку, которая примостилась ей на плечо. Всем казалось, что баба Дуня злая из-за того, что у нее не хватает руки. Конечно, кто будет радоваться такому несчастью? Но ее не называли инвалидом. Для всех она была обычная бабуля без руки. Подметала двор, мыла подъезд и выносила ведра с мусором. Еще она затягивала узел косынки, прихватив один угол зубами, а второй быстро тянула здоровой рукой. А потом им с дочкой дали двухкомнатную квартиру в другом районе. Какое-то время она еще приходила навестить подруг, рассказывая звенящим голосом о том, как они хорошо обустроились на новом месте. Гладила крупного дворового пса Арга, который укладывался к ее ногам. Без ее криков во дворе стало значительно спокойнее.

Я испытываю неприязнь к обычным человеческим радостям. Почему-то кажется, что люди рождены для свершения других дел. Люди все время что-то друг другу говорят. Некоторые вообще не могут молчать. Им кажется, что если они перестанут разговаривать, то жизнь остановится. Если своих мыслей нет, то они занимаются пересказом сериалов, передач, новостей и выступлений политических деятелей. Их разум, как забытый на огне котелок с кашей, бестолково бурлит, погрохатывая приплясывающей крышкой. Ученые во все голоса кричат, что человечество утратило свои сакральные знания. Ранее оно было мудрее. Все растрясло по ухабистой дороге к цивилизованному обществу. Изви-

ните, что отвлекся от чтения рассказа. Немедленно продолжаю.

Степан пересек дорогу. Пошел вслед за троллейбусом, который медленно тащился к конечной остановке. На задней площадке, вцепившись в поручень, стояла девушка. Она казалась милой.

— Извините, вы не видели ничего подозрительного? — Степан оглянулся и посмотрел на человека в Железнодорожной форме с фуражкой полицейского.

— Что вы имеете в виду?

— А что можно иметь в виду, когда спрашиваешь человека, не видел ли он что-нибудь подозрительное? — Железнодорожник сунул руки в карманы кителя, выставив большие пальцы наружу.

— Нет, я не видел ничего подозрительного.

— А кого-то подозрительного?

— И кого-то тоже не видел. А почему у вас такая форма? Как будто железнодорожная, а шапка полицейская.

— Это не шапка, а фуражка. Вы что, в армии не служили?

— А как тогда называется ушанка с кокардой?

— Шапка.

— Значит, все-таки военный головной убор может называться шапкой?

— Это же очевидно, что ушанка является шапкой. Я служу в смешанных войсках, — он оглянулся несколько раз, — пресекаем различные нарушения на железной дороге и прилегающих территориях. А вы куда направляетесь?

— За самсой с картошкой. В кафе, — Степан показал рукой в сторону небольшого деревянного здания, ютившегося возле дороги.

— Бывший мебельный магазин. Мне когда-то мама там купила раскладной диван с клетчатой обивкой. Вы про захват Баренцева слышали?

— Нет. А кто его захватил?

— Он изобрел прием. В борьбе что-нибудь смыслите?

— Немного понимаю.

— Обычно так говорят те, кто вообще в борьбе ни бельмеса не смыслит.

— Мне нравится больше хоккей.

— С другой стороны, вы и не должны его знать. Он секретный. Разработан специально для смешанных войск. Вы собаки здесь не видели?

- Собаки?
- Да. Я же говорю, что собаки.
- Видел, там во дворе. Маленькая.
- Нет. Мне нужна большая.

Степан решил, что разговор окончен, прибавил шагу.

— Не спешите вы так. Это хорошая идея — самса. Они ее делают в тандыре. Я им предложил слоган «картошка в мундире, а тесто в тандыре». Но они сказали, что не делают картошку в мундире. Тоже мне, блюдо великой сложности. Постойте. Я вам покажу захват Баренцева в обмен на самсу. Хотите?

— Не уверен.

— Вы больны? Неважно выглядите. Желтушный будто.

— Нет, я себя превосходно чувствую.

— Тогда борьба? — железнодорожник приободрился.

— Здесь? Троллейбусы же ходят.

— Вы думаете, если на вас захотят напасть, то сначала предложат пройтись на полянку? На счет три я вам покажу захват Баренцева. Раз-два-три, — железнодорожник кинулся на Степана. Не успев ничего сообразить, оказался на земле, сильно ударившись затылком об асфальт. Фуражка отлетела в сторону.

— Ты меня не помнишь? — морщась от боли, пробормотал железнодорожник.

— Нет, — Степан ослабил хватку.

— Виктор Сельянов. Я жил в первом подъезде. А ты в четвертом. Где баба жила с культей, похожей на огромную бабочку... Степан, купи мне, пожалуйста, самсу...

— У вас все в порядке?

Степан оглянулся. Это была девушка из троллейбуса. Склонив голову чуть набок, она улыбалась. Ему захотелось сказать ей, что он готов прожить с ней всю оставшуюся жизнь. Не разлучаясь ни на минуту.

— Вот она. Вот она! — железнодорожник вскочил и побежал за большой лохматой собакой.

А еще, если выбросить из головы все эти гороховские бредни, то мне приходит на память то, как мы ходили с бабушкой собирать щавель возле старого кладбища. За каменной оградой среди дремучей чащи стояла деревянная церковь, окруженная покосившимися крестами. Она потом сгорела. Все, что у нас остается к старости, так это тонкая нить пульса, на которую нанизаны крохотные разноцветные бусинки воспоминаний.

□

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, кинорежиссер.

Публиковался в журналах «Север», «Новая юность»,

«Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Carelia».

Автор книги «Вечный сахар» (2009).

Рассказы и повести переведены

на финский и немецкий языки.

Лауреат национальной премии имени Елены Мухиной

в номинации «И слово отзовется...».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

**Елена
ДУБРОВИНА**
Филадельфия,
США

ИВАН САВИН (1899–1927)

Я в сердце впрыскиваю пряный
Тягучий кокаин стихов.

Иван Савин

В «горячую, душную ночь» 12 июня 1927 года в пять часов утра на 28-м году жизни в Финляндии скончался от заражения крови после операции аппендицита белый офицер, русский поэт Иван Савин (Саволайнен), названный «поэтом Белой мечты». Умер, как и жил, в страшных муках. Его похоронили на гельсингфорсском (теперь хельсинкском) русском православном кладбище. На могильной плите – строки из его известного стихотворения: «Всех убиенных помяни, Россия, / Егда приидеши во Царствие Твое». И надпись: «Иван Иванович Саволаин. Поэт Иван Савин. 1899–1927».

Вот что пишет о последних минутах его жизни жена, Людмила Владимировна Савина-Сулимовская: «Савин нацарапал на листке бумаги: «впрыснуть морфий... доктора», но было поздно. Укол не помог. Поэт затих и долго смотрел прямо перед собой в огромное окно, куда

заглядывали ветки деревьев, потом осенил себя широким крестным знаменем и сказал ясно и тихо: «Господи». Это было в пять часов утра, в день святого Петра и Павла, в 1927 году, в Хельсинки, Финляндия».

Жизнь Ивана Савина оборвалась почти в самом начале творческого пути. Он был человеком глубоко верующим, и потому смерть поэта означала не потерю жизни как таковой, «а облечение в жизнь вечную» (апостол Павел), ибо смерть это еще не завершение жизни, а только продолжение ее, нашедшее воскрешение в творчестве. Георгий Иванов писал о том, что дело поэта любой ценой, даже ценой жизни, «создать кусочек вечности». Иван Савин умер совсем молодым, но он оставил нам стихи-документы о том времени, в котором жил.

На смерть Савина в газете «Возрождение» Иван Бунин писал: «После долгой и тяжелой болезни скончался в Гельсингфорсе молодой поэт и молодой воин – Иван Савин... То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незаб-

венную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно». На раннюю смерть поэта отозвался также Илья Репин, считая ее «невознаградной потерей» для русской литературной диаспоры.

* * *

Иван Савин, настоящая фамилия которого Саволайнен или Саволаин, русский поэт, писатель, журналист, участник Белого движения, эмигрант первой волны. Вот как описывает его Людмила Савина-Сулимовская: «Высокий брюнет, небольшие мягкие глаза под густыми бровями. Во всей его фигуре была необычайная элегантность».

Родился Савин 29 августа 1899 года в Одессе. Дед его по отцу, Йохан Саволайнен, был финским моряком, осевшим в России и женившимся на гречанке, которую встретил в Елисаветграде. Их сын, Иван Саволайнен (старший), нотариус по профессии, был человеком русской культуры. В одной из деловых поездок Иван Иванович без памяти влюбился в молодую помещицу, вдову, Анну Михайловну Волик. Отец ее был молдаванин, из старинного рода Отян, мать Анны Михайловны была русская. Хотя Анна Волик была старше Саволайнена на десять лет и у нее к тому моменту уже было пятеро детей, для Ивана Ивановича это не было препятствием – брак был заключен по страстной любви. У супругов родилось еще трое детей: Иван, Николай и Надежда (Диля). Но через несколько лет они разошлись и в продолжение шести лет не встречались. Однако у всех восьмерых детей была на всю оставшуюся жизнь настоящая родственная связь и любовь.

Детство и юность Ивана Савина прошли в казачьем городке Зеньков Полтавской губернии, где семья жила обычной спокойной провинциальной старосветской жизнью. Первое стихотворение было написано Иваном в одиннадцатилетнем возрасте, а в пятнадцать его стихи впервые появились в печати. Так вспоминает о своем детстве поэт:

*И смеялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чем не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня – земля.*

Но «сладкое житье» поэта было недолгим. Как

и многие мальчики того времени, всем сердцем верящие в спасение России, он присоединился к Белому движению. Генерал Врангель писал: «Белая борьба – это воспитание десятков тысяч юношей – сынов будущей России – в сознании долга перед Родиной». Для Савина это была борьба светлых и темных сил, борьба добра и зла. Студент Харьковского университета, он в возрасте девятнадцати лет пошел добровольцем в кавалерию армии генерала Деникина. Вспоминая то время, Савин позже напишет: «...Отзвучали раскаты орудий на русско-германском фронте. Загрохотала февральская революция, потом октябрьская. В бешеной смене надежд и отчаянья, недолгого хмеля и долгой крови пронеслись над нашим южным городом десятки властей, армий, правителей и самозванцев». Как участник Гражданской войны Иван Савин сполна хлебнул всей ее горечи и жестокости. А ведь поэт когда-то писал:

*Я был рожден для тихой доли.
Мне с детства нравилась игра
Мечты блаженной. У костра
В те золотые вечера
Я часто бредил в чистом поле,
Где щедрый месяц до утра
Бросал мне слитки серебра
Сквозь облачные веера.*

Но времени для мечтаний уже не оставалось. Поэт очутился перед жестокой действительностью, не отвечавшей его юношеским иллюзиям. Вся семья Ивана встала на сторону Белой армии и была сметена ураганом революционных событий и войны. Две его сестры, всегда окруженные любовью и заботой родителей и братьев, умерли от лишений и голода во время Гражданской войны.

Сестрам моим, Нине и Надежде

*Одна догорела в Каире.
Другая на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!*

Два старших брата, михайловские артиллеристы, были расстреляны в Крыму, в Симферополе в ноябре 1920 года. Коля, пятнадцатилетний мальчик, служивший в синих кирасирах, погиб в бою. Борис был зарублен под Каховкой красными. Братьям он посвятил повесть «7000 расстрелянных» и позже – свои лучшие стихи.

Братьям Михаилу и Павлу

*Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла яма,
Сынами вырытая в проклятых песках...*
-----

*И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,*

*Вдруг начал петь – и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во Царствие Твое.*

В этих стихах Савин изображает действительность происшедшей катастрофы, обыденной – «и тополь чуть желтел в невидимом луче», и неприкрашенной – «и старый прапорщик во френче рваном». Переход из мира детской мечтательности в мир чужой и жестокий переживался поэтом мучительно. События, которые произошли в его стране, ввергли его в отчаяние, разрушили его идиллию счастья, когда «были буйные услады и гордой молодости лет...». А теперь – «рука протянутая молит о капле солнца». Его лирический герой на пороге раздумий – горе вторглось в его внутренний мир, изменив суть его существования. Савин рассказывал о происходящих событиях как непосредственный их участник, «господом поставленный в дозоре», как человек, переживший эту катастрофу и скорбящий о погибшей России:

*Я – Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветренем просторе
Изошла в моленьях голова.*

*Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море?!*

С такой же горечью описывала поражение Белой армии поэтесса Алла Головина: «Как бились страшно наши под Каховкой, / Мучительно отстаивали Крым. / Серебряною маленькой подковкой / Луна всходила через белый дым». Во время крымского отступления Иван Савин заболел тифом. Когда пал последний рубеж обороны Перекопа, Савин находился в Джанкое, в госпитале. Так

как он был болен, его не могли эвакуировать, и поэт оказался в плену. Вот что писал о его пленении Иван Бунин: «После падения Крыма он остался, больной тифом, на запасных путях Джанкойского узла, попал в плен... Узнал глумления, издевательства, побои, голод, переходы снежной степи в рваной одежде, кочевания из ЧЕКИ в ЧЕКУ...»

Все пережитое Савин опишет позже в очерке «Плен», художественном документе о революции и Гражданской войне, об испытаниях, выпавших на долю тех, кто попал в плен к красным. В «Плену» Савин рассказывает о самых бесчеловечных деяниях и преступлениях, которые совершались постоянно и повседневно, когда человек должен был быть или хищником, или беззащитной жертвой. Вот как Савин описывает Джанкой в этой повести: «Джанкой – так похожий на еврейское местечко Юго-Западного края, не будь в нем чего-то татарского, – спал или притворялся, что спит, и в этом обычном для периода безвластия безмолвии было что-то зловещее, жуткое». В этом зловещем безмолвии пленные подвергались издевательствам, царила атмосфера морального и физического унижения. Многие литературоведы считают «Плен» предтечей шаламовской прозы, хотя повесть эту можно назвать предшественницей не только «Колымских рассказов» В. Шаламова, но и многих рассказов и романов, описавших советские лагеря в русской литературе: «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Погружение во тьму» О. Волкова и других, где основной темой, как и у Савина, была тема существования человека в нечеловеческих лагерных условиях.

Некоторые однополчане Савина оказались в тяжелых условиях галлиполийского лагеря. Но Савин переживал еще более кошмарные дни пленения у красных. Ростислав Полчанинов писал, что галлиполийцы склоняли голову перед стойкостью Ивана Савина, с которой он перенес выпавшие на его долю муки. Они признали его своим галлиполийцем, рыцарем Черного креста – того самого, который они носили с гордостью на своих военных гимнастерках, а потом на штатских костюмах. Слово «Галлиполи» для белых эмигрантов было символом готовности к борьбе с красными. Вот строки из стихотворения Ивана Савина, посвященного мужеству галлиполийцев:

*Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, вы, гордые, выпили*

*И не бросили чаши... В Галлиполи
Засияла бессмертьем она.*

*Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит ваш последний очаг –
Крестоносного ордена стяг
Реет в сердце, как реял в Галлиполи.*

*Вспыхнет солнечно-черная даль,
И вернетесь вы, где бы вы ни были,
Под знамена... И камни Галлиполи
Отнесете в Москву, как скрижаль.*

Пройдя через бесчисленные допросы, Савин наконец был освобожден. «Чтобы избежать расстрела, он сжег свой офицерский мундир и утверждал, что был простым полковым писарем» (В. Синкевич). Однако полностью оправиться от ран и болезни он уже не мог – потеря родных и избиения в ЧК сильно расшатали не только его физическое здоровье, но и нервную систему. Вскоре с помощью своего солдата-улана Савину удается добраться до Петербурга, где он встречается с отцом. Прожил он в этом городе в невероятно тяжелых условиях. В стихотворении, посвященном матери, Савин пишет в том же году из Петербурга:

*Жизнь ли бродяжья обидела,
Вышел ли в злую пору...
Если б ты, мама, увидела,
Как я озяб на ветру!
Знаю, что скоро измочится
Ливнем ночным у меня
Стылая кровь, но ведь хочется,
Все-таки хочется дня.*

В 1922 году отцу и сыну удалось получить разрешение на выезд в Финляндию, так как благодаря происхождению отца финские документы у них были в порядке. Отец и сын приезжают в Хельсинки без средств к существованию. В Финляндии Иван Савин попадает сначала для лечения в санаторий, где проводит восемь месяцев, пытаясь поправить свое подорванное войной и пытками здоровье. В Хельсинки русской интеллигенции приходилось братья за любую тяжелую работу; бывшие офицеры становились рабочими. Конфетную фабрику «Фацер» называли «русской академией». Трудились русские эмигранты и на колбасной фабрике «Маршан», и на Кабельном заводе. Сначала Ивану Савину пришлось работать грузчиком, но потом он и его отец находят работу на сахарном заводе. В это время в Париже русский поэт-эмигрант князь Федор

Касаткин-Ростовский писал в своем известном стихотворении «Грузчики»: «Мы – грузчики, мы разгружаем вагоны, / Мы носим тюки на усталой спине. / Мы – те, кто недавно носили погоны / И кровь проливали за Русь на войне». И все же, несмотря на все трудности, встретившие Савина в Финляндии, Людмила Савина-Сулимовская в предисловии к книге о нем пишет: «Конечно, жизнь после плена и голода была у нас просто сказочной».

В Финляндии к этому времени сформировалась большая русская колония, включающая бывших воинов Белой армии. Иван Савин нашел среди них и верных друзей, которые героически продолжали бороться за свободу России. Таков был белый офицер Виктор Ларионов. Вот как он описал героизм русских мальчиков в предисловии к запискам «Боевая вылазка в СССР»: «Русская молодежь, повинувшись зову сердца, умела беззаветно умирать на полях сражений и с улыбкой становиться к стенке под дула чекистских ружей». В своей статье Ларионов приводит четверостишие Ивана Савина:

*И гнев Твой, клокоцуще-знойный,
На трупные души пролей.
О Боже, они недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.*

Творческая атмосфера русского землячества Финляндии того времени сыграла большую роль в жизни Савина. Русское население страны было довольно обширно. По данным статистики, «к моменту провозглашения Финляндией независимости на ее территории оказались три категории русских: постоянные жители страны (часть из них имела финляндское гражданство), военные (весной 1918 г. их было примерно 40 тысяч, к концу года осталось незначительное число отставников) и небольшая часть дачников Карельского перешейка, укрывшихся там от революционной анархии». Среди последних – художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев.

Важную роль в культурной жизни русских в Финляндии играла деятельность таких издательств, как «Фундамент» и «Библион». Выходил целый ряд периодических изданий: «Русская жизнь», «Новая русская жизнь», «Русский вестник», «Русский голос», «Путь», «Рассвет» и другие.

В Хельсинки организуется «Русская колония» для помощи нуждающимся беженцам из России. Член правления «Русской колонии» Валериан Воутилайнен издавал местную газету «Новые русские вести». В ней 24 мая 1925 г. появилась

статья Ивана Савина, где он призывал своих соотечественников вступать в «Русскую колонию». Закончил свое обращение Иван Савин словами: «Надо же, господа, когда-нибудь перейти от слов к делу!»

Финский период жизни Ивана Савина можно проследить по его публикациям в местной русской печати. Именно в это время начинается наиболее активный период его журналистской и писательской деятельности. Он полностью окунается в литературную жизнь. 29 октября 1922 г. в хельсинкской газете «Русские вести» было опубликовано его стихотворение «Возмездие»:

*И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванной дверью!*

В 1924 году в Финляндии Савин становится собственным корреспондентом целого ряда изданий Русского зарубежья: берлинской газеты «Руль», рижской «Сегодня», белградской «Новое время». В хельсинкском ежедневнике «Русские вести» с 1922-го по 1926 год им было опубликовано более ста рассказов, стихотворений и очерков. Савин завоевывает любовь всей русской колонии.

При жизни поэта вышла только одна книга его стихов «Ладонка», изданная главным правлением Галлиполийского общества. Небольшой сборник Ивана Савина сделал его популярным поэтом русской эмиграции. В предисловии профессор В. Х. Даватс писал о стихах Савина: «...в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное – в них нет нигде стихотворной прозы».

Книга Ивана Савина переиздавалась три раза – небывалый случай в русской эмигрантской поэзии. У поэта было мало времени для творчества, всего пять лет, но то, что он создал, – необыкновенно талантливо. «Настоящий творец прежде всего драгоценен как личность. Вы ясно чувствуете, что он больше того, что он сотворил... Когда автор больше своих созданий – он подлинный творец, а не только мастер», – так писал в своей книге «Статьи о литературе» Борис Филиппов. Слова эти можно полностью отнести и к личности, и к поэзии Савина. Чуткий читатель оценил, как велика, необычна и цельна личность поэта, а потому – так глубинна и широка его поэзия и так высоко его дарование. Видимо, поэтому книга

его стихов и переиздавалась за короткое время трижды.

Прошло тридцать лет после выхода в свет единственной книги Ивана Савина. В своей работе «Русская литература в изгнании», выпущенной в Нью-Йорке в 1956 году, Глеб Струве так отозвался о «Ладонке»: «Религиозность, любовь к России и вера в нее, и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, все еще преданных белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушенный, но подлинно поэтический голос».

В 1957 году Ксения Деникина, вдова генерала Деникина, писала в нью-йоркской газете «Новое русское слово»: «Савин, однолеток Лермонтова, скончался на 28-м году жизни. Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завируху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

* * *

Стихи поэта невозможно отделить от его личности, обремененной ношей страшных воспоминаний войны и революции, времени разгула, кощунственного уничтожения всего прекрасного, умерщвления духа и плоти человеческой. «Страшный мир» Александра Блока, когда поэт, как бы предвидя будущее, восклицает: «О, если бы знали, дети, вы / Холод и мрак грядущих дней», вторгается и в творчество Ивана Савина:

*И крови нашей страшный грунт,
Засеяв ложью, шут нарядный
Увьет цветами – русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный.*

Юноша Савин стал свидетелем этого разгула темных сил. Душа поэта, наполненная глубоким состраданием к России, оказывается между двумя безднами – между бесконечностью доброго мира и бездонной пучиной бесконечного мрака. Схватка добра со злом становится крайне напряженной и в какой-то момент достигает своего апогея. Для борьбы со злом присоединился Иван к Белой армии. При жизни его называли Белым витязем, поэтом Белой мечты. Савина также называли поэтом Белого дела, хотя тематика его стихов выходила за рамки Белого движения и

уходила корнями гораздо глубже, в чисто человеческие аспекты восприятия судьбы, жестокой и несправедливой, что выражено, согласно В.Х.Даватсу, «словами, которые падают в душу огненными каплями». И дальше Даватс продолжает свою мысль о том, что Иван Савин «выражает внеполитическую природу белых борцов».

И хотя Савин перенес страшные физические и моральные пытки, спасала его вера в правду, за которую он боролся. Вот строки из его очерка «Плен»: «Если человек несет в себе внутреннюю правду, всякое насилие извне только усиливает ее тайную сопротивляемость насилию, приближает ее к святости». Такую внутреннюю правду, выдержавшую все муки плена, доносит поэт до нас в своих стихах.

Стихи Савина наполнены героическим романтизмом Белого движения за спасение России, где почти в каждом его стихотворении присутствует Бог. Бог для Савина – это тот поводырь, который может привести его к воротам оставленной родины:

*Вот зачем я не верю, а знаю,
Что не надо ни слез, ни забот,
Что когда-нибудь к милому краю
Нас Господь наконец приведет.*
-----

*В час, когда над миром будет
Снова слышен Божий шаг,
Бог про верных не забудет;
Бог придет в наш синий мрак.*

Перед нами возникает целая картина, та вселенная, где разыгрывается драма, участником которой он становится. Мысли о трагической судьбе родины не оставляют поэта:

*Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.*

Здесь вспоминаются строки из поэмы Блока «Возмездие», написанной в 1910 году: «Россия-мать, как птица тужит / О детях, но – ее судьба, чтоб их терзали ястреба...» Еще тогда Блок, пророчески предчувствуя гибель России, тревожился о судьбе ее детей, о судьбе таких ее преданных сынов, как поэт Иван Савин.

Иван Елагин писал о поэзии Савина: «Эти стихи – торопливый рассказ, полный жутких подробностей, от которых можно захлебнуться слезами и почувствовать приближение обморока. Ритм этих стихов – ритм походки выведенных на расстрел и шатающихся от слабости и непривычного, после тюрьмы, свежего воздуха. Иван Савин свидетельствует о своем страшном и героическом времени, а его поэзия – поэзия высоких обид и высокого гнева». Поэзия Савина, как и поэзия Елагина, была высоко гражданской.

Настоящая поэзия не может быть сведена только к потоку подсознания и изолирована от сознательного восприятия мира, опыта, логического мышления. В поэзии Ивана Савина сочетается все: и сильные эмоции, и глубина мысли, и опыт пережитого, и искусство соединить и выразить все эти компоненты в одном поэтическом произведении. Стихи, как и чувства его лирического героя, чисты, словно первый белый снег, «где снег нетронутых желаний / всех нецелованных невест». Но ключевыми словами его поэзии являются звезды. Его причастность к миру звезд – это и отражение его романтических настроений, и символ прошлого и будущего, и звездный свет таинственной и далекой родины, когда вспоминает он русские луга, «хаты да пашни», «утро, пушистое сено», мельницу у реки:

*И брызнет полночь синей тишью.
И заструится млечный мост...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звезд.*

*И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком...*

Звезды далекие, недостижимые и загадочные, ассоциируются у Савина со звездочкой на погонах военного: «И старый прапорщик во френче рваном / с чернильной звездочкой на сломанном плече». У другого большого русского поэта, Ивана Елагина, поэта второй волны эмиграции, поэзия которого близка по духу поэзии Савина, тоже преобладают звезды: «А в августе звезды летели на мост. / Успей! Пожелай!.. Загадай! Но о чем бы? / Проторенной легкой параболой звезд / Летели на город голодные бомбы». А вот строки из стихотворения Ивана Савина, которые переключаются со строками Ивана Елагина:

*Помните? Ночью колеса
Ласково как-то бегут.
Месяц прищурился косо
На полувысохший пруд.*

*Мышь пролетела ночная.
Выплыл из темени мост,
С неба посыпалась стая
Кем-то встревоженных звезд.*

«Холодные звезды тревожного марта / Бледнели одна за другой за окном», – так видел звезды Гумилев. Вячеслав Иванов писал, что поэзия Николая Гумилева «напоминает взрыв звезды, перед своим уничтожением ярко вспыхнувшей и пославшей поток света в окружающие ее пространства». То же самое можно сказать и о поэзии Ивана Савина, где «зеленый свет сбегит по скалам, / как изумрудная слеза».

Стихи Ивана Савина окрашены романтическими настроениями Николая Гумилева и Александра Блока. Как и Блок, он связывает воедино романтику и реализм. «Истинный реализм, реализм великий, реализм большого стиля, составляет самое сердце романтизма», – писал Александр Блок, который считал, что признаком истинного романтизма является удесятенное чувство жизни. Романтизм Савина, как и романтизм Блока, носит трагический характер и не является противопоставлением реализму. Романтические чувства в поэзии Савина доведены до предела, до самого высокого накала, когда в них вдруг появляется глубокая, неожиданная и тихая тоска:

*И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами
В золотую от солнца траву...*

Как Гумилев и Блок, молодой поэт погиб в расцвете своих творческих сил. Судьбы разные, но одинаковые по своему трагизму. Стихи Блока Савин высоко ценил. Я хочу здесь привести пример стихотворения Ивана Савина, где явственно звучат мотивы блоковской «Незнакомки». Помните у Блока: «И медленно, пройдя меж пьяными, / Всегда без спутников, одна, / Дыша духами и туманами, / Она садится у окна»? А вот стихи Савина, где присутствует та же романтика очарования загадочной незнакомкой, та же мистика любовного опьянения. Как и Блок, он ищет образ прекрасной женщины, создает и идеализирует видение незнакомки. Все сплелось в образе таинственной женщины: она – это сон, это – мечта, это – уход от

страшной действительности в мир таинственный и прекрасный. И здесь опять ему мерещится образ звезды, падающей в пруд и излучающей таинственное сиянье, как и его незнакомка:

*В тебе старинное очарованье
Поет, как памятный хорал,
Когда тыходишь в дымный зал,
Роняя медленно сиянье.
Так ходят девушки святые
На старых фресках. В темный пруд
Так звезды падают. Плывут
Так ночью лебеди немые.
И сердце, бьющееся тише,
Пугливой лоз прибрежных ждет,
Что над тобой опять сверкнет
Прозрачный венчик в старой нише.*

Савин бережно хранил старую потрепанную книжку Блока. Он принадлежал к тому поколению молодых поэтов, которое выросло и формировалось на поэзии серебряного века. Отсюда и романтика чувств, и трагичность любовной лирики. Иван Савин любил глубоко. Его первой и самой сильной любовью была соседская девушка Мария, «сероглазая девочка», которой он посвятил свои первые юношеские стихи. Но в их город вошла Красная армия. Всю семью Марии большевики выгнали из дома, а отец ее был брошен живым в общую могилу. Когда город освободили белые, братскую могилу раскопали. Там Мария и нашла обезображенное тело своего отца. Это был последний раз, когда Савин видел свою «сероглазую девочку».

*Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смешная заповедь:
Стихи к тебе, как и любовь,
Слезамидлинными закапывать.*

Они еще долго переписывались, пока не пришло ему письмо из России, сообщавшее, что Мария вышла замуж за другого. Для Савина, любившего глубоко, это сообщение было еще одним жестоким потрясением. Он считал ее своей невестой, а она предала, связала свою жизнь с большевиком, не смотря на то что ее отец и братья были уничтожены красными.

*Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь не жива?
Но если на вражеском ложе
Невесты моей голова?*

Однако судить ее ему было трудно. Он понимал, что в силу тяжелых обстоятельств, голода, нищеты, возможно, у нее не было другого выхода – либо пойти по рукам, либо выйти замуж: «Были слухи – в остроге сгорела, / Говорили, пошла по рукам».

Писатель Владимир Лидин описал Марию в своем рассказе «Марина Веневцева». Прочитав рассказ Лидина, в одном из писем Мария спрашивала у Савина: «Я до истерики думаю: почему же, если я такая, что обо мне пишут в книгах, – почему же никто не поможет?» Но и Иван был не в силах ей помочь. Он мог только горько оплакивать ее страшную судьбу и измену. Она и Россия сливаются у него в один образ предавшей его женщины. У Савина, как и у Александра Блока («Какому хочешь чародею / Отдай разбойную красу»), и у Арсения Несмелова («Пусть дней немало вместе пройдено, / Но вот не нужен я и чужд, / Ведь вы же женщина – о Родина!»), родина выступает в роли возлюбленной, невесты, с которой поэта связывают сложные отношения.

*Прощай, Господь поможет сладить
Мне с безутешной долей той,
Что я был изгнан правды ради
И краем отчим и тобой.*

Вскоре на одном из поэтических кружков Савин встречает замечательную девушку, Людмилу Соловьеву, которая становится не только его женой, но и его слушателем, советчиком, близким другом. Людмила Соловьева родилась в Финляндии, однако по происхождению была русской и оставалась таковой до конца своих дней. Умерла она в доме для престарелых в штате Нью-Джерси, пронеся бережно до последнего вздоха память о муже. Вот строки совсем других по настроению стихов, которые поэт посвятил своей тогда еще будущей жене. Они написаны в духе русского фольклора. Стихи очень музыкальны – в них он молит о покое, о защите от безумной и мятежной жизни, в которой он «к земле придавлен грохотом» войны:

*Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!
Слышишь – скачет жизнь мятежная,
Захлестав коня!
Брызжут ветры под копытами,
Гривы – в злых дождях...
Мне ли пальцами разбитыми
Сбросить цепкий страх?
Слышишь, жизнь разбойным хохотом
Режет тишь в ночи.
Я к земле придавлен грохотом,*

*А в земле – мечи.
Все безумней жизнь мятежная,
Ближе храп коня...
Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!..*

Как и в стихах многих поэтов первой и второй эмиграции, ностальгические мотивы часто встречаются в поэзии Ивана Савина. Россия, израненная и истоптанная, как его собственная жизнь, болит в его стихах и в его сердце. В одном из лучших стихотворений «У последней черты», которое Савин в 1925 году посвятил Бунину, звучат самые пронзительные и ностальгические строчки его поэтического творчества:

*Черкнув крылом из глади водной,
В Россию чайка уплыла –
И я крещу рукой безродной
Пропаший след ее крыла.*

«Тот трагизм, который является сущностью всякого подлинного искусства, стал тем зерном, из которого выросло целое поколение новых поэтов со своим, другим пониманием мира, основанным на трагическом опыте оторванности от родины и одиночества на чужой земле», – писал Юрий Терапиано. Россия поэзии эмигрантской, оставаясь живой внутри и «мертвой извне», являлась больше темой внутреннего осмысления, почерпнутой из прошлого. Россия существует вне реальности – только в сознании, в памяти. Стихи Савина о России – это стон, это вопль, это «выкрик вместо напева» (Вл. Маяковский). Поэт постоянно задает себе вопрос о возможности возвращения:

*Услышу ль голос твой? Дождусь ли
Стоцветных искр твоих снегов?
Налью ли звончатые гусли
Волной твоих колоколов?*

Иван Савин писал в обращении «Моему внуку»: «Тебе, пронизанному жизнью, солнцем, уютом семьи и родины, тебе трудно представить, что значит бродить по чужим дворам, никогда не смеяться, душу свою живую, человеческую душу вколочивать в тиски медленной смерти...» Вот незабываемые ностальгические строки, которые так иносказательно передают его тоску по оставленной родине и трудности существования на чужой земле:

*Клубились ласковые годы,
Где каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали стаю наших звезд.*

.....
*Мне недруг стал единоверцем:
 Мы все, кто мог и кто не мог,
 Маячим выветренным сердцем
 На перекрестках всех дорог.*

Николай Бердяев считал, что человек может вынести любые страдания, когда они осмысленны. Такое осмысление поэты искали в творчестве. Как многие поэты-эмигранты, Савин тяжело переживал свою оторванность от русского читателя. Поэт восклицает: «Как мне жить среди одетых в камень душ, / Мне – влюбленному в березовую глушь?» И сразу же вспоминаются строки другого поэта, Довида Кнута, жившего в то же время в Париже: «Меж каменных домов, средь каменных сердец, / По каменной земле, под небом равнодушным». Или строки Марии Визи: «Мне город твой не нужен тёмный, / мне страшно каменной стены».

Иван Савин, как и его соотечественники, искал спасения от душевной тоски в поэзии: «Не потому ль с недавних пор / Я даже думаю стихами». Он писал стихи, любуясь ночным морем, когда бродил «у смуглых берегов», чтобы «береговые камни метить иероглифами стихов». Или в самое тяжелое время битвы, когда «смерть хлестала кровью», набегали неожиданные строки:

*Закипело рвущимся эхом
 Небо мертвое! В дымном огне
 Смерть хлестала кровью и смехом
 Каждый шаг. А я на коне,*

*Набегая, как хрупкая шляпка
 На девятый, на гибельный вал,
 К голубому слову – голубка –
 В черном грохоте рифму искал.*

Тайна его поэзии – в умении пользоваться словом. Именно в тайне слова, им произнесенного, когда переплетаются интуиция, фантазия и действительность, лежит ключ к его поэзии. Поэтические строки его стихов преломляются, как лучи солнца в зеркале, и ложатся на бумагу в виде интуитивных поэтических символов. Гете писал, что «все переходящее есть лишь символ». У поэта предмет виденного превращается в символ. Возможно, что он видит мир не так, как все, ибо слово его выпукло и многогранно. В стихах Ивана Савина, как в сложном музыкальном произведении, мы можем различить множество пластов. Но он не конструирует свои стихи – они выплескиваются как одно целое – подсознательное и интуитивное. Интуиция здесь рассматривается как чутье, глубинная прони-

цательность, непосредственное постижение истины без логического анализа, как связующая нить между духовным и физическим миром. Но в то же время интуиция является неотъемлемой частью его интеллекта, сокрытой на дне души. Его поэзия – это непредсказуемый поток эмоций, результат интенсивной работы души, основанной на опыте прошлого. Стихи Ивана Савина обладают таинственной и магической, почти что сверхъестественной энергетической силой, которая затягивает читателя в свое магнетическое поле. Глубину поэзии, ее мистицизм доносит поэт до нас с помощью образов, нарушающих покой, тишину, когда «неостановимо, невосстановимо хлещет жизнь» (Марина Цветаева). Вот строки из стихотворения Ивана Савина «Буря»:

*В парче из туч свинцовых гроб
 Над морем дрогнувшим пронесся.
 В парчу рассыпал звезды сноп
 Свои румяные колосья.
 Прибою кланялась сосна,
 Девичий стан сгибаея низко.
 Шла в пенном кружеве волна,
 Как пляшущая одалиска.*

С помощью образов и символов поэт создает гармонию звука. Система его ассоциативных связей неожиданна и непредсказуема: «когда судьба из наших жизней / пасьянс раскладывала зло». Или «в снегу танцующие дни», «январский день в меха из снега / крутые кутал купола», «и свет земли связал мой посох / коврами небывалых пряж», «и вздрагивало каждый раз / слегка прищуренное море». В том же стихотворении «Буря» Савин описывает глаза любимой, не снижая при этом накала всего стихотворения:

*Так серые твои глаза
 Темнели в гнев и мерцали
 Сияньем терпким, как слеза
 На лезвии черной стали.*

Динамика его стихосложения выражается в интуитивном движении мысли от начала до конца стихотворения, где последние строки являются итогом его поэтического замысла, когда ударяет он «по забытым струнам, / забытым сердцем, как смычком». Стихи Савина многослойны – в них есть и четкая динамика слов, и многогранные образы, и глубина чувств, и осмысление исторических событий, и яркая индивидуальность.

Фредерик Шопен говорил о музыке, что самое главное в ней – это высокое вдохновение с меньшими затратами труда. Поэзия, как и музыка, заставля-

ет поэта заглянуть в глубину души и разделить силу своих эмоций с читателем или слушателем. Часто и музыкальная композиция звучит как поэтическое произведение. Важным элементом поэзии Савина является сила музыкального звучания его поэтического слова. Музыкальность поэзии Ивана Савина оставляет такое же яркое впечатление, как прекрасно написанное музыкальное произведение, когда духовное напряжение переплетается с мыслью и чувством создателя. В процессе зарождения стихотворения музыкальный звук рождается подсознательно, с помощью едва осязаемого прикосновения внутренней духовной силы, когда поэтическая интуиция поднимается над сознанием. В поэтических строках Ивана Савина всегда звучит музыка – или страстная и горькая, или тихая и задушевная:

*И каждый раз рыдали в хоре,
И вздрагивало каждый раз
Слегка прищуренное море
Твоих необычайных глаз.*

«Поэтическая мысль представляет синтез всех слоев личности, включая интеллект и физиологию, духовный и душевный строй, – все, что постигается чувствами...» – писала Надежда Мандельштам. Отличительными качествами поэзии Савина являются именно высокое вдохновение, одухотворенность и та искренность, ритмичность и музыкальность, с которой написаны его стихи.

Варлам Шаламов в 20-х годах двадцатого столетия говорил о том, кем должен быть поэт: «Помимо таланта, литературных достоинств, живой поэт должен быть большой нравственной величиной. С его моральным обликом современники не могут не считаться... Нравственный авторитет собирается по капле всю жизнь... Тогда я еще не понимал, что поэзия – это личный опыт, личная боль и в то же время боль и опыт поколения. Я не понимал еще тогда, что стихи рождаются от жизни, а не от стихов».

Стихи Савина – это стихи поэта высокой морали, биография его души, биография Белого воина, прошедшего через нечеловеческие страдания, но сумевшего сохранить чистоту чувств и глубину мышления. И одновременно его поэзия – это отражение эпохи, это биография целого поколения русских мальчиков, прошедших ад войны и ужасы плена. «Стихи Савина – интимная исповедь, и этой исповеди нельзя не верить», – так пишет о его поэзии Петр Пильский.

Виктор Гюго говорил, что простота, правда и естественность – три основных признака великого. Этими словами можно охарактеризовать поэзию Ивана Савина. Нет в его стихах ничего вычур-

ного или поддельного – есть только великая правда творца, человека, выстрадавшего за свои двадцать семь лет не одну, а много жизней. Война украла у него молодость, мечты, надежды:

*Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следа у дверей?
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.*

*Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.*

*И хожу я по черному снегу,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.*

А жизнь он любил страстно. Был безгранично талантлив – играл на рояле, рисовал... Жена его пишет в своих воспоминаниях, что творил он всегда – «полубольной и здоровый». В Хельсинки при кружке русской молодежи работала Студия любителей драматического искусства. В этой студии часто ставили пьесы Савина. Иногда Савин сам выходил на сцену. Современники вспоминали, что в повседневной жизни Иван Савин заикался, «но как только он становился на подмостки – или просто читал стихи, его речь лилась совсем плавно».

В 1988 году Людмила Владимировна Савина-Сулимовская выпустила книгу об Иване Савине «Только одна жизнь», куда вошли статьи о Савине, отзывы о его творчестве, его проза и стихи, а также короткие воспоминания самой Сулимовской. Ростислав Полчанинов, один из составителей этой книги, пишет: «Далеко не все произведения Ивана Савина смогли у нас сохраниться. В сборник «Только одна жизнь» вошли случайно сохранившиеся повести Ивана Савина. Многие рукописи Ивана Савина, к сожалению, утеряны. К тому же он не любил черновики, замыслы держал в голове».

Иван Савин обратил на себя внимание многих выдающихся людей того времени. Одним из его друзей был художник Илья Репин. После смерти поэта Репин писал вдове: «Я всегда мечтал, глядя на этого красавца малороссиянина, написать его портрет. Какая невознаградная потеря». В октябре 1974 года Юрий Терапиано пишет в «Русской мысли»: «Конечно, Иван Савин скончался рано, не успев по-настоящему раскрыть себя, но память об одном из самых ранних поэтов эмиграции мы должны сохранить для будущего».

Уходят люди, время пытается стереть их след, истлевают забытые рукописи, но память о них остается в воспоминаниях близких, в воспоминаниях современников, в старых тоненьких книжечках стихов и в пронзительных строчках, шедших из глубины сердца. Нити их творческого вдохновения пролегли через поколения, чтобы найти своего отзывчивого читателя. «Правду, исчезнувшую из нашей жизни, – возвращать наше дело», – писал А. Блок. Иван Савин совершил то, что было ему предначертано судьбой, – воплотил в своих стихах мир своей души, с невероятной искренностью, простотой и силой своего высокого творчества донес до читателя правду о событиях того времени, в котором он жил, ибо правдивость и является основой подлинного искусства.

В предисловии к книге о муже Савина-Сулимовская обращается к его читателям: «Самое главное и важное, что Иван Савин был поэтом Божьей Милостью, попавшим в русскую смуту, которую он сумел так ярко и глубоко описать. Я молю Бога, чтобы он, как живой, дотронулся до вашего сердца. Поймут ли сегодня люди, как искалеченный юноша-поэт на пороге смерти до конца бил в один и тот же, дорогой и нам колокол...» И все-таки, несмотря на все страдания, которые выпали на долю поэта, в жизни его была великая цель и великое творчество.

*Придут другие. Они не вспомнят
Ни боли нашей, ни потерь,
В уюты наших девичьих комнат
Толкнут испуганную дверь.*

*Им будут чужды немые строки
Наивно выцветших страниц,
Обоев пыльных рисунок строгий,
Безмолвный ряд забытых лиц.
Иному Богу, иной невесте
Моление будет совершено.
И им не скажет никто: отвесьте
Поклон умолкнувшим давно...
Слепое время сотрет скрижали
Годов безумных и минут,
И в дряхлом кресле, где мы рыдали,
Другие песни запоют.*

Трагедия русского поэта, потерявшего родину, была особенно характерна для поэтов первой волны эмиграции. Имена их долго замалчивали в России, включая поэтов Белого движения, таких как Арсений Несмелов, Николай Туроверов, Сергей Бехтеев, Игорь Воинов, Иван Савин и других. Оказавшись вне России, они продолжали писать, находя спасение от пережитого в творчестве.

Имя Ивана Савина вошло сегодня в список лучших поэтов России. В некрологе о Савине «Наш поэт» Ив. Бунин писал: «Будет и лик Белого воина, будет и Богом, и Россией сопричастен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займет одно из самых высоких мест...»

Елена ДУБРОВИНА –

поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Родилась в Ленинграде.

Уехала из России в конце семидесятых годов.

Живет в пригороде Филадельфии, США.

Автор сборников стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», на английском языке романа «In Search of Van Dyck» и сборников рассказов «Portrait of a Wandering Soul» и «The Dying Glory».

Составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile (1917–1975). A Bilingual Anthology».

Печаталась в русскоязычных периодических изданиях:

«Новый журнал», «Континент», «Грани», «Встречи», «Новое русское слово», «Гостиная», «Литературная газета» и др.

Является главным редактором американского журнала «Поэзия. Russian Poetry Past and Present».

Ее стихи вошли в антологию английской поэзии Liquid Gold.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вера ПАУДАНЕН

родилась в Петрозаводске.

Окончила Петрозаводский

автотранспортный техникум.

В 2000 году переехала в Финляндию.

Стихи печатались

в журнале «LiteraruS» (Хельсинки).

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вера ПАУДАНЕН

г. Петрозаводск – Хельсинки

«Кутаюсь в платок надежды...»

* * *

Еще вчера шальное солнце
На теле оставляло след,
А нынче небу так ревется,
Что жалко небо и весь свет.
И в той истерике небесной
Мне видится недобрый знак...
Гляди, о, Зевс, – твоя невеста
Не встретится с тобой никак!
Ужели ты пришел за мною?
Так что так сердисься, родной?!
Я буду верною женою,
Я буду яростной грозой.
Я знаю, где весь гнев на сушу
Я выплесну, как кипяток.
Ты отдыхай – я буду рушить.
Поверь мне, ты не так жесток!

* * *

Так скажи: из какого же теста
Изготовлена эта душа,
Коли в собственном теле ей тесно,
Если с телом она на ножах?
Если бьется о рамки приличий,
Натыкаясь порой на запрет,
Если этой душе безразлично:
Оправдают ее или нет?
Если в маленьком розовом теле
Богатейшие копи души...
А моя-то опять на пределе, –
Не живешь, так хотя бы пиши!
Погляди-ка: не спится ей, цаце.
Каждой ночью пытается огнем.
Разве можно с душой разобраться,
Коль сидит она в теле твоём?!

* * *

Кутаюсь в платок надежды.
Он не греет, обветшал.
Изо всей моей одежды
Только он и утешал.

* * *

Барабан черных дней отстучал и затих.
Из углов и щелей потянулся мотив.
Он настойчиво звал, мукой адской звеня.
Он мне много сказал про тебя и меня.

* * *

Пытаюсь вспомнить напряженно,
Каким ты был в мою эпоху...
Как врали мы мужьям и женам,
Друзьям, врагам, себе и Богу.
Где я, как мотылек беспечный,
Неся на тонких крыльях тело,
Летела радостно на свечи...
И вспыхнула. И догорела.

* * *

Я любить тебя хотела,
Знать, что ты достоин света...
Но тебя прельщало тело,
Что тебе печаль поэта?
Ты пришел, пропахший горем,
Злой, потерянный, свободный.
Я была пшеничным полем
На твоем пути голодном.
Я уйду холодным утром,
Не оставив даже тени.
Я отдам тебя кому-то
И еще – стихотворенье.

* * *

Вот это было зарево –
Небесные глаза его!
Взметнулось пламя синее
До самых до небес.
Попробуй погаси его!
Никто и не полез...
И в день солнцестояния,
Тоскуя средь светил.
Заметь меня, прости меня.
Кого-то же простил?!

* * *

Жаль до тоски, что не Вами
Обуреваема мгла.
Я обернула словами
Все, что прожить не смогла...

Кабы была я счастливой,
Я б не писала. Жила!
Я б у несчастных мотивы
И откровенья брала.

Я бы готовила завтрак.
Я бы пекла пироги.
Я бы гадала на картах.
Я б не писала стихи...

Роберт ВИНОНЕН

Финляндия

Первый живой поэт, кого я встретил на пороге жизни, был Владимир Морозов. Живой – это в смысле настоящий, печатающийся, иначе говоря, профессионал. Выпускник Московского Литературного института, в конце пятидесятых он вёл литобъединение при комсомольской газете. Город Петрозаводск был небеден поэтами – подъём популярности поэзии начинался по всей стране. И вот читаю: «Приглашаются начинающие...» Какое-то время побродив нерешительно вокруг здания обкома, отважился.

Не скажу, что сразу понял и оценил своеобразие стихов Морозова. Он читал хорошо, и не только свои произведения, но и других поэтов. Впечатлили в его исполнении, например, «Зодчие» Дм. Кедрина. Много чего мне, семнадцатилетнему токарю Онежского тракторного завода, довелось услышать впервые. Со страниц «могучего оружия нашей партии» – печати – вычитывалось совсем не то. Можно усмотреть в морозовской демонстрации педагогический приём мастера, но в любом случае то была прививка настоящего вкуса и просто любви к поэтическому слову.

В числе слушателей находились Эрик Тулин, Елена Николаева, Виктор Сергин, ставшие потом известными в Карелии поэтами. Не знаю, куда девался Сергей Штейнберг, где и почему угас ярко вспыхнувший талант Фридриха Хямяляйна. А некий Кузнецов был уличён в регулярном плагиате; так сказать, в особо крупных размерах. Все были весьма красноречивы. Я же сидел набрав в рот воды, боялся сморозить глупость, да и вправду был профаном. Первые стихи тиснул в заводской многотиражке «Онежец». Слава богу, никто их се-

годня не съест и не прочтёт. Одна строка, правда, самому втемяшилась в память: «Повсюду, где трудно, идут коммунисты». Смысл тех высокоидейных откровений сегодня можно выразить точнее: там, где коммунисты, везде трудности.

Были и у Морозова продиктованные временем гражданские мотивы. Не у него ли я и позаимствовал вышеприведённый опус, из его поэмы «Встречи на сплавной реке»?

*Там, где трудно и мало народа, –
Там всегда впереди комсомол.*

Надо помнить, что без таких дежурных реверансов нечего было и думать о печатной странице. В то же время всё писалось вполне искренне. Особенно Морозова, двадцатипятилетнего в ту пору поэта, низкопоклонством не попрекнёшь. Его стихи такого плана звучали проникновеннее, чем обычно было принято. Например, короткое признание «Родине» –

*Я знаю, что не слов красивых ждёшь ты,
Моя многострадальная страна.
Ведь ты слабей не станешь, оттого что
Не стану я твердить, как ты сильна.*

*Шинель сниму, мне мать пиджак примерит,
Я выйду ночью слушать соловья...
В любви клянутся те, кому не верят,
А ты ведь веришь мне, земля моя!*

Надо сказать, время переживалось в общем оптимистичное. Одна из ярких примет его – запуск первого искусственного спутника Земли.

Событие нашло широкий отклик в поэзии. Известный тогда классик республиканского масштаба Борис Шмидт написал:

*Тебе, читатель, строчкой броской
Свидетельствую, говоря,
Что спутник над Петрозаводском
Промчался, звёздочкой горя,
Пятнадцатого октября.*

Шмидт был хороший поэт, но в этом стихотворении не выразил ничего, кроме чувства понятного удовлетворения. А молодой поэт Морозов космическую тему затронул иначе, отнюдь не броско, вернее – совсем по-земному:

*На плите отдувается чайник,
Не спеша закипает уха...
– Между прочим, товарищ начальник,
В общежитии крыша плоха.
Не пойми, что вот этак ночью,
Я занюю, что жизнь нелегка.
Только спутник Земли не хочу я
Наблюдать через щель потолка!*

Чувство успокоенности было чуждо автогерою Морозова:

*И понял я,
вчерашний воин,
Что после будней боевых
Покоем
я обеспокоен –
Тем,
от которого отвык.*

Поэт не умел с происходящим вокруг безоглядно соглашаться. Тогда, например, естественная для Карелии «лесная» тема, как правило, оборачивалась темой лесозаготовок. Был такой герой труда, вальщик леса Готчиев, намного превышавший нормы вырубки. Уж не помню, кто воспевал его трудовые подвиги:

*Ходит Готчиев с бригадой,
Хороши его дела!*

А возможно, это запомнилась чья-то пародия на кого-нибудь из тогдашних авторов. Даже если так, в строчках отражено казённое поощрение трудового энтузиазма. Морозов подходил к вопросу куда более критически:

*Дребезжат над лесами початыми
Электрических пил голоса...*

*Что поделать:
бумаги с печатями
Разрешили калечить леса.*

Теперь думаю: не с подачи ли нашего общего учителя тему леса впоследствии успешно, интересно разрабатывал Виктор Сергин? Морозов вообще предвосхитил многое. Даже возникшая гораздо позднее популярная песня «Долго будет Карелия сниться», где «то ли небо в озёра упало, то ли озеро в небе плывёт», предвосхищена морозовским взглядом на красоту нашей природы:

*Я смотрю удивлённо и немо,
Папироса погасла в руке:
То ль река окунается в небо,
То ли плавает небо в реке...*

Причём взыскательного художника не устраивали просто мастеровитые поэтические отражения. Он доискивался до их более глубокого смысла:

*Вот озеро.
Красивее на свете
Никто из нас, пожалуй, не встречал.
И на него глядим мы, словно дети,
Попавшие впервые на причал.*

*В него лесные смотрятся массивы,
В нём – облака и солнце!
И оно,
Пожалуй, потому-то и красиво,
Что всё вот это
в нём отражено.*

Надо ли раскрывать подтекст этих строк? Он предельно ясен: речь тут не про дивный водоём, а про человека, ценность которого не во внешней привлекательности, а в содержательности души. Во внутреннем достоинстве. Эти азы этики В. Розанов выразил по-своему:

*...Суть «неба» не что «оно есть»,
а то, что «в нём есть».
В звёздах. В солнцах.*

Напомню, что одарённость Владимира Морозова довольно рано и, вестимо, не без прилежного труда привела его к писательской зрелости. А прожил парень всего-то 26 лет... Вот и думай теперь, каких бы вершин достиг он, кабы не прервал восхождение собственной рукой. Ту поэтическую высоту сегодня можно лишь дорисовывать – по вещам, оставленным у подножья.

Тут не избежать вопроса о самом смертном грехе.

Что толкает человека в петлю? Пример ли Есенина, Маяковского, Цветаевой? Но все они, как и Морозов, обладали здоровой психикой. Пожалуй, можно согласиться с автором книги «Писатель и самоубийство» Гр. Чхартишвили (он же известный детективщик Б. Акунин) в том, что «творчество – профессия опасная и заниматься ею могут только люди, у которых не всё в порядке с инстинктом самосохранения». Ничего более конкретного мы не узнаем никогда. Не судим, да не судимы будем...

Остались стихи, по которым виртуальный Владимир Морозов виден как живой. Как большой поэт. Мастер автологической речи, он весьма силен и в изобразительности. Его лёгкое и острое перо любовно обводит детали:

*Стара у клёна гимнастёрка,
А новой – клёну не дают...
Столпились камни у озёрка
И, словно овцы, воду пьют.*

*У валунов недвижно лодка
Лежит на желтизне травы,
Как пулей сбитая пилотка
С солдатской бритой головы.*

При этом не упущено и время года, и житейская доля человека, чьими глазами всё увидено. В данном примере – это молодой солдат на месте былых боёв. А в лодке-пилотке северянин сразу узнаёт перевернутую возле воды «кижанку», без которой немислима жизнь карельского рыбака.

На тех наших встречах Морозов рассказывал и о своей учёбе в Литинституте, в семинаре Сергея Васильева. Запомнились процитированные им строки мэтра: «И на крыле автомобиля сушила крылья стрекоза». Некоторое изящество образа было Морозову близко.

Я совсем не знал его как человека, но видел одно: всеобщее к нему уважение. Однажды сам почувствовал это, скажем так, материально. Причём через несколько лет после его ухода из жизни. Дело было так. Уже будучи студентом Литинститута, по наивности отнёс рукопись стихов в издательство «Советский писатель», благо находилось оно тогда неподалёку. И вдруг те вирши были одобрены, включены в план редподготовки, а я приглашён для заключения договора. Мне было объявлено, что ставка для авторов первых книг 70 копеек за строку. Зав. редакцией Егор Исаев спросил по поводу стихов о Карелии: – А Владимира Морозова знали? – Да, – отвечаю, – учился у него в литобъединении.

Малость помедлив, Егор Александрович ткнул пальцем в сторону секретарши: – Майя, ставь рубль сорок!

На том свете у меня уже тогда были большие связи, первый гонорар удвоился. Для студента поддержка немалая. Спасибо Володе Морозову! Надеюсь, простительно простецкое обращение «Володя» теперь, когда я его трижды перерос годами.

В стихотворении «Памяти Колумба и Магеллана» он писал как бы от их имени:

*Мы были храбры и неслабы,
Но вот... последний день погас.
Что толку в том, что наша слава
Придёт, когда не станет нас,
Когда в гробах своих забытых
Мы все истлеем без следа,
Когда, при жизни позабытых,
Нас не забудут никогда.*

Стихи Морозова не забыты на малой родине. Но они достойны памяти и ждут внимания также от родины большой.

□

Роберт Иванович ВИНОНЕН –

*член Союза писателей России,
действительный член Финно-угорской академии наук,
экс-президент Ассоциации финно-угорских писателей России,
доцент.*

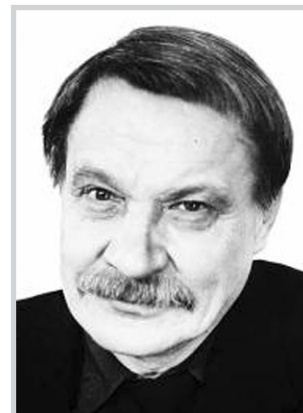
Родился в 1939 году в Ленинградской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Работал в московских издательствах, заведовал кафедрой литературного перевода Литинститута.

*Автор множества поэтических книг, сборников переводов
и литературно-критических статей.*

*Почетный председатель объединения
русскоязычных литераторов Финляндии.*

Константин БЕЛОУСОВ*г. Петрозаводск*

ЛИЦЕВИСТ ≠ ФАШИСТ

Дело о несостоявшемся процессе

Современная Конституция Республики Карелия содержит положение о том, что исторические и национальные особенности республики определяются проживанием на её территории карелов. Республика Карелия является национально-государственным образованием, в границах которого самоопределилась национальная общность, отличающаяся своеобразием языка, культуры и быта (карелы). Коренными народами Республики Карелия являются также русские и вепсы. Согласно итогам Всероссийской переписи 2002 года в республике проживает 65 561 карел и 4 870 вепсов, что составляет 9,16% и 0,7% соответственно от всего населения республики. Органы государственной власти и местного самоуправления Республики Карелия, общественные организации объединяют усилия для дальнейшего этнокультурного развития коренных народов Карелии, для создания правовой базы по дополнительной защите прав карелов и вепсов. Таковы современные подходы к определению исторических и национальных особенностей Карелии и государственной политики в этой сфере.

Судьба развития и сохранения карельского ли-

тературного языка в 1920–1930-е гг. показала, что в условиях обострения политической борьбы в государстве и обществе казалось бы далекий от социальных потрясений «языковой вопрос» может служить достижению конкретных политических целей и задач.

С начала 1920-х гг. на территории Карельской Трудовой Коммуны наряду с русским, традиционным для карелов языком образования и культуры, использовался финский язык. Первоначально он использовался финнами и северными карелами, говорящими на собственно карельском наречии. Культурным языком южной Карелии был русский. Значительную роль при выборе финского в качестве литературного языка карелов в эти годы сыграли финские эмигранты-коммунисты. Карельские диалекты в Финляндии традиционно рассматривали как часть финского языка, и такое представление укоренилось и среди руководства Советской Карелии. Оно, по сути, ставило своей задачей постепенное введение финского языка для всех карелов. Её успешное выполнение подкреплялось развитием издательской деятельности на финском языке.

6 марта 1922 года после подавления антисоветских выступлений в Беломорской Карелии положение дел в этом регионе было рассмотрено в ЦК ВКП(б). По докладу Эдварда Гюллинга оргбюро ЦК приняло решение о направлении на партийную работу в Карелию финских коммунистов, треть всех расходов на просвещение отводилась на нужды финноязычного просвещения, финский язык был определен как равноправный наряду с русским; национальная прослойка была укреплена за счет переселения карелов из Тверской и Новгородской губерний.

Позднее, в августе 1922 года, петроградский финн Адольф Тайми, член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), обвинил Гюллинга в том, что он представляет силы, желающие создать «Великую Финляндию», и желает добиться для Карелии независимого от России положения. В основе такого обвинения была уже известная на тот момент центральным партийным органам информация о том, что финны – руководители Советской Карелии – связывают будущее республики с образованием «красной великой Финляндии». С точки зрения центра в этом присутствовала изрядная доля сепаратизма.

В Тверской губернии уже в начале 1930 года было принято решение о переводе культурной работы на «карело-финский язык», а в марте того же года совещание Наркомпроса РСФСР одобрило предложение известного ученого Д. Бубриха о создании для тверских карел собственного литературного языка на основе говора с. Толмачи и латинского алфавита. Школьное же обучение на карельском языке началось у тверских карел в 1930/1931 учебном году.

Разработка единого карельского литературного языка началась в конце 1936 года. Инициаторами выступили научные учреждения, в первую очередь Институт языка и мышления им. Марра, финно-угорскую секцию которого возглавлял Д. Бубрих. Принятие политического решения было отложено до 17 июня 1937 года, когда XI Всекарельский съезд Советов утвердил первую Конституцию Карельской АССР, провозгласившую карельский язык третьим государственным, наравне с русским и финским.

К практической работе по созданию единого литературного языка приступили на проведенной в августе 1937 года в Петрозаводске лингвистической конференции. Она одобрила доклады Д. Бубриха о грамматических нормах карельского литературного языка и руководителя лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК) М.М. Хя-

мяляйна о развитии терминологии и унификации словаря.

Правила правописания единого литературного языка были разработаны уже к январю 1938 года и обсуждены на совещании, проведенном в ленинградском отделении Института языка и письменности народов СССР. Эти правила уже в феврале 1938 года утвердил Наркомпрос РСФСР. Для развития терминологии была создана специальная комиссия, председателем которой был 2-й секретарь Карельского обкома ВКП(б) тверской карел Д.П. Смирнов.

К весне этого же года комиссия опубликовала списки терминов общественно-политической жизни, грамматики, математики и естественных наук, предназначенные для учителей и переводчиков. Работа над созданием единого карельского литературного языка приобрела поистине ударные темпы. К осени 1938 года начался новый этап развития карельского языка и письменности. Изменения заключались в том, что вместо предназначенного для всех карелов Союза ССР литературного языка началась разработка литературной нормы для Карелии.

Главной причиной изменения стратегических установок стало существенное изменение политической ситуации. К этому времени органы безопасности Карелии успешно выполнили задачу по разгрому финских «буржуазных националистов» и других «врагов народа». ¹ Руководители Карельской АССР Густав Ровио и Эдвард Гюлинг были сняты со своих постов, а позднее как «лидеры антисоветской фашистской буржуазно-националистической группировки» расстреляны.

На основании поручений НКВД Карельской АССР 7 сентября 1938 года сотрудниками Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области был арестован М.М. Хмяляйна, а 7 ноября 1938 года сотрудниками НКВД Крымской АССР арестован находящийся на отдыхе в ялтинском санатории «Красное знамя» Д.П. Смирнов. ² Вскоре им предъявили обвинение в совер-

¹ Б.А. Старков указывает, что количество уголовных дел с политической окраской в 1935–1940 гг. составило 13 075, по которым проходило 15 897 человек, к высшей мере осуждено 10 650 чел. См.: Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение. // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. – Петрозаводск, 1998. С. 92.

² Информационное письмо УФСБ России по Республике Карелия от 28 февраля 2009 г., рег.№ 11676/10н по архивному уголовному делу П-7209 в отношении М.М. Хмяляйна, Д.П. Смирнова и др. обвиняемых по ст. 58-7;58-10;58-11 УК РСФСР.

шении преступлений, предусмотренных ст. 58-7; 58-10; 58-11 УК РСФСР.³

В одной из анкет арестованного указано, что Хмяляйнен Матвей Михайлович родился 3 октября 1903 года в дер. Лукаши Красногвардейского района Ленинградской области, по национальности – финн, по социальному происхождению – из крестьян-бедняков, окончил педагогический институт им. Герцена в Ленинграде, на воинском учете не состоит (снят по инвалидности), репрессиям со стороны советской власти не подвергался. Состав семьи: жена – Елисеева Клавдия Андреевна, педагог, проживает в Ленинграде, дети: Екатерина, 4 года; Юрий – 2 года. Родители Хмяляйнена проживали в дер. Лукаши, отец – Хмяляйнен Михаил Матвеевич, 65 лет, мать – Хмяляйнен Сара Ивановна, 58 лет. Брат Михаил, 16 лет, учился в ФЗУ г. Ленинграда.

О Дмитрие Петровиче Смирнове известно, что он родился в семье крестьянина-середняка, в 1906–1911 гг. учился в русской начальной школе, в 1913–1916 – в ремесленной школе, ученик столяра; 1916–1917 – мастер-столляр; 1918–1921 – служил в РККА; после демобилизации – на партийной работе – до 1925 года на Украине; потом в Башкирии до 1930 года, затем – решением ЦК направлен в Казахскую республику до августа 1937, затем – в Карелию. Член ВКП (б) с октября 1918 г. Семья: жена – Смирнова Вера Иосифовна, домохозяйка; дочь Таисия, 1923 г.р., проживали в Петрозаводске.

Эти люди, по оценке органов НКВД, возглавили хорошо законспирированную антисоветскую националистическую организацию, созданную в целях финнизации Карелии. Уровень обвинений хорошо виден из материалов дела.

В справке на арест Хмяляйнена указано, что летом 1936 года он был участником лингвистической экспедиции по Карелии, «...возглавляемой проф. Бубрих⁴ – ныне разоблаченный финский шпион и руководитель контрреволюционной организации. Эта экспедиция была использована Бубрих в целях финнизации Карелии и ликвидации в Карелии русского и карельского языков».

«Хмяляйнен, являясь помощником Бубриха, активно вел борьбу за финнизацию Карелии. В 1938 году, работая над учебниками карельского языка, Хмяляйнен в контрреволюционных целях всячески тормозил издание этих учебников, протаскивал установки врага народа Бубриха, ограничивая карельский язык до уровня первобытного». Место работы Хмяляйнена указано в анкете как «Академия наук, научный сотрудник», профессия – «лингвист», а в другой анкете

«лейквист, педагог», а национальность – «фин» (так в тексте).

17 ноября 1938 года сотрудниками НКВД Карельской АССР проведен первый допрос Хмяляйнена. С протоколом допроса он был ознакомлен 25 ноября 1938 года. Во время допроса признал себя виновным в том, что начиная с 1932 года являлся участником «буржуазно-националистической группы». Активные участники группы были якобы связаны с фашистскими кругами Финляндии – членами Карельского академического общества, под руководством которого направляли свою враждебную деятельность на отторжение Карелии от Советского Союза и присоединение её к буржуазной Финляндии.

Участником группы Хмяляйнен якобы оказался в 1932 году, когда приехал на работу в Карельский научно-исследовательский институт в качестве замруководителя этнографо-лингвистической секции.

Осенью 1933 года Хмяляйнен переехал в Ленинград и преподавал в университете вепсский и финский языки. На угрофинской кафедре, по утверждению следователей, образовалась группа националистически настроенных преподавателей. В неё входили Бубрих, супруги Пальвад्रे, Юнус и Хмяляйнен. Идеологическим вдохновителем группы был Бубрих. Её участники обосновывали идею «Великой Финляндии», маскируя её идеей «Великой Карелии», что позволяло «научно обосновать» проводимую финнизацию.

Летом 1934 года в Ленинград прибыла группа специалистов из Гельсингфорсского университета для изучения вепсского языка: профессора Кеттунен, Пости, Сиро – «фашисты и активные члены Карельского академического общества». С Пости Хмяляйнен встречался и позднее, в 1935 году, во время его приезда в Ленинград. На этих встречах он передал Пости отчет о деятельности буржуазной националистической группы в Карелии, в которую уже входили руководящие советские и партийные работники Карелии, в том числе Ровио и Гюллинг (но с ними лично Хмяляйнен не

³ Эти статьи УК РСФСР предусматривали уголовное наказание вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, а равно объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства Союза ССР, а при наличии смягчающих обстоятельств – лишение свободы на срок до трех лет за противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий; пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, использование национальных предрассудков масс, иную организационную деятельность, наносящую ущерб Советскому государству.

⁴ Так в тексте.

встречался). Бубрих, супруги Пальвад्रे и Юнус были также напрямую связаны с финскими шпионами Кеттуненом, Пости и Сиро.

Следствие УНКВД по Калининской области и НКВД Карельской АССР по делу карельских буржуазных националистов утверждало, что после разгрома финских националистов фашистской разведкой Финляндии в начале 1936 г. в Карелии была создана карельская националистическая шпионская организация, которую возглавили 2-й секретарь Карельского обкома ВКП(б) Смирнов Дмитрий Петрович; нарком просвещения Филимонов Владимир Алексеевич; редактор газеты «Советская Карелия» Савельев Петр Ефимович; научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института Хмяляйнен Матвей Михайлович.⁵ Все материалы на указанных лиц, обвиняемых в контрреволюционной и националистической деятельности, были объединены в одно следственное дело №0048.

Бывший нарком НКВД КАССР С. Матузенко, находясь в свою очередь под следствием, дал 4 июня 1939 года следующие показания: «Основанием к постановке вопроса об аресте б. 2-го секретаря обкома ВКП (б) Кар. АССР Смирнова Д.П. послужило следующее: из НКВД Калининской области был прислан сборник со вложением в него 4 или 5 показаний арестованных ответственных партийных и советских работников Калининской области. Из этих показаний явствовало, что Смирнов Д.П. приезжал в Калининскую область на партийную областную конференцию ВКП(б) и здесь на собрании образовавшейся антитовской организации дал согласие на совместную деятельность».

Арест секретаря обкома партии, депутата Верховного Совета РСФСР не мог произойти без санкции высших партийных инстанций, поэтому 1-й секретарь Карельского обкома ВКП(б) Куприянов направил служебное письмо руководителю отдела руководящих партийных органов ЦК Г.М.Маленкову. В письме указывалось, что «как второй секретарь обкома, карел, знающий карельский язык, Смирнов Д.П. занимался вопросами издания литературы на карельском языке, переводом на карельский язык политической литературы», при этом допускал ошибки, «пытаясь финнизировать карельский язык». Очевидно, утверждал послевоенный узник сталинских застенков, что это были не случайные ошибки, а «...определенная вражеская линия, так как арестованные в Калининской области буржуазные националисты сознались, что одним из методов их вражеской работы было стремление финнизировать карельский язык, сорвать преподавание

русского языка в школах». Далее следовал вывод: «На основании всех приведенных... фактов, считаю совершенно необходимым Смирнова Д.П. с работы второго секретаря немедленно снять и дать органам НКВД санкцию на арест».

Как уже отмечалось, арест состоялся в ноябре 1938 года. К этому времени следствие получило показания ряда арестованных работников партийных и советских учреждений Калининской области и Карельской АССР о том, что организация была связана с фашистской разведкой Финляндии, по указанию которой насаждала повстанческие кадры в Карелии и в национальном карельском округе Калининской области, а также готовила в 1937–1938 гг. террористические акты против тов. Сталина, Молотова, Кагановича и Андреева.

Казалось бы, цель достигнута, органам НКВД осталось принять решение об избрании конкретной «меры социальной защиты» и рапортовать партии об обезвреживании очередной банды «гносных шпионов и убийц».

Однако в работе следствия по этому делу внезапно произошли существенные изменения. В начале 1939 г. обвиняемых Хмяляйнена и Смирнова переводят в Бутырскую тюрьму (Москва), ведение следственной работы по их делу полностью перешло к сотрудникам следственной части НКВД СССР (далее – СЧ НКВД СССР), возглавляемой комиссаром государственной безопасности 3-го ранга Б. Кобуловым.

Еще находясь в петрозаводской тюрьме, Хмяляйнен направил письмо на имя прокурора Карельской АССР Михайлова,⁶ которое прокуратура переправила 2 февраля 1939 г. в НКВД КАССР, а затем в апреле 1939 г. оно было переслано в СЧ НКВД СССР.⁷

Обращаясь к прокурору, Хмяляйнен отказывался от ранее данных следствию показаний, так как они были сделаны под давлением следствия, в том числе физическим. Из приемов следствия он указывал избиения, «стойку» по 60 часов подряд, угрозы расстрелом – все это заставило его признаться в шпионаже и в связях с Карельским академическим обществом. Он подчеркивал, что встречи и переписку с гражданином Финляндии Пости вел «...по согласованию с ленинградским Управлением НКВД».

⁵ Анттикоски Э. Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы. // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. – Петрозаводск, 1998, С. 217.

⁶ Так в тексте, правильно – Михайлича (К.Б.)

⁷ Дата – по дате резолюции получателя 21.04.1939.

Начиная с апреля 1939 года лица, проходящие по делу либо допрошенные в качестве свидетелей, начинают отказываться от показаний, которые были сделаны ими в августе–декабре 1938 года, заявляя, что на них было оказано сильное психологическое давление. Смирнов, допросы которого проводились регулярно с ноября 1938 года, ни на одном из них виновным себя не признал.⁸ В январе 1939 года он обратился с письмом к И.В. Сталину, в апреле того же года – к Сталину и Л.П. Берии, сожалея о том, что «в течение 11 месяцев не сумел всех националистов разоблачить и они до ареста делали свое гнусное дело».

М. Хямяляйнен на допросе 7 марта 1939 года полностью опроверг ранее сделанные показания, заявив, что они были даны под давлением со стороны следствия. Он показал, что уже «...в октябре 1932 г. ...случайно оказался на собрании ЛОИКФУна (Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народов), где резко выступил против карельской языковой политики и особенно против статьи тогдашнего секретаря обкома Ровио «Проблема национального языка в Карелии».

Он утверждал также, что подавал в 1933 году в Карельский и Ленинградский обкомы ВКП(б) и ЦК ВКП(б) докладные записки с предложениями по созданию карельского письменного языка.⁹ Хямяляйнен признал, что его «...ошибка в том, что вплоть до 1937 года... считал, что карельский алфавит надо создавать на основе русского алфавита и на основе алфавита на латинской основе, которая существовала у карел Калининской области».

По инициативе следствия были образованы две экспертные комиссии, которым предстояло сделать выводы по делу «антисоветской буржуазно-националистической группы». Первая была образована решением СНК КАССР 16 декабря 1938 года из числа научных работников и педагогов Карелии и уже к апрелю 1939 года представила акт экспертизы.

В мае 1939 года с этим документом следователь СЧ НКВД СССР лейтенант государственной безопасности А. Куприянов ознакомил заключенного Хямяляйнена. Заключенный заявил: «...представленное мне «заключение экспертной комиссии по делу антисоветской буржуазно-националистической группы» составлено экспертами, которые не знают ни финского, ни карельского языков. Митропольский, Машезерский, Алатырев и Гольдберг¹⁰ совершенно не знают вышеуказанных языков. Карачев знает только говор своего села южнокарельского наречия». Он также заметил, что «...Гольдберг по специальности лингвист-русист. Знает... еврейский и немецкий языки. Знаком с

французским языком. Ни финского, ни карельского языков не знает».

Допрошенный в качестве свидетеля 14 июня 1939 г. И. А. Гольдберг показал, что был включен в комиссию, хотя и предупреждал, что не знает карельского языка. Также он сообщил, что Хямяляйнен на работу в Карельский пединститут пришел в 1937 году. Читал лекции и вел практические занятия по карельскому языку. По словам Гольдберга, преподавание карельского языка было поставлено «в целом скверно». Лекции Бубриха... и Хямяляйнена ничего кроме путаницы не давали. «Расчет был на развал преподавания карельского языка в пединституте».

Хямяляйнен, сохраняя не только самообладание, но и чувство юмора, на допросе 14 июня 1939 года о позиции ряда чиновников от просвещения заявил: «...У меня такое впечатление, что они в Карелии ввели бы хоть французский язык, если только руководство приказало бы это сделать».

Следствие по делу явно заходило в тупик. В конце мая 1939 года помощник начальника СЧ НКВД СССР капитан государственной безопасности Аренкин вынужден был доложить начальнику СЧ комиссару государственной безопасности 3-го ранга Кобулову: «... Ни в докладной записке,¹¹ ни в процессе следствия по делу указанной буржуазно-националистической организации членораздельно не установлено, в чем же конкретно выразилось извращение карельского языка участниками этой организации и в частности Смирновым».

«Совершенно непонятно с показаниями и в отношении Хямяляйнена. Одни следственные документы указывают на то, что он извращал карельский язык. Другие документы говорят о том, что он боролся с лицами, извращающими карельский язык. Имеющееся в сл. [едственном] деле заключение экспертной комиссии¹² не отражает полной картины вредительской деятельности Смирнова и

⁸ Последние допросы Д.П. Смирнова датированы июлем 1939 года, он полностью отрицал свою вину.

⁹ СЧ НКВД СССР запрашивала 15.04.1939 г. архив Карельского ОК ВКП(б) и 09.04.1939 г. отдел науки ЦК ВКП(б) и получила ответы о том, что в указанных органах докладных записок М.М. Хямяляйнена за 1933–1936 гг. не имеется.

¹⁰ В документах дела написание данной фамилии различно: Гольдберг либо Гольденберг.

¹¹ Имеется в виду докладная записка Г.Н. Куприянова о санкции на арест Д.П. Смирнова.

¹² Состав первой экспертной комиссии: Яковлев, нарком просвещения КАССР; Карачев, ответственный редактор газеты «Советская Карелия»; Митропольский, директор Государственного педагогического института; Машезерский, директор КНИИК; Алатырев, к. фил. н., завкафедрой языкознания пединститута; Гольдберг – декан литературного факультета, доцент пединститута.

Хямяляйна, а лица, привлеченные в качестве экспертов, малокомпетентны в вопросах карельского языка. Показания арестованных участников буржуазно-националистической организации противоречивы и требуют перепроверки».

Неоднократные запросы СЧ НКВД СССР в управления НКВД КАССР и Калининской области об уточнении следственных данных в отношении Смирнова и Хямяляйна положительного решения не получили. Аренкин предложил командировать следователя Куприянова в Ленинград, Петрозаводск и Калинин для передопроса и перепроверки. В этих целях был составлен и утвержден дополнительный план оперативных мероприятий по делу.

Уже 19 июня 1939 года создается вторая экспертная комиссия в составе М. Роднянского, заместителя наркома просвещения КАССР (председатель); Ф. Чукоева, ст. редактора по учебной литературе Каргосиздата; В. Фокина, редактора научной литературы Каргосиздата; Е. Емельянова, редактора карельского текста социологической литературы Каргосиздата; Н. Богданова, ст. научного сотрудника Карельского НИИК.

Экспертная комиссия в итоге заявила о том, что в продолжение полутора десятков лет в Карельской республике открыто во всех областях проводилась явная финнизация. После разоблачения буржуазно-националистической группы в Карелии заговорили о создании литературного карельского языка. Обсуждение первого проекта провел КНИИК в декабре 1937 г. под руководством Хямяляйна. В основу был принят проект правил правописания, разработанный Бубрихом. Затем этот проект обсуждался на совещаниях при обкоме ВКП(б) в Петрозаводске под руководством Смирнова. После этого правила были утверждены Карельским обкомом ВКП(б) и окружкомом ВКП(б) Карельского национального округа Калининской области. Окончательно «Правила» были утверждены приказом наркома просвещения РСФСР 14.02.1938 г. № 214. В конце 1938 г. они были отменены, т.к. «...на их основе создавался язык, непонятный для карельского народа», и в 1939 г. разработаны новые правила правописания.

Выводы экспертной комиссии: при разработке карельского литературного языка отдавалось предпочтение формам, сходным с финскими и финской грамматикой, что привело к искажению языка и его финнизации, в частности, введено 12 падежей (в финском – 15). Названия падежей – латинские. Например, в учебнике естествознания для 3 класса, изд. 1938 года – в 96 словах «Введения» встречаются 13 непонятных слов, финских или надуманных. В VIII главе «Краткого

курса истории ВКП(б)», перевод и редактирование которого производилось под непосредственным руководством Смирнова Д.П., в 52 строчках на 1-й стр. пришлось заменить 5 финнизированных слов, финнизированные окончания в 26 словах и внести исправления в 8 словах; в учебнике арифметики Киселева для V класса в одной гранке с количеством слов 372 остались после переработки неизменными лишь 170 слов.

Таким образом, вина «...за искажение и засорение языка падает меньше всего на переводчиков и редакторов, а прежде всего на терминологическую комиссию, председателем которой являлся Смирнов Д.П. и одним из членов ее был Хямяляйн».

Главный вывод: «Исходя из того что правила правописания единого литературного карельского языка и терминология создавались при активном участии Хямяляйна и под непосредственным руководством Смирнова – экспертная комиссия, на основе всего вышеизложенного, считает их виновниками в искажении, засорении языка и фактическом срыве литературного языка для карел Карельской республики».

26 июля 1939 г. начальник СЧ НКВД СССР Б.Кобулов утвердил обвинительное заключение по делу Хямяляйна и Смирнова, которые, как следует из текста заключения, избалованы показаниями свидетелей и свою вину признали. На заключении резолюция военного прокурора от 27 июля 1939 г.: «Дело представить на обсуждение Особого совещания».

В сентябре 1939 г. постановлением прокурора по спецделам прокуратуры СССР Кокорева дело в отношении Хямяляйна, Смирнова и других было возвращено на доследование в НКВД КАССР, а заключенные Хямяляйн и Смирнов этапированы в петрозаводскую тюрьму.

В ноябре 1939 года НКВД КАССР информировало начальника секретариата Особого совещания при НКВД СССР капитана государственной безопасности Иванова о том, что следствие по делу №0048 полностью проведено СЧ НКВД СССР, доследование по делу нецелесообразно, так как никаких новых данных не даст, а «...дело после окончания следствия пролежало в прокуратуре Союза полгода, и обвиняемые, просидев 7 месяцев в общей камере тюрьмы, от своих показаний отказываются». В итоге по согласованию с Кобуловым дело было передано на рассмотрение Особого совещания.

26 февраля 1940 года прокурор СССР М.И.Панкратьев утвердил постановление, в котором говорилось:

1. Уголовное дело № 0048 по обвинению Хмяляйна М.М., Филимонова В.А., Савельева П.Е., Грибкова П.Г. в порядке ст. 204 п. «б» УПК РСФСР производством прекратить. Меру пресечения изменить, обвиняемых из-под стражи немедленно освободить.

2. Материалы в отношении Смирнова Д.П. выделить из настоящего дела, направить в Главную военную прокуратуру для объединения его и совместного рассмотрения с делом по обвинению Смирнова¹³ ... и других, проходящих по Калининской области как националистическая к.р. организация. Меру пресечения оставить прежней – содержание под стражей.

Таковы итоги дела «о карельском языке». Точнее, таковы формальные его итоги.

Имеющийся материал позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, с начала работы по делу была сформулирована конкретная цель, под неё «сверстано» всё дело. Активная стадия работы пришлась на осень 1938 года, уже тогда вызрела идея превратить на первый взгляд рядовой эпизод карательной политики государства в **показательное дело, которое должно было закончиться гласным и громким судебным процессом**. Это подтверждается рядом обстоятельств: основные обвиняемые принадлежали к национальной и политической элите – руководящие партийные и советские работники, представители науки; оперативную разработку и следствие начинали УНКВД Карельской АССР и Калининской области, однако вскоре все следствие было передано центру – следственную часть НКВД СССР. Весь ход работы по делу курировал лично Богдан Кобулов, комиссар государственной безопасности 3-го ранга; в работе по делу были созданы две экспертные комиссии; в органах безопасности к 1938 г. был накоплен значительный опыт результативной борьбы с «национал-фашиствующими элементами». Для Карелии – это «дело Гюллинга–Ровио», или первый этап борьбы с финнизацией.¹⁴ Будь осенью 1938 года задача сформулирована по-другому, на «ограничение карельского языка до уровня первобытного» ответили бы решением тройки, тем более что прекращение рассмотрения дел тройкой в Карельской АССР датируется 16 ноября 1938 года.¹⁵

Во-вторых, 17 ноября 1939 года вышло в свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое констатировало, что «...массовые операции по разгрому и выкорчевыванию

вражеских элементов, проведенные органами НКВД при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры».¹⁶ В известной мере это постановление стало вынужденной реакцией на многочисленные обращения и жалобы с мест на нарушения социалистической законности. В сложившейся обстановке надо было убедительно продемонстрировать, что законность превыше всего. При этом столь же необходимо было показать, что скрытых врагов еще предостаточно, но бороться с ними советская власть будет легитимными методами. В этих условиях «дело о карельском языке» как нельзя лучше подходило для показательного судебного процесса (не надо забывать, что и этот опыт имелся, большой террор начинался не с решений троек, а с показательных процессов).

В-третьих, окончательное решение по делу следует признать достаточно редким: в 1940 году (!) освобождение целой группы граждан, длительное время находящихся под следствием, в связи с тем что «достаточных оснований для предания суду нет», по сути, означает признание их невиновности. Не свойственную тому суровому времени лояльность Фемиды можно объяснить только одним – изменением обстоятельств и, следовательно, политической целесообразностью.

То, что громкого судебного процесса не будет, стало ясно уже с момента принятия решения о передаче дела на рассмотрение Особого совещания.¹⁷ В 1940 году на повестке дня были уже совершенно другие вопросы: создание Карело-Финской ССР, вторая, социалистическая, «финнизация» Карелии, обучение руководящих советских и партийных кадров финскому языку и т.п.

Громкое дело «о карельском языке» потеряло

¹³ Дальнейшая судьба Д.П. Смирнова нам неизвестна. Один из документов позволяет судить, что в 1943 году заключенный Д.П. Смирнов отбывал наказание в одном из лагерей НКВД в Башкирской АССР.

¹⁴ Подробно о так называемой «первой» и «второй» финнизации Карелии см.: Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. – Петрозаводск, 1999.

¹⁵ Чухин И.И. Карелия – 37: Идеология и практика террора. – Петрозаводск., 1999., С. 149.

¹⁶ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» //Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. – М., 1998., С. 152.

¹⁷ Особое совещание при НКВД СССР обладало правом принятия решений об административных высылках, ссылках и заключении в ИТЛ на срок до 5 лет.

свою актуальность. Открытый процесс в новых условиях был уже попросту не нужен. Это ярко подтверждает сохранившийся документ – подлинник рукописного письма первого секретаря Карельского обкома ВКП(б) Г.Н. Куприянова на имя прокурора Союза ССР М.И. Панкратьева.¹⁸

Документ столь важный и характерный, что полагаем возможным воспроизвести его с минимальными сокращениями:

«Дело Филимонова, Савельева, Смирнова и др. подробно изучила наша прокуратура. Все обвиняемые отказались от своих прежних показаний. Калининское дело, в котором содержатся главные обвинения против Смирнова, Филимонова, еще не разобрано. **При таком положении нет никакого смысла устраивать открытый процесс...**» (Выделено мною. – К.Б.).

«Я не знаю, насколько правдоподобны показания калининских. Считаю, что по тем материалам, которые фигурируют в деле, основания для ареста всей этой группы были достаточные. Другое дело, что показало следствие, в начале все они сознались в контрреволюционной деятельности, сейчас отказались от показаний как в отношении себя, так и в отношении других, на которых ранее давали показания».

«Я не знаю, как поступают в таких случаях. **Я считаю только одно, что политически нецелесообразно судить их здесь и открытым процессом.**» (Выделено мною. – К.Б.).

Полностью ли невинны они? Я бы так не сказал! В какой-то степени они были заражены ядом бур-

жуазного национализма и в практике проводили линию в противовес ленинско-сталинской национальной политике. Другое дело, как они это делали: по прямому заданию к/р организации (это как раз недостаточно доказано) или были слепым орудием в руках врагов.

Одним словом, вопрос стоит так: или судить на особом совещании, или освободить.

Куприянов, 1940 г.»

Таким образом, «дело лингвистов» продемонстрировало, что в обстановке тоталитарного государства к специалистам любой дисциплины, особенно гуманитарной, могут быть предъявлены политические обвинения. А кроме того, судьбы некоторых участников дела, в частности первого секретаря ОК, а затем ЦК Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова, напоминают, что преследователи невинных могут сами в такой политической системе легко превратиться в обвиняемых.

¹⁸ Причины наличия в деле №0048 подлинника письма неясны. Возможно, что письмо не было отправлено либо отправлен машинописный, то есть отпечатанный, экземпляр, а подлинник приобщен к делу.

Константин Федорович БЕЛОУСОВ

родился в 1957 году в Вологде.

С 1983 года живет и работает в Петрозаводске.

Окончил исторический факультет

Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова.

С 1986 по 2002 год – в органах безопасности СССР и России.

Подполковник.

Преподает в ПетрГУ на юридическом факультете.

Более 20 лет профессионально занимается

историей отечественных спецслужб.

Автор 15 научных публикаций, один из авторов

и научный редактор книги «Органы безопасности Карелии. 1918–2008.

Исторические очерки. Воспоминания. Биографии» (Петрозаводск, 2008).

Совтор книги «Судьба страны. Судьба чекистов.

Из истории органов безопасности

Республики Карелия» (Петрозаводск, 2012).

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

**Не битают дети?
Читайте сами!**

**Журнал «Север»
открывает новую рубрику,
в которой будет публиковаться
все то, что может быть полезно
для конструктивного
выстраивания отношений с миром,
принятия себя и создания
счастливой жизни.
И первый материал
в новой рубрике
литературный журнал
посвящает, конечно, книге.
Как научить ребенка читать –
над этим вопросом
размышляет автор.**

Джоан Роллинг, автор эпопеи о Гарри Поттере, как-то заметила, что если ребенок не читает, это значит, что ему еще не попалась интересная книга.

Возможно, она права. Возможно, есть дети, которые случайно набредут на книгу, заинтересуются, прочтут и с этих пор станут исправными посетителями библиотек. Но для этого необходимо, чтобы интересная книга попала ребенку в руки. Как это сделать, если в библиотеку он не ходит, если домашняя библиотечка ограничивается несколькими случайными книгами для взрослых?

Думаю, главную роль к приучению детей к чтению могут и должны играть родители. У детей, которые видят родителей с книгой, больше шансов заинтересоваться чтением.

А самый лучший способ приучить ребенка к книге – читать ему с самых малых лет. Детские психологи не пришли к единому мнению, с какого возраста ребенок воспринимает чтение. Одни рекомендуют читать с рождения, другие – с 4-6 месяцев. Но в любом случае начинать нужно достаточно рано.

В моих отрывочных воспоминаниях раннего детства есть и такие: я сижу на диване с мамой или папой, а они читают мне яркие детские книжки. Конечно, это были сказки. Помню сказку «Емеля», книжка в мягкой обложке, но с огромными иллюстрациями на всю страницу. Эти иллюстрации интересно разглядывать, слушая родительское чтение. Родители не просто читали. Но и показывали буквы, не удивительно, что потом, сидя на коленках у мамы в троллейбусе, я разглядывал вывески и кричал: «Емелина буква!», когда видел где-нибудь крупную букву «Е». Помню «Калевалу» в пересказе Любарской с иллюстрациями Кочергина. Я подросток, картинки в книге были черно-белыми, но все же мне нравилось их рассматривать. Буквы потихоньку складывались в слова, читать я стал достаточно рано.

Я безмерно благодарен родителям за то, что они приохотили меня к чтению. И когда у меня самого появились дети, мы с женой стали читать им почти сразу. Книги входили в жизнь детей вместе с игрушками.

Дочери было три года, когда мы стали учить ее читать самостоятельно. Мы заметили, что воспринимать отдельные буквы ребенку достаточно сложно. Помните рассказ Толстого «Филипок»? «Хве-и – хви, ле-и – ли, пе-ок – пок...» Вот «хве-и» в «хви» и «ле-и» в «ли» никак не складывались. И мы стали учить дочь читать слоги.

Распечатали на принтере множество слогов, выбрали самый крупный шрифт, да еще и полужирный, и сделали карточки со слогами. Тут дело пошло быстрее: «МА-МА», «ПА-ПА», «МО-РЕ», «ПЕ-РО», «ОБ-ЛА-КО», «МО-ЛО-КО»... Слоги дочка восприняла очень скоро, научилась складывать их в слова. Это превратилось в игру. Ненавязчиво, ожидая соответствующего настроения, мы предлагали поиграть в слова. Эти игры не занимали много времени – минут 15-20, но ежедневно. Старались подбирать слова таким образом, чтобы в них использовались слоги из предыдущего слова.

Так дочка научилась читать. Настал следующий этап. Разумеется, мы покупали детские книжки. Но шли 90-е годы, детских книжек-малышек было много, они были яркими, пестрыми, но, к сожалению, очень часто... как бы это сказать... глупенькими – не дающими знаний, не развивающими фантазию. И самое главное – безграмотными. Множество издательств

пришли на книжный рынок, книги издавались быстро, а качество текстов, к которому мы привыкли в советское время, ушло.

Впрочем, и в те годы можно было найти достойно изданные книги. Но мы использовали еще одну придумку. Решили, что ребенку будет интересно читать книжку про себя. В маленький стандартный фотоальбомчик поместили фотографии с дочкой – вот она на море, вот в детском саду, вот дома играет с подружкой, вот гонится за кошкой на улице... Выстроили фотографии таким образом, чтобы можно было составить последовательный рассказ. Под каждую фотографию поместили листочек с подписью, распечатанный на принтере: «Жила-была девочка Сима», «У нее были папа и мама», «Сима ходила в детский сад», «Летом она отдыхала на море» и т.д.

Не забуду горящие от восхищения глазенки дочки, когда я впервые показал ей эту книжку. На некоторое время самодельная «Книжка про Симу» стала ее любимым чтением. А освоив одну книжку, Сима легко перешла к другим.

При этом мы продолжали читать ей вслух. Просто старались определить, что она в силах читать сама, а что лучше пока читать вместе.

Сначала это были замечательные сказки Сутеева, которые автор сам и проиллюстрировал, стихи Хармса, Юнны Мориц, Валентина Берестова, попозже – Олега Григорьева. Я заметил и по своей дочери, и по детям многих друзей, что малыши замечательно воспринимают абсурдистскую поэзию, порой легче, чем взрослые. Их смешит, а не смущает то, что люди машут кошками, булками, лампами, когда видят летящие шарики, то, что кошка может съесть лукошко малины... В дальнейшем, когда дочка подросла, знание стихов этих авторов помогло ей без труда воспринимать сложную образную систему Пастернака, Мандельштама, ставших ее любимыми поэтами.

Когда дочери было 10-12 лет, мы читали Шарля де Костера, Жюль Верна. В это время сын, который младше на четыре с половиной года, любил тихо играть или рисовать в той же комнате, где шло чтение. Нужно ли удивляться, что в шесть лет он играл, воображая себя отважным журналистом Гедеоном Спилетом из «Таинственного острова»!

Когда книги захватывали внимание дочки, бывало, она не дожидалась вечера, а прочитывала том до конца самостоятельно. И эту воз-

возможность ей тоже нужно было помочь открыть. Кстати пришелся папин опыт, он, когда читал мне, бывало, говорил: «Что-то у меня глазки устали. Давай теперь ты считаешь!»

Дочь привыкла к чтению, полюбила его. К 15 годам до дыр были зачитаны «Джен Эйр», «Унесенные ветром», «Грозовой перевал». А в 17 круг ее чтения был едва ли меньше, чем наш с женой, на ее книжных полках книги любимых авторов – Ремарк и Макс Фрай, Сэллинджер и Кортасар...

С сыном мы вышли на второй круг. Читали и то, что прежде было прочитано с дочкой, и то, что появилось позже. Чтение было достаточно разнообразным – от Вальтера Скотта до Акунина. Нам пришлось убедиться, что формирование привычки к чтению происходит по-разному. Если дочке было интересно содержание, сыну больше нравился сам процесс, когда можно слушать папину или мамино чтение. Он не рвался сам дочитать книги. Пожалуй, большую часть художественной литературы прочли ему мы.

Подход сына к чтению я бы назвал рационалистическим. Если дочь, как когда-то я в детские и юношеские годы, читала много и без разбора, то сын подходит к выбору книги для чтения очень серьезно. Читает то, что ему необходимо. И как тут не вспомнить слова Джоан Роллинг, приведенные в начале этих заметок? Когда сын заинтересовался фокусами, он попросил купить ему несколько книг на эту тему и самостоятельно изучил их. Заинтересовавшись историей кинематографа, чуть ли не наизусть выучил иллюстрированную энциклопедию кино, а увлекшись российской историей конца XIX века, стал выбирать и читать книги о том времени.

Хорошо, если ребенок четко понимает, в какой именно книге он нуждается. Но так бывает не всегда. В одном современном французском романе речь идет о владелице букинистического магазина, которая, поговорив с человеком, могла порекомендовать ему именно ту книгу, которая окажется единственно нужной в данный момент. Так произошло с девочкой, зашедшей в магазин, получившей «Грозовой перевал» и ставшей постоянной читательницей. В наших условиях роль такого наставника, разбирающегося в психологии ребенка, подростка, способного дать хороший совет, могли бы взять на себя библиотекари, развившие в

себе педагогическое чутье, понимающие проблемы, с которыми приходится сталкиваться ребенку.

Книгам трудно выдерживать конкуренцию с телевидением и Интернетом. Правда, утверждение это нуждается в оговорке. В общем-то, книга и не должна конкурировать, противостоять. Когда появилось массовое телевидение, находились люди, предрекавшие гибель театра. Но время показало, что театр и телевидение могут сосуществовать. Можно предположить, что книга останется и будет сосуществовать и с Интернетом, и с телевидением.

И все же конкуренция есть. Хотя бы за время, которое ребенок может потратить по своему усмотрению. Потратит он это время на сидение в соцсетях или на чтение книги?

Телевидение начинает портить вкус детей с самых первых месяцев их жизни. Говорят, что Папе Римскому Иоанну Павлу Второму задали вопрос, какое искусство он считает наиболее важным для формирования личности малыша. Понтифик порекомендовал родителям воспитывать детей на советских мультфильмах: «они самые гуманные и христианские в мире, полезны душе, потому что воспитывают в ребенке сочувствие, покровительство немощным и доброту». Ныне же российские мультипликаторы стараются работать в манере, больше напоминающей мультфильмы Диснея, нежели лучшие образцы советской мультипликации.

Нынешнее телевидение формирует у ребенка клиповое сознание, когда в голове множество разнообразной информации при отсутствии инструментов для ее обработки. Детей развлекают – в первоначальном значении этого слова – развлекают, растаскивают их сознание и души. На все вопросы предлагается легкий готовый ответ, а потому способность осмысливать информацию, анализировать и делать выводы попросту не может сформироваться.

Интернет служит тому же – если раньше для подготовки школьного реферата необходимо было идти в библиотеку, искать и читать нужные книги, теперь достаточно ввести в поисковике запрос, и тут же тебе будут предложены варианты ответов, вплоть до готового реферата, который можно скачать, почти не читая, не вдумываясь в содержание.

Телевидение и Интернет более соблазнительны для ребенка, чем чтение, заставляю-

щее думать, фантазировать, мысленно переводить слова в образы. Более того, объяснить ребенку, почему он должен читать, тоже очень трудно. Ребенок еще не может понять, что чтение книг может застраховать его от серьезных ошибок в жизни, поскольку опыт героев можно применять на себе, не может понять, что чтение расширяет и углубляет взгляд на мир, и, конечно, не осознает, что без чтения лишится возможности мыслить. Кстати, улучшить свою жизнь тоже можно с помощью чтения – психологи отмечают, что количество слов, используемых вами для описания вашей реальности, напрямую влияет на качество вашей жизни. О пользе чтения было написано немало. К вышесказанному добавлю еще один пример. Группа ученых проводила исследования на людях, подверженных депрессиям. Лечение было комплексным и, среди прочего, включало чтение книг. В итоге пациенты, читая, учились справляться со своими проблемами, управлять эмоциями, справляться со стрессами.

Но если все это не может осознать ребенок, взрослый человек, если он заботится о своих детях, постарается выкроить время для чтения вслух, для поиска книг, которые будут интересны для малыша. В семейном чтении, в обсуждении прочитанного есть и такой замечательный плюс, как общение ребенка и родителя, чего так не хватает многим семьям. Если нера-

зумно используемый Интернет может сделать близких людей чужими, то книга, напротив, служит сближению. А психологи утверждают, что «семейное чтение из факультативной практики проведения семейного досуга превращается в один из актуальных способов обучения, воспитания и социализации ребенка».

Сейчас мы переживаем не лучший период в отношении чтения. Россия, когда-то бывшая самой читающей в мире страной, давно сдала позиции. Но охлаждение к книгам испытывала и Европа, а сейчас положение там меняется. Не так давно в гостях у редакции журнала «Север» побывала гостья из Норвегии Боргхильд Браастад – сотрудник библиотеки коммуны Нуррейса. Рассказывая о своей работе, она отметила, что в последнее время среди читателей библиотеки появилось немало молодых людей. Причем, хотя библиотека дает возможность получать электронные книги, книги бумажные пользуются большим спросом. Может быть, через какое-то время активное чтение вернется и в жизнь российского общества?!

□

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, заведомом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор шести книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

Владимир ПРОНСКИЙ

г. Москва

рассказы

СМЕРТНЫЙ БОЙ

Впервые они встретились на активе землячества: десантник и морпех. Десантник работал механиком на автобазе, примкнул к сообществу недавно, пообещав бесплатно отремонтировать служебный автомобиль, после чего сразу стал своим человеком. Тридцатипятилетний морпех, сотрудник известной торговой компании, имевший опыт работы в комсомоле, в землячестве считался завсегдагаем, поэтому давно возглавлял молодёжную секцию. Он младше десантника на двадцать лет, но что значит разница в возрасте там, где нет званий и должностей. Поэтому их и называли запросто, по-свойски — как по именам: Десантник и Морпех!

Все, кто объединялся в землячества, ставшими модными лет десять-двенадцать назад, в столице оказывались по-разному: кто приезжал на работу, кто после учёбы, удачно женившись или выйдя замуж, навсегда оставался в Первопрестольной на зависть родным и знакомым из глубинки. Жизнь сложилась у каждого своя, но всех приезжих москвичей мучила ностальгия по оставленной малой родине. Поэтому любое упоминание

о ней тотчас навевало чувственные воспоминания. Новые москвичи всегда были необыкновенно рады встречам с земляками из родной области, не говоря уж о родном городе или селе. И Десантник с Морпехом не исключение.

Если во время первой встречи они лишь приглядывались один к другому, то во вторую начали подначивать, занявшись извечным спором десанта морского с десантом воздушным. Каждый представитель этих родов войск считал себя, несомненно, авторитетнее и готов был это доказать кому угодно. В этом и они не отстали от других. К концу встречи в офисе землячества, закончившейся традиционным застольем, вполне созрели для выяснений отношений и шутивно поборолись на руках, для начала согласившись на ничью. Когда же неожиданно выяснилось, что они родом из соседних сёл: Десантник — из Коммунара, а Морпех — из Борьбы, то всё изменилось, потому что между их сёлами жила старая вражда. До революции 1917 года названия они имели иные, но с приходом к власти большевиков религиозные названия от-

менили, церкви в них поломали, и всё это делалось неспроста, так как сёла эти когда-то стояли на Засечной черте, поэтому и получили расплату за казачье прошлое. Хотя к казакам их давно не причисляли, но дух государевых поселений, свободных от крепостного права, прижился твёрдо и навсегда, и какие бы перевороты и войны ни проносились по стране, какие бы реформы ни затевались — ничто не могло уничтожить в потомках горделивый дух. А где казаки — там и уклад жизни особый, не похожий на прилегающие районы. Там, к примеру, чужой человек пройдёт по иному селу и никто с ним не поздоровается, а в Коммунаре да Борьбе каждый добродетельно поклонится, даже дети и старики. И ещё отличались эти два села от окрестных традицией кулачных боёв. Вплоть до середины прошлого века на Крещенье и Троицу сходились бойцы и мерились силой и ловкостью.

Десантник с детства помнил, как сшибались стенка на стенку. Зимой бились свои — один край на другой, а на Троицу собирались у пограничной речки Бродницы и ждали, когда из-за неё придут ловченные мужики из Борьбы. И едва те переходили мост, как обе стороны вступали в схватку. Начинали её подростки. Потом бились взрослые: молча, яростно, словно очередной бой был последним в жизни. В конце концов кто-то давал слабину, и тогда гнали дрогнувших с криками и улюлюканьем до центральной площади чужого села, чтобы там закрепить победу, а после всё-таки по-братски обняться и отметить праздник за общим столом. Десантник по малолетству не успел поучаствовать во взрослых сшибках, но разок напросился задраться на чужих пацанов и представлял, что это такое: ходить стенка на стенку!

Ежегодная та забава продолжалась до середины шестидесятых годов, когда в очередной сшибке погиб отец Десантника, но погиб случайно, из-за фронтальной инвалидности не участвуя в кулачках. В тот день он мирно ковылял центральной улицей Коммунара, когда его обогнали односельчане, оказавшиеся в тот раз в меньшинстве и спасавшиеся от преследователей из Борьбы. Подвыпивший отец не думал ни от кого хорониться, знай себе хромал, стуча протезом, размахивая спяну руками, и его, видно, приняли за коммунарского заводилу. Поэтому и шибанули попавшего под горячую руку. Отец

неловко хлобыстнулся затылком о голяш мостовой и остался лежать недвижимым. В тот же час его отвезли в районную больницу, где он через пять дней, не приходя в сознание, скончался. Следователи пытались найти виновного, но разве сыщешь того, кто в сваре кому-то хорошенько ввалил?! Бесплезное дело. А чтобы более не повторялась такая история, милиция стала жёстко пресекать любые попытки кулачных боёв. Даже конспирация бойцам не помогала, когда они несколько лет пытались тайно собираться вдаль от сёл, но и там их выслеживали: всех прочих разгоняли, а зачинщиков арестовывали и пятнадцать суток «остужали» в местных застенках. Но это тогда наказанием не считалось. Отсидев полмесяца на казённых харчах, они потом героями ходили по селу, любая деваха почитала за счастье пройти с таким «арестантом» после вечерки.

Теперь та молодецкая забава подзабылась, бывшие бойцы состарились и поумирали, молодежь разъехалась по городам. И если уж им приспичит по пьяной лавочке пободаться, то бодаются обязательно «на смерть», хотя прежде-то и слова такого никогда не произносили, берегли для настоящего врага, закордонного.

Да, со временем окончательно отучили враждующих от этой привычки, зато Морпех и Десантник сразу вспомнили старинный обычай, когда ехали по «серой» ветке метро домой: одному добираться до «Правской», другому — до станции «Аннино». Когда они вошли в вагон, то заполнили его собой чуть ли не наполовину: оба крупные, плотные, с огромными ручищами, непомерно мордастые — в глаза посмотреть таким страшно! И не молчуны. Особенно словоохотливым оказался Морпех. По молодости лет он не мог участвовать в кулачных сражениях, но был хорошо осведомлён о них от своего отца — большого любителя в молодости ходить на кулачки в Коммунар.

— Он даже какого-то коммунарского мужика однажды до смерти зашиб! — похвалился Морпех, распалившись, вспоминая былые рассказы отца. — Правда, мужик тот колченогий погиб случайно: в схватке не участвовал, а попал на наших по дурости!

Десантник сперва не проникся смыслом похвалы, но когда Морпех ещё что-то добавил насмешливое, то сразу, теперь по-настоящему, вспомнил своего отца, и всё в Десантни-

ке перевернулось. Получалось, что он сегодня выпивал, а теперь дружески разговаривает с сыном убийцы отца?! Вот так случай! И когда он подумал об этом, то совершенно по-иному посмотрел на земляка. Тот заметил его свирепый взгляд, но, конечно же, не понял причины, а счёл вызовом, желанием потягаться силой. Что ж, он — Морпех, а морпехам не след увиливать от любых вызовов!

Из центра ехать минут двадцать пять, и этого времени им хватило, чтобы договориться о немедленном выяснении отношений.

— Чем, земляк, спорить, надо выйти на лобой станции и «пободаться»? Ты не против? — спросил Морпех.

— Запросто! — охотно согласился Десантник, вспомнив погибшего отца.

— Только бодаться будем насмерть! — предложил Морпех. — Согласен?

— Договорились! Хотя наши отцы бились до первой крови, а лежачих не трогали. Знаешь об этом?

— Знаю, но теперь прошли старые времена. Где выйдем?

— Давай на твоей «Пражской»!

Предложение биться насмерть Десантника не испугало, потому что заявлено оно было Морпехом сторяча, явно для красного словца. И он, конечно же, ничего не знал о давнишней потере Десантника. Да и, понятно, не собирались они убивать друг друга. Схлестнуться — да, это верно, если уж сошлись. Ведь где Коммунар с Борьбой сходятся — быть драке!

Болтливые до этого, они, обдумывая схватку, сразу замолчали, едва обозначив жёсткую задумку, до конца, видимо, не осознавая, в какую втягиваются затею. Но слово было сказано и принято, и отступать поздно. Им оставалось проехать два перегона, и оба эти перегона они не смотрели друг на друга. Лишь когда поезд начал тормозить и Десантник, которому надо было выходить через остановку, шагнул к выходу, неожиданно быстро протрезвевший Морпех спросил:

— Десант, ты чего? Серьёзно, что ли?

— Договорились же... К тому же не я предложил биться! Пойдём!

Морпех промолчал, вышел следом за пригнувшимся в дверях Десантником. На улице напомнил о себе:

— Ну и где тут биться — милиции полно?! — ос-

торожно спросил он, разругавшись от захлестнувшего волнения.

— На другую сторону Варшавки перейдём! Там темно и луговина широкая!

Морпех ничего более не сказал, лишь засопел сильнее. Они перешли шоссе подземным переходом, вышли на луговину, примыкавшую к улице, ведущей в Бирюлёво, и с асфальта ступили на мягкий и мокрый луг, раскисший от ноябрьских дождей.

Неподалёку стояли люди на автобусной остановке, и им, видимо, было невдомёк, зачем и куда направились два увесистых подвыпивших мужика, хотя могли предположить, для чего они ищут тёмное место. Но у этих что-то иное затевалось. Это сразу стало ясно, когда они бросили на луговину куртки и приняли боевые стойки. Если бы кто-то услышал их разговор, то вполне мог подумать, что два мужика шуткуют. А те и не думали ни о чём другом, кроме как о схватке.

— Начинай! — предложил Десантник. — Молодым везде у нас дорога!

И Морпех не заставил себя ждать. Махнул правой, левой, и Десантник едва успевал уворачиваться, чувствуя, как кулаки противника обжигают кожу на скулах. «Молоти, молоти, — подумал он, — ещё пару-тройку раз махнёшь, и прыть-то с тебя сойдёт! И останется тогда подловить тебя на очередном замахе...» Он даже представил, продолжая уклоняться от достаточно редких, но хлестких ударов и слегка пятась, как врежет противнику, как тот запрокинется и обмякшим мешком завалится на луговину.

Продолжая пятиться, Десантник в какой-то момент почувствовал, что сам оступился, и сразу попытался выпрямиться, но не сумел. Эта оплошность не понравилась. Ему показалось, что падает он неожиданно долго, даже и не падает, а куда-то мягко проваливается, успевая всё-таки подумать, что надо бы вывернуться, упасть не плашмя, а сгруппировавшись, чтобы сразу подняться и встретить противника новой стойкой. Чем дольше он падал, тем острее чувствовал, что не успеваешь сгруппироваться, не можешь сконцентрироваться и по-настоящему понять, что происходит, почему не можешь раскинуть руки и смягчить приземление на спину. «Наверное, так и отец думал, когда летел на бульжную мостовую, прежде чем хрястнуться...» Эта секундная мысль об отце пронеслась и забылась Десантни-

ком, потому что его тело не хотело слушаться. К тому же он не просто падал на спину, а запрокидывался, и уж новая мысль прожгла, когда вспомнил условие, что биться они будут насмерть. Морпех не виноват, что противник поскользнулся, он даже и спрашивать не будет ни о чём таком, не будет дожидаться слов о пощаде. И Десантник в отчаянии решил: «Теперь ногами забьёт!» И то ли от безысходности, то ли отпустив сознание в свободный полёт, подумал... Вернее, перестал думать, мысли его провалились в чёрную яму, а напоследок мелькнула другая мысль, радостная: «Вот и хорошо, что так — не больно будет помирать!» А следом резанула ещё одна: «Что же я так быстро сдался, кличу смерть раньше времени?! Ведь сразу-то всё равно не помру!»

В какой-то момент он даже чувствовал удары, но они казались совершенно безболезненными, на них реагировало лишь расслабленное тело, ставшее почему-то удивительно податливым. И Десантник решил, что действительно умрёт, если его тело чувствует удары, но не чувствует боли. Значит, уговор их исполнится! Что ж, всё по закону. За слова надо отвечать! Ему предложили, он согласился. Претензий нет и быть не может. Только показалось обидным делом погибать от сына убийцы отца.

Десантник не мог знать, сколь долго терпел удары, только чувствовал после короткого затмения, что чем дольше терпит их, тем более приходит в себя; он начал чувствовать боль, и она заставила напрячься, заслонить руками голову и бока и в какой-то момент попытаться подняться. Сразу это не удалось, с колен он опрокинулся от нового удара, но, уже падая, вдруг налился силой, окончательно вернувшееся сознание заставило вдогонку зацепить ногу Морпеха и подсесть его самого. Всё происходило автоматически, словно во сне или на тренировке, как в молодости. И тот грохнулся рядом и, видимо, приложился неудачно — так, что даже мягкая луговина не помогла. Какой-то доли секунды Десантнику хватило, чтобы приподняться и в прыжке подмять противника, оседлать его. Теперь тот распластался на спине, а Десантник в отместку за свою боль, в отместку за своего отца с правой и левой дупил по скуластому лицу как по боксёрской груше. От первых двух-трёх ударов Морпех увернулся, а от последующих лишь хрипел, сдерживая себя, чтобы

не сорваться на стон. Но всё-таки сорвался.

— Прости, Десант! — просопел он и только после очередного удара взмолился, даже не попытавшись скинуть с себя противника: — Хватит, сдаюсь!

Хотел Десантник напомнить о договоре «биться насмерть», но не стал размазываться разговорами, лишь, опять вспомнив отца, хрястнул напоследок по раскисшей от крови и соплей физиономии и подумал, что если бы бились действительно насмерть, то остался бы валяться Морпех на луговине бездыханным. Ничего не сказав поверженному и униженному противнику, хотя он сам себя унижил просьбой о пощаде, Десантник поднялся, подхватил валявшуюся куртку и молча пошёл к метро, где поймал частного, и через десять минут был у себя в квартире.

Не раздеваясь, в кухне попил из чайника, зашёл в ванную комнату, заглянул в зеркало и поразовался, потому что, кроме двух ссадин на скулах, вид у него был вполне приличным; правда, левый глаз, обозначенный понизу кровавым ободком, успел затечь. И по-прежнему всего колотило от непроходящего возбуждения, как от озноба. Жена сразу заметила суету и укорила, взглянув на него, хотя и знала его натуру:

— Опять, что ли, с кем-то сцепился?!

— Ничего страшного... — отмахнулся он, только-только заметив, что свитер на локтях и джинсы на коленках блестят от мокрой жирной глины. И ничего не стал объяснять.

А жена — спрашивать, зная, что всё равно ничего не услышит путного, лишь напомнила, подав домашнюю одежду:

— Иди под душ да переоденься, свинтус! Уж седой наполовину, а всё силой меряешься!

Она вроде бы поругала, но разве это ругань. На неё Люся просто не способна, потому что с юности знала, каков её муж. Она и познакомилась с ним в тот вечер, когда он отбил её от трёх подвыпивших хулиганов, от которых испуганная студентка спасалась чуть ли ни бегством. А он остановил их, как щенят раскидал, а после проводил её до дому и даже имени не спросил, а когда она полюбопытствовала, кто он, где живёт, стеснительно указал на окна светившегося неподалёку общежития автокомбината. Её это не смутило, она пригласила на чай, познакомилась с родителями, назвав его героем, а он в тот вечер страшно смущался, совсем не по-геройски.

Но потом привык к новым людям, а через два месяца женился на Люсе и переселился к ней, потому что её в нём всё устраивало. Иногда, правда, он любил потягаться силой, но первым ничего не затевал. Как тут будешь ругаться, если когда-то сама благодарил за спасение и называла героем?! Десантник это знал и пользовался её отношением. Вот и сейчас: так глянул на неё, когда она обозвала «свинтусом», что Люся мгновенно исчезла в дальней комнате.

Уединившись, Десантник немного успокоился, мало-помалу пришёл в себя, хотя недавняя схватка продолжала будоражить, а более всего — тот момент её, когда он ни с того ни с сего запрокинулся навзничь. И было непонятно: то ли сам пошатнулся, то ли Морпех послал в нокаут, и сделал это так ловко и умело, что родил в Десантнике мысли о собственной слабости. Если это так, то тогда и вовсе стыдоба, ибо никто в жизни не отправлял его в нокаут. Он просто не позволял это делать, действуя на опережение, используя силу и длину рук. А в этот раз, получается, позволил. Лишь одно радовало: хоть немного, но отомстил за отца! Это ведь тоже неплохо!

В ванной он разглядел себя и, помимо саднящей челюсти и заплывшего глаза, почувствовал боль в боках и, повернувшись к зеркалу, увидел выделявшиеся кровавыми прутьями рёбра, подумал: «Хорошо он меня отделал!» Но Десантник всё равно радовался, что пусть и с осечкой, но оказался победителем, хотя и не в смертельном поединке, но по-настоящему мужском, без скидок. Правда, чем дольше вспоминал «смертный бой», тем неприятнее становилось на душе. Получалось, что Морпех лупил ногами лежачего, как и сам он потом чуть не добил его, распластанного на лопатках. «Совсем мы гнилые стали, озверели, можно сказать, если уж своих лупцуем почём зря, без всяких правил!» — подумал Десантник. Огорчившись от этой горькой мысли, он не стал более накручивать себя, поспешно вышел к жене раскрасневшимся, ошалелым.

— Глаз-то припудри! — подсказала она. — А то скоро дети придут.

— Ловко придумала! Зачем из меня профурсетку-то делаешь?! — огрызнулся он и надолго замолчал.

Даже собравшиеся к ночи сын со снохой и внучкой-шестиклассницей не смогли отвлечь,

задавая лишние, как казалось, вопросы. Он всегда был словоохотлив с ними, а в этот вечер не мог взглянуть в глаза. Хорошо ещё, что жена успела выстирать джинсы и свитер, а то бы совсем стыдоба. Поэтому Десантник устроился спать пораньше, пока домашние суетились в кухне. И даже заснул, а когда пришла Люся, проснулся, но сделал вид, что спит, хотя знал, что теперь долго не уснёт от мыслей. А в мыслях всё то же: луговина, неожиданное падение и подмоченный вкус победы, казавшейся теперь неполной и почти случайной. Но как бы то ни было, он всё-таки победил, заставил противника просить пощады! Разве этого мало?!

Он, конечно, заснул, а проснулся с новой мыслью, будто всю ночь вынашивал её, а к утру она прорезалась, да так крепко запала в сознание, так прилипла, что от неё никуда не деться. Она подсказывала, гласила: надо ещё встретиться на луговине, чтобы чувствовать себя окончательным победителем. Или проигравшим. Это уж как повезёт, но в любом случае встреча должна состояться. И чем раньше, тем лучше. Но эта мысль в нём жила лишь до того момента, когда он еле-еле поднялся с постели, еле-еле разломался, а после тяжело добрался до работы, скрыв глаза за тёмными, не по сезону, очками. К этому часу мысли о Морпехе окончательно переменились. Он даже знал, что скажет ему при очередной встрече, как шутливо напомнит «смертный» бой, а после предложит хряпнуть по рюмашке, и поедут они домой настоящими земляками. И ничего более не будут вспоминать. Особенно он. Чего теперь травить душу, когда ничего не изменишь?! Через две недели намечалась новая встреча в землячестве, и новая их встреча пройдёт по совершенно иному сценарию. Теперь без дури. Хватит, намахались!

Всё бы так, наверное, и было, но через неделю Десантнику позвонила секретарь землячества и скорбно сообщила, что будет хоронить... Она назвала фамилию, а он не сразу сообразил, что услышал фамилию Морпеха!

— Что с ним? — спросил Десантник совершенно искренне.

— Его кто-то сильно избил недалеко от дома, когда возвращался с землячества!

Десантник от этих слов чуть не задохнулся, невольно спросил:

— Как же его угораздило?

— Он ничего не помнил... Вечером вернулся домой, ему вызвали скорую, и по дороге в больницу он впал в кому. Через пять дней скончался от обширного кровоизлияния... Так что, — она уважительно назвала Десантника по имени-отчеству, — приходите, пожалуйста, завтра к траурному залу больницы. — Секретарь продиктовала адрес, время начала церемонии.

Десантник не сразу осознал суть звонка, лишь почувствовал, как затряслись руки и ноги, тошнотворно закружилась голова. Получалось, что бой у них оказался действительно смертным. И кто теперь из них виноват, кто должен отвечать? Получалось, что только он, Десантник, оставшийся в живых. Хотя мог и не остаться. Но теперь это не важно. Теперь вся вина на нём, он — преступник! Теперь надо идти в милицию и заявлять на самого себя! От этой мысли он так изменился в лице, что, вернувшись в кухню попить, покрылся холодным потом.

— Чего такой бледный?! — спросила жена, словно у безнадежно больного.

— Сердце защемило! Земляк умер...

— Сейчас валерьянки накапаю! — засуетилась перепугавшаяся светловолосая Люся, сразу потемневшая лицом.

Десантник захотел тотчас всё рассказать и действительно отправиться в милицию, но пожалел жену, увидев, как она переполошилась; значит, видок у него был тот ещё. Он не стал противиться, выпил мутной жидкости, и жена проводила в спальню, оставила одного: мол, лежи, приди в себя.

Ночь он провёл в полудрёме, продолжая обкапывать в уме различные варианты действий, но окончательно ни к какому не прибился. Так и поднялся задолго до позднего рассвета душевно разбитым, не определившись. Находясь словно в угарном тумане, побрился, принял душ, надел чёрную рубашку, серый пуловер. Положил в карман паспорт. Пока возился, понял, что не сможет сегодня быть на похоронах. Сил не хватит смотреть на всё, что там будет происходить. Так что проведёт время в каком-нибудь пивном баре, отсидится, ещё раз всё обдумает. А в милицию всегда успеет. Да и с какой это стати он должен себя сажать?! Морпех ведь сам напросился и получил соответственно. «Конечно, жалко, что всё так закончилось. Но разве не жалко мне было хо-

ронить родного отца?! Разве не обидно было расти сиротой? Обидно! Ещё как обидно! И отец мой никого не трогал, а тут герой выискался, смертного боя ему захотелось! А ведь, наверное, у этого «героя» дети теперь остались сиротами, каково им будет?! И всё из-за чего? Из-за пьяной дури своего отца!» Десантник искал оправдание, которое помогло бы убедить себя и скрыть всё то, что произошло неделю назад, как это было ни противно. «Если бы искали, давно бы нашли. Ведь на автобусной остановке люди толпились! Наверняка кто-нибудь видел драку, да и трудно меня не заметить и не запомнить, когда я шёл ловить машину! Значит, никто не обратил внимания, что и неудивительно, если в нынешнее время у всех ко всему большое безразличие. А если кто-нибудь и заметил — не будет связываться с органами! — продолжал размышлять Десантник, заодно обдумывая ситуацию. — Морпеху теперь ничем не поможешь, а каково будет перенести такой удар моей семье?! Жена с ума сойдёт! А сыну что скажу, снохе, внучке?! Как буду на суде смотреть им в глаза?! В общем, беда, да и только. И страшная беда, страшнее не придумаешь!»

— Поаккуратней будь на похоронах-то, если сердце вчера прихватило! — предупредила жена. — Не особенно увлекайся поминками-то. Тебе не тридцать лет!

— Постараюсь! — только и сказал он и подумал: «Знала бы ты, в какую историю попал твой свинтус, совсем по-другому говорила бы. И хорошо, что ничего не знаешь!»

Ему захотелось по-особенному расцеловать жену, милую терпеливую Люсю, с годами не растерявшую девичьей стройности, прижать к себе, почувствовать, какая она маленькая по сравнению с ним, беззащитная, сказать какое-то особое нежное слово, посоветоваться, но он и вида не подал, единым словом не обмолвился о своих переживаниях и сомнениях. Если всегда он делился с ней в трудные минуты, то сейчас не смог, язык бы не повернулся. Конечно, ему надо было ещё вчера собрать домашних и рассказать всё как есть, хотя и трудно это было бы сделать, заранее зная, как они отнесутся к его откровению. Ведь у всех высшее образование, а в его активе лишь курсы автомехаников. Поэтому его всегда учили во всём, а в этот раз и вовсе привязались бы. Сын — тот сразу пригвоздил бы: мол, давно предупреждал, чем закончатся отцовы выкрутасы... Но

что он, кандидат наук, понимает в жизни, что знает о своих предках, для которых честь превыше всего, и запятнаешь её хотя бы перед самим собой — это пятно будет всю жизнь чернеть в душе! Так что с ним всё понятно, тем более что он и внешне, и характером похож на мать-учительницу. Хотя Люся сразу ничего не сказала бы, а сперва замерла бы испуганно, обозвала свинтусом, убежала в спальню и, наревевшись, вышла оттуда в том состоянии, в котором от неё вообще не добьёшься ничего дельного. Сноха, работавшая менеджером, — та посмей и пооткровенней, вполне могла сказать, как к стенке припереть: «Чего уж, дед, иди и сдавайся! Может, снисхождение будет!» Да, всё так и было бы, а он не смог бы по-настоящему ни объяснить ничего, ни оправдаться перед домашними! Поэтому и промолчал вчера, а теперь, представив несостоявшийся разговор, превозмог сам себя, будто перешагнул черту, за которую было страшно даже заглянуть... Когда жена, собрав внучку, ушла с ней в школу, он позвонил на автобазу, предупредил, что идёт на похороны, и попросил не ждать его сегодня.

«И вообще пусть не ждут. Долго-долго!» Это заклинание родилось, едва он закрыл квартиру. В этот момент был готов ко всему, потому что всё, от чего мучился ночью, ища различные ходы спасения, — всё это настолько показалось противным, что он более не хотел об этом думать. Не хотел подличать перед собой, перед памятью отца, перед погибшим Морпехом, перед своей семьёй. «Всё, иду в отделение! — решил он, будто гвоздём проткнул себя. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать!»

У подъезда всё-таки поколебался секунду-другую, но повернул не к метро, а в другую сторону — к парку, за которым находилась милиция. Ноги, казалось, не шли, но он погнал себя, даже хмыкнул сквозь невольные слёзы: «Вот тебе, милоч, и смертный бой!» Когда оказался рядом с отделением, Десантник опять вспомнил семью, но остановиться не смог. Рывком, словно боясь, что передумает, рванул тяжёлую стальную дверь, на секунду задержался и поспешно захлопнул её за собой.

ПЛАЧ но ЗОЛОТОЙ ЕЖЕВИКЕ

Бывший военный, а теперь сотрудник охранной фирмы Алексей Логинов давно считал, что всё интересное с ним происходило в сентябре, в бабье лето. То он познакомится с интересным человеком, то поругается с братом, то... Таких случаев скопилось предостаточно, и он всегда задавался вопросом: почему это происходило в начале осени? Что, другого времени нет? И однажды понял почему: летом, когда у людей на уме отпуска и дачи, — не до выяснений отношений. Но вот съехались в город к началу занятий в школах, тут-то и начинались интрижки. Сразу вспоминались обиды, о которых забывали в течение лета, и помощником в этом становился домашний телефон, потому что по мобильному с дачи не особенно поговоришь. Что-то похожее произошло и с Логиновым в эту пору.

Да, с некоторых пор Алексей был на военной

пенсии, отслужив прапорщиком двадцать пять лет, а уволился одновременно со старинным другом, тоже прапорщиком, только старшим, — Володей Молодцовым. Оба устроились в охрану и стали работать по схеме: сутки через трое (они многое делали вместе, даже внешне были похожи: оба невысокие, коренастые). Своего загородного дома — так уж получилось — у Алексея не имелось. В середине девяностых годов он продал родительский дом, продал не из прихоти, а по необходимости. В ту пору по пустующим домам нещадно лазили, выгребали всё подчистую, не гнушаясь даже электрическими розетками. Надо бы, конечно, там жить, но связывала служба. Да и не наездишься за триста километров. А на природу, к деревенской жизни — влекло. Поэтому в последние годы Логинов частенько гостил у Молодцова, строив-

шего загородный дом. Строил долго, поэтапно, а начал эту эпопею ещё с началом перестройки. Служил он тогда на складах, и всё, что предназначалось к списанию, частенько оказывалось на его дачном участке, купленном под Павловским Посадам. Кирпичи, старое кровельное железо, доски, брёвна — ни от чего не отказывался, всё б/у тащил к себе. Через несколько лет почти весь участок загромоздил стройматериалами. Но всё лежало мёртвым грузом — не хватало финансов, чтобы начать строительство. Тогда сам начал потихоньку ковыряться. А однажды позвонил Логинову и спросил:

— В выходные свободен?

— Так точно! — немного дурачась, ответил Алексей.

— Приезжай ко мне на дачу... Позагораем, шашлычок вечером замутим! Можешь даже с женой, сына прихвати. Моя тоже будет. Чем не компания?!

— Можно, надо только с Люсей поговорить, — согласился Логинов.

А его Люся, как только услышала про шашлыки, сразу загорелась. В субботу с утра пораньше они и поехали. Езды-то всего ничего: до Павловского Посада электричкой, а потом до посёлка Игнатово на автобусе. Когда приехали, Молодцов тотчас всем нашёл работу: кто копал землю, кто равнял участок, а сам Молодцов с Логиновым и его сыном начали рыть траншею под фундамент будущего дома. В обед перекусили, и опять за работу, и жара им нипочём. Под вечер, когда все наломались, сходили на озеро, которое совсем рядом, искупались. Правда, Люся отказалась бултыхаться в таком болоте, как она сказала, хотя место оказалось живописным и вода вроде бы чистой, — рыба водится, даже, говорят, раки, — а потом вернулись на участок. Логиновы думали, что действительно вечером их ждут шашлыки, но Молодцовы устроили сюрприз, решили вспомнить деревенское детство и накормить печёной в костре картошкой. А что! Очень романтично. К картошке они открыли баночку-другую килек, нарезали огурчиков, лучка зелёного с грядки сорвали. Красота!

Мужчины были довольны, особенно когда выпили Володиной самогоночки, довольна и жена хозяина Тоня, на вид полноватая, но очень подвижная, даже шустрая. Только худая

и бледнолицая Люся загрустила, особенно когда начало смеркаться и появились комары. К тому же выяснилось, что все должны ночевать под пологом, одной стороной крепившимся к штабелю брёвен. Спали одетыми, в чём были. Логиновы проснулись чуть свет, а Молодцовы дрыхли и дрыхли, и комары им нипочём, а позже и разогревшиеся мухи. В общем, та поездка для жены Логинова оказалась первой и последней. Сам же Алексей продолжал ездить к Молодцову, даже завёз к нему удочки и иногда часочек выгадывал, чтобы посидеть у озера. Хотелось, конечно, подольше побездельничать, но неудобно перед другом.

Так продолжалось год-другой, а потом жена Молодцова устроилась в какую-то финансовую структуру, а в какую — не говорила, потянула за собой дочь, и вскоре они обе начали очень прилично зарабатывать. И сразу, как рассказывал Володя, заставили его по-настоящему заняться загородным домом, даже решили построить его более просторным: двухэтажным, с мансардой и подвалом во весь дом, да с гаражом. Это хорошо, чего же не построить, когда появились возможности. Володя и сам вкалывал, и Логинова... нет, не заставлял, но почему-то так получалось, что тот считал своей обязанностью помочь другу, с которым связывало общее детство. Только жалел, что Молодцов строился не на родной тульской земле, а то и вовсе бы было отлично. Но что есть, то есть.

Понимая, что вдвоём они много не сделают, тем более что отвлекала работа в охране, Володя начал нанимать рабочих, в основном гастарбайтеров. Как-то Логинов приехал, а они уж фундамент залили. Приехал через неделю — кирпичная кладка на метр поднялась. Вот это скорость! В общем, они вывели в тот год стены, крышу накинули, и Молодцовы финансово выдохлись, приостановили строительство, решив подкопить за зиму денег. Хотя сам Володя без дела не сидел. В начале осени его Тоня вскопала грядки под клубнику, откуда-то принесла и поселила рассаду, потом натыкала зубчиков чеснока, а сам Володя насажал яблонь, груш, несколько корней смородины и малины, купив их на рынке «Садовод». Принёс несколько кустов ежевики, доставшихся бесплатно, — в лесу накопал. Потом вдвоём с Логиновым за месяц они вырыли

пруд на участке, накачали в него из озера воды. И когда однажды Логинов отправился на рыбалку, Володя сказал:

— Возьми ведёрко... Если какой карасишко попадётся, в пруд запустим, на племя.

Логинов отправился ловить карасей, а Молодцов начал крепить на столбах сетку-рабицу, решив ею опоясать участок взамен старого штакетника. Когда Логинов вернулся и принёс десятка два карасей, плескавшихся в ведре, то Володя выпустил их в пруд, а приятеля похвалил:

— Молодец, ещё несколько раз сходишь, и на следующий год рыбалка обеспечена! Вот таких лаптей будем таскать! — и показал на свою крупную ладонь.

Логинов, конечно, понимал стремление друга завести обширное хозяйство, но хотелось и домой привезти несколько карасиков: показать Люсе, что, мол, не зря пропадает у Молодцова, да и кошку можно побаловать свежей рыбкой. Но нет, не удалось: Володя ни одного карася не оставил, даже для кошки. «Как-нибудь в следующий раз привезу!» — решил Логинов. Но когда через неделю позвонил Володя и вновь пригласил на рыбалку, то Логинову почему-то не захотелось ехать, и он сослался на неважное самочувствие, потому что знал: караси опять уйдут в Володин пруд. Всё это, конечно, мелочи, но всё равно после такой мелочи оставался на душе осадок. Остался и в этот раз, почти на всю зиму. Поэтому зимой друзья редко звонили друг другу.

Зато, как пригрело солнце, Молодцов вспомнил о Логинове, и опять они начали мотаться в Игнатово, где всегда находилась работа. Всякий раз что-нибудь красили, строгали, копали. И так всю весну, все выходные. Даже о рыбалке забыли. Володя вспомнил о карасях, только когда те начали метать икру. Тогда он где-то раздобыл бредень, и вдвоём они наловили ведра два нерестившихся пузатых карасей, среди которых попадались уклейки и даже окуни. Окуней Молодцов в пруд запускать не стал.

— Хищники мне не нужны... — расчётливо сказал он. — Кошке отдам, их чистить тяжело.

Кошку Володя завёл на даче специально, чтобы было всё по-настоящему, и хозяйство настоящее, а оно всё разрасталось. К началу

лета в доме стояла печка, настелили пол, пришили потолок, рабочие привезли и поставили пластиковые окна, двери из дуба. Выкопали колодец. Вскоре на берегу пруда появилась рубленая баня, в которой временно ютились рабочие. Пока был в отпуске, Володя жил на даче постоянно как охранник, боясь оставить дом беспризорным, потому что за работягами нужен контроль, а то и материалы растащат, и клубнику с малиной обдерут. А как отпуск у него закончился, то, по настоянию Тони, рассчитался и переселился на дачу основательно. Из дома привёз матрасы с подушками, постели, но пока спал на полу, так как кроватей не было. Решили с Тоней покупку мебели отложить до следующего года, потому что не хотелось покупать старьё. Главное — есть стены, крыша и всё остальное, чтобы жить. Даже установили электрическое отопление и тэн, чтобы была горячая вода для душа и кухни.

Когда более или менее обустроились, Тоня сказала мужу:

— Теперь, Вовчик, здесь надо жить круглый год!

— А ты, а дочь?

— Наша задача — деньги зарабатывать... Ты же сам всю жизнь стремился иметь дачу.

Её слова не понравились Молодцову. Он, конечно, и сам любил пропадать в Игнатове, но одно дело, когда по собственной воле, а другое, когда принуждают.

— А как же пенсия?

— Не волнуйся, за тебя получу. С банковской карточкой умею обращаться.

Сделав установку, Тоня теперь появлялась редко, и Володя жил на даче один, если не считать приезжавшего Логинова. Но у того тоже семья, иной раз Люся нет-нет да спрашивала: «Ну и как у вас идут дела?» — «Всё нормально, — отвечал Логинов, — потихоньку ковыряемся». Она, конечно, хотела бы приехать к ним на дачу, зная, что в доме можно ночевать, и побыть денёк-другой на свежем воздухе, быть может, даже искупаться, пока стояло тепло. Но Володя никого более не приглашал, да и на Логинова начал смотреть косо, особенно когда тот без спроса забрался за клубникой. Дело было так. Накануне Молодцов выгнал литра три самогонки для хозяйственной надобности, но они не удержались, пропустили

по стаканчику первача, потом добавили. В общем, захорошело. А на рассвете Логинов проснулся, чтобы прогуляться до будочки... Не удержавшись, сорвал ягоду-другую, чтобы промочить пересохший от первача рот, а глаза поднял — из окна Володя смотрит, будто и не спал. Смотрит и, наверное, считает, сколько гость ягодок смахнул... Неприятно сделалось Логинову от такой бдительности, а скорее жадности. Он, конечно, и прежде замечал прижимистость Молодцова, но это, казалось ему, была хозяйская прижимистость, потому что, когда строишься, каждая копейка на счету. Всё это так, но Логинову не понравилась слежка. С того дня он стал замечать, что Володя постоянно контролирует: сколько положил салата, сколько взял сахару. Логинов сперва думал, что ошибается в своём подозрении, что не может старый друг так вести себя, но однажды поверил самому себе. Как-то, обивая вагонкой одну из стен, Логинов выглянул в окно и увидел, что Володя стоит у кустов малины и, не спеша обирая её, бросает ягоды в рот. И Логинову тоже захотелось малины. Он вышел к нему, будто что-то спросить, а сам, спросив, принялся за ягоды. И сразу Молодцов развернулся, уводя от малины:

— Пошли, посмотрим, что там у тебя!

Они вернулись в дом, и Логинов указал на бракованную доску: мол, что с ней делать?

— Только и звал за этим? Отложи её и продолжай работу. Не тяни время!

Дав указание, Молодцов вернулся к малине и продолжил лакомиться. И Алексею так сделалось печально от всего этого, что расхотелось возиться с вагонкой, потому что помощь должна идти от души, от желания. А будет ли и то и другое после такого отношения?! И это, вспомнил Логинов, не первая Володина выходка. Месяц назад произошло что-то подобное. Пока был в отпуске, Молодцов подвозил Алексея до остановки автобуса на машине, и в тот раз собирался, но оказалось, что у машины спущено колесо. Тогда Логинов не придавал этому значения, а теперь вспомнил, что часа за два до своего убытия случайно увидел, как Молодцов выкрутил золотник из колеса, дождался, когда оно спустится, и закрутил золотник. Позже, когда собрались к автобусу, неожиданно огорчился:

— Придётся тебе, Лёш, пешком бежать. Видишь — прокол, и запаска пустая!

Да, тогда Логинов ничего не понял, на автобус опоздал, а чтобы не опоздать на электричку, остановил подвернувшееся такси. Сегодня же, когда не удалось полакомиться малиной, не стал дожидаться вечера, а, ещё немного поболтавшись по чужому дому более для виду и ничего не объясняя, собрался в Москву. Уехал и недели две не показывался. И не звонил Молодцову, и тот не соизволил. А через три недели как с цепи сорвался, звонками замучил: приезжай да приезжай в ближайший выходной! Мол, ещё машину вагонки привезли, будем второй этаж обшивать. А Логинову ехать не хотелось. Впервые не лежала душа.

Душевная борьба в Алексее могла бы длиться не один день, но разве можно отвязаться от Молодцова?! К тому же Володя ускорил её завершение, когда обронил фразу, сказав, словно для приманки: «Ежевика поспевает». Двух слов Алексею хватило, чтобы сам собой возник коварный план, после исполнения которого, возможно, совсем по-иному пришлось бы смотреть на отношения с другом.

Логинов поехал в Игнатово в следующий выходной, а как приехал, Володя сразу повёл на второй этаж, начал объяснять, с какого угла шить вагонку. Объяснив, спросил:

— Всё понятно?

— Так точно! — машинально согласился Алексей, потому что более думал о своей задумке, осуществить которую пока не знал как.

Но неожиданно сам Молодцов помог.

— Так что времени не теряй: переодевайся и вперёд! — сказал он как приказал. — А я в строительный магазин смотаюсь, надо лак посмотреть.

Молодцов завёл «Ниву» и уехал, а Логинов и не думал приступать к работе. Его другое интересовало: ежевика! По-настоящему созрела или Володя для красного словца сказанул?! Отправившись к разросшимся за лето зарослям, Логинов действительно обнаружил спелые ягоды, похожие на малину, тёмно-сизыми подвесками разукрасившие низкорослые колючие кусты. Кусты чувствительно кусались, но Логинову спешить было некуда, да и не хотелось отступать, не завершив задуманного. Он терпеливо обирал сладкие ягоды, почти

чёрные снаружи и кровавые внутри, и делал это, понятно, без разрешения. Но теперь оно ему было не нужно. Потому что его план именно в этом и заключался, именно для этого он и приехал сегодня к Молодцову, чтобы частично вернуть свой труд, хотя цена всех ягод не стоила и тысячной доли того, что он отдал другу. Но даже если ягоды были бы действительно золотыми, то и в том случае Логинов имел на них полное право. Поэтому он ел ягоды и ел. К тому же оказалось, что их не так уж много — всего-то горсти две-три. Но радость копилась не от их количества, а от предвкушения ожидаемого эффекта.

Добрав последние ягоды, Логинов отправился к беседке, где между баней и берёзой болтался на ветру гамак. Забравшись в него, он выстругал из веточки зубочистку и начал чистить зубы от застрявших зёрнышек ежевики. Чистил не спеша, рассматривая небо, которое, оказывается, в Игнатове такое высокое и голубое, и круживших в поднебесье стрижей, удивляясь их ловкости. Когда же на руку опустилась тёмно-бордовая бабочка в оранжевых пятнах, то Алексей застыл, боясь спугнуть её, и долго наблюдал, как она шевелит изогнутыми усиками... Всё-таки хорошо иметь дачу! Разве в городе это всё увидишь?!

Пока он рассматривал бабочку, вернулся

Молодцов и сразу направился в дом, но, не обнаружив Логинова, вышел, огляделся и заторопился к нему.

— Что случилось-то? — спросил чуть испуганно, не ожидая увидеть друга в гамаке.

— Да ничего... Зубы чищу от ежевики. Вкусна, зараза! Весь день ел бы и ел!

Молодцов молча развернулся и чуть ли не побежал к кустам. Взглянув на ежевику, вернулся к Логинову едва не плача, будто ежевика была действительно золотой.

— Катись вон! Чтобы духом твоим тут более не сквозило! — побледнев от злости, рывкнул он с такой ненавистью, что дай ему волю, растерзал бы Алексея.

Логинов же молча сполз с гамака, кинул за спину подготовленный рюкзак с Люсиными бутербродами и пошёл к калитке. Думал, что Володя одумается, окликнет, но нет. Ничего похожего. И Алексей не стал оглядываться. Чем дальше уходил от дачи Молодцова, тем легче и спокойнее становилось на душе. Тем более что, судя по всему, начиналось бабье лето, а в эту пору с Логиновым всегда что-нибудь происходило особенное. А хорошее или не очень — от него обычно не зависело.

Это уж когда какая масть ляжет!

□

Владимир ПРОНСКИЙ

родился в г. Пронске (Рязанская обл.) в 1949 г.

Автор романа-трилогии «Провинция слез»,

романов «Племя сирот»,

«Три круга любви», «Казачья Засека»,

книги избранных рассказов «Легкая дорога».

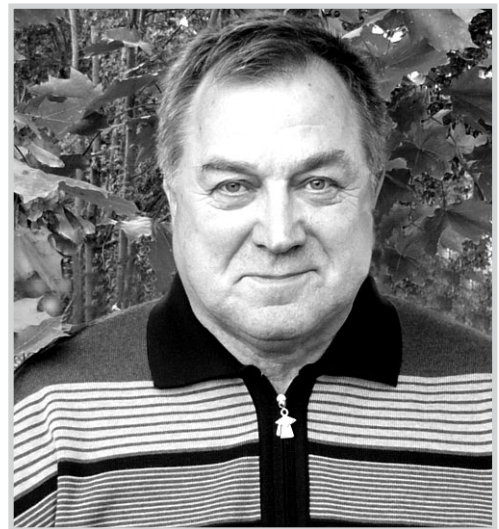
Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Москва»,

«Наш современник», «Север», в коллективных сборниках.

Лауреат премии имени А. С. Пушкина,

Международной литературной премии имени А. Платонова.

Член Союза писателей России.

Елена Алексеевна РОДЧЕНКОВА

*родилась в г. Новоржеве Псковской области.
Окончила библиотечный факультет ЛГИК
и юридический факультет СПбГУП.*

Работает адвокатом ГКА СПб.

*Поэт, прозаик, публицист,
автор-исполнитель.*

*Публиковалась в журналах «Наш современник»,
«Нева», «Москва» и многих других.*

*Лауреат всероссийских литературных премий
имени В. Белова, им. Э. Володина,
лауреат Международного конкурса*

*«Славься, Отечество!»,
автор более 20 книг.*

Член Союза писателей России с 1997 года.

**Елена
РОДЧЕНКОВА**
г. Санкт-Петербург

*«Земля,
сошедшая с небес...»*

* * *

И вот, глумясь, безродные спросили:
«Скажи, зачем тебе твоя Россия?
Скажи, зачем тебе она такая:
Растерзанная, пьяная, глухая?»

Им до икоты был ответ смешон:
«Она – мой сон. Как можно выбрать сон?
И я люблю, люблю ее такую,
Да, вот такую, пьяную, глухую.
Настанет утро – сон свой разгадаю.
А утро будет солнечным, я знаю.
Прочь, глупые!
Всему настанет срок.
С Россией – Бог. Ступайте за порог».

ЗИМА

Зима тепло укрыла землю шубами.
Притихла Русь, не дышит во всю грудь.
Дома слепые тоненькими трубами
За вечер надымили Млечный Путь.
А пахнет-то не дымом,
Пахнет ладаном!
Сверкают звезды, серебрится снег...

НОЧЬ

Ночь. На стене напротив крест чернеет
От моего горящего окна...
Не понимаю, что случилось с нею,
С моей страной... И где моя страна?

По ком звучат стихи и слезы льются?
Я крикнуть силуюсь: «Ой ты, гой еси!»
И вздрагиваю: люди-то – смеются!
Негоже нынче петь хвалу Руси.

Пригретые в глухом подоле ночи,
Рассыпались по ветру огоньки...
Зачем так много бесприютных точек
Вдоль берегов покрытой льдом реки?

Когда ж весна? Когда дожди косые
Отмоют тень бессонниц со стены?
Когда пойдем, что пред судьбой России,
Как пред рождением и смертью –
Все равны.

Нам верить надо и молиться надо нам –
Ушел без покаянья черный век.
Покуда дышит, вырастая, деревце,
И печи топятся, и жжет мороз,
Дай сил, Господь, лишь на Тебя надеяться,
До смерти верить
И любить – до слез.

* * *

О чем-то шепчут камыши,
И лес шумит о чем-то.
Журчит речисто, от души
Пречистая речонка.

Гудит тяжелый шмель в цветке,
И птица кличет птицу.
И в невесомом мотыльке
Свой голосок таится.

Мне разговор не разгадать,
Но знаю: в этих звуках
И торжество, и благодать,
И наша сила духа.

Шуми, шуми, великий лес!
Пусть набирает силу
Земля, сошедшая с небес
И ставшая Россией.

* * *

На завтрак — смерть,
На ужин — смерть,
А на обед — землетрясение.
На свете жизни места нет
В век бесконечных потрясений.
Не самолет, так теплоход...
Телеэкран ведет работу,
Ведущая кровавит рот
Потоком жертвенного счета.
И воет, как дурной поэт,
Как будто просит: верьте, верьте!
Видать, и правда смерти нет,
Раз дьявол так пугает смертью.

ЛОДКА

Россыпь звезд по темной сини,
Черная вода...
Уплывает вся Россия
В никуда.

От родной земли в тумане
Лодку отнесло.
Кружит лодка в океане —
Сломано весло.

Проплывают гордо мимо
Чьи-то корабли.
Не видать земли родимой,
Не видать земли.

Но ни жалобы, ни крика —
Люди — что кресты.
Во сто ок — святые лики
Смотрят с высоты.

Жметя мир к крестам поближе:
Быть или не быть?
Надо выдюжить и выжить,
Чтобы жить.

АНГЕЛ

Из распахнутого неба
Приближается сюда
Ангел в валенках из снега,
В тонком платье из льда.

Он идет, как будто где-то
Перекрывает пути беде.
«Ангел, ангел ты мой светлый,
Может, холодно тебе?»

Отвечает ангел тихо:
«Я не знаю, чем помочь.
На людей напало лихо,
На земле настала ночь.
Я смотрю из тьмы кромешной,
В ваших душах нет огня...»

«Ангел, я грешней
всех грешных,
Не надейся на меня».

Загремело мрачно небо,
Стало бурным, как вода.
Нет ни ангела, ни снега,
Облака уплыли в небыль,
Лишь скользят осколки льда...

* * *

Кабы были мы ничем да ни при чем,
Не махали бы мы словом, как мечом.
Кабы знали, что за сила у меча,
Не игрались бы, рубили бы сплеча.

Лучше точка, если строчка ни о чем,
Запечатай эту строчку сургучом.
Мало толку в сердце буквами стучать,
Надо знать, как открывается печать.

Ирина ЛЬВОВА

г. Петрозаводск

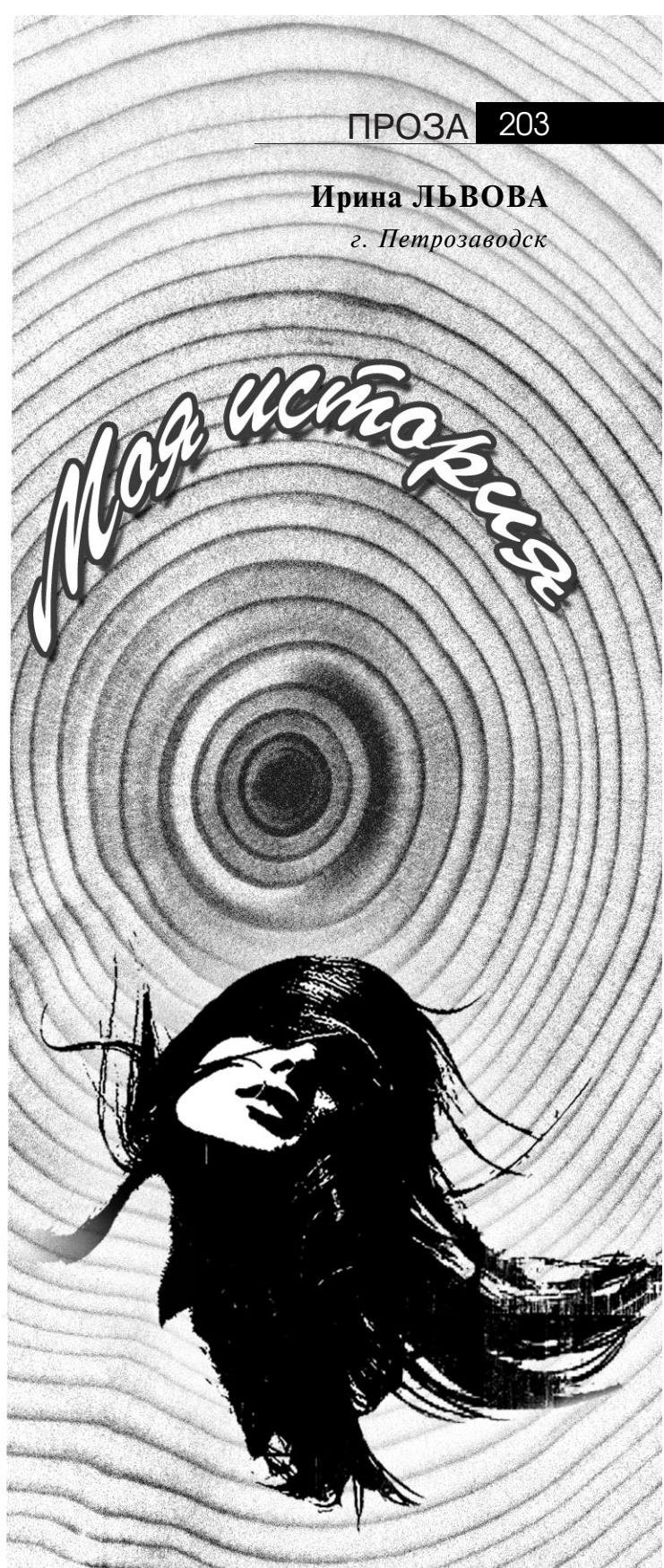
Наконец пришло время для моей истории. Она созрела, она уже здесь, и мне ничего не остается, как ее рассказать. Не то чтобы я почувствовала, что пора писать воспоминания, — я не ловлю утраченное время. Я прочитала слишком много исповедей, историй детства и отрочества, предсказуемых путешествий в прошлое, чтобы воспринимать воспоминания о пережитом всерьез. Невозможно не рассмеяться, когда заглядываешь в зеркало и видишь в нем себя, рассматривающую себя в зеркале. Воспоминания — множась отражения — создают знакомое ощущение абсурда, которое расцветивает мою жизнь весенними красками.

Я верю в живые истории, непредсказуемые в своей предсказуемости, те, что вырастают сами по себе. Моя история родилась в свое время, в своем месте и рассказана на том языке, который был мне дан от рождения. Я бы сравнила эту историю с деревом, потому как она тоже растет вверх, прибавляясь кольцами. Это движение по кругу и вверх — лучшая метафора для жизнеописания.

В былые времена было принято писать истории. Жизнь проживалась иногда затем лишь, чтобы о ней рассказать. Я понимаю, как нелепо выглядит сейчас эта традиция. Как неуместен лиризм, как старомодна тихая интроспекция. Потому мой голос звучит неуверенно, глухо. Но возможно ли громче крикнуть сейчас, когда человеческий мир наполнен невыносимым шумом? Шумно настолько, что трудно понять, где ты и что происходящее значит.

Поэтому так вкусна, понятна привычная картина: стол у окна, деревья за окном, царапины на столе, пыль на подоконнике, небо. Эта обыкновенная картина создает иллюзию прочности, надежности, неизменности жизни, которая всегда в настоящем.

Я люблю настоящее, в нем не остается места для рефлексии, но моя растущая история пребывает в призрачном, зыбком прошлом. Я вижу ее свежие побеги, пробивающиеся к новому дню, но весь силуэт ее скрыт, растворен в туманных отражениях, как ствол дерева, склонившегося над рекой. Я смотрю в реку, чтобы увидеть его, чтобы вспомнить.

Я пишу историю, которая всегда об отношении со словом и временем. Иногда об отношении с людьми и миром.

Начало

В начале жизни мне не приходилось долго раздумывать, как поступить, какую дорогу выбрать — в одиннадцать месяцев меня отдали в ясли, и дальше жизнь покатила как по рельсам. Правда, сначала не слишком быстро, потому что надо было научиться множеству мелких, но полезных дел — ходить, говорить, одеваться, а это требовало времени. Моя жизнь была заполнена прогулками, едой, сном, и все шло в неизменном порядке. Вселенная выстроилась для меня единственным боком и была перегружена деталями: деревянные шкафчики у входа в детский сад, рассольник на обед, Дед Мороз зимой, музыкальные занятия после полдника. Лишь после четырех часов тиски разжимались, и меня принимали другие пространства, которые тоже имели свои размеры, запахи и ритмы: прокуренные мрачные университетские коридоры, в которых я слонялась, дожидаясь маму с работы, квартиры соседней или знакомых, приютившие меня на время.

Самое лучшее место — дом, двухкомнатная квартира в хрущевке: здесь все было понятно, привычно и чуть расслаблено. Тут жили мои страхи и фантазии: восхитительное место под круглым обеденным столом, которое могло превращаться в троллейбус, пещеру, магазин; кровать, где жили волки, а иногда поселялся выдуманный брат Сергей. Куклы, домашние вещи были заколдованы и вели двойную жизнь: обычных предметов и героев собственных историй. Они были живы, одушевлены и, оставаясь одни, вели друг с другом таинственные разговоры. Я хотела научиться их понимать, мне не терпелось им ответить. Когда взрослеешь — мир постепенно становится менее одушевленным, мебель превращается в мебель, игрушки в игрушки, фантазии в истории — все оказывается проще и безопаснее, когда долго живешь взрослым человеком.

В детстве тебе не дается ни с чем поспорить, потому что не знаешь и половины всех

правил, которые приняли до тебя, с тобой не советуясь. Остается только приспособиться, получив единственную награду от взрослых — похвалу: «Какой воспитанный ребенок». Но это не обо мне.

Я не сразу стала помалкивать. Я не скрывала своего удивления. Мое первое впечатление в яслях — огромная комната со стеклянными шкафами и настигший меня вопрос: что я здесь делаю?

Я задаю его время от времени и сейчас. Но с каждым разом все тише.

Быт

Мир детства устроен так низко, что все время хочешь из него вырасти: чтобы дотянуться до стола, до верхней полки, до кнопки звонка. Все кругом сделано для рослых, взрослых, выросших. В детстве видишь то, что внизу: пыль на лестнице, выбоины на дороге, трещины, щели, ноги. Я помню огромные ноги шестилетних танцоров, пришедших к нам на праздник из старшей группы детсада: ноги великанов в белых гольфах, больших сандалиях, поразившие меня больше, чем танец. Неужели и я когда-нибудь стану такой большой?

На прогулке я заглядываю в подвальные окошки — они как раз на уровне глаз — чтобы в который раз проверить распространяемый соясельниками слух о чудовищах, живущих там. Я веду себя благоразумно и на всякий случай долго не задерживаюсь у окна. Беглый же взгляд может ухватить лишь грязные разводы на стекле, ржавчину на решетке, и мне вновь приходится набираться мужества, чтобы подойти к подвальному окну.

Другое, настоящее чудовище — машина с мусором. Она приезжает по расписанию, разрушая своей пунктуальностью мою беззаботную жизнь. Машину нельзя пропустить, и, когда она с грохотом подъедет к лестнице, жуткая, зловонная, нужно в свою очередь подняться по скользким ступенькам, дотянуться до края ящика и, не провалившись, не упав вниз, перевернуть ведро, выбросить мусор в огромное чрево, медленно спуститься, не держась за перила (перила для выросших).

Во дворе я младше всех, а значит, меньше, медленнее, неумелее. Я всегда бегу следом, вечно жду своей очереди, подчиняюсь чужим решениям. Невольно я становлюсь зрителем чужих игр, и постепенно наблюдение увлекает меня.

Я младше других, оттого, наверное, я последний свидетель жизни двора. Я помню его язык, я слышу голоса в его глубине — голоса матерей, зовущих обедать, домой, немедленно. Я знаю: каждое окно может распахнуться, за каждым жизнь, похожая на мою, все люди друг с другом связаны разговорами, привычками, общим двором. Только в твоём дворе тебя назовут по имени, здесь откроется окно, где тебя ждут. Я знаю сладость слов: «Можно пойти погулять», и радость вопроса: «Ты сегодня выйдешь?» Двор — продолжение дома, главное место, где проходит детство. Здесь известно все: кусты, клумбы, цветы на клумбах, соседские коты и собаки, младенцы, сердитые старухи. Весна приходит сначала во двор. Сходит снег, бегут ручьи с соседской горки, в стекла бьется солнце, а значит, скоро асфальт у подъезда будет расчерчен классиками, и мечта иметь битву из настоящей банки из-под гуталина вновь захватит сердце!

Медленно, медленно (так растут деревья) вырастаешь из мира, который у земли, так же медленно забывая, как пахнут травы, касаясь самого лица, как блестит зеленое стекло, аккуратно закопанное в тайном месте; и как прекрасно кольцо, сплетенное из цветной проволоки (я мечтаю о таком все детство). Медленно я отрываюсь от земли, я становлюсь большой.

Вещи

Эпоха, уплывающая, как вода, оставляет после себя беспорядочный набор вещей, наполняя их своим смыслом, запахом, временем. Я ценю самые главные из моего детства: молочные бутылки и мелкие монеты. Молочные бутылки стоят на подоконнике (холодильники и телевизоры еще не загромождали квартиры, их дожидались в очередях, почти метафизических, как прихода коммунизма), закрытые

крышечками из фольги. Бутылки с молоком определяли малый круг жизни (а жизнь шла малыми, средними, большими кругами): их покупали, ставили на подоконник, снимали крышечки, пили молоко, мыли, собирали в сетки, авоськи, сдавали в магазин и снова покупали, пили, мыли, складывали, ставили. Этот ритм не вполне улавливался в детстве, но был одним из тех обручей, которым удерживался быт. Молочные бутылки были просто бутылками, без этикеток, картинок, украшений, а молоко — только молоком, не ароматизированное, не отборное, ничем не улучшенное, и оно вело себя как молоко: убегало, прокисало, никогда не претендовало на особенный вкус, уникальную полезность и вечное хранение. Простота жизни, особое ее несовершенство составляли ее суть, ее прелесть. Несовершенство было незыблемым, надежным, всеми признанным, оно не мешало жить, оно было частью жизни. Благодаря ему время текло медленно и люди были неспешны.

Монеты имели важный, почти сакральный смысл. Копейка — самая маленькая, самая приветливая, ее легко найти на асфальте у магазина. Почти бесполезная, она обладала символической ценностью. На копейку можно купить коробок спичек или выпить стакан невкусной газировки без сиропа. Копейка — еще не богатство, но уже не бедность. Двушка намного лучше. Двушка незаменима, чтобы позвонить по телефону-автомату, ей можно закрутить болт в велосипеде. Без двушки невозможно обойтись. Есть еще трехкопеечная монета, большая, со злой тройкой посередине, обозначавшей неполноту жизни. За три копейки можно было проехать на трамвае, но трамваев в нашем городе не было, можно было купить сладкую газировку, но автомат у нашего дома выдавал только копеечную, несладкую. Зато пятак был веселым, умелым. Самая большая монета, которой лечились ушибы, а еще за пятак можно было ездить на маленьком пропахшем бензином автобусе и в метро.

Другие монеты — серьезные, серые, взрослые. Десять копеек — билет в кино, двадцать копеек — мороженое. А дальше — суммы невозможные, фантастические. Дальше — богатство, деньги, без приветливой гримасы

детских медяков, толпы безликих цифр, шагающих, как узники друг за другом.

География

Вожидании пробуждения моей спрятанной глубоко гениальности мама расширяла мой кругозор, надеясь, что количество впечатлений перейдет в качество и какой-то талант, не выдержав, проснется, заявит о себе. Кроме того, за отсутствием бабушек и родственников ей было некуда деваться, как возить меня с собой.

География моих путешествий была однообразна, оттого что мама тщетно пыталась примирить приятное и полезное, тем более что наши взгляды на этот счет не совпадали. Меня интересовали зоопарки и цирки, мама отдавала предпочтение театрам и музеям. Чтобы не сожалеть о потерянных возможностях, мама шла на компромисс.

Я была во всех цирках и зоопарках европейской части СССР. Зоопарки были похожи один на другой. Когда мы там появлялись, у животных непременно наступал тихий час, и мы подолгу стояли у вольеров в надежде увидеть какое-нибудь движение, небольшую темную точку, похожую на нос того зверя, чье имя было написано на табличке рядом. Посещения зоопарка будили мое воображение, о чем мама не догадывалась. На следующий день она вела меня в музей, чтобы пополнить мои знания культуры и истории. Сама дверь в музей уже навевала на меня скуку. В музеях не было никакого движения, предметы не прятались от посетителей и были только тем, о чем о них говорилось в путеводителях.

Среди путешествий самым хорошим было путешествие к морю. Само слово «море» вызывает у меня ощущение близкого счастья. Мы так долго ехали к нему, что оно успевало превратиться в сказочную невыразимо прекрасную мечту. Оно появлялось всегда неожиданно, из-за обыкновенных домиков и палаток, и это огромное, настоящее море было еще лучше фантазий о нем. Я бежала к нему со всех ног, и оно встречало меня ровным шумом прибоя, кроткой голубишной, соленой

водой и ветром. Я проводила у моря целые дни, и каждую минуту оно было новым: ленивым, притихшим, подвижным, веселым; меняло краски и настроение. Вечером, после ужина, мы вновь возвращались на берег. Южное солнце сразу падало за горизонт (не так, как в наших краях, где оно полночи стоит на небе и только незадолго до наступления утра медленно скатывается к верхушкам берез), наступала прохладная ночь, и люди брели, брели долгие километры по пляжу, веселые, праздные, беспечные. Я шла за всеми следом по песку, останавливаясь у великолепных крепостей, воздвигнутых у самой воды, или у россыпей камней и ракушек. И ночь, и жизнь, и люди были хороши, счастливы, свободны, и будущая моя жизнь, если бы меня спросили об этом, представлялась мне такой же прогулкой по бесконечному песчаному пляжу под шум волн, разговоры и звуки несущейся с танцплощадки загадочной песни: «Я росла вне в час разлуки».

Поездка на море — праздник после нашей бесцветной зимы, незаметно переходящей в лето. На юге даже имена пахнут фруктами. В имени жившей по соседству с нами девочки Мананы я чувствовала вкусный аромат мандаринов и бананов.

До сих пор каждое лето, как странная птица, я слышу старый зов кочевий и рвусь на юг, к морю, то ли убегая, то ли возвращаясь к оставленным в детстве берегам.

Фотографии

Мое детство черно-белого цвета. И не потому, что в прошлом не было красок, а оттого что черно-белые фотографии сохраняют его в моей памяти. Серая шапка, темно-серое пальто, толстые рейтузы густого саженого оттенка — это я в детстве. Мое время снято на черно-белую пленку, как фильмы Трюффо или неореалистов. Наверное, поэтому я их люблю. Мир на фотографиях простодушен и выразителен. Его эмоциональность не нуждается в красках. Она разрушает серый фон повседневности. Я помню прозрачные капли дождя на сером дереве, блестящий круг солн-

ца, разбивающего хмарь, густые тени; и лица идущих людей, и мое лицо, проглядывающее сквозь сероватый туман времени.

Фотография в моем детстве была редкостью, потому ценностью. И хотя фотоаппараты были у всех и все друг друга фотографировали, сами фотографии появлялись нечасто. Их изготовление требовало терпения, умения — почти магических действий с черной катушкой, химикатами, фотоувеличителем. Все происходило в темноте, и из запахов закрепителя, из красного душного света, из белой пустоты на фотобумаге каким-то колдовством и заклинаниями извлекались изображения. Любительские фотографии получались сероватые, слегка перекошенные, неправильные, приоткрывавшие безыскусность, наивность времени. Главное на них — фигуры и лица, прекрасные своей узнаваемостью. Фотографии складывали в альбомы с картонными листами, на которые клеили уголки для фотокарточек.

У меня, как у многих школьников, был фотоаппарат «Смена» за пятнадцать рублей, но не было терпения изготовить хотя бы одну фотографию. Я делала снимки впрок, надеясь позже открыть заветные катушки с пленками и распечатать все мгновения, которые мне удалось остановить. Так же я собирала впечатления для будущей истории в надежде, что когда-нибудь я научусь вскрывать темный ящик прошлого и, сохраненное в моей памяти, запечатанное в слове, оно оживет и станет понятным, наконец.

Цветные фото в моем детстве еще более редки, их делали профессиональные фотографы, обходившиеся в своем деле без колдовства и заклинаний. Мне эти снимки кажутся наполненными цветным сумраком, на них — неестественно раскрашенная жизнь, бывшая всегда черно-белой.

Мое детство прошло под тихую музыку, которая слышна на черно-белых фотографиях: деревянные скамейки в сером снегу, наклонившиеся к земле черные ветви берез, детская беседка под темно-серой зеленью сиреневых кустов, черная собака с белым пятном на шее, и я в сером платьишке, с вытарашенными от неведения глазами, в длинной на вырост курт-

ке, в серой мешковатой юбке, с длинными растрепанными волосами, сидящая, стоящая, летящая над скамейкой, никому — себе! — неизвестная, восхитительно новая в новом черно-белом мире.

Советский Союз

Я нетерпеливо ждала наступления настоящей жизни, которая начинается после окончания школы. Пока же все происходило словно понарошку, поэтому я не придавала особого значения ни событиям, ни людям вокруг меня. Сейчас та жизнь кажется монотонной, почти подземной, проходившей на советском тускнеющем фоне. По усмешкам взрослых, из обрывков разговоров и анекдотов я догадывалась, что любить советское стыдно. Но все кругом было советским: песни по радио, пальто и платья, фильмы и продукты, улицы и памятники. Другого мира не существовало, а этот был вечен, как земля и солнце. Меня он мало интересовал, ведь я приготовилась разгадывать тайны жизни, а он был слишком известен, обыден, одномерен. Кроме того, он был некрасив. Но он был знаком, как сосед по парте, я понимала его с полувздоха, полуслова, разбиралась в его интонациях.

Я знала, что все мы живем для высшей цели, требующей жертвенности и самоотречения, и, только служа этой цели, мы можем оправдать свое пребывание на земле. Но что это за цель — до конца было неясно. Прорыв ли к космосу, преодоление нашего вселенского одиночества, победа над смертью или растворение себя в невидимом прекрасном братстве? Хотя мне было тринадцать и я была бы всего лишь сестрой в этом великом братстве, я умела увидеть во многих незнакомых мужчинах и женщинах (даже тех, кто умерли, оставшись на фотографиях и картинках) будущее прекрасное человечество.

Но высшая цель, со всей ее неясностью, существовала в будущем, умаляя настоящее; мы жили в тени ее, поэтому сегодняшняя жизнь не имела большого значения, а мне хотелось жить сейчас. Я хотела, чтобы голос мой был

услышан сквозь толщу людских голосов и жизней, я боялась потеряться в народной массе, как называли нас те, кто сумел выбраться из этой массы и теперь утверждал, что видит цель.

Я помнила, что как пылинка массы я почти ничего не стою, и грубость людей, окружавших меня, даже вполне добрых и разумных, подтверждала мою незначительность в сравнении с чем-то великим и тайным, к чему они были причастны. Кассирши, кричавшие с высоты своих кабин, продавщицы, презрительно смотревшие сверху из-за прилавка, контролеры, медсестры, вахтерши, нянечки, секретарши — все были на страже чего-то важного, неизмеримо важнее, чем обычный человек, особенно человек, не выросший во взрослого. Я привыкла к грубости как к неизбежному сору. Хуже всего были коридоры, выкрашенные масляной краской, где приходилось дожидаться своей очереди. За дверьми, выходившими в коридоры, жили люди еще более важные, чем нянечки и продавщицы, они сидели за столами с бумагами, и бумаги давали этим людям такую силу, что приближаться к ним надо было очень осторожно, чтобы их грубый окрик не задел и не ранил тебя. В Ленинграде важность людей за столами была необыкновенной, почти что царственной, потому что сидели они в больших кабинетах с высокими потолками, за дубовыми столами, словно позаимствованными из русской классической литературы, из романов Салтыкова-Щедрина.

Но самым важным местом была Москва, а самым главным здесь — Кремль и Мавзолей. Мы стояли в очереди в Мавзолей с самого утра. Я никогда не вставала так рано, в пять утра, чтобы попасть в музей. Быть в Москве — значило однажды, после цирков и зоопарка, пойти в Мавзолей, в место святое, таинственное и страшное. Там была смерть, но смерть не окончательная, и тысячи людей шли посмотреть на нее. Я боялась мертвых, мне не хотелось видеть покойного, и в Мавзолее я старалась не поднимать глаз. Я была просто частью толпы, колеблющейся в холодном полумраке. Я медленно двигалась вперед в темноту. Я совсем не была уверена, что Он там есть. В последний миг боковым зрением я увидела Его,

лежащего в темном костюме. Он действительно существовал, существует.

Мавзолей был воплощением странной мистической власти Москвы над миром. Как сказочное подземелье Кошеч Бессмертного, он был средоточием магической силы, удерживавшей вместе огромные пространства. И люди стояли, чтобы прикоснуться к этой силе, увидеть связь живого и мертвого, действительности и мифа. Именно эта сила управляла страной. И когда ее магия была утрачена, вся материя стала непостижимо истончаться и гибнуть.

Мистика власти и мистика цели держали страну, где я жила и которая называлась Советский Союз. Я любила ее. Но это была слишком большая страна, чтобы интересоваться таким незначительным человеком, как я. Поэтому я не ждала взаимности. Я старалась отыскать для себя что-то простое, неочевидное, но необходимое мне.

Слова

Но где же моя история? Забыла ли я о ней, незабоченная повседневно, привыкая к ней день за днем, боясь опоздать, пропустить, сделать что-то не так? Осталась ли она в темноте детства коротким воспоминанием о блеске бутылочных осколков, предошущением судьбы?

Я жила, ожидая момента, когда мои предчувствия, тайное, не проявленное еще знание пробьются к свету с той неизбежностью, с какой распускается бутон под солнечными лучами. Пока же я пребывала в темноте незнания, не понимая, в чем суть моей истории и как ее рассказать. Я верила в совершенство слов и сознавала собственное несовершенство. Я старалась устранить пропасть между нами. Я не предполагала, что слова тоже несовершенны. И хотя наше несовершенство разное, однажды мы можем сыграть в унисон.

Я решила, что повествование лучше всего вести от первого лица, потому что из всех людей я лучше всего знала себя. Я полагала, что только субъективное может быть искренним, а значит, объективным. Я стала вести днев-

ник, как герои многих книг, надеясь, что когда-нибудь эти фрагменты вырастут в историю.

Писать оказалось трудно. Это требовало времени и усидчивости. Кроме того, умения располагать слова и события. Я подражала Жюльо Верну, Конан Дойлю и Коллинзу. Как опытный читатель я знала, что книга должна быть интересной. Но она должна быть правдивой.

Записывать же — значит, сочинять. Несовпадения жизни углубить несовпадением отражений о ней. Я не знала, что делать с несоответствиями.

История жила во мне как музыка. Но о музыке нельзя сказать: выдумка, такого не бывает. Я избегала точности фактов, чтобы передать звучание.

Слово требует от рассказчика особой правды — умения рассказать. Так это, правда, было? — хочет узнать читатель. — Не было, но правда, — говорит рассказчик.

И все же, как я ни старалась, я не умела слышать повседневность. Мир для меня был нем. Мне хотелось от него ясных ответов, как в детстве. Я желала чудесного исполнения своих желаний. Воплощение моей истории было главным из них. Я чувствовала странность этого желания и никому не рассказывала о

нем. Но в своих фантазиях я видела себя Дон Кихотом, странным, но мудрым в своих безумствах. Его правда была понятнее правды Марьи Петровны, копящей деньги на холодильник, мечтающей о даче и машине. Жизнь Марьи Петровны была предсказуема и уныла в своей предсказуемости. Книги учили меня свободе. Но мне хотелось, чтобы Марья Петровна, оторвавшись от будничных хлопот, сплетен и склок, восхищалась мной.

Но возможно ли вообще написать историю? Помочь ей родиться, войти в мир новым звучанием? Или пишущий о себе так или иначе обречен на воспоминания, игру с самим собой? Воспоминания — всего лишь рационализация прошлого, расправа сознания над непонятным, таинственным, мнимая победа над хаосом, бегство на привычные дорожки представлений о поэтическом абсурде, которым является наша жизнь в детстве.

□

Ирина Вильевна ЛЬВОВА —

доктор филологических наук,

профессор кафедры

германской филологии ПетрГУ.

Автор книг «Рассказы»

(2001 г., совм. с Т. Мешко),

«Если бы нас спросили» (2003),

«Вариации» (2009),

«Случайные гости» (2011).

Публиковалась в журналах

«Carelia», «Север», «Аврора» и др.

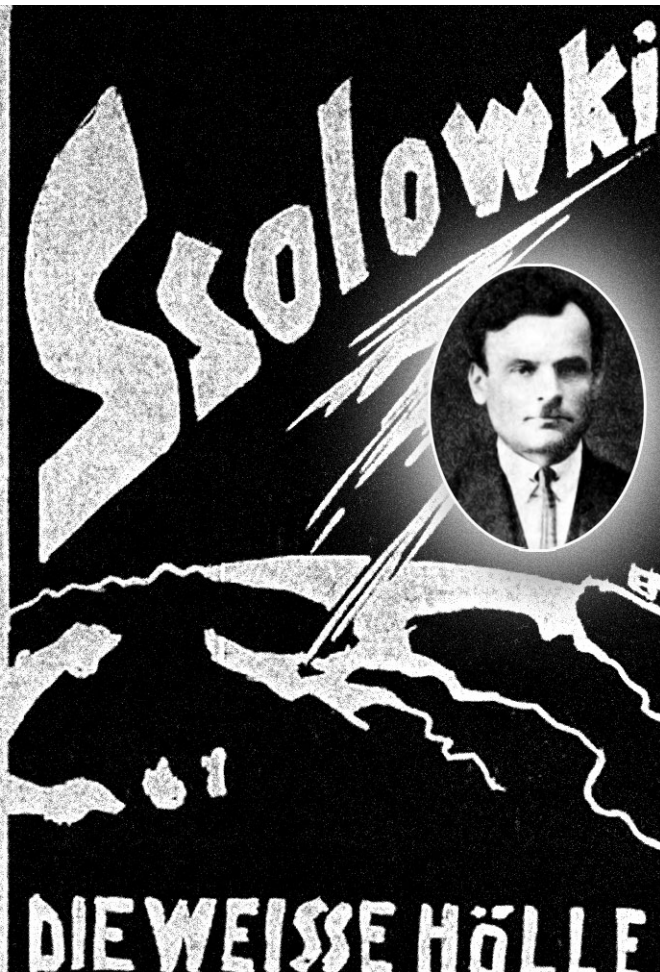
Член Союза писателей России.

Священник
Вячеслав УМНЯГИН
г. Москва

ВОСПОМИНАНИЯ ЭРАСТУСА -

АПОЛОГИЯ В ЗАЩИТУ ТОНИМЫХ ХРИСТИАН

Сначала 1920-х до конца 1930-х годов на Соловках, где прежде находился один из самых известных и чтимых российских монастырей, был организован Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

Рай в глазах многих современников превратился в ад: «На месте, где пятьсот лет чувствовалось дыхание Всевышнего, теперь лилась кровь невинных, и дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти... Слово «Соловки» из символа светильника веры и подвижничества стало «Самым Страшным Словом России» – С. С. С. Р.», – передавал свое впечатление об этом заключенный Борис Солоневич.

До сих пор остается загадкой: сколько человек прошло через соловецкое заключение, сколько людей осталось лежать в этой каменистой и болотистой земле? Но не менее важным представляется вопрос и о том, что происходило в умах и душах заключенных, что они теряли, а что приобретали, следуя своим скорбным путем? Ведь не «только страшной зияющей ямой, полной крови и растерзанных тел...», по словам Бориса Ширяева, были Соловки в один из наиболее трагических

периодов русской истории, но и местом, где «стоны родили звоны, страдание – подвиг, а временное сменилось Вечным...»

Представленный ниже перевод очерка о Соловецком лагере особого назначения, впервые предлагаемый российскому читателю, выполнен с австралийского издания Русского миссионерского общества «Solovki: A Living Cemetery», увидевшего свет осенью 1934 г. Возможно, этот текст является англоязычной репликой книги «Solowki. Die weisse Hölle», которая была выпущена тем же обществом в Берлине весной 1933 г. за подписью «миссионер Эрастус» («Возлюбленный»), либо другого, пока не выявленного источника.

Во вступлении к немецкому изданию оговаривается, что имя автора скрыто из-за желания оградить его от преследований. Дается и краткая характеристика текста: не литературное произведение, не поэтический вымысел, но жуткий отчет очевидца о тяжелой судьбе верующих людей, который изначально не предназначался для широкого распространения.

Между тем уже австралийский издатель сообщает о том, что книга пользуется феноменаль-

ным успехом, быстро расходуется в Америке и выдержала несколько переизданий в Англии. Не скрывается и авторство, опубликована фотография и предано гласности имя мемуариста – А.Петров. Ныне сведения об Алексее Петровиче Петрове (1885–1961) можно обнаружить на электронных ресурсах евангельских христиан-баптистов.

Его труд – апология в защиту гонимых христиан. Одновременно это и обличительный документ, который, как и большинство воспоминаний о Соловках 1920–1930-х гг., призван предупредить человечество о надвигающейся мировой катастрофе («огонь зла, который вспыхнул в России вследствие несправедливости людей, распространится по всему миру»), привлечь внимание международной общественности к творимым в СССР беззакониям.

Очевидно, что, уничтожая религию как явление, безбожная власть наносила основной удар по Русской Православной Церкви, или, как ее именует автор очерка, используя дореволюционные названия, Русской греко-кафолической, или Русской ортодоксальной церкви греческого обряда. При этом советское правительство не делало особой разницы между представителями различных исповеданий, о чем свидетельствуют официальные документы той эпохи, в которых дифференциация либо вообще отсутствует, либо в один ряд ставятся «православные и католические епископы и священники, еврейские раввины, магометанские муллы, сектантские пресвитеры, проповедники, диаконы».

Все они, писал об этом Борис Ширяев, «церковники-тихоновцы, федоровцы, баптисты и даже несколько масонов ... валютчики черной биржи, растратчики ... незадачливые дельцы советской торговли, а вместе с ними захваченные в облавах проститутки и торговцы кокаином», попадали в 1920-е гг. на Соловки. В печально известный концлагерь, где, по мысли генерал-майора Ивана Зайцева, большевики выработали карательную систему, нацеленную «если не на физическое уничтожение, к чему они стремились, то, по крайней мере, моральное подавление не только своих классовых и политических врагов, но и всех инакомыслящих».

В случае с баптистами ситуация усугублялась их принципиальным отказом от службы в армии, что служило поводом для обвинений в «антисоветском и антимилитаристическом поведении».

По всей видимости, «Эрастус» избежал первой волны гонений в декабре 1923 г., когда после завершения XXV Всероссийского съезда баптис-

тов многие лидеры движения были отправлены в ссылки и лагеря. Известен доклад «Иисус, я люблю Тебя», прочитанный А.П. Петровым в мае 1926 г. в Большом зале Дома Евангелия на Большом Васильевском острове, где проходило его миссионерское служение.

Из письма, предваряющего воспоминания о Соловках, следует, что их автор был арестован в Ленинграде в августе 1927 г., спустя семь месяцев приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен по этапу в Кемский пересыльный пункт СЛОНа, оттуда – на Мягостров.

Основу этой, по сути, штрафной командировки, расположенной в Онежском заливе Белого моря, по свидетельству поляка Франца Олехновича, зимой 1927–1928 гг. составляли «уголовники – воры, убийцы, аферисты», чья концентрация в обычных условиях была значительно ниже. Разнясь в деталях, касающихся численности заключенных, выполняемого ими урока по заготовке древесины и прочих нюансов, оба мемуариста созвучны в описании гнетущей нравственной атмосферы советской каторги («ужасные страдания, кажется, не пробуждают людей к подлинным ценностям; напротив, они становятся еще более бесчувственными и озлобленными, грубыми и скрытными, чем когда-либо»).

За лагерным сроком, который по вине администрации затянулся до осени 1930 г., последовали ссылка на север Архангельской области и работа на лесоповале, «где жизнь и условия существования были хуже прежних». Через год «Эрастус» бежал в Маньчжурию, куда спустя некоторое время прибыли члены его семьи, включая малолетних детей. Упомянутый факт абсолютно нетривиален. Известны побеги советских заключенных, но известны и те подозрения, с которыми они сталкивались за границей, где многие считали невозможным бегство из СССР без негласной санкции властей.

За границей миссионер описал свои мытарства с момента объявления приговора до путешествия по Китаю, которое в настоящей публикации опускается. В Харбине он присоединился к общине баптистов, стал помощником пресвитера, сотрудничал со шведско-американским миссионерским обществом. В 1934 г. основал сиротский приют, который просуществовал почти 20 лет до прихода к власти в стране коммунистов. В последние годы жизни А.П. Петров занимался пересылкой духовной литературы в СССР.

Хотя мемуарист находился в одной из лагерных командировок, свое произведение он посвятил Соловкам, объясняя собственную осведомленность тем, что, «во-первых, Мягостров, где я от-

бывал заключение, находится совсем рядом с Соловецким архипелагом, а во-вторых, потому что пароходы из Соловков часто заходили к нам».

Подобный акцент скорее всего объясняется повышенным интересом к Соловецкому лагерю со стороны русской эмиграции и иностранцев, уже знакомых с очерком Эсера «Соловецкая трагедия» (1924), материалами сборника «Letters from Russian Prisons» (1925), публикациями И.Савина «Очерки о Соловках» (1925–1926), воспоминаниями С.А. Мальсагова «Адский остров: Советская тюрьма на Далеком Севере» (1926), С.Курейши «Пять лет в советских тюрьмах» (1927), С.Свежевского «Петербург – Соловки – Париж» (1927), R. Duguet «Un baigne en Russie rouge. Solovki: L'île de la Faim, des Supplices, de la Mort» (1927), Д.Ю. Бессонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» (1928), А. Клингера «Соловецкая каторга. Записки бежавшего» (1928), Б.Л. Седерхольма «В разбойном стане (Три года в стране концессий и «Чеки»). 1923–1926» (1928), А.Р.Грубе «Рассказ человека с «того света» (1930), М. Леонардовича «На островах пыток и смерти» (нач. 1930-х), А. Чикаленко «Соловецка каторга» (1931), прот. Михаила Польского «Положение Церкви в Советской России: записки бежавшего из России священника» (1931), И.М.Зайцева «Соловки. Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти» (1931), которые к моменту бегства Эрастуса на разных языках вышли в Америке, Англии, Германии, Италии, Китае, Палестине, Польше, Финляндии, Франции, Чехословакии.

Не добавляя ничего принципиально нового к рассказу о жизни и смерти советских заключенных, он всячески подчеркивает особенности по-

ведения верующих людей, «которые, наравне с другими разделяя тяготы заключения, живут иной жизнью ... утешают многих в лагере: никогда не обвиняют, не проклинают и не поносят ... знают, что и волос не упадет с их головы без воли их Небесного Отца ... полностью предали себя Богу, благодарят Его за все ... даже смерть не страшит верующих людей, поскольку глазами веры они видят за воротами смерти вечный день, вечную радость и любовь Бога».

Как можно было заранее ожидать, конфессиональная принадлежность приводит автора к критике Православия и дореволюционного устройства русского общества, отчасти справедливой, во многом голословной, в массе своей – наивной, учитывая собственные свидетельства о жизни в Советской России.

Несмотря на несколько предвзятое отношение, в очерке признается бедственное положение Русской церкви («в России Православная церковь практически разорена»), упоминаются притеснения представителей духовенства, которые составляли большинство из тех, кто страдал за свои религиозные убеждения («надзиратель несколько раз сильно ударил рукояткой своего револьвера двух пожилых православных священников»).

Говоря в целом, предлагаемые вниманию читателя воспоминания о Соловецких лагерях – важное свидетельство эпохи, в котором через описание событий минувшего столетия доказывается вечная истина о том, «насколько несчастен мир без Христа».

□

Священник Вячеслав УМНЯГИН

родился в 1972 году в Москве.

Выпускник и преподаватель Православного

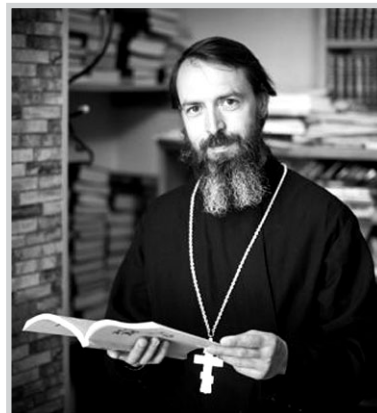
Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Автор публикаций по истории Соловков,

ответственный редактор

ряда изданий Соловецкого монастыря.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Миссионер Эрастус
(Алексей ПЕТРОВ)**

*Пер. с англ., вступ. ст., коммент.
свящ. В. Умнягин*

Письмо 1

«Скоро освобожден будет пленный».
Ис. 51. 14²

Спешу сообщить Вам, что милостью Божией я жив и пребываю в добром здравии. В течение долгого времени у меня не было возможности вести переписку с Вами. Теперь же Бог вывел меня из плена, в котором я пребывал так долго, и даровал мне свободу. Я был арестован в 1927 году в ... но теперь свободен! Господь вложил в мое сердце мысль о том, чтобы я покинул Россию. В октябре я пересек границу и теперь нахожусь в Китае.

В течение семи месяцев меня держали в следственной тюрьме в Л[енинграде], затем по решению Особого Совещания – сослали на Север. Там я провел три года и просидел еще лишних шесть месяцев из-за того, что в нужное время вместо меня по ошибке выпустили моего однофамильца. После окончания положенного срока я надеялся получить свободу, но вновь оказался на Севере, где жизнь и условия существования были хуже прежних. Но с помощью Божией я вынес все, а моя вера во Христа стала еще крепче. Надеюсь, что в ближайшее время здесь окажутся и мои близкие, о которых я ничего не знаю в данный момент. Трудно сказать, куда Господь направит ме-

ня, но пока я думаю остаться в Китае. Есть вопросы с визами, и у меня недостаточно средств, но я верю, что если Господь захочет куда-то направить меня, то Он устранил все препятствия. Я бы хотел поехать в Америку и послужить Богу там.

Другие братья все еще находятся в заточении. Они не знают о том, что я свободен, поскольку об этом невозможно было написать. Сейчас у меня много материалов, которые касаются судьбы этих страдальцев и миссионерского служения в России.

Мне пришлось пройти и проехать 9000 миль, Бог чудесным образом уберегал меня от Своих врагов. Много раз при весьма опасных обстоятельствах я подвергался допросам и обыскам, но Господь, верный Своему Слову, не оставлял меня. В настоящий момент я намереваюсь отдохнуть духовно и физически. Заботливые братья передали меня на попечение верующей семье, в которой я теперь живу, окруженный любовью и заботой. Я еще не участвую в делах духовного служения, т.к. не имею паспорта.

¹ Публикуется по: Missionary Erastus. Solovki: A Living Cemetery (Australian edition) / translated by N. Grushenkova. – Sidney, The Russian Missionary Society, 1934. – P. 30 / Пер. с англ., вступ. ст., коммент. свящ. В. Умнягин.

² Здесь и далее библейские цитаты приведены в соответствии с Синодальным переводом Священного Писания на русский язык.

Письмо 2

«Ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего».

Откр. 3. 8

Мои сердечные поздравления всем дорогим братьям и сестрам во Христе. Благодарю всех, кто вспоминал меня. В трудные минуты жизни я часто чувствовал мощную поддержку извне, новый свет и надежда заполняли тогда мою душу, ибо я знал, что это было молитвенное возношение обо мне в разных странах.

Страдания, через которые я прошел, воспринимались мною теперь как огненное горнило, в котором Бог очистил меня и сделал более пригодным для Своего служения. Я свободен, но многие братья погибли в заточении.

Были моменты, когда я стремился разлучиться с телом и предстать пред Богом. Но на то была Его воля, чтобы я вышел из темницы и покинул Советскую Россию. Не забывайте молиться об этой несчастной стране и тех братьях, которые проходят через чудовищные страдания.

Мы пересекли границу только с тем, что имели на себе. Ваша помощь пришлась очень кстати. Благодарю и за ту поддержку, которая была оказана моей семье во время моего отсутствия. Господь Вседержитель воздаст всем вам. В настоящее время я отдыхаю среди единомышленников. Мне хотелось бы открыть приют для тех, кто подобно мне всецело полагается на Бога, Отца Сиrot. Сначала я не знал, где открыть его, но, прожив два месяца в Маньчжурии, пришел к выводу, что это самое подходящее место для задуманного мною начинания.

Письмо 3

«Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же».

Евр. 13. 8

«Не оставлю тебя и не покину тебя».

Евр. 13. 5

Мои сердечные поздравления всем Божиим детям, которые живут за пределами Советской России. Силою благодати и божественной любви мы все живы и здоровы. Я благополучно перевез свою семью из семи человек в Харбин. Всего у меня четверо детей, старшему из них 10 лет, самому младшему – четыре года. Мы преодолели 140 миль на лошадях. В одном месте

во время ночлега на нас напали китайские грабители, которые похитили деньги и прочее добро, но Господь все это время не оставлял нас и привел в Харбин. Теперь мы свободны, счастливы и полны благодарности нашему Создателю и Богу.

Я составлю описание жизни на Соловецких островах, и как только появится возможность, вышлю Вам копию этих записок вместе с нашей фотографией.

Благодарю за Ваше сердечное отношение ко мне и членам моей семьи, за все то, что Вы сделали для нас, находясь в Лондоне и Риге. Примите мою самую сердечную благодарность и выражения любви ко всем братьям и сестрам, которые принимали участие в этом. Бог да воздаст всем вам.

В предыдущем письме я сообщал о желании открыть приют, но последние события резко изменили мои намерения. Харбин был захвачен японцами, и сейчас мы находимся под их властью. Что будет дальше, мы не знаем. Положение в городе не самое лучшее, в центре более безопасно, но на окраинах хозяйничают бандиты.

Здесь также находится отступивший от веры брат, который предал много христиан в Советской России, в результате они были арестованы и отправлены в концлагерь. Теперь этот человек вне церкви, поскольку многие знают о его поведении на родине.

Я хотел бы перебраться в Европу и в Америку. Материально мы сейчас полностью зависим от Бога, который никогда не забывал нас. Воистину, Он вчера и сегодня и вовеки Тот же. Он чудесным образом защитил меня во время заключения, и затем в течение долгого путешествия с дальнего Севера из Архангельска до Владивостока Его Рука покрывала меня и я чувствовал Его защиту. Мое спасение напоминало освобождение апостола Петра из темницы, несомненно, я решился бежать только по воле Творца.

Я испытывал крайнюю нужду в деньгах, чтобы обратиться к границе вместе со своими родными, и Господь поддерживал нас. Пересечение границы обошлось нам приблизительно в 150 фунтов. Я верю, что Бог не оставит мою семью. Это поразительно, как Он поддержал ее. В течение трех месяцев мои близкие питались исключительно кукурузой, и я ожидал увидеть их крайне истощенными, но Бог поступил с ними, как некогда с пророком Даниилом и его друзьями, которые отказались вкушать мясо и вино на пиру царя, но имели более цветущий вид, чем те, кто окружали их. Когда я встретил свою семью, у них также были розо-

вые щеки. Все братья в Харбине были поражены этим фактом. Я пишу это, конечно, ради похвалы Бога, Который никогда не оставляет Своих.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЛОВЕЦКИЙ ЭТАП

День отъезда из тюрьмы многочисленной группы заключенных в Соловецкие лагеря был отмечен необычайной суетой и беспокойством. Надзиратели все время рыскали с места на место, рассыпая вокруг себя самые изощренные ругательства. Не менее озабоченными казались и заключенные. Самым тяжелым испытанием для них является последнее свидание с родственниками. «Увижу ли я эти родные лица? Вернусь ли домой? Как долго пробуду в ссылке – три года, пять или 10 лет». Эти и подобные им вопросы заполняют мысли арестантов и их близких.

Людям только за два или три дня до отправки сообщают о том, что они приговорены к концлагерю. Тем не менее многие стараются заранее узнать как можно больше о жизни на Соловках, чтобы морально подготовить себя к этому испытанию.

Финансовые вопросы – скудные выплаты за выполненные в тюрьме работы – улажены. Заключенных выводят из общих камер, вслед за ними несут их следственные дела.

Тех, кого отправляют на Соловки, в семь часов вечера собирают в отдельной камере. Жалкие пожитки арестантов начинают обыскивать. Все тщательно и аккуратно упаковано, но конвой, которому предстоит сопровождать этап, не доверяет тюремной администрации, и все перематривается еще раз. При этом охранники присваивают себе то, что кажется им лишним для заключенных, вместо того чтобы вернуть вещи их родственникам.

После обыска в камере царит жуткий беспорядок; все разбросано, развязано, порвано. Звучит команда: «Быстро собраться». Опасаясь потерь, присутствующие стараются как можно быстрее подобрать свой скарб. Далее проверяются документы. Каждый получает хлебный паек и несколько селедок на дорогу до города Кемь, который является местом назначения.

По окончании всех приготовлений людей выводят в тюремный двор и выстраивают в шеренги. Вещи погружены на телегу, арестантов окружают конвоиры с обнаженными саблями и примкнуты-

ми штыками. Начальник отдает последние указания, предупреждая о том, что разговоры по дороге запрещены, а любые попытки к бегству будут караться расстрелом. В тот день из нашей тюрьмы предварительного заключения в концлагерь было отправлено шестьдесят человек.

Все формальности завершены, тяжелые железные ворота тюрьмы открываются, этап в оцеплении охранников выходит на городскую улицу. Ее яркий свет оказывает ошеломляющее воздействие на людей, они как будто попали в другой мир, где жизнь бьет через край. Сочувствующие, зеваки, целая толпа заполняет тротуары. Здесь есть и родственники заключенных. Последние размахивают платками, подают знаки головой, но узникам не разрешено даже смотреть в их сторону. Невзирая на запрет, некоторые близкие и друзья пытаются протиснуться к строю, однако конвоиры грубо отгоняют их.

Наша партия двигалась посередине улицы. Мы, верующие, оказались в первом ряду и поэтому хорошо видели наших дорогих братьев и сестер во Христе, которые пришли проводить нас. Они стояли по обеим сторонам дороги, многие кланялись нам до земли, когда мы проходили мимо. Процессия была очень торжественной; мы чувствовали себя героями, которые возвращались с великой победой.

Да, это и было нашим триумфом. Те, кто сдались во время следствия, – получили свободу, те, кто выстояли, – отправились в Соловецкий лагерь, чтобы довершить там свою победу.

Погрузка

Нас привели на Октябрьский вокзал и затолкали в вагоны, которые скоро заполнились людьми. Внутри было темно, на окнах стояли решетки, полки для сна были устроены в три яруса.

Спустя час мы увидели в окно еще одну партию каторжан, которых пригнали на платформу для отправки в концлагерь. Они прибыли из второго дома заключения в Ленинграде, пересыльной тюрьмы, куда собирали арестантов со всех концов России.

Поезд был переполнен, два купе в нашем вагоне занимали женщины, которых также сослали на Соловки.

Стояла ясная морозная февральская ночь; рядом с железнодорожными путями находилась хорошо освещенная площадь. Родственники – жены, дети, сестры и друзья – собрались на ней,

высматривая наш вагон. Несмотря на попытки охраны оттеснить их, родные все же смогли найти нас. Мы первыми разглядели их через окно, но не знали, как дать знать об этом. В конце концов, один сокамерник, имевший при себе салютную свечу, зажег ее и поставил на маленький столик рядом с окном. Охранники не поняли этой хитрости и не стали тревожить нас. Один за другим мы приближались к стеклу так, что собравшиеся на улице могли нас хорошенько разглядеть. Мы были рады, что родственники и друзья поняли эти действия. Они смотрели внимательно в нашу сторону, время от времени махали платками и руками.

Вооруженная охрана не подпускала собравшихся к вагонам, но все же среди солдат встречались добросердечные люди, которые были готовы оказать помощь. Они брали продовольственные посылки наших близких и передавали их нам. В передачах были хлеб, колбаса, фрукты и другая снедь.

Когда начальник охраны наконец разгадал наши сигналы, он приказал солдатам отогнать толпу. Свечу отобрали, мы погрузились в темноту.

В пути

В два часа ночи, когда погрузка заключенных была завершена, поезд тронулся. Испросив благословение у Бога на предстоящий путь, мы стали готовиться ко сну. Прошло три дня и три ночи, прежде чем мы добрались до конечного пункта нашего назначения – города Кемь, который стоит на берегах Белого моря.

Путешествие было благополучно завершено. По выходе из вагона нам приказали выстроиться в шеренги по пять человек. Начальник конвоя провел переключку, чтобы удостовериться, все ли на месте, после этого нас передали в распоряжение соловецкой администрации. Я не собираюсь рассказывать про все те ужасы, которые мы пережили на пути к лагерю, но лишь хочу описать яркую картину прибытия этапа и его встречи с охраной в Кемь.

Прибытие

Наше имущество было загружено на сани, вооруженные солдаты из числа заключенных окружили нас и погнали как стадо овец к карантинным помещениям, которые были расположе-

ны в трех километрах от железнодорожной станции. Охранники были очень жестоки. Их скотское поведение и грубые замечания постоянно заставляли наши сердца сжиматься от ужаса. Мы достигли карантинных зданий, которые были ничем иным как дюжиной больших бараков, выстроенных на морском берегу. Каждый из них был окружен колючей проволокой. Вновь провели переключку, те, чьи имена были названы, проходили за ограду и вставали в строй. Было очень холодно, стоял мороз, многие дрожали от холода, так как были плохо экипированы. Уголовники, особо нуждающиеся в одежде, стояли почти голыми, но на это никто не обращал внимания.

Как только закончилась переключка, охранники приблизились к нам. Была дана команда «Внимание», и командир полка обратился к новоприбывшим с речью. Сначала он обозвал нас контрреволюционерами и врагами советской власти, затем начал говорить об обязанностях каждого заключенного и тех наказаниях, которые последуют в случае неповиновения. Вслед за инструкцией по лагерной дисциплине вновь прозвучала команда: «Внимание». Никто не шеломнулся. Несчастных людей, ошеломленных от страха и грубого обращения, стали обучать военной дисциплине, репетировать приветствие и так далее. Не делалось никаких исключений, хотя в строю были люди разных возрастов, некоторые старше 80 лет. Только женщины были освобождены от военной муштры и отделены от общей массы заключенных.

Драконовская дисциплина

Начальник выкрикнул обычное военное приветствие. Ответ заключенных прозвучал вяло и нестройно. У большинства горло пересохло от жажды или было простужено, к тому же люди были голодны, но больше всего они нуждались в отдыхе после долгого и утомительного переезда. «В чем дело? Я не слышу вас. Отвечайте громче», – потребовал комендант грубым сердитым голосом. Заключенные повторили «Здра!..» Хотя на этот раз ответ прозвучал громче, но слышался разноречивой, когда одни только начинали приветствие, другие уже заканчивали его. Командир вновь пробасил: «Громче, еще громче, так, чтобы вас было слышно за 60 километров отсюда, отвечайте на одном дыхании». Эта комедия продлилась целый час. Изможденные люди все кричали и кричали своими хриплыми голосами, но не

сильно преуспевали в том, чтобы их приветствие звучало громко и слаженно. Начальник вышел из себя, нескольких человек он сильно ударил по лицу, что, конечно, не решило проблемы. Вначале я вместе со всеми пытался кричать, но видя, что это не имеет никакого смысла, стал только открывать рот.

Вслед за этим нам преподали еще несколько уроков военной дисциплины. Надзиратели долго пытались обучить валившихся с ног заключенных, но вновь не преуспели в этом. Было извергнуто немало самой отвратительной, непристойной брани. Они поносили Бога Отца, Спасителя, и все то, что было чистым и святым. Я пришел в ужас. Мерзкая атмосфера, казалось, пачкала мое сердце, отравленный воздух проникал в естество. Как Божье создание могло пасть так низко? Сердца этих людей были переполнены скверны и жестокости. Мы впали в уныние. «Что же будет дальше?» – спрашивали заключенные друг друга. Между тем охранники злились все больше, видя, что мы не делаем никаких успехов в военной подготовке.

Доведенный до бешенства комендант приказал нам сложить свои вещи и встать в строй. Прозвучала уже привычная команда: «Внимание». Мы подняли глаза. Только из-за того, что заключенные не преуспели в военной муштре, две сотни человек вывели во двор и заставили бежать вдоль колючей проволоки. Я никогда не забуду это ужасное зрелище. Старые, больные, голодные... все должны были мчаться, не отставая от других. Трудно сказать, зачем была нужна эта пытка? У этой гонки не было никакой цели, никакого смысла или практической пользы. Людей мучали просто ради мучения. Единственная причина, объясняющая жестокое поведение охранников, заключается в том, что администрацию и надзирателей Соловецких лагерей составляют сосланные сюда чекисты, люди, чье поведение не могут терпеть даже в ГПУ. Они превосходят друг друга, выдумывая все новые и новые пытки, которые применяются, разумеется, не без ведома московского начальства. Заключенных гоняли вокруг двора в течение долгого времени. Пожилые и слабые падали на землю, но их поднимали и принуждали бежать дальше. На глазах у многих стояли слезы, звучали стоны и проклятия. Надзиратели иронически ухмылялись, наблюдая за последствиями своего дьявольского изобретения. Я был настолько подавлен происходящим, что захотел бежать куда глаза глядят, лишь бы не выполнять приказы, но сумел взять себя в руки.

Какими ужасно несчастными и беспомощными выглядели мы. Бедные рабы, жертвы глупых политических идей!

Во время этой пытки многих избивали за то, что они отставали от продолжавших бежать под нескончаемые насмешки и проклятия надзирателей. Все почувствовали облегчение, когда узнали, что это первое испытание было закончено. Снова посыпались ругательства, нам приказали взять свои вещи и разойтись по баракам.

Размещение в бараке

На входе в барак нас в очередной раз обыскали, перетряхнув и тщательно осмотрев все вещи, причем часть вещей вновь была конфискована надзирателями. Наконец мы вошли в довольно большое помещение с двухъярусными нарами. Внутри было тепло, даже жарко. После того как заключенные разместились, принесли обед. Он состоял из миски фасолевого супа и кружки кипятка. Барак был переполнен: спальных мест не хватало, многие были вынуждены расположиться на полу. Арестанты начали ссориться. Стоял неимоверный шум. Некоторые пребывали в отчаянии, рассеянно озираясь вокруг себя, все еще не понимая, где они находятся. Что будет дальше? – этот вопрос тревожил каждого из нас.

Проснувшись ночью, я обнаружил вокруг себя массу огромных клопов, каких никогда не видел в своей жизни. Они впивались в мое измученное, усталое тело и высасывали из него последние капли крови. Не в силах выдержать этого ужаса, я вскочил и больше не мог заснуть.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СОЛОВЕЦКИЙ ОСТРОВ

Еще недавно Соловецкие острова были общепризнанной святыней, куда ежегодно стекалось множество православных паломников. Здесь был возведен величественный монастырь со странноприимными домами. Обитель была основана выдающимся монахом Зосимой и его другом Савватием.

Соловецкие острова находятся на Севере, в Онежском заливе Белого моря.

У Белого моря есть своя особенная северная красота и очарование. Вода здесь очень прозрачная, и если в безветренный день отправиться

в плавание на лодке, то можно разглядеть дно со всей его растительностью. Если в солнечный день смотреть на море с берега, то часто невозможно различить линию горизонта, небо кажется поглощенным водой. Отражение в воде настолько яркое, что, если была бы возможность оказаться посреди моря на едва выступающем из него камне, могло бы показаться, что вы стоите на небесах.

На Белом море много островов; некоторые из них покрыты травой и лесами, другие представляют собой голые скалы. Здесь часто дует ветер и налетает шторм. Лето в этих местах короткое; часто снег покрывает землю до середины мая, а холода наступают уже в начале сентября. Зимы не особенно холодные, но весьма снежные. Иногда температура падает ниже 30 градусов, но такие морозы длятся недолго. Как правило, средняя температура зимой около 15-20 градусов ниже нуля. Летом часто идут дожди, и в целом климат очень суровый.

В 1921–1922 годах советское правительство решило превратить Соловецкий архипелаг в концлагерь для тех, кто находился в оппозиции с коммунистическим учением³. Здесь было множество построек, келий, часовен, церквей, а также жилых корпусов для насельников обители и паломников. Все эти здания были конфискованы; лишь одна церковь была оставлена для совершения богослужений. Большая часть духовенства и монастырской братии была выдворена с острова, а помещения заняли заключенные.

Позже всю эту государственную систему называли С.Л.О.Н., что в переводе на русский язык означает Соловецкий лагерь особого назначения⁴. Так, монастырь превратился в страшную тюрьму, где тысячи людей раньше времени сошли в могилу. Соловки стали первым местом ужасных пыток, в которые в течение следующих десяти лет власти превратили многие беломорские острова и сотни участков суши вдоль всего морского побережья от Мурманска, расположенного на берегах Ледовитого океана до Архангельска. Во всех этих таежных районах заключенные трудятся в весьма суровых условиях. Почти вся лесная промышленность России держится на их плечах.

Но давайте возвратимся к описанию Соловецкого острова, а после перейдем к другим местам.

Кажется, Соловки служили местом заключения почти с самого начала существования. Здесь был построен великолепный собор, где православные священники ежедневно совершали богослужение. Священнослужители, облаченные в

позолоченные ризы и шелковые одежды, возносили молитвы и похвалу Богу, в то время как в темницах под храмом в самых ужасных условиях томилась заключенные. Несколько священников находились в этой тюрьме за то, что, просветившись чтением Евангелия, начали проповедовать в своих церквях. Но Священный Синод приговорил их к пожизненному заключению, заточив в темницах монастыря. Эти пленники больше никогда не выходили из подземелья и не освобождались. Такие законы существовали вплоть до революции. Выяснилось, что несколько баптистских проповедников были брошены в эти подземные казематы и погибли там. Их имена стали известны после того, как советское правительство прогнало монахов и завладело книгами и архивами монастыря, которые теперь хранятся в Соловецком музее⁵.

Уже до революции здесь было много мучеников, которые пострадали и умерли за Истину. Согласно историческим данным еще во времена правления царя Ивана Грозного те священники, которые стремились внести Божественную правду в жизнь Православной церкви, ссылались на Соловки для пожизненного заключения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИНКВИЗИЦИЯ И ИНКВИЗИТОРЫ

Мало что известно о том, как Евангелие распространялось среди православных людей. Но есть исторические свидетельства, и недалек тот день, когда ужасная трагедия человеческого зла откроется всему миру. История инквизиции в Испании и в других странах наполняет сердце ужасом, но история Евангелия в России куда ужаснее, поскольку везде Его проповедь отмечена кровью и жестокими страданиями.

В России Православная церковь практически разорена. Несмотря на то что где-то еще проходят церковные службы, надо признать, что про-

³ Лагерь принудительных работ для военнопленных Гражданской войны появился на Соловках в мае 1920 г. СЛОН был официально учрежден осенью 1923 г., но первых его заключенных – узников расформированных лагерей на территории Архангельской губернии доставили на Соловки еще в июне 1923 г.

⁴ В 1920-е гг. встречаются разные названия: Лагерь принудительных работ ГПУ на Соловецких островах; Соловецкие лагеря Особого назначения ГПУ; Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ГПУ; Соловецкий лагерь особого назначения ГПУ; Соловецкие концентрационные лагеря ОГПУ.

⁵ Подобные сведения неизвестны.

водятся они в самых стесненных условиях. Это крушение произошло из-за того, что Церковь переполнила чашу несправедливости. Евангелие подвергается жестоким гонениям и в наше время, но христиане готовы не только пострадать, но и умереть за своего Господа. Все эти гонения идут на пользу верующим. Части тела Христова, пройдя тернистый путь, становятся еще более укорененными и укрепленными в Боге. Никакие силы ада никогда не смогут вырвать их из рук Спасителя, ибо теперь Он Сам держит их.

Даже без учета многочисленных лагерных отделений, только на самих Соловках содержится приблизительно тридцать тысяч заключенных⁶. Большинство их – русские интеллигенты. Немало православных чтцов, диаконов, священников, епископов и архиепископов⁷. Как правило, на этот остров высылают тех, кто приговорен к сроку заключения от пяти до 10 лет⁸. Среди каторжан есть инженеры, учителя, профессора, промышленники, много баптистских и евангелистских проповедников. Есть и уголовники, но их сравнительно немного, потому что если Советская власть начнет преследовать в законном порядке всех, кого она считает преступниками, и будет ссылать их в концлагеря, то значительную часть России потребуется превратить в тюрьму.

Вследствие существующих условий жизни кражи и преступления, кроме политических, редко преследуются по суду. Люди, начиная от простого фабричного рабочего до комиссара, занимающего высокое положение в Кремле, не могут существовать ни на заработную плату, ни довольствоваться выдаваемым продовольственным пайком, поэтому вынуждены красть друг у друга. В России воруют все: нищий, коммунист, комиссар.

Россия полностью разграблена, там больше нет ни богатств, ни сокровищ, которые некогда находились в стране. Все было конфисковано у населения, даже сами конфискаторы потеряли все.

В России женщины носят очень короткие платья, значительно выше колен, что, конечно, позорно. Я спросил о причине этого, и мне сказали, что они не имеют достаточного количества материала, чтобы сделать одежды длиннее и носят их как есть.

Работа на предприятиях продолжается и днем, и ночью, но это сизифов труд, как говорят русские: «Работать, чтобы залатать дыры в кошельке». Слова Соломона лучше всего подходят к описанию происходящего в нашей стране: «Если

Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс. 126. 1-2).

Мне не хочется лезть к окружающим в душу, но сердце мое болит, я не могу молчать. Я хотел бы закричать на весь мир, что люди должны сойти с погибельного пути, должны обрести себя и познать Господа нашего Иисуса Христа, Который один может дать им настоящую свободу.

Опытным путем доказано, что свобода, навязанная определенной политической силой, привела несчастную Россию к такому рабству, которого мир не видел прежде. Только те в нашей стране могут чувствовать себя довольными, кто потерял всякую совесть, сочувствие и любовь; кто выбросил из своего сердца все чистое и святое, уступив место злу, которое торжествует победу.

Дверь спасения была широко открыта для нашего великого народа через проповедь Евангелия, но за исключением немногих большинство так и не уяснило спасительную благодать и отклонило Святую Жертву, принесенную ради них на Голгофе Сыном Божиим. Вместо этого они приняли того, кто был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо, когда говорит он ложь, горюет свое, ибо он лжец и отец лжи.

Теперь я куда как лучше понимаю смысл пришествия антихриста. О, печальная участь грешников, которые не приняли Иисуса как их Бога и Спасителя. Если бы они только знали, что их ждет

⁶ До начала строительства Беломорско-Балтийского канала, фактически «поглотившего» в декабре 1931 г. СЛОН, на Соловках архипелаге, островных и материковых командиров содержалось максимальное за всю историю лагеря количество заключенных. В 1928–1931 гг. число узников колебалось в пределах 63 000–73 000, из которых от 16 000 до 22 000 человек находились непосредственно на Соловках.

⁷ Сведения о составе соловецких заключенных носят дискретный характер, часто просто отсутствуют. Известно, что на 1 октября 1927 г. среди 12 896 осужденных (7445 человек находились на островах, 5451 – на материке) было 11 700 мужчин и 1196 женщин, в первую очередь крестьян – 8711 человек, затем мещан – 2504, рабочих – 629, дворян – 372, казаков – 344, почетных граждан – 213, лиц духовного звания – 119 человек и др. Абсолютное большинство заключенных составляли русские – 9364, затем шли евреи – 739, далее белорусы – 502, поляки – 353 и украинцы – 229 человек.

⁸ Летом 1929 г. вышло постановление СНК СССР об использовании труда заключенных, которое стало важным этапом на пути формирования Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ. Согласно документу в стране появились исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) при ОГПУ СССР, для осужденных на срок лишения свободы, превышающий три года, и исправительно-трудовые колонии (ИТК) при республиканских НКВД, для осужденных на срок до трех лет.

еще в этой жизни. Бог позволяет сатане показывать силу своей власти в России, чтобы предупредить человечество о том, что люди должны отворотиться от своего злого пути и начать служить Богу в Истине, иначе судьба России станет судьбой любой вырождающейся страны.

Церковь Христова должна сосредоточиться на этом обстоятельстве и быть готовой к встрече Бога.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СУРОВЫЕ СОЛОВКИ

«**О**, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего» (Иер. 9. 1), – так давным-давно сказал великий пророк Иеремия при виде ужасного бедствия, постигшего его соотечественников. Русский народ также переживает бедственные времена, и всякий, кто скажет слово правды о политике, будет арестован. Дело фальсифицировано, обвиняемый без дальнейшего расследования и судебного разбирательства приговорен к тюрьме, концлагерю или ссылке. Нет никого, кто бы стал защищаться, хотя каждый прекрасно понимает, что невиновен в выдвигаемых против него обвинениях.

В Москве действует специальная коллегия из трех или пяти человек, которые наделены ГПУ всей полнотой власти⁹. Судья, который проводит расследование, оглашает в своем приговоре, что тот или иной человек приговорен к трем, пяти или 10 годам. Несчастный получает лишь уведомление, которое содержит всего три строчки: «Слушали ... Постановили ... пять или 10 лет ссылки». Как только документ подписан обвиняемым, дело считается закрытым.

Все управление Соловецких концентрационных лагерей находится в руках самих заключенных. Ими же осуществляется надзор над узниками, что порождает страшную жестокость. Охрана поручена госслужащим, которые чем-то провинились при исполнении обязанностей. У них есть привилегии, они живут в лучших бараках, спят на отдельных деревянных топчанах. Эти люди получают специальное обмундирование и большой продовольственный паек. При необходимости они уполномочены применять любое насилие в отношении других. За преданную службу им сокращают срок заключения, помимо этого каждый месяц они получают небольшое жалование. В случае побега охранники выдвигаются в погоню,

получая дополнительную плату за каждый день поисков, а за поимку беглеца получают специальное вознаграждение. Честный человек никогда не возьмется за то, чтобы следить за своими союзниками. Только люди с темным прошлым – преступники, растратчики и подобные им – будут искать такую работу.

Многие из них были сосланы в Соловецкий лагерь не вследствие самого факта совершения преступления, а потому, что встали на пути вышестоящих лиц или не обладали достаточной квалификацией для того, чтобы покрыть свои долги, которые получили огласку, и замешанного в них человека судили и наказали лагерным сроком. Охрана заключенных, доверенная сильным чекистам, была настоящим бичом для каторжан. Известны случаи, когда такие надзиратели стреляли в охраняемых ими людей без всякой причины. Начальство всегда принимает сторону надзирателя, поскольку он может заявить, что убил человека из-за попытки к бегству.

Санитарные условия в Соловецком лагере самые ужасные. И доктор здесь назначается из числа заключенных. Он получает строгие указания освобождать от работы только тех, чья температура превышает 39°. Между тем есть болезни, которые не сопровождаются высокой температурой, но на таких людей не обращают никакого внимания, они должны продолжать свою работу.

Автор этих строк сам надорвал спину: разгружая тяжелые бревна и заготовливая лес, я повредил ее и не мог наклоняться без мучительной боли. Я пришел на прием к врачу нашего отделения, но вместо ожидаемой помощи был отослан обратно. Со слезами на глазах я пошел в лес, и мне сильно повезло, что трое верующих людей в течение целого месяца добровольно выполняли мою часть работы.

Едва ли из лагеря выходят здоровые люди.

Большинство заключенных больны, те немногие, кто чувствуют себя хорошо, смогли получить через связи сравнительно легкую вспомогательную работу. Совсем ослабевшим иногда позволяют выполнить половину от положенной нормы. В то время, когда я находился в концлагере на Мягострове, ежедневный урок состоял в том, чтобы срубить под корень 20 деревьев, очистить их от ветвей, затем распилить до определенного размера: семь метров в длину и от

⁹ Особое совещание при Коллегии ОГПУ – внесудебный орган, уполномоченный рассматривать уголовные дела по обвинениям в деяниях, угрожающих советскому строю.

девяти до 18 сантиметров по ширине. Обработанную древесину полагалось сложить в один или два штабеля. В каждой группе работают три или четыре человека. Следовательно, группа из четырех человек должна была обрабатывать 80 деревьев ежедневно.

У соловецкого начальства имеется специфический способ учета. Если врач находит заключенного неспособным выполнить норму целиком, ее снижают на половину, но при этом ожидается, что каторжанин каждый день будет заготавливать по 15-16 деревьев. И бесполезно пытаться убедить нарядчиков, что такой расчет является неверным.

Невозможно даже вообразить страдания несчастных людей, которые не в состоянии выполнить свою ежедневную норму. Таких заключенных на всю ночь оставляют в лесу. Немало и тех, кто подвергается подобной пытке каждую ночь.

На Мягострове в 1929 году содержалось около 300 человек: половина из них работала на территории лагеря, другая – в лесу. Оставшиеся в нем на ночь по приказу охранников разжигали большой костер. Самых заключенных сгоняли в кучу примерно в шести метрах от огня, где они стояли всю ночь, не двигаясь и не разговаривая друг с другом.

На следующее утро каждый из них получал по 400 граммов посланного из лагеря хлеба, и после этой скудной еды люди должны были продолжить выполнение своей обычной работы на других участках леса. Некоторые заключенные не возвращались в свои бараки в течение многих недель просто потому, что не могли закончить положенный урок в течение дня. Нетрудоспособные, голодные и обессиленные от нехватки сна, они проклинали все на свете, бранились и поносили Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Были случаи, когда у людей, которые провели всю ночь в холоде, были отморожены конечности и другие части тела.

В 1929 году приблизительно 68 человек искалечили свои тела, кто-то отрубал пальцы или кисти рук, другие калечили ноги, чтобы получить освобождение от ужасной работы в лесу.

Вся древесина, экспортируемая Советской Россией в другие страны, окрашена кровью заключенных и пропитана их слезами.

Я и сам был свидетелем таких ужасных сцен. Один раз, закончив работу, я возвращался к баракам и обратил внимание на то, что вся лесная просека была в крови. Объяснялось это тем, что какой-то бедняга отрубил себе ногу, и, когда его,

искалеченного и кровоточащего, волокли в барак, он залил дорогу собственной кровью.

Однажды изможденный заключенный приблизился к костру, у которого грелись охранники, и попросил разрешения возвратиться в барак, т.к. чувствовал себя больным и обессиленным. Но надзиратели отказали ему в этом и, рассыпая оскорбления, стали угрожать карцером в случае, если он продолжит жаловаться. Несчастный взял топор и на глазах у всех отрубил большой палец левой руки. Один из вооруженных охранников сказал: «Продолжай, ты отрубил слишком мало». Заключенный вновь поднял топор и отсек левую руку целиком.

Просто вообразите себе то ужасное состояние, до которого довели человека, сознательно идущего на такой шаг, какая жестокая внутренняя борьба должна была происходить в нем. Ужасы испанской инквизиции блекнут при сравнении с ужасами советской деспотии.

В другой раз к костру подошел молодой человек, который едва передвигал ноги. Его сердце горело страстным желанием жить. Далеко дома его любимые – жена и дети – с нетерпением ожидали возвращения папы, который отсутствовал так долго. Он пытался выполнить свою ежедневную норму, но эта работа была непосильной для него. Изю дня в день он становился все более изможденным, ему не хватало сил для работы. Семья же была слишком бедна, чтобы поддерживать его деньгами или продовольственными посылками, без которых невозможно было выжить в лагере.

Приблизившись к огню, заключенный опустился на снег. Вооруженные охранники кричали на него, понуждая вернуться в лес и вновь приступить к работе, но человек не мог двигаться. Он умолял, чтобы ему дали хотя бы обогреться у костра. Дрожа всем телом, он упал. Один из надзирателей подошел к нему и ударил ногой в бок, но никакой реакции не последовало. Тогда заключенного начали поносить, называть бездельником и обманщиком. Когда его, наконец, взяли за руки, чтобы оттащить от огня, стало понятно, что человек мертв. Все его страдания и мучения отразились на лице. Напрасно будут дети ждать своего папу; он никогда не вернется. Молодая жизнь была оборвана жестокой рукой. Я знаю тысячи таких случаев.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СОЛОВКИ И СТРАДАЛЬЦЫ

Говоря вообще, человеческая жизнь в концлагерях не имеет никакой ценности, она не дороже жизни насекомого. Преступникам с садистскими наклонностями дают неограниченную власть над жизнью и смертью заключенных. Помните, что в Соловецком лагере все охранники и надзиратели – бывшие чекисты-садисты, т.е. агенты тайной полиции, чьи руки и сердца запятнаны человеческой кровью. Они прошли полный курс обучения у таких наставников, как Дзержинский, Ягода, Уншлихт. Помните и о том, что все чекисты ужасно развращены и большие пьяницы.

Я слышал от одного заслуживающего доверие человека (кроме того, я и сам знаю это, потому что, во-первых, Мягостров, где я отбывал заключение, находится совсем рядом с Соловецким архипелагом, а во-вторых, потому что пароходы из Соловков часто заходили к нам) такое описание террора.

Приблизительно тридцать тысяч заключенных находятся на главном острове архипелага, тогда как другие рассредоточены на соседних островах и вдоль побережья Белого моря. На острове есть узкоколейка, проложенная посреди леса. По этой железной дороге заготовленный лес и дрова вывозятся в заселенные части острова. Здесь действуют кожевенная фабрика, механическая и столярная мастерские, литейный завод, силами заключенных производится оборудование для нужд Красной армии. Развиты и многие другие промыслы, такие как рыболовство, имеется завод по засолке рыбы и прочее.

Все работают без оплаты, получая продовольственный паек, одежду и места в грязных бараках, которые кишат паразитами и другими насекомыми типа клопов и тараканов; летом здесь роятся мухи и комары. Хотя заключенные добывают много рыбы, они не имеют права есть ее и получают только отбросы. Было время, когда правительство СССР закупило на иностранных рынках дешевую рыбу самого низкого качества для заключенных лагерей. Одновременно с этим правительство экспортировало за границу добываемый ими улов. Импортная рыба плохого качества пошла не только заключенным, но и фабричным рабочим во многих советских городах. Ради утоления голода люди были рады и этому.

В 1929 году на Соловках было 29 000 заключенных мужчин и женщин. Самый большой при-

ток каторжан приходится, как правило, на осень. В течение зимы сообщение с островом, который расположен приблизительно в 60 километрах от материка, прерывается. Белое море покрывается льдом только вдоль берегов (примерно на расстояние пяти километров), тогда как остальная часть его акватории не замерзает из-за многочисленных течений. Время от времени зимой на остров отправляется специальный самолет, другого способа поддерживать почтовое сообщение нет. Имеется несколько лодок, которые могут передвигаться между островом и материком, но эти суда часто погибают в пути, так и не достигнув цели. Бывает, что их затирает в ледяных полях, которые отрезают путь к открытому морю. Если гребцы чудом высаживаются на какой-нибудь остров, то они пытаются подать оттуда сигналы бедствия проплывающим мимо кораблям, но если эти знаки остаются незамеченными, то люди умирают от голода. Известны случаи, когда такие почтовые лодки уносило в открытое море и их экипаж замерзал или погибал от истощения. Я сам был свидетелем этого.

Одна такая почтовая лодка с двумя гребцами на борту пристала к берегу Мягострова. В поисках человеческого жилья эти люди набрали на лагерь и прожили с нами около двух недель. Они рассказали нам о своих товарищах, которые погибли в море. Эти двое мужчин были единственными, кому удалось спастись. Лодка, на которой они пересекали море, в течение долгого времени металась по волнам. Наконец она достигла небольшого, покрытого льдом острова. Когда карбас пристал, некоторые члены экипажа решили подняться на обледеневшую возвышенность для того, чтобы определить свое местоположение. Во время их отсутствия отлив увлек лодку вместе с плавающим льдом. Когда люди возвратились на берег, их судно было уже далеко в море. Можете вообразить себе ужас тех, кто остался на необитаемом острове. У них не было запаса еды, никакой одежды или воды для питья, все это находилось в лодке. Люди были обречены на смерть, поскольку им предстояло либо замерзнуть, либо умереть от голода. Это почтовое сообщение также осуществлялось заключенными.

Как я уже говорил, осенью 1929 года на Большом Соловецком острове находилось 29 000 узников, но с наступлением весны, когда было возобновлено морское сообщение, выяснилось, что в живых осталось всего 9000 человек, да и те

были крайне ослаблены и казались развалинами¹⁰. Среди них был один из братьев Морозовых, принадлежащий известной семье тверских промышленников.

Таким образом, приблизительно через пять-шесть месяцев из 29 000 человек – 20 000 погибли. Те, кто освидетельствовали их смерть, говорили, что никого не хоронили в отдельных могилах, тела подобно мусору бросали в общие ямы без каких-либо церемоний, а после присыпали мерзлым песком и землей.

Только в одном Соловецком лагере было замучено 20 000 человек, которые раньше времени сошли в могилу. Многие погибли от холода не только из-за отсутствия одежды, но и потому, что, не имея сил выполнить ежедневную норму, были вынуждены проводить ночи в лесу, где не могли даже обогреться у костра.

Многие умерли от голода, поскольку их пайки не хватало для поддержания сил. Хуже всего приходилось тем, у кого не было родных, которые могли бы отправить им продовольственные посылки. Обычно в течение зимнего периода заключенные их не получают, хотя родственники и продолжают посылать передачи, которые скапливаются до начала морской навигации на причале в Кеми. Однако с наступлением весны там остается лишь очень небольшое количество еды, поскольку часть ее съедают крысы, другая – разлагается, бывает и так, что охранники пользуются содержимым посылок. Таким образом, заключенные получают свои передачи или с испорченными продуктами, или только очень небольшую их часть.

Многие умирают от сыпного тифа, ужасного поветрия, бушующего среди каторжан, бороться с которым медицинские работники неспособны. Никто из заключенных не помянет добрым словом этих эскулапов, которые только создают видимость, что проявляют заботу к миллионам советских узников.

Врачи на Соловках выбираются, скорее всего, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к лагерю каторжных работ, где нет места для специалиста, который был бы честен или хотя бы не окончательно потерял совесть. Только те, кто полностью подчиняются требованиям главного чекиста, могут работать в концлагере, иначе они сами попадут на общие работы. Весь медицинский персонал – доктора, их помощники – заключенные, чья этика сопоставима с нравственными понятиями лагерных надзирателей. Они игнорируют жалобы людей на плохое самочувствие или

усталость. Врач меряет больному температуру, и если она ниже 39°, человек не получает освобождения от работы. Медики обычно оскорбляют пациента, обвиняя его в симуляции, поскольку, по их мнению, пока у человека есть голова, способность двигать руками и ногами, он может работать. С таким диагнозом больного выгоняют вон. Я заявляю об этом на основании собственного опыта.

Многие умирают от цинги. В одном бараке из ста человек, страдающих этим недугом, выжили только пятеро. В то же самое время нужно помнить, что в условиях большой нехватки еды, одежды и медицинских принадлежностей даже самые квалифицированные специалисты мало что могут сделать для своих пациентов. Это ужасное положение дел оказывает весьма деморализующее воздействие на медиков, даже на лучших из них. Я наблюдал за доктором, который, будучи человеком исключительной порядочности и сострадания, со временем стал как все. В начале он, правда, боролся, терпеливо переносил попреки и ругань надзирателей, но, в конце концов, сдался. Без сомнения, собственная жизнь была ему дороже, чем жизнь ближнего.

Кто-то умирает от пыток, кого-то пристрелили чекисты-охранники. На Соловках ежедневно совершаются самоубийства: заключенные вешаются, топятся, бросаются под проходящие поезда, отрубают себе руки и ноги, только бы освободиться от невыносимого труда. Наблюдая за происходящим, можно легко понять, какое уныние царит среди медиков, как атрофируются их сердца к боли и мучениям отдельного человека. Все это теряется в океане общих страданий. Только здесь понимаешь русскую пословицу: «Лес по дереву не плачет». Обычно беглых заключенных расстреливают на месте. Бывает так, что их тела выставляют на видном месте возле барачных или туалетов и оставляют там в течение двух недель. Это делается специально с целью нагнать на других заключенных страх и удержать их от попытки побега.

Те, кто не способен трудиться в лесу, например пожилые православные священники, должны трудиться в самом лагере. Их часто заставляют во-

---

¹⁰ По официальным данным, за первые десять лет существования Соловецкого лагеря в нем погибло 7500 человек. О гибели в беломорских лагерях зимой 1929–1930 гг. во время эпидемии брюшного тифа и дизентерии более двадцати тысяч заключенных, – сообщается в воспоминаниях других заключенных.

зить воду на санях из отдаленных мест, даже летом, хотя это очень трудно. Концлагерь является примером жестокой насмешки над людьми.

В СЛОНе существует сто десять узаконенных видов наказаний. Например, несмотря на то что у каждого есть свой срок заключения в три, пять или 10 лет (хотя, строго говоря, никто не в состоянии выдержать 10 лет такой жизни), это совсем не означает, что после его окончания человек будет немедленно освобожден.

Как правило, дело отсылается в Москву в Административно-организационное управление ГПУ. Начальник концлагеря, который ведет наблюдение и фиксирует беседы, поведение и работу каждого заключенного, посылает свою характеристику относительно его образа жизни и мыслей. Часто бывает так, что в конце срока заключенному добавляют еще три или пять лет каторжных работ. Наиболее мягкий приговор – дальнейшая ссылка на Крайний Север, Сибирь, Урал или Азию.

Что касается меня, то после окончания положенных трех лет я был оставлен в лагере еще на шесть месяцев, поскольку, как шутили в канцелярии, вместо меня по ошибке выпустили моего одноклассника. После этого московское начальство приговорило меня еще к трем годам ссылки на север Архангельской губернии.

Условия жизни там были не лучше, чем в концлагере, а в чем-то даже хуже. Ужасные страдания, кажется, не пробуждают людей к подлинным ценностям; напротив, люди становятся еще более бесчувственными и озлобленными, грубыми и скрытными, чем когда-либо.

Мы, верующие, чувствовали в лагере проявления божественной любви, но другим заключенным этого не дано. Их сердца закоснели против Бога, Который один может рассеять царящую тьму Своим вечным Светом. Теперь я, кажется, лучше понимаю, как будет выглядеть будущее состояние грешников, которые подобно сатане никогда не придут к раскаянию. Лукавый знает, какое наказание предопределено ему Богом, но он никогда не признает своей вины и не покается.

Верующие, которые наравне с другими разделяют тяготы заключения, живут иной жизнью. Они утешают многих в лагере: никогда не обвиняют, не проклинают и не поносят. Они знают, что и волос не упадет с их головы без воли их Небесного Отца. Они полностью предали себя Богу, благодарят Его за все и знают, что Добрый пастырь Иисус Христос ведет их Своим особым путем на «злачные пажити» и к «водам тихим».

Действительно, этот путь трудный и тернистый, но Бог никогда не оставляет их и дает силы немощным. Даже смерть не страшит верующих людей, поскольку глазами веры они видят за воротами смерти вечный день, вечную радость и любовь Бога.

Огонь зла, который вспыхнул в России вследствие несправедливости людей, распространится по всему миру. Насколько несчастен мир без Христа! Дом, который не построен на камне, разрушится, и его крушение будет великим. Вечно только то, что основано на воле Божией, и никакие бури и шторма не повредят его. Это зиждется на камне, который есть Христос Страдавший и Распятый.

Через горнило этого огня прошли и верующие люди. Те, кто не родился для Бога, погибли, ибо сказано в Священном Писании: «всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15. 13).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. БОЖЕСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ ОТ ГИБЕЛИ В ОЗЕРЕ КАРАСЬ

После того как в октябре 1930 г. закончился срок моего пребывания в Соловецком лагере, я был приговорен еще к трем годам ссылки на север Архангельской губернии. После мучительного карантина в К[еми] восьмерым лагерникам позволили выйти за ворота пересыльного пункта. Хотя нас и сопровождали три конвоира, мы почувствовали себя более свободными, когда ворота закрылись за нами. Православные обнажили головы и осенили себя крестным знаменем. Мы, трое верующих в Жизнодавца Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, также сняли головные уборы и поблагодарили Бога в своих сердцах за то, что Он до сей поры хранил нас. Мы разместились на борту судна, которое шло по направлению к Архангельску, и радовались путешествию по Белому морю, ощущая себя свободными. Двигаясь в Архангельске вдоль Северной Двины, мы видели по берегам работающих вольных людей и надеялись на то, что и сами вскоре получим свободу и будем, хотя бы и в ссылке, вести человеческое существование. Но наши надежды не оправдались. В Архангельске конвой передал нас в местное ГПУ, и мы как рабы были проданы тресту «Северные леса». Наши протесты не были услышаны. По закону мы имели право на выбор работы и места проживания в определенном районе,

но местная администрация лишила нас этих прав. Вообще, в Советской России не существует свободных людей. Все они рабы, которые живут вопреки собственным желаниям.

Нас, примерно два десятка человек, пригнали ночью в бараки, настолько грязные и темные, настолько кишашие паразитами всех видов, что ничего подобного нельзя было вообразить. На следующий день нас посадили в поезд, выдав на весь день граммов по 500 хлеба и по одной селедке. Проехав часть пути, мы были вынуждены еще около семи километров идти по болоту. Путь, в который мы отправились ранним утром, завершился поздним вечером. Несколько раз мы соскальзывали с гатей, которые указывали дорогу через топь, и падали в воду. Все промокли и продрогли, так как к тому времени уже выпало немало снега. Когда мы пришли на место, нас вновь поместили в барак. Казалось, что условия здесь были гораздо хуже, чем в концлагере. Каждый день нам приходилось выполнять определенный объем работ, получая взамен маленькую хлебную пайку. Из всех наших заработков вычиталось 25%, поскольку мы были абсолютно бесправными людьми. Нам даже не выдавали зарплату, кроме небольших сумм, которые шли на покупку продуктов. За большими никто не ухаживал, в лесу они должны были трудиться наравне с другими. Я хорошо помню, как надзиратель несколько раз сильно ударил рукояткой своего револьвера двух пожилых православных священников за то, что они по болезни остались в бараках.

Несмотря на трудные условия, Бог поддерживал нас духовно, даже гонимые, мы могли свидетельствовать о Христе. Однажды в ноябре, закончив ежедневный урок, мы с товарищем возвращались на ночевку в барак. Нам надо было преодолеть озеро, которое к тому времени уже покрылось тонким льдом. Озеро можно было обойти кругом, но мы решили пройти напрямую через водоем, глубина которого местами достигала сотни метров. Я пошел первым. На плечах я нес топор, веревку и длинную тонкую жердь, которой отмерял заготавливаемую древесину. Мы благополучно миновали середину озера и приближались к противоположному берегу. Когда до него оставалось приблизительно 75 метров, я почувствовал, что лед начал ломаться. Я попытался быстро пробежать оставшееся расстояние, но провалился в воду. Изо всех сил я стремился выбраться на поверхность, но лед проваливался и я не мог удержаться на нем. Топор и веревка утонули, но мерный шест лежал на льду вдалеке от меня. Мой

напарник, видя, что я тону, спасая свою жизнь, убежал в обратном направлении. Обувь и ботинки намокли и тянули ко дну. Все мои усилия выбраться на лед были напрасны. Не было никого, кто мог бы прийти на помощь, а силы оставляли меня. Я попал на глубокое место. Я не боялся смерти, поскольку знал, что смерть была побеждена моим Спасителем, через веру в Которого я имел вечную жизнь. Тем не менее я хотел жить и работать на Него. С этим чувством я воскликнул: «Бог спасет меня, или я погибну». И Господь сотворил чудо посредством моей палки, которая, будучи недосягаемой, вдруг оказалась рядом. Я протянул руку и схватил ее. Я был по горло в воде, но при помощи мерного шеста Бог позволил мне постепенно вылезти на лед, который больше не ломался. Он совершил чудо, по тончайшему льду мне удалось добраться до берега, и через несколько минут я уже был в бараке. Собратья во Христе и друзья радовались со мной этому замечательному избавлению.

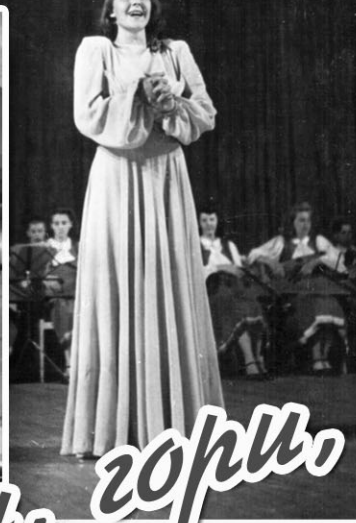
Бог вчера и сегодня и вовеки Тот же.

Это пример только одного чудесного избавления среди тысяч. Бог даст, в другое время я опишу некоторые события в моей жизни, когда Господь показал Свое милосердие и помощь во время нужды.

Елена КУБЛИ

г. Петрозаводск

«Тори, горько
моя звезда...»

Воспоминания бабушки о своей жизни всегда связаны с музыкой. Одна из передач, приуроченная к юбилею певицы, начиналась так¹:

«Сама я родилась в Калининe. У нас пела вся семья. Главное – у нас пела мама. Нас было пятеро, и когда мы садились за стол, мы не просто сидели за столом, мы работали: мама приносила клеить конверты, надо было зарабатывать деньги – и пели, очень любили петь. К нам приходили соседи слушать нас. Мама – она дала нам все.

Я окончила школу в Калининe, а вскоре умер наш отец, осталось четверо детей, я – третья. Конечно, было не до учебы: днем разносила военные повестки (незадолго перед сороковыми), а ночью – стирала. Находила время только для репетиций в самодеятельности, а после репетиции, возвращаясь ночью домой, распевала арии из оперетт. Три раза в месяц занималась с преподавателем из консерватории. Когда семье стало чуть легче, поступила в Калининское музыкальное училище в класс вокала, мне было уже 20 лет. Вот тогда я почувствовала, что мне нужно обязательно петь...

...К нам в Калинин часто приезжал С.Я. Лемешев. Когда я оканчивала первый курс в Музыкальном

училище, мои преподаватели пригласили Сергея Яковлевича послушать меня, определить, какой голос, потому что были сомнения: кто-то говорил, что нужно вести меня дальше как низкий голос, кто-то – как верхний (мой преподаватель вела меня как сопрано).

Послушал он меня – я ему пела программу – и сказал: «Не могу вам сказать, точно определить, какой это голос, но то, что ей надо ехать в Москву учиться, – это обязательно».

Приехала я в Москву в 1939 году. В объявлении было написано, что прием студентов в Государственное музыкальное училище имени Гнесиных закончился, и я решила обратиться к Елене Фабиановне Гнесиной, о которой много слышала.

На экзамене от волнения вдруг «зажало» горло – не могу петь. Вместе с Еленой Фабиановной сидела другая женщина, она спрашивает: «Как зовут девушку?» Елена Фабиановна отвечает: «Мила». «Спой нам, Мила!» Запела – разлилась!

Голос звучит! Я пела романс Шарля Тома «Знаешь ли ты страну»:

*Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..*

*Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.*

Как потом сказала «другая женщина» – Ольга Федоровна, впоследствии мой дорогой, ласковый и обаятельный преподаватель по вокалу, это был любимый романс Гнесиной...

«Ну, милая, – заулыбалась Елена Фабиановна, – берем тебя на второй курс! Даже на третий взяла бы, но другие предметы...»

Так Елена Фабиановна порекомендовала меня хорошему педагогу, устроила в общежитие. «Ты будешь петь в Большом театре!» – сказала она мне.

В училище проучилась второй и третий курсы. Питалась бог знает как, часто сидела голодная. Но ведь не я одна такая была...»

Не забуду, как образно бабушка рассказывала: от девушек, с которыми она жила в одной комнате в общежитии, вкусно пахло свежее испеченными булочками.

Их можно было купить неподалеку. Но у Милы не было такой возможности. Помню куда-то далеко устремленный взгляд ее серьезных голубых глаз и тот момент, когда этот взгляд становился вновь задорным, и она бодро заканчивала фразу:

«А я зятяну ремешок еще на одну дырочку и пою!»

«Очень поддерживала Елена Фабиановна, все время что-нибудь придумывала: то накормит, то найдет возможность денежного подспорья. Как-то отправила меня читать лекцию об искусстве вместе с профессором. В итоге лекцию читал, конечно, он, но деньги сказал отдать талантливой студентке. И хотя мне дали только половину, была счастлива: накупила продуктов, отвезла маме».

«Завтра была война»

Мечта об уготованной для Милицы Кубли легендарной сцене Большого театра уступила место реальности.

О том, как она жила в годы войны, бабушка рассказывать не любила; по отрывочным воспоминаниям помню о голоде, холоде, болезни малолетней дочурки (еле выходили).

Её коллега по цеху Синикка Мальми² пишет об этом так: «Я познакомилась с Милицей в 1943 году в Беломорске. Тогда все работники культуры и руководство Карелии были эвакуированы туда. Мы жили в длинном дощатом доме. Очень холодном. Милица Кубли поселилась по соседству. У нее была дочь – Ирочка. Мы часто заходили поиграть с ней. Рядом располагалась воинская часть. На ее территории нас больше всего привлекали костры напиленных и наколотых дров. Их мы и выпрашивали у часовых. Добрые солдаты редко когда отказывали. Скажут: «Бери скорей – и марш отсюда!» Глядишь – и опять есть чем печку топить».

Бабушка вспоминает: «...В 1941 году началась Великая Отечественная война, и какая уж тут учеба? Сначала была с семьей, а в ноябре 1942 года стала певицей Ярославской областной филармонии. Директором филармонии был Александр Ефимович Уманский, он и пригласил меня в Беломорск, а после – в ансамбль «Кантеле». Так в 1943 году я и стала солисткой «Кантеле».

О выступлениях ансамбля в годы войны дают представление дневники М.И. Гаврилова³:

27 февраля 1943. Беломорск

Евгения Рапп уволилась. Ее дублирует пришедшая к нам М.Н. Кубли – меццо-сопрано. Правда, оркестру все ее вещи надо транспонировать, но раз надо – значит надо... Едем на два концерта в Сумпосад, древнее поморское село, родину многих отважных мореплавателей и профессиональных рыбаков.

Дали концерт (театрализованную программу) в ДК. Оркестр сидел на полу, остальные группы (хор, танцы, солисты) – на сцене. Получается оригинально, ново, интересно.

4 марта 1943

Наши заняли ряд городов и населенных пунктов, в том числе Ржев. Здорово! Молодцы!

9 марта 1943

На днях И.В. Сталину присвоили звание Маршала Советского Союза. В театре дали объединенный концерт с артистами музыкального театра в честь праздника женщин – 8 Марта. Получилось интересное сочетание оперетты с народным искусством.

10 марта 1943

Неважно. Наши сдали Лозовую, Краматорскую, Павлоград. Это временно, так мы и думаем.

13 марта 1943

Наши заняли Вязьму, г. Белый (Смоленская обл.). Репетируем «Песню итальянских моряков», «Весну» Грига, «Осеннюю песню» Чайковского.

16 марта 1943

Какая досада. Наши сдали Харьков.

Дали открытый кассовый концерт в пользу семей фронтовиков. Да ведь кроме концертов ежедневно репетиции.

Я.М. Геншафт⁴ проделывал с нами всевозможные выкрутасы, даже на концертах, предварительно предупреждал – будьте внимательны. Метод Геншафта помогал нам, неучам, вникать в тонкости музыки. Еще до войны в Петрозаводске в нашу обязанность входило посещение всевозможных музыкальных лекций. Такие лекции читались ленинградскими музыковедами исключительно доходчиво. Сам Геншафт был хорошим лектором, он приглашал на репетиции Вишкарева, Раутио, Йоусинена. Они обязательно рассказывали о себе или других композиторах, особенно тех, которых мы исполняли. Геншафт никогда не начинал репетицию новой вещи без вступительного слова. Например, он очень образно рассказывал о «Весне» Грига, расшевелил нас, обрисовал композитора, содержание произведения и, подготовив нас, говорил:

– А теперь разберемся в нотах, сыграем с начала и до конца, медленно.

После этого он напомнил нюансы, знаки, кульминацию, главную тему и т.д. и репетировал по

отдельным кускам. Порой вызывались на репетицию отдельные группы: примы, затем альты, басы, духовые и другие инструменты. Когда он убеждался, что ноты прочитаны правильно, тогда соединял все группы оркестра вместе и начинал репетировать. Геншафт много знал. По натуре он был спокойным и рассудительным человеком. Всегда выслушает собеседника внимательно, а уж потом делает свои замечания. У него было чему учиться, и мы учились.

30 марта 1943

Сегодня 3-я годовщина преобразования КАССР в К-ФССР. Дали концерт. Полный зал, очень хороший прием.

5 апреля 1943

Сумпосад. Вчера в день приезда дали 4 концерта.

10 апреля 1943

Ездили с концертом к летчикам. Боевые орлы приняли нас на ура, да еще и ужином угостили.

Последний концерт дали в железнодорожном депо.

13 апреля 1943. Ст. Мало-Шуйка

Даем по 3-4 концерта в день, прямо сеансами. Это тяжело. Мы превращаемся в механизмы.

15 апреля 1943. Мудьюга

Сюда в свое время ссылали политических каторжан. Но, к сожалению, мы так мало знаем историю Мудьюги.

18 апреля 1943. Ст. Кодино

Два-три дня на одном месте. Потом опять в путь, по маршруту. Здесь, говорят, какие-то осужденные еще в 37-38 годах, крупные московские и ленинградские специалисты – врачи, инженеры и др. В зале солидная публика, шикарно одетая. Это заметно. Их прием несколько сдержан, но искренен...

23 апреля 1943

г. Онега, Архангельской области

Лесопильные, винные заводы. Первый концерт в рабочем клубе прошел исключительно тепло. Здесь много военных людей преклонного возраста. Они работают. Нас смотрели комдив и начальник политотдела предварительно, в порядке просмотра. Дали «добро» на концерты.

5 мая 1943. Беломорск

Состоялся первомайский вечер работников искусств.

10 мая 1943. Сегежа

Опять поездка.
Первое выступление в к/театре.

17 мая 1943. Надвоицы

В Сегеже работали на выезде в землянке. Конечно же, тесно, толкучка. Это у зенитчиков. Работали по 3-4 концерта в день. Ночью четырежды бомбили Идель. Едем туда. Ничего себе, гостинцами встречают.

20 мая 1943. Кемь

Работаем в жел. дор. клубе по договору.

6 июля 1943. Архангельск

11 июля 1943

Вчера выступали в Интерклубе. Колоссальный прием, шум, гам, табачный дым, свист в течение всего концерта. Непривычно, даже дико. Что поделаешь, служба наша такая, а порядки у иностранцев свои.

Получили телеграмму секретаря ЦК КПСС Куприянова Г.Н. об обслуживании воинских частей. Надо так надо, для этого мы и живем.

Интересные здесь цены: хлеб 1 кг – 150 р., брюки поношенные – 1000 р., часы – 2500 р., водка – 1400 р. 1 литр.

15. VII – ст. Ямцы, 17. VII – Няндомы,

18. VII – Коноша, 19. VII – Вожега

В Вожеге встретились с артистами русской драмы. Состоялась творческая встреча.

21 июля 1943. Вологда...

27 июля 1943. Ст. Сокол...

2 авг. – Вологда, 4 авг. – Шексна,

5 авг. – Череповец...

Разъезды, отсутствие условий, где подчас приходилось выступать с концертами, не помешали артистам ансамбля донести тепло и надежду, как писали сами бойцы, «давали силы для скорейшего разгрома врага»⁵.

Среди артистов, способствовавших успеху таких выступлений, названы имена музыкантов, внесших большой вклад в становление карельской культуры: Тойво Вайненена, Максима Гаврилова, Сиркки Рикка, Люцци Теппонен, Милицы Кубли.

Долгожданная весть об освобождении Петрозаводска застала артистов в Архангельске.

29 июня 1944. Архбумстрой

В антракте между отделениями ведущий объявил: наши войска освободили Петрозаводск – столицу Карелии!

Зрительный зал аплодировал, скандировал слова приветствия. А публика и мы стоя аплодировали этой победе.

С 1942 по 1947 год при участии Милицы Николаевны Кубли прошло более 1000 концертов⁶.

**Годы творческой зрелости
(1943–1973)**

И я благодарна судьбе,
что мне предоставили
такую возможность – творить.

Милица Кубли

Одна из самых ярких страниц творчества М.Кубли приходится на период с 1946 по 1961 год. В учреждениях культуры республики на тот момент прошла очередная реорганизация, в 1952 году Милица Николаевна стала солисткой госфилармонии.

В то время благодаря радиотрансляциям аудитория певицы была многомиллионной. И это не просто слова⁷.

В одной из рецензий на концерт Милицы Кубли, который транслировался на всю страну, есть такие строки: «Справедливость требует признать, что нечасто можно услышать исполнение «Гадания Марфы» из оперы «Хованщина» М.П. Мусоргского, подобное тому, что было показано артисткой Милицей Кубли.

Секрет успеха в обаянии ее всемогущего голоса, в интерпретации, которой она придерживается в исполнении этой уникальной сцены, требующей от артистки такой эмоционально-художественной многогранности, которая является уделом очень и очень немногих».

Сложные оперные арии, красивейшие романсы, озорные песни – все приобретало неповторимое звучание в исполнении певицы. Когда звучал ее голос, в зале плакали...

Надолго запомнились публике романсы П.И.Чайковского «Нет, только тот, кто знал», М.А.Балакирева на стихи А. В. Кольцова «Обойми, поцелуй»⁸.

Одним из дорогих для М. Кубли номеров был романс Г. Н. Синисало на стихи А. А. Прокофьева «Березка». Его она исполняла и на гастролях в Архангельске еще в годы войны, и в зале имени

Чайковского, и на сцене Кремлевского Дворца съездов во время Декады карельского искусства и литературы, проходившей в 1959 г. в Москве.

Бабушка вспоминает такой случай: во время Недели музыки и танца Карелии в 1946 году, когда «Кантеле» впервые выступал на сцене Зала имени П.И. Чайковского, на концерте должен был присутствовать Сталин. Артистам для поднятия духа дали по должностному окладу! Вождь, правда, так и не приехал... Зато ансамбль «Кантеле» выступил для ансамбля Игоря Моисеева, а моисеевцы – для артистов «Кантеле».

Много лет певица исполняла романсы Зары Левиной⁹ «Качайтесь, качайтесь, каштаны» и «Красивые глазки».

В рецензии на ее концерт по всесоюзному радио об исполненных романсах Левиной написано так: «Они подтвердили высокий класс исполнительского искусства М. Кубли. В ее лице нашли талантливого, чуткого толкователя, способного вдохнуть подлинную жизнь в новое произведение».

Тесная творческая дружба связывала Милицу Николаевну с ленинградскими композиторами: Леонидом Вишкаревым, Натальей Леви. Романс «Бреду тропинкою лесной» Н. Леви посвятила Милице Кубли.

В репертуаре М. Кубли значительное место занимали произведения карельских композиторов Карла Раутио, Рувима Пергамента, Абрама Голланда.

Милица Николаевна пела и в трио, и в дуэтах: с Сирккой Рикка, с Люцией Теппонен. С последней вместе с замечательной пианисткой Надеждой Вильчинской певицы подготовили программу дуэтов русских композиторов, и люди, даже не искусные в музыке, с большим удовольствием слушали эти дуэты. (Сохранилась лишь одна запись из этой программы: А. Г. Рубинштейн «Пела, пела пташечка».)

Несмотря на многочисленные поездки по стране, самые дорогие встречи для певицы, может быть, не столь торжественные, были здесь, на карельской земле. Слова «Артисты приехали!» в глубинке звучали не столь часто, одна из таких поездок по республике состоялась у Милицы Николаевны с оркестром Римского-Корсакова. А затем последовала запись на радио. Шесть романсов этого творческого союза были записаны Ленинградской фирмой «Мелодия» и вошли в Золотой фонд телерадиовещания.

20 лет на сцене, часто в замороженных непригодных помещениях, а то и вовсе под открытым небом, подорвали здоровье талантливой

певицы¹⁰. Однажды накануне концерта в приграничной воинской части голос у нее пропал.

А уже повсюду были развешаны афиши, деньги от концерта перечислены на счет филармонии... Артистка целый день пила горячее молоко с медом, глотала таблетки... Концерт состоялся. Он стал последним публичным выступлением солистки Милицы Кубли.

После нескольких месяцев вынужденного молчания, упорного лечения доктора вынесли певице приговор: выступления отменяются навсегда.

Не каждая звезда, привыкшая к сцене, к аплодисментам, к восхищению слушателей, способна безболезненно принять такой поворот судьбы. Милица не роптала на судьбу-злодейку...

Сцена ушла, но творчество осталось. Более десяти лет проработала Милица Николаевна в педагогическом училище.

Вспоминает учитель музыки гимназии №17 имени П.О. Коргана Людмила Александровна Косопалова, одна из первых выпускниц педагогического училища:

«Не сразу у нас пошли специальности. И когда нашу группу определили заниматься к Милице Николаевне, нам торжественно объявили: заслуженная артистка Республики Карелия. Мы даже немного оробели. У нас тогда такое трепетное отношение было к человеку творческому, к артисту, нам казалось, что это человек необычный, отмеченный Богом.

Помню, как мы пришли на занятия по вокалу первый раз. Милица Николаевна что-то писала, а Мария Карловна¹¹ сидела у фортепиано. И обе мягкие, приветливые. Словом, они вместе нам очень понравились, сразу расположили к себе.

Больше всего мне запомнились необыкновенные глаза Милицы Николаевны: она может и не говорить ничего, а взглядом все выразить. Причем лицо спокойное, серьезное, а глаза – живые, эмоциональные – выдают что-то другое.

Вначале мы пели что-то вместе. Я уж даже не помню, как мы стали учиться извлекать звуки, но занятие это было очень увлекательное».

– С бабушкиных слов знаю, что уровень подготовки учащихся был довольно низким. Как она справлялась с этим?

– Опять же взгляд у нее при этом был какой-то очень интересный, приподнятый: ты сразу начал стараться, все антенки выпускать – что это значит, что еще надо сделать, как правильно извлекать звук.

Когда Милица Николаевна в первый раз запела (к сожалению, она уже не могла петь в полной мере, только низкие звуки у нее были), я увидела, что поток звуков льется на меня, что это какой-то звуковой объем...

С тех пор, когда хорошо поют, я понимаю, что человек ощущает, как он держит, управляет этим звуком.

И с детьми своими на уроках говорю про то же самое – про звуковой поток, что он имеет какой-то цвет, что мы ему форму придаем: и сузить можем, и уплотнить, и сделать широким, рассеять, сфокусировать – обо всем этом меня заставила задуматься Милица Николаевна, я это так поняла, и это во мне так осталось.

Милица Николаевна общалась с нами уважительно и просто, разговаривала по-доброму и всегда с улыбкой.

Часто к нам на уроки приходили педагоги, тогда Милица Николаевна становилась приподнятой, строгой. Мы распевались. И не столько она говорила, сколько показывала, что это ответственный очень момент, требующий концентрации нашего внимания, умения – всего.

Вообще, специально она не шутила, но мы все равно понимали по выражению ее лица, по жестам, что в этом месте можно и посмеяться, без слов как-то. Особенно ярко она могла изобразить кто как поет, попутно разбирая, что к чему. Сейчас это назвали бы мастер-классом...

А потом мы всё смотрели, сравнивали: нет, тех не так, как нас, учат – нас учат правильно. Практика показала, что наши наблюдения были верны. Пою до сих пор, а девушки, которые учились до меня, не поют уже давно: дыхания нет, да и связки не те уже...

Конечно, очень хорошо, что Милица Николаевна преподавала в педагогическом училище, потому что после ее ухода, даже с молодыми, голосистыми педагогами, мы так уже не пели.

И вот что еще важно: ни Милица Николаевна, ни Леонид Андреевич (муж Милицы Николаевны, я занималась у него в училище по общему фортепиано и запомнила его как человека обходительного, мягкого, обаятельного) никогда не рассказывали, как бывает принято в артистической среде: я был там, общался с тем, то есть все о себе, о своих заслугах... Я не знаю, скромность это или порядочность такая, не нужно им было никакой внешней шелухи.

Жалко, что, когда мы учились, не было в училище ни одного вечера, посвященного творчеству Милицы Николаевны¹². Если и узнавали о том, как она пела, какой был репертуар, то все по чьим-то обрывочным воспоминаниям...

И когда спустя уже много лет после окончания педучилища наконец я сама услышала запись по радио – я узнала этот голос, и такая радость и печаль охватили меня...

Милица Николаевна Кубли, Леонид Андреевич Аверин

*Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная.
Ты у меня одна заветная;
Другой не будет никогда.*

*Звезда надежды благодатная,
Звезда любви волшебных дней.
Ты будешь вечно незакатная
В душе тоскующей моей.*

То вдохновение, которое она несла в себе и дарила своим общением, хранят люди – в нашей памяти она навсегда ласковая, нежная, искристая, обаятельная, справедливая, талантливая – живая.

Примечание

¹ В тексте использованы материалы радиопередачи, приуроченной к 70-летию М.Н. Кубли; автор и ведущая – Эсфирь Борисовна Чернина – музыкальный редактор Карельского радио (1958–1986 гг.).

² Синикка Генриховна Мальми (Костина) – актриса Государственного Национального театра Республики Карелия (1956–1988 гг.).

³ Максим Иванович Гаврилов (5.05.1919 – 7.11.1997) – музыкант-кантелист, танцор, постановщик танцев, заслуженный артист КАССР, заслуженный артист РСФСР; автор книг и пособий, летописец ансамбля.

⁴ Геншафт Яков Моисеевич (4.09.1896–10.10.1946) – композитор, дирижер, музыковед, музыкальный критик, заслуженный артист Карело-Финской ССР, член Союза советских композиторов.

⁵ Константин Алексеевич Морозов / Карелия в годы Великой Отечественной войны // Карелия, 1983 г.

⁶ Анна Николаевна Минич / Кубли Милица Николаевна // Карелия: энциклопедия. В 3 т. Т. 2. К-П. – Петрозаводск, 2009. – С. 119.

⁷ Из материалов радиопередачи к 85-летию М.Н.Кубли, автор и ведущая Татьяна Михайловна Петрова – музыкальный редактор ГТРК «Карелия» (1967–1969 гг., 1979–2005 гг.).

⁸ **Записи музыкальных произведений в исполнении М. Кубли хранятся в Национальном архиве Республики Карелия.**

⁹ Зара Александровна Левина (1906–1976) – российская советская пианистка и композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Первая скрипичная соната автора была записана Давидом Ойстрахом, пьесы для виолончели – Святославом Кнушевицким. Л. также является автором более 200 романсов.

¹⁰ Галина Васильевна Сохнова – известный карельский, а ныне белгородский журналист / «Певича Милица: голос так дивно звучал» // Карелия. – 2003. – 29 мая. – С. 7.

¹¹ Рантала Мария Карловна – преподаватель музыки (специальное фортепиано) в Петрозаводском педагогическом училище № 1 (1948–1973 гг.).

¹² Вечера, посвященные творчеству Милицы Николаевны Кубли, состоялись позже: в Выставочном зале Карельской государственной филармонии в 2003 году (к 85-летию певичи) и в 2007 году (вечер памяти, к 90-летию со дня рождения М.Н. Кубли).

Оба раза залы были полны, вечера получились теплыми и трогательными, в чем немалая заслуга друга семьи Ларисы Леонидовны Шичель.

В основе очерка лежат материалы семейного архива, собранные мужем М.Н. Кубли Леонидом Андреевичем Авериним.

Елена Викторовна КУБЛИ

родилась в Петрозаводске.

Окончила Московский государственный

университет печати.

Слушатель семинара А.Е. Рекемчука

(проза, Литературный институт им. А.М. Горького).

В настоящее время

дизайнер информационного отдела

Петрозаводской государственной консерватории

им. А.К. Глазунова.

Борис ЛУКИН

г. Москва

Приветъ изъ Торжка

«...есть дедушка-толстовец на стене, с укоризной смотрящий на своих потомков сверху вниз.

И ничего не говорящий...

Он стар и красив как смерть.

Да и что говорить после того, как она уйдёт от меня, осторожно ступая своим узенькими ступнями, и я услышу, словно шорох осыпающихся песчинок в часах, ход её шагов?»

Игорь Михайлов. «Шаги»

Есть что сказать! И новая книга Игоря Михайлова доказательство.

Оглянешься вокруг, и правда – уходит... Уходит не только советский (столь разруганный за стабильный свет в конце тоннеля) быт, уходит вся «немытая» Россия (оставляя рабов и начальников на безграничных просторах с именем, написанным иероглифом). Великое постсоветское переселение народов завершается на наших глазах. Пустеют просторы, некогда отвоеванные у природы нашими предками, будет тут «дедушка», даже не толстовец, смотреть с укоризной. Опустел не только остров Сахалин – потерявший за двадцать лет более половины населения; всё Зауралье стягивается в крупные города, потеряв

всякую надежду на государственную поддержку деревенок и поселков, окончательно осознав полное своё бессилие в единоборстве с вечностью.

Так и видится, как подтягиваются все в Московский федеральный округ – все оставшиеся трудовые шестьдесят миллионов, тенью шествуют по просёлкам и вдоль рек, ж/д и авиатропками.

Не минула похожая судьба и города «Золотого кольца». Правда, золотишка в виде металла тут давно нет, осталась лишь душа, которая в теле чуть зиждется. И Михайлов, сроднившись с ней – с душой средней России, выплеснул чувства в слова, ставшие очерками и рассказами. (Правда, в текстах у него пафоса поменьше, чем у меня здесь.)

А вот тоски в этих текстах не меньше, чем любви.

Продуманная архитектура книги приятна. Несколько саркастический стиль путешествующего писателя, пишущего очерк за очерком о городках и весях, вызывает здоровое чувство зависти. Желание бросить всё в столице и самому окунуться в прелесть и жуть старинного запустения, вспомнить, перечитав путеводители и книги

по истории, как тут жили и кто тут жил много столетий подряд, вселяется в читающего после нескольких страниц. Со мной, по крайней мере, произошло именно это. Может, и потому, что сам проехал по этим местам не раз и пожил тут и там не по дню-два.

По остроте личного восприятия – это, конечно, «письма» – пусть даже автор и определяет их жанр как очерк или рассказ. Названа же книга «Письма из недалеко»... Воистину, «недалеко» – всего-то километров 150–200 от столицы. А насколько разнится жизнь, насколько тьма вечерняя гуще, ночи тише, а утра упоительно-туманно... даже с товарищем Лениным, оставшимся соляным столбом на каждой площади на фоне сотен тысяч неприкаянных соотечественников, устремляющих взгляды к столице.

Сожаление об утерянности сохранённой Михайловым природы (настоящий день в тексте давно стал прошлым, как виды на дореволюционных фотографиях) не покидает. Большинство очерков и рассказов написаны в начале этого века и не отразили катастрофических перемен последних 2–3 лет (вот так время вытаптывает неугодное). Тот же Углич (превратившийся под деятельным присмотром бывшего московского мэра из промышленного городка в элитный туристический центр – с яхт-клубами и шикарнейшей ривьерой, застроенной дорогущими, но пустующими отелями, – подталкивающий молодёжь по большей части к разврату) – у Михайлова ещё в предфазе – между-между... когда всё старое почти умерло, а новое пока глубоко под землёй. И виден ему ещё «...подлинный Углич – в вечной полудрёме и нежной присказке, будто бы окликанный своей судьбой» по дороге от каланчи к учреждению культуры «Музею истории русской водки». Углич с монастырями и церквями, неизменным царевичем Димитрием на иконах, гербах и брелоках, чудо-кремлём, в котором беспамятность наша тихо бродит по тропинкам с экскурсоводами и священнослужителями.

Сам видел, как после очередной реставрационной приборки надгробия XVII и XVIII века были стыдливо завалены пожухшей осенней листвой в самом центре кремлевского комплекса. Вспомнился мне тогда случай с надгробием героя войны 1812 года генерала Дорохова в подмосковной Верее. После революции его как царского генерала по неведенью выкинули за стены монастырские, хотя памятник на горке оставили. А сердобольные и верные в благодарности жители Вереи спрятали надгробие почётного гражданина города, освободившего их от французов без

единого выстрела, спрятали в мусоре – в той же самой листве пожухлой и прочей природной трещине – почти на всё двадцатое столетие.

Смотрел я на остатки богатых камней с полусохранившимися надписями (что-то вроде «высокопревосходительств» и «купчих») и с грустью представлял себе судьбы новых вершителей истории.

Примерно об этом пишет и Михайлов. Язык, правда, в его очерках повитиеватее моего, мысли поглубже, взгляд въедливее, рука писательская твёрже.

Так и чуется то шмелёвское «Лето Господне», то «Москва – Петушки», а то и вовсе какой-нибудь кудреватый Хемингуэй в обнимку с дядей Гиляем.

Незаметно виды современной нам страны – Углича, Александрова, Торжка, Струнино, Зарайска, Твери, Звенигорода, Кимр и родного автору Питера, сдобренные экзотическими сибирскими и вовсе неведомыми большинству читателей Ноябрьском и Пякупуром, становятся в итоге всего лишь декорациями, которые автор приметя помаленечку населять. Но, как ни странно, ни в очерках, где сам бог велел колоритными фигурами расцветить действительность, а в рассказах.

Рассказы у Михайлова, как отметил в предисловии критик Лев Аннинский, и не рассказы, а «стихи в прозе»: «Кажется, только стихи в прозе способны выдержать такое изначальное постулирование вывода, который надо бы припрятать в конец повествования... Да и не повествование это! Это лирическое странствие... Странствие между смыслом и исчезновением смысла...»

Критику, как известно, виднее...

Мы же героя узрели, каким бы ни был он никудашным на просвещённый взгляд. Вот хоть Геннаха из «Аста ла виста», у которого время течёт абсолютно современно, потому что опирается на бесконечность бытия героев сериала, главного из которых зовут Бернардо Руй Диас. Что там – мелькающие века за окном, когда только маленький огарочек жизни оставляет каждодневно Геннахе сногшибательный брютет. Сколько минут будет теплиться свет в окошке Геннахи, пока Диас соблазняет свою очередную жертву? В эту шёлку и должен успеть проскочить Геннаха, между первой и последней слезой своей жены, «змеи подкольной», проскочить к соседу Володе-хвилософу, чтобы принять «по писурику» под «вупешку» и малосольный огурчик.

И никакое отсутствие общественных туалетов, невозможность приобрести билет на автобус в столицу в связи с отключением света и прочая со-

циальная необходимость, не замечаемая веками на Руси, – никакая мелочь жизни (кроме любимой прежде «змеи») не сможет помешать Геннахе преодолеть, перепрыгнуть через всёпоглощающие обворожительные чары развратника Диаса и продолжать доказывать незыблемость своего собственного бытия, ничуть не менее реального. Доказывать словами надежды, вырывающимися, как и положено, из уст пьяного (как подтверждение того, что жило в уме трезвого): «Аста ла виста», что, как известно, значит «До свидания», т.е. – мы ещё поживём, Диас, не таких переживали. Если не мы, так дети. Не зря же ездят к Геннахе из самой Москвы сын на джипе с ласковым прозвищем «жид». В России всему своё место и время.

И переживём, коль герой рассказа «Ку-ку!» дядя Толя Кукушкин и вовсе прост. Что может быть проще «создателя»? Он столь же мифологичен, как и все предшествующие созидающие жизнь и вечность поколения его предков. Потому и необходимо заметить автору, что «мир был сотворён позавчера в сарае дяди Толи Кукушкина».

Мир этот – тот самый, что прорисован на декорациях в очках, как кирпично-деревянный быт Золотого кольца – оказывается, был сотворён позавчера.

Когда «соседей куда-то унесло. Ты ещё спала. И город был в какой-то дымке, его ещё только выдумывали, но как-то наспех, ничего не успели построить... Города пока ещё нет. И никого нет». Это из рассказа «Возвращение в сентябрь». История туговатой на ухо бабы Ирины – почти апокриф. Есть герой – маленький автор – его бабушка и «кругом пустота».

«И природы нет ещё. Лишь сплошной туман, как до начала творения. Всевышний призадумался. Или ещё спит. Всё ещё впереди...»

Эта извечная наша всероссийская молодость, наша «только что сотворённость» не понимается многими цивилизованными читателями и критиками. Пишут о ней веками русские писатели, а всё одно не понимают нас.

«Мы начали творить этот мир из ничего. Сами. Не ждать же, когда его кто-то начнёт выдумывать».

А что же делать, если они такие тугодумы? Бросить, что ли, труд писательский?

Также не может существовать иначе и дядя Толя Кукушкин – герой рассказа «Ку-ку!», он же в жизни Гороховиков (Игорь Михайлов, кстати, тоже псевдоним). Не может он бросить родовое своё предназначение, хотя «под ногами бездна, готовая вот-вот разверзнуться», и роковые вопросы замучали: «А вдруг ещё не пора? А вдруг на-

до подождать ещё пару тысячелетий и просидеть их на полатах Ильёй Муромцем?»

Не ждать! Иначе не услышать, как только что сотворённая жизнь «ходит маленькими шажками, осторожно доверяя земле свою невесомость...» «Ступни у неё маленькие, узенькие. Когда я целую их шершавую кожу, то мне всегда хочется укусить их. Чтобы попробовать на вкус. Может быть, на языке я смогу ощутить аромат неба и чего-то воздушного и мускатного...»

Читатель может не согласиться со мной, как и вышеназванный критик, увидевший в книге несколько другое и услышавший «в беспросвете русского непротыка... нерусский возглас (Nevermore), залетевший к нам из бесконечности мировой культуры. Есть к чему прислушаться! Есть из чего выбирать...»

Наприслушивались... Навыбирались... Спасибо деятелям развала и пенсионерам равнения на «бесконечность мировой культуры», пророчащей «НИКОГДА». Вы в окно-то посмотрите, но так выберите ракурс, чтобы не Кремль столичный видеть! Это же последствия вашего выбора!.. Непаханые поля, разрушенные заводы, опустевшие города, вымирающая страна, обилие билбордов радостного содержания «Ему доверяют, с ним хотят работать!» и растающие в горизонт кресты кладбищ.

Я же чувствую не только авторское негодование от навороченных в России делишек, но первозданный восторг перед жизнью, которая навсегда – «позавчера сотворена», потому молода и пышет счастьем, от которого бежать просто некуда.

А куда от себя убежать? «Смысла в жизни всё равно не больше, чем в капле дождя», падающей с листка вишни на темя младенца на руках матери.

Многим это было понятно в безбрежности детства (прошу прощения за каламбур). Писателю Игорю Михайлову понятно и сейчас. Иначе как бы ему хватило сил населить почти вымерший для большинства из нас мир заново!

Населять, называть, одухотворять, взглянув туда, где «ничего, собственно, не происходит». «Просто ночь. Мосты разводят вот уже лет двести, чтобы корабли из Волго-Балтийского канала прошли в Финский залив или обратно...» Вот и всё?! Для другого автора – да. (А что делает с этим Михайлов, читайте далее.)

Бессюжетность дополняет тексты неожиданными степенями свободы. Когда пространство и время существует в нескольких Временах и Вечности одновременно. Непонятно?

У жизни, как теперь известно, нет сюжета, а есть, если приглядеться, одни факты (они же – товары, они же – персоны), которые Михайлову «напоминают полуфабрикаты» или «тени коняевых клопов и сабил... сивилл...», рыцарей с копьём, бодающих остриём чьи-то тщедушные змеиные тела в чешуе, за которой скрыта гнусная сущность бытия по имени «факт» и «сюжет».

Потому и не «факты-сюжеты» управляют текстом, а дядя Толя Кукушкин, по велению которого и хляби небесные разверзаются, и мороз озеро до дна промораживает, и рыба в ил спать зарывается, а луч света посылается на мир и город, и рождается цвет, звук, слово.

«Луч света дробит мир на множество цветовых оттенков, грозя расколоть единый монолит на мозаичные осколки, а город живёт преимущественно в сером, однотонном спектре. И все другие оттенки ему вредны. Его естественная среда – это всегдашняя серость...»

Успевает Игорь Михайлов застать мир с первым лучом, чтобы увидеть, как «всё вокруг оживает».

Банально?

Как и вся литература.

Как и сама жизнь, в которой задолго до Михайлова зима начала приходить в Александров... из Оледенёво.

«Но я всё равно иду смотреть, как разводятся мосты. Как разъезжаются две половинки судьбы... И все на набережной стоят в оцепенении, то ли от страха (а вдруг больше не сведут), то ли от счастья (а зачем сводить, пусть так теперь и будет, ведь красиво)...»

И пробую соединить две половинки, чтобы потом попытаться объяснить своему сыну, зачем я это делаю. Но ничего не выходит».

Ещё как выходит, уважаемый Игорь Михайлов, потому что это у вас сказано: «А через два часа судьба сведёт мосты... И всё исчезнет. И все будут несчастны и счастливы».

И в ночи тихо заплачет... ребёнок. Заплачет, причастный к тайнам, оттого что развели мосты, а он ещё не знает, на каком он берегу, потому что сам – река и берег...»

Всё исчезнет, что не вошло в эти «Письма из недалека». Всё-всё. И только оттого страшно, «особенно, если вы, грешным делом, думаете, что предания старины глубокой не имеют для современного жителя... ровно никакого значения».

Особенно, когда «слово «бывшее»... употреблено в значении прошедшего времени, длящегося в настоящем».

И тут для логики следует замкнуть круг, нача-

тый эпиграфом с ничего не говорящим дедушкой-толстовцем. Но думать-то ему не может запретить даже автор:

«Смотрю растерянно по сторонам, и сердце от чего-то щемит, и ком в горле, и слёзы в глазах, как в детстве, когда обидели».

Случилось что-то. Чего я не знаю и не понимаю, но чувствую. Всё как-то вдруг вышло помимо моего желания и воли...

И я подумал, что если Христос сегодня ночью воскреснет, то пусть – здесь... Он им больше, что ли, нужен...

Потому что если Его не будет в этой жизни с развалинами, остатками прежнего уклада... грязью и бедностью, кирпичной трубой, бессмысленно нацеленной в небо, Шариком и Жучкой, совокупляющимися из века в век на плитформе, то печальное имя – Струнино – так и будет в моей памяти звучать, словно вой голодной суки на луну».

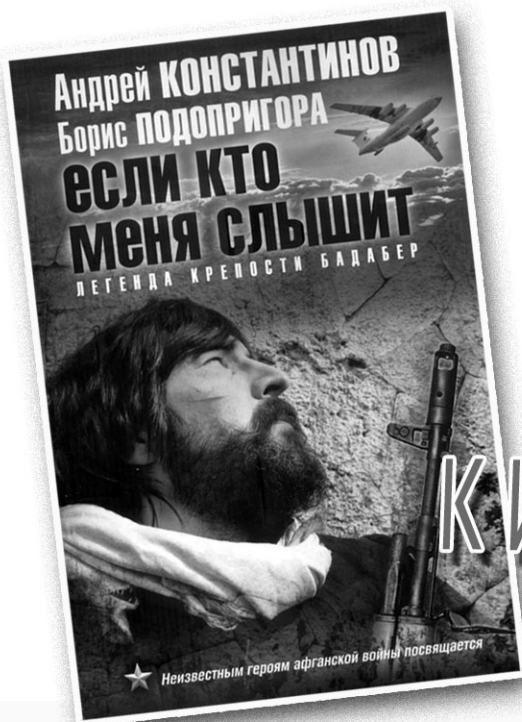
А чтобы несколько снизить серьёзность нашего монолога, добавим мистики, которой кружевно расшиты «Письма из недалека» Игоря Михайлова: «Я как-то отчётливо для себя решил, что некоторое время после исчезновения... Торжка стану являться в кошмарах постояльцам филиала гостиницы «Тверца», где я жил три дня».

Век тому назад это была церковно-приходская школа с церковью... Теперь вместо церкви – баня с бассейном и сауной, во дворе – гостевой домик с бильярдом и камином.

Так вот. Облачённый в чёрный саван, будто ангел возмездия, я буду пугать постояльцев своим угрюмым взглядом, топить их в бассейне и шваброй запираю в сауне. Я стану проклятием следующему после нас поколению... И огненной десницей на бревенчатой стене бани начертаю: «ПРИВЕТЪ ИЗЪ ТОРЖКА».

В каждой шутке, как говорится...

Игорь Михайлов.
Письма из недалека:
Очерки и рассказы. –
М.: «Художественная литература»,
2012. -160 с.: ил. – Тираж 1000 экз.

Вениамин ЯШИН
г. Петрозаводск

Обращение к исторической памяти

Роман Андрея Константинова и Бориса Подопригоры «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер» приоткрывает завесу неизвестности над одним из полумифических событий афганской войны – восстанием советских и афганских военнопленных, содержащихся в крепости Бадабер на территории Пакистана.

Андрей Константинов – мэтр популярной литературы, автор нескольких десятков книг, по которым снято почти двадцать фильмов и телесериалов, самый известный из которых, пожалуй, «Бандитский Петербург» – когда он шел, страна с замиранием сердца следила за похождениями героев Певцова и Домогорова.

Его соавтором, и не впервые, выступил Борис Подопригора – литератор, поэт, офицер. Они совместно работали над фильмом «Честь имею», посвященным войне в Чечне, а сейчас обратились к чуть более давней истории. Для журнала «Север» факт сотрудничества интересен и тем, что в настоящее время Борис Подопригора является жителем северного края, работая советником главы Республики Карелия.

Итак, конец афганской войны, крепость Бада-

бер, где содержатся «шурави» – десяток советских военнопленных, и «бабраковцы» – их коллеги, служившие в армии Демократической Республики Афганистан. Перед капитаном Борисом Глинским поставлена задача убедиться в том, что наши пленники находятся в Пакистане, и дать об этом знать, дважды выйдя в эфир, читая одну из сур Корана или же другим способом.

Читая роман, ловишь себя на том, что в памяти всплывают множество параллелей и ассоциаций с другими книгами, фильмами, историческими событиями. В этом нет ничего странного, сама героическая военная тема раскрывалась множество раз и в разных своих аспектах. Может быть, эти параллели даже помогают следить за перипетиями жизни Глинского и его товарищей.

Константинов и Подопригора создали историю отнюдь не в духе известного фильма «Спасти рядового Райана». В случае с Афганистаном, похоже, судьбы пленных мало кого интересовали. И Глинский, попадая в крепость, выполняет важную политическую задачу, давая определенные преимущества нашим дипломатам, а не пытается спасти ребят. Получится – хорошо. Не получится

– так вышло. Скорее, в чем-то роман похож на «Сталинград» Федора Бондарчука, в финале мы видим ту же историю – несколько героев, обреченных на неудачу, против полчищ врагов.

К очевидным недостаткам книги я бы отнес обилие обсценной и бранной лексики. Что это – прием, позволяющий придать брутальности персонажам, или попытка говорить на одном языке с читателем? Я бы согласился с первым предположением, но авторы сильно увлекаются и начинают использовать те же выражения в своей авторской речи. Вот пара примеров. «Как говорится, слава-те-яйца, что не всю лапу оттяпало. А делать-то нечего, все равно идти дальше надо. Сержанту вкатили укол промедола, перевязали, разгрузили, и он поковылял дальше со всеми вместе. Настоящим мужиком оказался, не ныл, не скулил, только зубы крепко стискивал и потел сильно». Или: «Травились, кстати говоря, в Афганистане часто, а чаще всего дынями. Приторно-сладкие, они начинали бродить на жаре, и заработать понос через такую радость было делом абсолютно будничным. Довелось это испытать на своей шкуре (точнее – заднице) и Глинскому – причем в самый, что называется, неподходящий момент – недели через две после первого выхода капитан Ермаков решил сам «прогуляться» в рейд на «отвлечение». Борис отравился еще накануне, но скрыл это от командира из-за боязни прослыть трусом. Этот благородный порыв дорого обошелся Глинскому, фактически весь рейд «просидевшему на струе». Ему было очень плохо, но он шел наравне со всеми и думал уже, что до Кабула живым не доберется. Добрался. А уже в расположении роты в командирской палатке капитан Ермаков устроил ему форменный «пропиздон»...» Таких пассажей в книге множество. Стыдливые кавычки не спасают положение.

Есть, однако, фрагменты, где разговорный язык усиливает воздействие текста. Таковы страницы, на которых приведен бесхитростный рассказ солдата, единственного оставшегося в живых во время боя на заставе: «Это, видишь, мы потом уже русло ручья перекопали, сюда ближе подвели... Вот «духи» от него и начали херачить... И нам главное было – их к бочке с питьевой водой не подпустить... Но бочку не удержали... Этих «пастухов» было сначала около десяти, потом еще подошли. А к вечеру еще «духов» пятнадцать. Тогда Фарид погиб. Это когда «духи» гранатомет вытащили. Из-под дохлого верблюда. Но младший сержант гранатометчика срезал и после никого не подпускал к гранатомету. Но вечером ему в голову из ДШК... И тогда они еще раз пальнули. Никого не

задели, но Сурку – Сулиму Таймасханову – в глаз попало. Камнем. Но Сурок все равно – мужик...» Не приведу этот текст целиком, он достаточно длинный. Солдат с какой-то безэмоциональной методичностью рассказывает, как один за другим гибнут его товарищи. Авторы практически не вмешиваются в его речь ремарками, и оттого монотонный рассказ воспринимается еще страшнее, будто квинтэссенция ужаса войны. Пожалуй, это одни из лучших страниц в романе.

Говоря о языке романа, отмечу еще один момент. Возможно, мы имеем дело как раз с тем примером, когда авторы реальные и некий «автор», от имени которого ведется повествование, не тождественны друг другу. В данном случае люди, рассказывающие читателю историю, это тоже – литературные образы. Да, во многом сходные с реальными Константиновым и Подопрigorой – боевыми офицерами, имеющими за плечами огромный практический военный опыт.

Правда, почему-то на память приходит лучшая советская военная проза – как-то умели писатели, причем – фронтовики, создавать правдивую, героическую и психологическую, даже приключенческую прозу, отличавшуюся хорошим литературным языком. Хотя, подозреваю, фактически на фронте использовался не только лексикон выпускниц Смольного института. В этом отношении роман симптоматичен – он лишней раз показывает, как изменились наши ценности, в том числе и язык. Однако же и речь в книге идет как раз о том времени, когда стали рушиться основы существования государства и власть стала не просто забывать про человека – этого хватало во все времена, а цинично демонстрировать эту забывчивость. Так был брошен на произвол судьбы и забыт герой романа Глинский, находившийся в плену, более того, специально заброшенный в тыл врага агент. До сих пор неизвестны подробности восстания пленных в крепости Бадабер. Кому-то совсем не хочется, чтобы правда вышла наружу. Константинов и Подопрigorа представляют свой вариант – вымысел, опирающийся на опыт авторов и многих людей, прошедших афганскую войну.

Роман распадается на две части, отличающиеся стилем, подачей материала. Первая половина книги посвящена главному герою, в частности, его учебе в ВИИЯ – Военном институте иностранных языков. Мы узнаем множество подробностей об этом учебном заведении, не влияющих на сюжет и, казалось бы, лишних для романа. Вероятно, выпускник ВИИЯ Борис Подопрigorа не удержался от того, чтобы вложить в книгу свои воспо-

минания об одноклассниках и преподавателях, о буднях и праздниках своей alma mater. Говорю «казалось бы», поскольку не возникает досады при чтении этих лишних эпизодов. Подробности учебного процесса и жизни курсантов «самого серьезного из гуманитарных и самого интеллигентного из военных» вуза воспринимаются не как часть романа, а как некая повесть нон-фикшн, и интересны как пример мемуарной литературы. Любопытно, например, было узнать, что в ВИИЯ учились Аркадий Стругацкий, Андрей Эшпай, Владимир Этуш, Всеволод Овчинников... А описание зубрежки, которой приходилось заниматься курсантам, изучающим восточные языки! Кстати, в институте «западные языки считались легкими, недоступными лишь дебилам».

Описание войны, военных действий в книге также разнится. На тех страницах, где речь идет о начале службы Глинского в Афганистане, война предстает каким-то весьма бестолковым мероприятием, в котором и люди-то гибнут нелепо, по ошибке, по какой-то случайности. А в целом – народ непонятно чем занимается: то пьет водку, приобретенную у заслуженного артиста, подрабатывающего на алкоголе во время гастролей в Кабуле, то отрывается с девчонками-«интернационалистами»... Время от времени Глинский и его сослуживцы выходят в развед рейды. И тут уж как повезет – может, все пройдет тихо, может, кто-то подорвется на mine, поставленной своими же, а может, и подвиг совершат – захватят первый «Стингер», поставляемый афганским моджахедам западными негласными союзниками...

Сам Глинский в первой части романа вызывает мало симпатий. Генеральский сынок (хотя всячески подчеркивается, что связями папы он не пользуется), который женится без любви на дочери другого генерала, любит артистку цыганского театра, а попутно как-то случайно спит с домработницей... Склонен к позерству – один выход с галерки с гитарой, чтобы аккомпанировать своей цыганке, приехавшей с выступлением в Кабул, чего стоит!

И вот этот персонаж резко меняется. Во второй части, где герой оказывается в крепости Бадабер, мы видим умного, волевого, целеустремленного человека, готового отдать жизнь и отдающего ее. Во имя чего? И как мог безвольный позер переродиться? Возможно, в ответах на эти вопросы – ключ к восприятию романа. Глинский сам идет на смерть не ради пленных солдат – они гибнут вместе с ним. Может быть, ради Родины, забывшей его? Но не забыл ее он. Как не забыл свой солдатский, офицерский, человеческий

долг. «Книга о человеческом достоинстве и национальной чести» – так говорится в аннотации издателей. В сохранении человеческого достоинства видится выход из любых трудностей, опора в тяжелые времена, стержень, позволяющий выжить в нечеловеческих условиях.

Это обращение к лучшим человеческим качествам героя параллельно подкрепляется обращением к исторической памяти нации. Прямо ряд сцен, имеющих прообразы в нашей истории, не имеет отсылки к давним событиям. Но любой читатель, для которого исторические примеры не остались пустым звуком, вспомнит их. Футбольный матч с охранниками, позволяющий Глинскому сплотить одурманенных, потерявших надежду «шурави» в единую команду, нет, боевой отряд, вызывает в памяти знаменитый «Матч смерти», прошедший в 1942 году в оккупированном Киеве, когда наши футболисты разгромили команду фашистов. А сцена борцовского поединка Глинского с «пахлаваном» Парваном обращается к еще более давнему прошлому. Думается, ее прообразом послужил поединок Пересвета с Челубеем. Оба богатыря погибли, как погибли и составившие в Бадабере, унеся с собой не только жизни противников, но и уничтожив огромный склад боеприпасов вражеских войск.

Может быть, когда-нибудь мы узнаем, что на самом деле произошло в Бадабере. И как вошли в историческую память давние события, превратившиеся в мифы, так войдет в память нации и легенда крепости Бадабер, легенда, способная, по словам авторов, «на поколения вперед конденсировать память и электризовать совесть. Даже если мы поименно не узнаем, кому за это обязаны».

**Константинов А., Подопригора Б.
Если кто меня слышит.
Легенда крепости Бадабер.
М.: АСТ; Санкт-Петербург:
Астрель-СПб, 2013. – 509 с.**

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетияйнен
главный редактор

Елена Бермус
редактор отдела
прозы

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
редактор отдела
очерка и публицистики

Николай Трухин
художник

Александр Воронин
редактор отдела поэзии
и сайта журнала

Ирина Боякова
секретарь

Людмила Шанина
корректор

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Неёлов Евгений (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетияйнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)